

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1/96

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей (Вступительная статья Е. А. Осокиной) 3

СТАТЬИ

- А. Ю. Давыдов — Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) 24
И. В. Поздеева — Первые Романовы и царистская идея (XVII век) 41

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В. С. Парсаданова — Юзеф Пилсудский 53

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин — Записки для немногих. (Вступительная статья Б. Д. Гальпериной) 75

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 96

ПУБЛИКАЦИИ

- Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах. (Вступительная статья Ю. И. Кирьянова) 113

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- Б. П. Балувев** — Дело А. А. Лопухина 134

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. И. Еремин** — Так начиналась партия эсеров . . . 144
Г. Озелиус, М. Ю. Чуканов — Отец геополитики
о России как великой державе 147
М. И. Салоникёс — Самарская ученая экспедиция
1879 года 152

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Э. Э. Литаврина** — История Европы. От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). Т. 3 158
Л. И. Гинцберг — Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995) 161
Б. В. Левшин — Ю. П. Шарапов. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (1931—1941 гг.) . . . 164
Л. М. Энтин — М. В. Баглай. Дорога к свободе . . . 166
Л. П. Лалтева — А. А. Улунян. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига 1877—1878 гг. . 168
К. Е. Рогов — Г. А. Николаев. Англо-русский исторический словарь 169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- А. Е. Чекунова, А. И. Комиссаренко** — Дилетантизм в исторической хронологии 171
Р. Ф. Хохлов — Не подлежит забвению 174

Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей

Публикуемые письма адресованы руководителям высших партийных и советских органов: Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, Председателю СНК СССР В. М. Молотову, заместителю председателя СНК А. И. Микояну, секретарю ЦК А. А. Андрееву. Все письма имеют гриф «секретно», который получили при регистрации в ЦК и СНК. Какую же «тайну» они хранят? — Продовольственный и промтоварный кризис в СССР накануне Великой Отечественной войны.

Кризис был порожден целым комплексом причин. В качестве фундаментальных следует назвать подрыв экономики в результате форсированной индустриализации и насильственной коллективизации, а также создание экономической модели, практически лишенной материальных стимулов к труду и основанной на административном диктате. Ближайшими причинами, обострившими положение на рубеже 1930-х — 1940-х гг., были ускоренная милитаризация и массовые репрессии. Вступление во вторую мировую войну — вторжение в Польшу, начало ввода советских войск в Прибалтику и, особенно, советско-финская война — резко ухудшило и без того неблагоприятную ситуацию. Зима 1939/40 — весна 1940 гг. были апогеем кризиса: большинство писем относится именно к этому периоду. Однако, хотя положение летом несколько улучшилось, кризис не был преодолен ни в 1940, ни в 1941 году.

В письмах люди пишут о существовании карточек и норм на продукты и промтовары. Но, как известно, карточная система официально была введена только в июле 1941 года, уже после нападения Германии на СССР. Следовательно, необходимо пояснить о каких карточках и нормах идет речь в письмах. Прежде всего, даже после отмены карточек в 1935—1936 гг. нормирование основных продуктов и промтоваров в открытой торговле сохранялось. «Нормы отпуска товаров в одни руки» устанавливались СНК СССР. Далее, в условиях кризиса снабжения 1939—1941 гг. по решению Политбюро ЦК была создана система закрытой торговли и общественного питания для военнослужащих, работников НКВД, рабочих и служащих военно-промышленных объектов, железнодорожного транспорта, а также занятых на добыче стратегического сырья. По сути постановлений, вводившаяся закрытая торговля не являлась карточной системой, что специально разъяснялось в инструкциях, однако, острый дефицит товаров и продовольствия приводил к тому, что она стихийно перерождалась в карточную систему распределения. Более того, в условиях кризиса шло несанкционированное центром распространение карточной системы для

снабжения тех групп населения, которые не имели доступа к закрытой торговле. В этом случае карточки возрождались инициативой людей и санкциями местного партийного и советского руководства. Политбюро ЦК и СНК СССР, несмотря на обращения людей и местных властей не только не узаконили фактически существовавшую в стране карточную систему, но повели борьбу с ее распространением. Преодолеть же кризис Политбюро и СНК пытались принятием частичных экономических мер (повышение цен, сокращение норм продажи товаров, снижение экспорта и пр.) и административных санкций (разгоны очередей, заслоны против крестьянского отходничества и пр.).

Все письма рисуют поистине трагическую картину: полуголодное существование, отчаяние людей, обострение социальных конфликтов, угроза срыва производства и пр. В них звучат обвинения в адрес руководства СССР.

Какова была реакция высших органов власти и последствия? К сожалению, сведения об этом ограничены. Ясно, что после регистрации в ЦК и СНК машинописные заверенные копии этих писем (редко в сопровождении рукописного оригинала) передавались в Наркомторг СССР. Наркомторг посылал своих представителей на места для проверки фактов и принимал меры (дополнительные фонды товаров, санкции против спекулянтов, и пр.) Сведений о репрессиях, предпринимаемых против авторов писем, не найдено. Исключение составляет письмо школьника Бориса Морозова, о чем специально говорится в комментариях.

Письма интересны не только тем, что позволяют реконструировать обстановку в СССР накануне Великой Отечественной войны, они несут информацию о людях, которые их написали. Авторы писем — частичка предвоенных поколений. Не претендуя на широкие обобщения (десяток писем не позволяет этого делать), можно отметить все же некоторые немаловажные черты в «портрете» общества того времени.

Прежде всего следует сказать, что авторы публикуемых писем — вполне определенная группа людей. Хотя они критикуют и даже порой ругают существовавшие порядки, тем не менее они обращаются к власти как к «своей народной», которая бездействует либо от незнания, либо от недооценки сложившейся ситуации. (Только два письма анонимны). Авторы убеждены, что правительство не только может, но и должно помочь людям. Признание власти «своей», законной предопределило форму обращения к лидерам, а также систему аргументации — ссылки на авторитеты, освященные этой властью (Маркс, Ленин, Сталин, Краткий курс истории ВКП(б) и пр.).

Интересно, как люди объясняли причины кризиса. Некоторые обвиняли войну, внешнюю торговлю («японцу сдаем моря в аренду», хлеб немцам), плохую работу местной и (реже) центральной власти, но в большинстве случаев, вполне в духе пропаганды того времени, причина бед виделась во вредительстве. Есть и прямые призывы к расправе с врагами народа «как было в 1937 г.»

Обращают на себя внимание политэкономические представления авторов. Даже в этой небольшой подборке писем многие авторы называют причиной товарного кризиса свободную торговлю. В то время как свободная торговля отождествлялась ими со спекуляцией, плановая социалистическая торговля — с карточной системой. Авторы писем верят, что с помощью постановлений можно диктовать цены на свободном рынке, например, заставить крестьян продавать в условиях острого дефицита продукцию на рынке по низким государственным ценам. Искаженные экономические представления — не только часть обыденного сознания людей, но и часть официальных политэкономических воззрений и практики тех дней. Вспомним, хотя бы, кризисы хлебозаготовок, вызванные во многом тем, что крестьянство принуждали сдавать продукцию по убыточным ценам. В одном из публикуемых писем говорится о попытке Казанского горсовета устанавливать цены на колхозном рынке. Результат был вполне предсказуем: колхозники решили «не возить в город». Политэкономические

утопии, приводя к кризисам, обходились обществу дорого и уступали место экономической целесообразности медленно.

Большинство публикуемых документов — машинописные заверенные копии. Только в нескольких случаях вместе с копиями в архиве находятся оригиналы писем. В настоящий момент эти документы хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) (ф. 7971, оп. 16, д. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83). Выражаю глубокую благодарность сотрудникам РГАЭ за помощь в работе. Особая моя признательность — директору архива Е. А. Тюриной.

При подготовке к публикации стиль авторов сохранен, явные описки и опечатки исправлены, текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации. Недописанные и сокращенные слова, уточнения авторского текста даются в квадратных скобках.

Письма, не содержащие даты написания, датируются по времени поступления в центральные органы власти или по сопроводительным документам. Публикация подготовлена Е. А. ОСОКИНОЙ.

1. С. Абуладзе — В. М. Молотову.

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение Москвы. Снова очереди с ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы. На рынке все есть, но тоже мало и по четверной цене. Что касается ширпотреба, то в бесконечных очередях стоят все больше неработающие люди, какие-то кремневые дяди и дворники, ранние уборщицы или незанятые. Сейчас — колхозники, которые часто складывают кушленное в сундуки как валюту. Как быть служащему человеку? У нас нет времени часами стоять в очередях или платить бешеные цены на рынке. Вячеслав Михайлович! Неужели нельзя урегулировать снабжение продовольствием и ширпотребом? Просим Вас как нашего депутата содействовать ликвидации всяких махинаций и бескультурия в снабжении, ведь очереди развивают в людях самые плохие качества: зависть, злобу, грубость, и изматывают людям всю душу.

С совершенным уважением С. Абуладзе

19 Декабря, 1939 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 77, л. 207—208. Подлинник.

2. Б. И. Морозов — А. И. Микояну.

Дорогой Анастас Иванович!

Вот уже несколько раз перечитывал я Вашу речь на XVIII съезде ВКП(б). Сколько ценных знаний взял я из нее. Читая Вашу речь, я во многом убедился, в чем еще сомневался или хорошо не представлял, много чего понял, во многом нашел подтверждение тому малому, но правильному пониманию мною жизни, на рельсы которой я еще только становлюсь. Иногда я прямо таки восхищался. Уж так, ну как Вам сказать, бьете Вы в самую точку. Ну разве не воскликнул я «правильно», когда читал об «универмагах, крупнейших, чем в Америке», которые в данный момент действительно не подходят. Разве не вырвалось из моих уст — «Ах, вот как!», когда я узнал, что недостаток товаров текстильной промышленности является результатом отставания некоторых ее областей. Кто посмеет отрицать факт о «холостых выстрелах», который Вы так правильно подметили, который я сам наблюдал в своей школьной жизни, но он не доходил до моего сознания¹.

Вообще, открыто сказать. Ваша речь послужила кладом для моих знаний. Если бы было время, я рассказал бы Вам о моей жизни, о том, как бросил меня отец, о том, как я учился, как начал читать книги и как роднили

Осокина Елена Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

они меня с миром. Извините, последнее выражению не мое. Я его где-то слышал или вычитал. Кажется в сочинениях Гюького. Написал бы Вам о том, как много и часто приходилось мне рассказывать неграмотным соседям о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане, о конфликте в районе озера Буир-Нур в МНР, об англо-франко-советских переговорах, договоре о ненападении с Германией, о пактах взаимопомощи с Прибалтийскими странами, о II мировой войне и вообще об империалистических войнах, о надеях ² в Финляндии и о пр.

Приступим к цели. Что заставило меня писать это письмо? На этот вопрос я отвечаю так — безобразие, которое творится в нашей стране. Ответ не очень-то приятный, но считаю его правильным. Дело в том. Когда не было крупы, я говорил маме, «крупа будет», когда не стало сахара я сказал маме — «сахар будет. Не должно быть, чтобы в нашей стране не было сахара!» Дальше. Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая как много было ее раньше. Я сказал, что мануфактуры нет, потому что наша страна переживает разруху, нанесенную ей империалистической и гражданской войнами. К тому же, и царская Россия была не очень-то развитой. В ответ на это она сказала: «Не развитая, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали!» Я сослался на возросшую потребность, на широкого потребителя. Но сам подумал: «А и вправду в царской России индустрии совсем не было, сейчас мы ее построили. Текстильная ж промышленность была, а все-таки она не удовлетворяет нашего потребителя. Виной этому я считав малое внимание ЦК ВКП(б) и СНК. Почему бы, например, не поставить текстильную промышленность наряду с черной металлургией и не заботиться о ее росте. Но это я уже здорово отвлекся.

Да, в конце разговора я сказал матери, что не дождемся мы и конца 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактуры сколько хочешь. Но вот прошла 2-я пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались — мануфактуры не было и нет. Привезут ее иногда — народ давится. Почему ж нет рыбы, дык <так> я и сам не придумаю. Моря у нас есть и остались те же, какие были и прежде, но тогда ее было сколько хочешь и какой хочешь, а сейчас я даже представление потерял, какая она на вид. А между прочим японцу сдаем [моря] в аренду, чтобы он угнаивал рыбой свои поля. Наконец, где девался хлеб? Кажется и собрали мы 6 млрд. пудов зерна ³. Посчитаешь по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже 2 месяца как нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области, или по всей стране. А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Дальше, в газетах пишут, что во Франции, Англии, Германии буржуазия уводит <отменяет — ?> карточную систему, которой недоволен пролетариат ⁴. А у нас в стране, где победил пролетариат, в стране, на полях которой проливали кровь наши отцы и матери, сейчас вводится настоящая карточная система — железнодорожники и станционные рабочие (грузчики и другие) выписывают (хлеб) из Гомеля (наверное для всего народа), получают его по карточкам (личностям), посылая ко всем чертям посторонних, педагогов, получают хлеб из своего буфета и пр. ⁵. И кто им только давал право позорить страну! Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы — капиталистическая и социалистическая. Нет, при таких порядках и при таких достатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!

Прошу Вас, дорогой Анастас Иванович, ответьте мне на все вопросы: почему нет мануфактуры, крупы, рыбы, обуви, сахара, конфет, спичек, почему не стало хлеба? С нетерпением жду ответа. Морозов. Мой адрес — БССР Гомельская область, ст. Буда-Кошелевская, Сталинская школа № 1, уч. 9-го класса «А» Морозову Борису Ивановичу ⁶.

Написано не ранее декабря 1939 г. и не позднее февраля 1940 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 76, л. 169—170. Заверенная копия.

3. Зюздинцев — В. М. Молотову.

Дорогой Вячеслав Михайлович!

Начиная с Декабря 1939 года на нашем Лесозаводе № 6 треста «Горьктранлес» создались затруднения с продуктами питания, особенно с хлебом. Эти затруднения получились из-за недостаточного количества выпекаемого хлеба. В данное время:

1. Установлена выдача хлеба в цехах по спискам с нормой 500 гр. на едока и при этом остаются без хлеба ежедневно до 60 человек рабочих. Все это нарушает директивы о советской торговле и создает нездоровые настроения у рабочих. Получилась своеобразная, неоформленная карточная система. Такая продажа хлеба вызвана необходимостью, а именно:

а) Если продавать хлеб без списка в магазине по 2 кг⁷ в каждые руки, то число оставшихся без хлеба значительно увеличится, так как многие будут заходить и брать несколько раз.

б) Будут брать хлеб в большом количестве члены ближайших колхозов.

в) Образуются громадные очереди, так как, зная, что кто-то должен остаться без хлеба, каждый будет стремиться занять очередь раньше других.

2. В толовых предприятиях отпускается только по 200 гр. хлеба, и то с обедом. А если рабочий берет чай, то хлеба не дают и при этом большинству рабочих не хватает хлеба к обеду. Те, которым не досталось хлеба, едят щи, а вместо хлеба берут кашу. Это также вызывает недовольство, доходящее до скандала, и вредно отражается на производстве. Например: 14 Января с. г. бригада рабочих с подачи сырья не имела возможность получить хлеб к обеду. Поднялась ругань и споры. В результате, которые рабочие остались без обеда, опоздали выйти с обеда на 15 минут, а завод простоял из-за неподачи сырья.

3. В течение месяца выпекается только ржаной хлеб, так как он дает больше припека. При недостатке сахара, круп, масла страдают от этого больше всего маленькие дети.

4. Продажа муки совершенно прекращена. Положение создалось тяжелое, требующее вмешательства вышестоящих Советских органов, т. к. все наши ходатайства перед областью не дали полного разрешения. В декабре даже была телеграмма за № 17: «В виду отсутствия фондов муки выделить дополнительно не можем». Зам. пред. Облисполкома КУЗНЕЦОВ.»

Районные организации не в состоянии помочь нам и, кроме того, отдельные работники района ориентируют на рынок, где мука бывает очень редко и то по очень высокой цене. Если же потребление переключится на рынок, то с увеличением спроса на муку, еще больше возрастет цена. Затруднение в хлебе вызвано тем, что наш рабочий поселок по отпуску фондов отнесен областью к сельской местности и установлен месячный фонд 50 тонн в месяц, тогда как по данным Райтрансторгпита потребность в среднем выражается 70 тонн в месяц. Эти 50 тонн муки расходуются на 5000 (работающих из них на нашем лесозаводе и Лесопристанн «Гольши» 1700 человек), что, конечно, недостаточно для удовлетворения спроса на хлеб, т. к. из этих же 50 тонн муки идет на 2 детяслей, 2 школы, 2 родильных дома и также снабжаются местные предприятия, как мастерские Местпрома.

У меня зародилось сомнение нет ли в создании этих затруднений злой руки, направленной на создание недовольства. Несоветски настроенные элементы используют затруднения. Например, 15 января на общем собрании рабочих, работницы Тэппер и Калашникова, мужа которых сидят за контрреволюционную деятельность, заявляют: «Если так будут кормить, то не скоро из колхоза кинутся». (Речь шла о притоке рабочих на завод). «В 1939 г. не кормили так вот выполняли программу». «Если так будут кормить, то нарабotaем». Хлеба вот не досталось, я теперь вешать ребят буду», «У меня приварок какой, одну картошку мелкую варю. Все хлеб на уме, а не выполнение», и т. д.

Прошу Вас, Вячеслав Михайлович, вмешаться в это дело и принять меры, обеспечивающие ликвидацию этих затруднений со снабжением

рабочих нашего завода и Лесопристаны «Гольши». Необходимо установить месячный фонд муки на хлебопечение 70 тонн в месяц. Надо сказать, что коллектив нашего завода работает неплохо.

Мы выполнили годовую программу 3/ХП—39-г. Дали стране сверх плана за 1939 г. 9000 м. куб, пиломатериала. Заводу вручено Областное переходящее красное знамя. Наш завод — передовой завод по области,

Адрес: п. Гольши, Шарьинского района, Горьковской области. Лесозавод № 6 Треста «Горьктранлес», УОЛЕС — НКПС.

25 Января 1940 С ком. приветом.

Зам. Начальника Лесозавода № 6 Зюздинцев.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 77 л. 142—143. Подлинник.

4. Рабочий Алапаевского металлургического завода Свердловской области С. В. Ставров (сортопрокатный цех). — ЦК ВКП(б).

С первой декады декабря 1939 года мы хлеб покупаем в очередь, в которой приходится стоять почти 12 часов. Очередь занимают с 1 и 2-х часов ночи, а иногда и с вечера. Мы с женой оба работаем и имеем 3-х детей, старший учится. Часто по 2—3 дня не можем купить хлеба. Утром зайдем очередь, уйдем на работу, с работы зайдешь — очередь перевернули⁸. Чаще бывает, когда пшеничный хлеб — никак не купить. Очередью руководят домохозяйки. Они первые покупают, промтовары, продукты, а ржаной хлеб не берут, но пшеничный не пропустят. Так делают в рабочем городке. Хлеба забрасывают достаточно, но люди делают запас на случай войны и скот поддерживают. Муки в магазинах нет, а у колхозников пшеничная — 50 руб. пуд, ржаная — 35 руб. В январе был холод на 50 градусов. Приходишь с работы, вместо культурного отдыха в такой мороз идешь в очередь и, невольно вытекает вопрос — лучше иметь карточную систему, чем так колеть в очередь.

На нашем поселке им. А. М. Горького нет ни радио, ни электричества. На производстве нет спецодежды, а особенно, рукавиц. Работаем почти голоруком. Дают барахло, хватает на одну смену, и то редко. Отсутствие спецодежды администрация объясняет перегруженностью транспорта военным грузом. По-моему, свою неповоротливость прикрывает этим фактом.

С 8/1—40 г. почта не стала обслуживать наш поселок. За каждым номером газеты ходим сами. Я полагаю ЦК нашей партии примет меры по перечисленным мною фактам,

Привет тов. Сталину! С товарищеским приветом Ставров.

27/1—40 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 79, л. 165. Заверенная копия.

5. И. Н. Фролов — А. А. Андрееву

Андрей Андреевич!

В связи с войной между СССР и Финляндией за которой стоит весь капиталистический мир, естественно и неизбежно ухудшилось снабжение населения предметами первой необходимости. Но за последнее время, особенно с декабря 1939 г. и по настоящее время, у нас на Урале происходят ежедневные перебои с хлебом, вызывающие большое недовольство среди населения. Это недовольство проникает и на производство, и в учреждения, и вместе с мобилизованными в нашу Красную Армию. Все это не может не отразиться на нашей боеспособности, так как от крепости тела зависит и крепость фронта.

Бывая ежедневно в очередях за хлебом слышишь от населения такие слова: «Неужели не знает наше правительство, как мучается народ, простаивая по многу часов ежедневно в очередях за хлебом? Ввели бы карточную систему и получал бы каждый, что ему полагается, не создавая очередей». У нас в стране сейчас основой основ и валютой валют является хлеб, которого у нас в Тагиле выпекается ежедневно больше чем, скажем, в октябре 1939 г., а доставать его стало во много раз труднее.

Следовательно, мы драгоценные фонды растраниживаем, да еще создаем недовольство среди населения. Хотя у нас в стране запасы хлеба

и большие, но ведь мы не знаем сколько еще продлится война и не знаем ограничится ли она только с Финляндией? А если принять во внимание нашу редкую сеть железных дорог, а, следовательно, и транспортные затруднения, то и выходит, что мы должны соблюдать строжайшую экономию в снабжении.

Посмотрите, такая богатейшая страна, как Англия, и то ввела у себя карточную систему на некоторые продукты.

К тому же перебои в снабжении продуктами первой необходимости создали огромную непроизводительную армию. Каждая семья, чтобы не остаться голодной, старается занять «домашнего завхоза», которых по одному Тагилу — не одна тысяча, а производство ощущает острый недостаток в рабочей силе⁹. А с введением карточной системы по категориям труда, все эти «завхозы» придут на производство, так как если они останутся вне производства, то соответственно будут получать уменьшенный паек.

Создавшееся военное положение настоятельно требует введения планового и организованного снабжения, и чем скорее, тем лучше. Я это говорю как истинный патриот нашей советской родины, завоевывавший с оружием в руках нашу родную рабоче-крестьянскую власть в рядах ивановских текстильщиков, являясь текстильщиком и сам.

Прошу Вас, Андрей Андреевич, внести этот вопрос на рассмотрение ЦК нашей партии.

Член ВКП(б) с 1924 г., партбилет № 0397154 И. Фролов

Мой адрес: г. Н. Тагил Свердловской области, Старобазарная ул., № 62, школа № 29. Народный учитель Фролов Иван Николаевич¹⁰.

26 января 1940 года.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 83, л. 213. Копия.

6. Т. Макаренко — И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам как самому близкому другу и отцу. За последнее время у нас в городе, примерно с декабря месяца, вызвано необыкновенное явление. Наш город является городом военным. Но с этого момента снабжение города, по сравнению с другими городами, чуть ли не последний стал. Цены доходят до ужаса. Так, например масло коровье — от 75 руб. до 90 руб. кг, мясо — 25 руб. Картошка — от 6 руб. до 8 руб. 50 коп. Капуста — 5 руб. Бурак — 5 руб. Кура — 35—55 руб. Гусь — 90—120 руб. Яблоки — 14—20 руб. Яички — 30—35 руб. десяток. Это — цены рыночные¹¹. Если имеется в магазине по твердой цене, то не достать работающему, т. к. здесь давка и один ужас делается, драка. Какое озверение человека. Имеются закрытого типа магазины, где имеем книжки заборные, как в военном заводе 201 и: др. Но и здесь не лучше картина. В течение квартала можно пустую книжку сдать, не взяв ничего. Особенно отражается это там, где муж и жена работают, а дети воспитываются в яслях. Здесь, откровенно говоря, ничего не достанешь. В то время, как бы надеясь, что хоть в течение квартала какую юбку или ребенку что-либо достать можно. Но — нет. Характерный случай. Магазин завода 201 № 5 по улице К. Маркса. За то, что рабочий хотел достать колбасы, его задавили самым настоящим образом. И когда он скончался тут же в магазине, то никто уже не решился брать колбасу, так как мертвец лежал в магазине. И вот приходится удивляться, что наша местная власть как-то благодушно относится к этому. Милиция совсем бездействует. Она не обращает внимания на то, что очередь создают с вечера и на 6 часов утра очередь принимает колоссальные размеры, 300—350 номеров порядковых. Неужели нельзя завербовать ближайšie колхозы для ввоза продуктов, так как получаемой ставки не хватает из-за подобных цен. Картофеля, по 50 коп. твердой цены, не видать и не слышать. Мясо по карточке в выходной день не достать, так как очередь колоссальная. Борьба со спекуляцией слишком слабо ведется. Хлеб — основное. До января говорили, что перерасход и с нового года прекратятся эти безобразия. Однако так они не прекратились и только вызывают неприятные разговоры среди всего населения.

Я все же думаю, что если мы имеем книжки на руках, в течение квартала должны получить полагаемое нам. А не то, что кто смел, говорят, съел, а другие — ничего. И борьба с взвинчиванием цен должна иметь предел. Ведь невозможно так поступить, что если жена, предположим, не работает, то едет в Симферополь — Джанкой. Здесь покупает по одной цене, а в Севастополе кожу дерет в 10 раз. И на это должно быть самое серьезное внимание обращено наших хозяев. И милиция должна обращать внимание на такие поступки, как с вечера очереди занимать.

Я думав, что, Иосиф Виссарионович, Вы нас не оставите без внимания. Так писать Вам бояться. Так среди работниц был разговор — нехорошо писать тов. Сталину, может попасть. За что? Я бы хотела знать. За то, что, Вы проверьте, точно так есть, как я пишу. Так что нашей зарплаты никак не хватает с такими ценами. Если в магазине появляются крупы, засыпки, мука — невероятное, что делается. Все же необходимо перестроить работу наших хозяев. Ведь часть продуктов вполне хватает у нас в Крыму, а мы их не видим. Молоко — 6 руб. литр. Это один ужас. Ребятам готового платья нет совершенно от 2-х до 6—7 (лет). И таких мелочей слишком много, а выполнения слишком мало.

Что, дорогой тов. Сталин, ожидаем, что Вы дадите соответствующие указания на ликвидацию подобных явлений. Есть, однако, среди массы слухи, поскольку город наш военный, то выселить лишнюю публику нет мочи сразу, а вот такой дороговизной она уйдет сама. Это — ясно работа классового врага. Если есть, то есть органы, которые не должны стесняться, а мы, рабочие, не должны пропадать из-за этого.

С приветом. Просим, обратите серьезное внимание на все явления.

Т. Макаренко.

Письмо пущено из г. Севастополя.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 78, л. 161. Заверенная копия.

7. Аноним — В. М. Молотову

Тов. Молотов! Я — рабочий завода «Красный Профинтерн» г. Орджоникидзеград Орловской области. Кандидат партии. Я хочу описать состояние города.

Тов. Молотов, Вы в своем докладе говорили, что перебоя с продуктами не будет, но оказалось наоборот¹². После перехода польской границы¹³ в нашем городе не появлялось ряда товаров; вермишель, сахар, нет вовсе сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет, кроме рынка. Город вот уже четвертый месяц находится без топлива и без света, по домам применяют лучину, т. е. первобытное освещение. Рабочие живут в нетопленых домах. На дровяном складе нет дров. Мой хозяин вот сегодня уже сороковой раз идет на склад, по дрова. На склад рабочих ходят ежедневно тысячи. Это только сказать легко, живем в лесу, а дров нет. Дальше, самый важный продукт, без которого не может жить рабочий, это хлеб. Хлеба черного нет, рабочий берет для обедов с супом баранки и хлеб по 3 руб. 60 коп. У рабочих настроение повстанческое.

Тов. Молотов, рабочие могут терпеть, но терпение скоро может лопнуть. Маркс писал, «что бытие определяет сознание». Тов. Молотов, наш депутат Нарабанов ничего решительно не делает, только сидит в кабинете. Тов. Молотов, надо выслать комиссию с ЦК рассмотреть срочно это дело.

Мой вывод — здесь вредит шайка вредителей, разыгрывают недовольства мои. А недовольство на сегодняшний день велико. Надо срочно и срочно взяться за это дело. Промышленный район остался без хлеба, это дело не так. Наши члены партии боятся сказать на собрании, а сами говорят по закоулкам, а недовольство масс <растет>. Так продолжать не следует.

Поступило в Наркомторг СССР 8.1.1940

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 77, л. 196. Копия. Анонимно.

8. Г. С. Бастынчук — И. В. Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Извините за беспокойство, но разрешите высказать Вам свою мысль.

Возможно, что она неправильна, но мне думается, что свободная торговля в стране Советов не соответствует социалистической структуре, тем более при нынешнем запросе потребителя.

Я думаю, что для Вас не секрет, что многие у нас кричат во всю глотку, что у нас всего много и все можно купить в любом магазине нашего Союза. На самом деле, не совсем правильно, и, по-моему, эти возгласы исходят от тех преступных элементов, для которых свободная торговля является доходной статьей разгульной жизни. Спрашивается, почему примерно гр. Бастынчук — рабочий с 14-летнего возраста, с производственным стажем 17 лет, с небольшой семьей в 3 человека, с зарплатой 500—600 рублей в месяц, не пьяница, не картежник — не может при свободной торговле, в течение четырех лет купить хотя бы метр ситца или шерстяного материала! Разве он не нуждается в этом? Или не в состоянии? Нет, не в этом дело. Причина кроется в свободной торговле, от которой честные труженики в очередях попусту задыхаются, а преступный мир, сплелся с торгующими элементами, и хотя «скрыто», но зато свободно — безучетно, разбазаривают все что только попадает в их распоряжение для свободной торговли. И на этой преступной спекуляции — устраивают для себя все блага жизни.

Мне кажется, что вопросом свободной советской торговли надо заняться немедленно и построить, и организовать ее также на социалистических началах — планировании и точном учете, чтобы мы, граждане Советского Союза, могли иметь действенный рабочий контроль, и правильную отчетность в распределении жизненных потребностей человека.

Пусть стыдятся враги народа, прислуги капитализма, ибо в капиталистической системе это невозможно сделать, а у нас в стране Советов, стране, строящей коммунистическое общество, на основах плановости, равноправия и точном: учете, все можно сделать, не исключая и советскую торговлю, что осуществимо при карточной или вроде ее систем.

Пусть для этого дела увеличится аппарат распределительно-торгующих организаций, но мы будем уверены, что удалим тысячи спекулянтов и связанных с ними тысяч преступных работников нынешней свободной торговли. Кроме этого мы будем уверены, что каждый гражданин СССР получит столько, сколько ему нужно и положено получить на такой-то промежуток времени. И не будет у нас того, чтобы одни делали запас на 20 лет вперед, а другие нуждались на сегодняшний день¹⁴.

За такую гарантированную плановую распределительную советскую учетную торговлю, я более чем уверен, поднимут руки все честные труженики нашего Советского Союза. Надеюсь, в получении письма известите. Рабочий мехцеха № 2 Автозавода им. Молотова Бастынчук Григорий Савериянович Адрес: г. Горький, 4, Комсомольская улица, д. 11-а, кв. 1.

4.1.1940 года.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 77, л. 82, 83. Заверенная копия.

9. П. С. Клементьева — И. В. Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я домохозяйка. В настоящее время живу в г. Нижнем-Тагиле по ул. Дзержинской д. 45 кв. 10. Прасковья Степановна Клементьева. Имею мужа и двоих сыновей, возраст 3,5 года и 9 месяцев. Муж до выборов в депутаты Советов работая в Сталинском райсовете в должности зав. отд. кадров. После выборов, нашли что должность можно упразднить — уволили. Но это ничего. Сейчас он, т. е. с 25.1—40 г. устроился в Осоавиахим, инструктором. Это тоже не плохо, я очень довольна, что он на военной работе. Я всю жизнь стремлюсь изучить военное дело, но у меня положение неважное, двое маленьких ребятишек, кроме мужа никого родных и родственников не имею, значит и ребят оставить совершенно не на кого. Правда, постарший сын у меня ходит в садик № 4, где хорошо поправился и хорошо развивается, а вот с меньшим Боренькой положение очень серьезное. Кормить ребенка совершенно нечем. Раньше хотя при консультации работала молочная кухня. Теперь она закрыта. Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селедка, изредка если появится

колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности.

Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного хлеба, белого достать очень трудно. Я уже не говорю за людей, но скажу за себя, я настолько уже истощала, что не знаю что будет дальше со мной. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой, а ребенок только на одной груди, молока нигде не достанешь. Если кто вынесет, то очередь не подступиться. Мясо самое нехорошее — 15 руб., получше — 24 руб. у колхозников. Вот как хочешь — так и живи. Не хватает на существование, на жизнь. Толкает уже на плохое. Тяжело смотреть на голодного ребенка. На что в столовой, и то нельзя купить обед домой, а только кушать в столовой. И то работает с перерывом — не из чего готовить. Иосиф Виссарионович, от многих матерей приходится слышать, что ребят хотят губить. Говорят затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом. Ну как выйти из такого положения уже не могу мыслить. Очень страшно, ведь так хочется воспитать двух сыновей. И к этому только стремишься — воспитать, выучить. Я и муж поставили перед собой задачу — старший Валерий должен быть летчиком, меньший Боренька — лейтенантом. Но вот питание пугает и очень серьезно. Иосиф Виссарионович, почему это так стало с питанием плохо. Кроме того, еще сегодня объявили, что пельмени были 7 руб. теперь будут 14 руб., колбаса была 7 руб., теперь — 14 руб.¹⁵ Как теперь будем жить? По-моему, Иосиф Виссарионович, здесь есть что-то такое. Ведь недавно было все и вдруг за несколько времени не стало ничего, нечем существовать дальше. Иосиф Виссарионович, лучше бы было по книжкам. Я бы хотя получила немного, но все бы получила, а за спекулянтами не получишь. Они целыми днями пропадают в магазинах.

Иосиф Виссарионович, может быть еще где есть нехорошие люди и вот приходится так страдать. Напишите мне, Иосиф Виссарионович, неужели это будет такая жизнь. Совершенно нечего кушать. Вот уже 12 часов дня, а я еще ничего не ела, обежала все магазины и пришла ни с чем. Иосиф Виссарионович, жду ответа, не откажите написать.

Клементьева П. С.

Поступило в ЦК ВКП(б) 2 февраля, 1940 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 77. л. 98, 99. Заверенная копия.

10. С. Мелентьев — А. А. Андрееву.

Дорогой Андрей Андреевич!

Еще раз прошу прочесть мое письмо, так как на посланное мною Вам письмо от 13 января с. г. ответа не получил и не чувствуется никакой его действительности. Второй раз ставлю Вас в известность об исключительно катастрофическом состоянии дела торговли в <Нижнем>-Тагиле (Свердловская область). На 180 тысяч населения городу вместе с сельской местностью на февраль установили лимит на муку в 2680 тонн. Это только на выпечку хлеба, хлебо-булочных и мучных изделий для торговой сети и треста столовых. И ни одного килограмма муки для продажи.

Вот уже больше месяца в Н.-Тагиле у всех хлебных магазинов массовые очереди (до 500 и больше человек скапливается к моменту открытия магазинов). Завезенный с ночи хлеб распродается в течение 2—3 часов, а люди продолжают стоять в очереди, дожидаясь вечернего завоза. И так некоторые покупатели стоят с 4—5 часов утра до 6—7 часов в очереди и только после этого смогут купить два килограмма хлеба. Повторяю еще раз, что хлебом в Тагиле торгуют утром часа 2—3 и вечером также часа 2—3. Вот и все часы торговли хлебом. Крупы разной в январе продали 27 тонн. Это на 180 тысяч населения! В феврале крупой еще не торговали. В магазинах кроме кофе ничего больше не купить, а за всеми остальными видами продуктов массовые очереди. Ежедневно в магазинах ломают двери, бьют стекла, просто кошмар. Трудно даже все происходящее описать. Некоторые торгующие организации приспособляются торговать хлебом в производ-

ственных ларьках и получается то, что вместо работы — люди стоят в очереди в рабочее время.

Постановление ЦК ВКП(б), ВЦСПС и правительства утеряло на этих предприятиях всякую силу. Люди, нарушившие его, простоявшие 2—3 часа в очереди в рабочее время, никем не наказываются.

Особо хочется описать такой момент — в Тагил приехало более 2-х тысяч бывших безработных из Западной Белоруссии. По указанию горкома ВКП(б) и горсовета, хлеб, сахар, мануфактура, обувь продаются им без очереди. Приходят в магазин жители Тагила, им в продаже всего этого отказывают. Часто бывает так, что белорусы начинают убеждать продавцов, чтобы они продавали сахар для детей, но их убеждения для продавцов не закон. Они имеют приказ не отпускать тагильчанам. Эта мера, хотя и временная, но вредная.

Пару слов о столовых. В городе осталась единственная общедоступная столовая № 11 и ресторан гостиницы «Северный Урал». Столовую № 5 отдали воинской организации. Это — бесспорно дело нужное. Столовую № 17 сделали закрытой для рабочих завода имени Куйбышева, закусочную треста столовых, пельменную Мясокомбината, детскую кухню закрыли. Просто кошмар, а об очередях в столовой № 11 я уже не пишу — один кошмар.

Не могу не описать положение с животноводством в районе. По данным переписи в нашем районе поголовье рогатого скота уменьшилось на 48%¹⁶. Это в районе, имеющем скот знаменитой породы «Тагилка». Это показатель на 1 января, а сейчас процент этот увеличился. Совхоз «Леневка» имеет крупного рогатого чистопородного скота 500 голов, а кормов не имеет, ни одного килограмма. Скот кормят концентратами, силосом или он стоит голодным. Начался падеж, пало 11 голов. Совсем нет грубых кормов в колхозе им. Сталина. Каждодневно секретарь горкома, председатель исполкома занимаются тем, у какого колхоза или совхоза взять корма и прокормить голодный скот.

Нет совершенно грубых кормов у Уралмехлесопункта, а он имеет 150 лошадей. Все меры принимаются на месте к тому, чтобы спасти скот в Тагиле, о продуктивности же его нечего и говорить. Молока на многих фермах надаивают столько, что его еле-еле хватает телятам.

Тагил нуждается в заброске 1800 тонн грубых кормов до конца стойлового периода и если этого не будет сделано, оставшийся скот погибнет. Внутри района этого количества кормов нет. Я не говорю уже о скоте, который находится в личном пользовании рабочих. На 1 января 1938 года у рабочих было 8711 коров, а на 1 января, как я уже Вам писал, осталось только 4488. Из этого количества к концу стойлового периода останутся в наличии единицы.

Положение исключительно тревожное, и мне кажется очень странным то, что ЦК ВКП(б) не вмешивается в дела тагильские. А вмешаться, тов. Андреев, нужно, потому что областные организации медлят с оказанием помощи району.

Очень прошу сообщить, получено ли мое письмо, посланное в Ваш адрес 13.1.40.

Член ВКП(б), п/б № 0396993. С. Мелентьев

Н. Тагил, Свердловская обл., редакция «Тагильский рабочий».

9.2.40

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 83, л. 201—203. Заверенная копия.

11. В. Игнатьева — ЦК ВКП(б)

Уважаемые товарищи!

Я хочу рассказать о том тяжелом положении, которое создалось за последние месяцы в Сталинграде. У нас теперь некогда спать. Люди в 2 часа ночи занимают очередь за хлебом, в 5—6 часов утра в очереди у магазина — 600—700—1000 человек. Когда вечером возвращаемся с работы, в хлебных магазинах хлеба уже нет. По вечерам они совершенно не торгуют хлебом. В центре Сталинграда имеется хлебный рынок, но там тоже ларьки закрывают в 7 часов вечера и не всегда бывает хлеб.

В городе нет дежурных магазинов, которые бы торговали до 3—4 часов ночи. Спрашивается, когда же рабочему человеку покупать хлеб и может ли он, особенно женщины-матери, оставлять детей на весь день голодными без хлеба и сами вынуждены работать натошак, не считая того, что перекусишь немножко в цеховой столовой, да и здесь хлеб к обеду не всегда подают.

Вы поинтересуйтесь, чем кормят рабочих в столовых. То, что раньше давали свиньям, дают нам. Овсянку без масла, перловку синюю от противней, манку без масла. Сейчас громадный наплыв населения в столовые, идут семьями, а есть нечего, никто не предвидел и не готовился к такому положению.

На рынке у нас творится что-то ужасное. Мясо кг стоит 25—30 руб., картофель — 50—60 руб. ведро. Кислая капуста — 3 руб. блюдечко, пшено — 2 руб. 50 коп. — 3 руб. стаканчик, яйца — 15—16 руб. Молоко — 7—8 руб. литр и т. д. Рынок, т. е. торговля продуктами первой необходимости, вся находится в частных руках.

Допустимо ли при социалистической системе государства, чтобы на рынке орудовали частники?

Мы не видели за всю зиму в магазинах Сталинграда мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, молока по государственной цене. Возмутительнее всего, что частники треплют наши нервы, как хотят. Цены повышают ежедневно, совершенно не торгуют вразвесную на весах. Капусту трусят ложечкой в малюсенькое блюдечко, это за 3 рубля. Картофель на 5—6 руб. сыпят в обрезную консервную банку, кислое молоко продают 1 руб. 70 коп. за граненый стаканчик, а не на литр. Если наш обком ВКП(б), облисполком, торгующие организации не умеют выполнять решения XVIII партсъезда о снабжении населения своей области, то ЦК ВКП(б) необходимо крепко заставить их выполнять свои решения.

Они даже не могут такого пустяка добиться — обязать продавать все продукты государственной мерой — килограммами и литрами. Наверное скоро наперстки пустят в ход хитрые спекулянты, если они уже пустили в ход стаканы и блюдечки и нагло выжимают с нас последнюю копейку.

Спрашивается, где же рабочему человеку брать денег на прожитие. Зарабатываем в день 7—10 руб., а прожить — надо 20—25 руб. Почему же нам никто не соберется повысить ставки, а с нас везде берут в тридорога.

У нас в магазинах не стало масла. Теперь также, как в (бывшей) Польше, мы друг у друга занимаем грязную мыльную пену. Стирать нечем и детей мыть нечем. Вошь одолевает, запаршивели все. Сахара мы не видим с первого мая прошлого года, нет никакой крупы, ни муки, ничего нет. Если в городе у нас на поселке что появится в магазине, то там всю ночь дежурят на холоде, на ветру матери с детьми на руках, мужчины, старики по 6—7 тысяч человек. В городе в центре только в одном магазине торгует булками и кренделями. Здесь беспрерывно стоят у магазина три-четыре тысячи. Жди рабочий человек, пока купишь плюшку для ребенка.

Одним словом, люди точно с ума сошли. Знаете, товарищи, страшно видеть безумные, остервенелые лица, лезущие друг на друга в свалке за чем-нибудь в магазине и уже нередки у нас случаи избиения и удушения насмерть. В рынке на глазах у всех умер мальчик, объевшийся пачкой малинового чая.

Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка, и вот на этой почве такое большое недовольство. И везде, в семье, на работе, говорят об одном: об очередях, о недостатках. Глубоко вздыхают, стонут, а те семьи, где заработок 150—200 руб. при пятерых едоках, буквально голодают — пухнут.

Дожили, говорят, на 22 году революции до хорошей жизни, радуйтесь теперь!

Меры надо принимать немедленно и самые решительные, пока еще <народ> не взорвался.

Игнатьева Вера, член ВКП(б) ¹⁷

Сталинград, Верх(ний) пос. СТЗ, 261-й дом, кв. 10.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 78, л. 92—93. Заверенная копия.

12. Политический отдел Курсов усовершенствования комсостава зенитной артиллерии РККА (КУКС ЗА) — Секретариат ЦК ВКП(б). Копия — Секретарю обкома ВКП(б) Крым. АССР

В Евпаторийском гарнизоне чрезвычайно напряженное положение со снабжением начсостава и семей хлебом. В течение января и в феврале месяце имело место масса случаев, когда командиры и их семьи оставались по два-три дня без хлеба и нигде купить такового не могли...

Еще хуже дело обстоит с вольнонаемным составом, которого на КУКС ЗА работает около 250 человек. На почве затруднений с хлебом в городе начали совершать прогулы. Заявляют: «Стояли в очереди за хлебом и поэтому не могли прийти на работу». 9 февраля не вышли на работу вовремя уборщицы учебного корпуса Бердышева, Бойченко, Шашкова, Азарова. Имеются и другие факты ухода с работы. Причины ухода объясняют — «некому в семье стоять в очереди за хлебом».

Положение с хлебом в городе таково. Горторг Евпатории для гарнизона выделил лимит в сутки 900—1000 кг хлеба для всего гарнизона. Гарнизон же насчитывает больше 1000 человек начальствующего состава, да плюс у каждого командира семья 2—3 человека. Это составляет около 3000 человек. Кроме того из этих же лимитов (900—1000 кг) Военторг должен снабжать работников Военторга, которых насчитывается до 300 человек, два участка военно-строительных работ с количеством рабочих до 200 человек, две военторговских столовых (одна обслуживает слушателей КУКС ЗА и одна — начсостав авиагарнизона)¹⁸. Из приведенного количества, которое Военторг Черноморского флота Евпаторийского гарнизона обязан обеспечить хлебом, видно, что 1000 кг явно очень мало.

На все мои требования к местным организациям (Горторг, Горсовет, Горком партии) увеличить лимит хлеба, хотя бы на одну (тысячу) тонн (вместо 1000 кг получать 2000 кг) я получал невразумительные ответы, вроде таких: затруднения с хлебом не только в Евпатории, но и по всему Крыму и, поэтому увеличить не можем; сейчас плохо с хлебом, а в марте будет еще хуже. Или такие ответы: Военторг в октябре не выбрал свои лимиты, а поэтому мы не даем ему сейчас увеличения. (В октябре месяце в городе не было недостатка в хлебе и ясно. Военторг не мог реализовать через свою сеть выделяемые ему лимиты. Но этого никто не хочет видимо понять). Или еще хуже можно услышать ответы на просьбу увеличить лимит хлеба: «Не хватает в сети Военторга хлеба, пусть семьи начсостава и начсостав покупают в городе. Пусть становятся в общие очереди. Чем они лучше остальных граждан, что не могут быть в общих очередях?»

О недостатках хлеба для начсостава гарнизона мною доносилось в Крымский Совнарком, в Обком ВКП(б). Надо сказать, что кое-какие попытки улучшить положение в снабжении гарнизона со стороны Обкома и Совнаркома были, но до конца не доведены и дело осталось по-старому. Эти меры выразились в даче двух телеграмм Наркомторгом тов. Шевцовым Горторгу Евпатории: «Обеспечить хлебом Евпаторийский Военторг по нормам». Но эти телеграммы в Евпатории приняты к сведению и не выполняются.

Обком ВКП(б) выслал представителя, который ознакомился в течение 3-х дней с положением вещей, сделал выводы, что дело явно тяжелое, обещал, что все эти недостатки будут устранены, но это осталось также обещаниями.

Я считаю, что, несмотря на современную обстановку, таких перебоев в снабжении хлебом городского населения и, особенно гарнизона, допустить ни в коем случае нельзя. Конкретно мне известно по Евпатории, что некоторая часть городского населения кормит хлебом свой домашний скот. Если это явление устранить более реальными мероприятиями и несколько лучше организовать продажу хлеба, то лимита в 16 тонн хлеба для ежедневной продажи должно хватить. По каким-то причинам все же в городе уже 3 месяца с хлебом положение больше, чем неблагоприятно. Положение же начсостава гарнизона в связи с этим хлебным затруднением

резко ухудшилось. Резко поднялась нервозность командиров, появляются нездоровые настроения и, если не будут приняты меры со стороны городских и республиканских организаций об упорядочении этих вопросов, то положение ухудшится еще больше.

Как я указал выше, я обращался за разрешением этих вопросов и в Совнарком, и в Обком ВКП(б), но безрезультатно. Оставить все это без последствий я не могу и прошу Секретариат ЦК ВКП(б) дать соответствующие указания о ликвидации этих недостатков в снабжении начсостава Евпаторийского гарнизона.

Военный Комиссар КУКС ЗА Красной Армии
полковой комиссар — ОРЛОВ.

11 февраля 1940 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 77, л. 93—95. Заверенная копия.

13. Н. С. Неугасов — Наркомторг СССР.

Уважаемые товарищи! Алапаевск Свердловской Области переживает кризис в хлебном и мучном снабжении, небывалый в истории. Люди, дети — цветы будущего, мерзнут в очередях с вечера и до утра в 40 градусные морозы за два или за 4 килограмма хлеба.

Кто поверит! Если вы не поверите, то я уверяю вас. Нам говорят местные власти, что по плану все израсходовано и что хлебом кормят скот, и центр не может больше отпустить. Мы, рабочие гор. Алапаевска, ни в коем случае не верим и не будем верить, что центр об этой махинации местной власти не уведомлен. Мною послано 15/ХІІ—39 г. письмо лично тов. Сталину, но оно не дошло, потому что мне ответа нет. Ни хлеба, ни муки в Алапаевск не забрасывается столько, чтобы уничтожить очереди. Я уверен, что Правительство СССР в лице тов. Сталина откликнется на сие письмо и примет срочные меры, т. е. забросит муки в мучные магазины и хлеба печеного будут выпекать столько, сколько потребуется, а людей, руководящих этим делом, привлечет к суровой ответственности, как было в 1937 году.

Мой адрес: гор. Алапаевск, Свердловской области. Рабочий городок, барак № 11, кв. 73. Неугасов Ник(олай) Сем(енович).

Уверен, что партия и правительство не позволят никому издеваться над рабочим классом так, как здесь издеваются, и хочу узнать, дошло ли мое первое письмо.

Неугасов Н. С.

Поступило в НКТ 10 марта 1940 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 79, л. 164. Заверенная копия.

14. Рабочие артели «Наша техника» — ЦК ВКП(б).

Решение это, правительства или тульских областных работников — вредительство для полного возмущения масс. В Туле ввели карточную систему, не хуже, чем были карточки. То, что в настоящее время делается в гор. Туле, это даже ужасно думать об этом, не то, что говорить об этом. Во-первых, с 23-го все магазины в Туле отдали рабочим оруж(ейного) завода, рабочим патронного завода и т. д. В артели, а также другим учреждениям, совершенно книжек не дали. А дети ходят и просят, стоя около магазина: «Дядя, пропусти взять хоть хлеба». Его не пускают и, выходит, или его назвать рабочим, или паразитом. Он говорит: «А где у тебя работает отец?» — «Дядя, я сам работаю в артели подростком. Мама работает в больнице, а папа убит финнами на войне». — «Нет, мальчик, тебе здесь не полагается брать. Иди отсюда, а то, отправлю в милицию». Тогда он говорит: «Отправляй, может быть мне там дадут хлеба. Во все магазины не пускают. А ты, дядя, как паразит. Ты жалеешь хлеба и меня посылаешь на рынок за 140 р. пуд покупать».

Вот теперь прямо можно сказать, где правда. Оружейники и патронники не ходили на защиту Ленинграда¹⁹, а они получили книжки. Да никак-нибудь, а по 4—3, по 2 книжки на семью, а другие — ни одной. И теперь так говорят, что придется им справлять 1-е мая, а нам — маевку. И верно. До этого тульские ответственные вредители доводят. Где сравнить Николая

и других с настоящим положением Тулы? Вот где вредители, а не руководители. Хотя бы это сделали после 1-го мая. А еще хуже, детишки прямо между собой говорят: «Вот, видишь, нам дают, а вы — лишенцы с малых лет. И вызывается травля детей. Одни будут справлять май, а другим, он противен и горек этот май. Не май, а черт знает что. Стыдно и даже никуда не лезет такое решение жирных свиней — тульских областных руководителей. Если дать, так нужно дать было хотя бы всем по килограмму сахару да муки к маю. А то даже ни хлебного магазина, ни продуктового — ничего не оставили и даже двери их закрыты. Вот где нужны слова Владимира Ильича Ленина: борьба нужна не только рабочей массы, но и крестьянства против существующих беспорядков, паразитизма. И этого Жаворонкова²⁰ требуется действительно назвать весенним жаворонком, который только попусту поет.

Рабочие артели «Наша техника» Давыдов, Николаев, Семенов, Захаров, Деднов и др. Все совместно диктовали данное письмо и отправили.

25.4.40

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 79, л. 135. Заверенная копия.

15. Зайченко — Председателю Совнаркома В. М. Молотову.
Копия — Вышинскому.

Уважаемый г. Вышинский, прошу прочитать мое письмо сначала и до конца и принять меры воздействия на виновников безобразий, которые творятся в г. Казани. Я хочу описать Вам то кошмарное положение, которое имелось и имеется у нас в Казани. Но прежде мне хочется задать вопрос, почему наши депутаты молчат, каким образом выполняется план торговли в магазинах, когда до потребителя буквально ничего не доходит, все расхищается на базах, а в магазинах это расхищение только завершается.

Почему не обратят внимание на сильное истощение детей дошкольников и школьников, которые не имеют ни сладкого, ни жиров.

Почему молчат, что в колхозах не желают работать, бегут в город, посевы остались не убранными в 1939 г. и не вся земля засеивается в 1940 г. Почему у нас страшный голод и истощение? Почему такое хулиганство на улицах, среди подростков бандитизм, милиция для них ничто. Почему говорят о достижениях и всеми силами скрывают, что у нас творится. Почему народ озлобляется?

Теперь расскажу все. Вы, мне кажется, даже не представляете, что у нас делается, а наше Правительство мало заботится о нуждах населения и не видит голода и истощения среди населения, особенно среди детей. Почему у нас спекуляция растет не по дням, а по часам.

Разве наши дети — не такие, как в Москве, в Ленинграде? Почему наши дети не имеют сладкого и жиров совершенно, почему они обречены на гибель? В магазинах у нас буквально ничего нет. Дети вот уже больше года не имеют даже самого необходимого, они истощены до крайности. Какие же они «будущие строители коммунизма». Где забота о их здоровье?

На рынке у нас тоже ничего нельзя достать. Даже картошки нет. До 15 мая на рынке были продукты, но цены на них таковы: мясо — 50—60 руб. кило, масло топленое — 87 руб. кило, сливочное — 75 руб. кило, картофель — 5 руб. кило, молоко — 18—20 руб. (3 литра), капуста соленая — 8 руб. кило, яйца — 15 руб. десяток. Цены без преувеличения, честное слово.

Какую зарплату нужно получать, чтобы прокормить семью. Ведь рабочий и служащий, а тем более технический персонал, не имеет возможности покупать по таким ценам ничего, кроме картофеля, хлеба и воды. Ведь если купить 1 кило картофеля в 1 день, то в месяц выйдет 150 руб. только на картофель, по одной штуке на человека, а на что покупать остальное? Подумайте, что это значит!

Чтобы устранить такое положение с ценами, в Горсовете решили ввести с 15 мая установленные цены на продукты, вполне приемлемые и для населения и для колхозников...

А что получилось? Около месяца на рынке ничего нет. Население все

ночи простаивает в колоссальных очередях, надеясь хоть что-нибудь купить. Но колхозники не желают везти и решили они поставить на своем — «Не возить в город». У них есть и картофель, и молоко, и мясо, и куча денег, живут замечательно (за небольшим исключением). Они говорят не стесняясь: «Зачем мы поедем в город? Раньше мы ездили купить ситцу, конфеток к чаю и сами везли товар, а теперь ничего в городе нет и делать нам там нечего».

Колхозники не имеют ситца и конфет, зато имеют все остальное, а население города не имеет не только ситца и конфет, но даже самого необходимого, хотя бы картошки, чтобы сварить горячую бурду.

И вдруг вчера население города читает в газете, что цены установить старые. («Красная Татария» 4 июня). Что это значит? Колхозники торжествуют, они поставили на своем. А политика, проводимая нашим Правительством таким разом поставила на своем или свернула? Это безобразие. Посмотрите, что теперь будет с ценами. Как же колхозники будут верить во все мероприятия, которые будут проводиться Правительством, и у которых сегодня так, а завтра по другому?

Колхозники нынче будут платить налоги по новому? ²¹. Они не будут платить по новому, надеясь, что Правительство повернет по-старому, что им удастся опять поставить на своем. Это непростительная ошибка. Да и населению от этого не лучше. Ведь рабочий и служащий все равно не может покупать продукты по таким безумным ценам. Он голодает. Где же правда? Что это все значит?

Тогда бы сделали хоть так, как сделали с хлебом. К каждому магазину прикрепили и по спискам дают на человека 500 грамм. Пусть так же сделали бы и с продуктами, хотя бы сахар и жиры, хотя бы по-немногу. В чем виноваты наши дети, что они не видят ни булки, ни сладкого, ни жиров, даже грудные дети не имеют манной каши. Иногда выбрасывается в магазинах кое-что, но разве можно получить? На весь город имеется один магазин, где бывают конфеты и то, не каждый день. Что там делается? Кошмар. Милиция бездействует, она сама смотрит где-бы чего-бы получить без очереди. Для них это, как правило, получать без очереди.

Большинство жен милиционеров занимаются спекуляцией, перепродают по базарам или ходят по домам. Милицией это все покрывается. Вот почему у нас не могут изжить спекуляцию. Да и как ей не быть, работники прилавка на глазах растаскивают редко бываемый товар, и ничего. Пишут, говорят об этом, волнуются, но толку никакого. Работники прилавка тоже занимаются спекуляцией, перепродают через третьи руки. И покупают. Что делать? У меня я вижу, как тает ребенок от истощения, и я на последние гроши покупаю у спекулянтки для него сахарный песок по 30 руб. кило и манную крупу по 25—30 руб. кило для каши. Где выход? Кроме спекулянтки достать невозможно и негде. Детсады и ясли не охватывают всех детей.

Спекуляция пустила большие корни. Например. В детсаду работает руководительница татарка, а муж у нее — военный. Муж ее сестры работает в большом магазине ТУМ, кем-то из главных. Так эта руководительница приносит и продает в детсаду десятками вязаные кофты по 160 руб. (вместо 60 руб.), перчатки, материалы, шелка и все в три раза дороже, а в магазинах ничего нет. Она говорит, что будто это ей приносит спекулянтка.

Другой пример. Один брат работает в большом магазине ТУМ или в Универмаге, другой брат (татары) работают зав. холодильником. Один брат тащит другому ведрами, другой отплачивает ему ящиками. А жена зав. холодильником Нюра, приносит знакомой прачке продавать сразу по 50—70 шт. шелковых комбинаций, трико, материалов, а в магазинах опять ничего нет. Вот что у нас делается.

Наше Правительство себя обеспечивает больше, чем того требует хорошая жизнь. К 1 мая в Областкоме получили в своих закрытых распределителях (т. е. у них нет официально закрытых распределителей, но они превратили буфеты в закрытые распределители и великолепно снабжаются) ²². Получили они все, что не пожелает твоя душа и кур, и консервы,

и колбасы, и икры, печенье, пирожное и конфеты. В автомобилях развозили все по домам. Одним словом все, о чем мы забыли даже думать. А что получило население? Оно простаивало ночи за хлебом (тогда не был этот вопрос разрешен). Население ничего не получило. Привозили в магазин муки на 500 чел., а отпустили 200 чел., а остальная мука исчезает (стоящие в очереди переписывались, и таким образом обнаруживалось, сколько муки выдано). Завы и милиция строго следили, чтобы не было переписи. Это им невыгодно. Штрафовало публику, но публика переписывалась. Публика волнуется, озлобляется, составляет протоколы, а что толку. Все это где-то тонет. Так и остался народ к маю с черным хлебом, даже белого не было. Эту муку получили кто-то, а кто? — Милиция с родней, родные работников магазинов, их знакомые, которые знают где, что, когда будет, депутаты, которые получают трижды без очереди, комиссии лавочные и т. д., а публике остаются крохи. Даже в колхозах стали говорить, что «попал в депутаты и брюхо стал растить» и забыл что обещал. Каждый снабжается по возможности.

Нужно что-то предпринять и изжить это как можно скорее.

С приветом Зайченко.

Вы думаете, что это ложь, что это все не так. Да и как Вам не думать так, когда сам Динмухаметов²³ расписал все так красиво и поэтично, только, как ему не стыдно так говорить, уже лучше бы он молчал о «благополучии рабочих и интеллигенции», о том что нет у нас больше нищеты и голода. Какое-же чувство вызывают эти строки у трудящихся Казани? — Гнев, краску стыда за ложь и никакого доверия к своим депутатам. Почему все так стремятся убежать из Казани, особенно интеллигенция, трудовая интеллигенция?

Почему милиция разгоняет очереди, сажает десятками в грузовик и увозит километров за 30—40. Штрафует по 25 р., кто стоит в очереди²⁴. Зачем? Потому что у нас не должно быть таких тысячных очередей, потому что «у нас все есть», на словах.

Постарайтесь наблюдать за теми же депутатами, которые приезжают в Москву из Казани. Они, как голодные волки, набрасываются главным образом на продукты питания. Сами обедают и домой везут полные чемоданы. Зачем? Зачем везут такие простые вещи как сахар, масло? Подумайте об этом. Это только подтверждение моих слов. Вот очень интересный пример. Несколько лет тому назад в Казань должен был приехать Калинин. Все поднялись на ноги (год был тяжелый, голодали)²⁵. На окнах в витринах появились сахар, мука, крупа, печенье, мануфактура, а в магазинах пусто. Зачем? Очень просто. Правительство знало, что Калинин может проехаться по улицам и увидит обилие всего, а еще оно знало, что Калинин не будет входить в магазины и не увидит обмана. Так делается и теперь. У нас все только показное. Это надо учесть²⁶.

Поступило в НКТ 20 июня 1940 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 80, л. 53—57. Заверенная копия.

16. С. Д. Богданов — Наркому пищевой промышленности

Разрешите передать свой радостный привет в день Октябрьской революции. Но хочу сообщить Вам в Нарком пищепрома обратить серьезное внимание насчет потребкооперации и особенно по благу, и на милицию и местные органы. 22 октября стояли в очереди рабочие, служащие ожидая в раймаге промтовары. После чего приходит начальник милиции, начальник уголовного розыска, прокурор, судья, набрали самых ценных товаров и ушли. После чего народ заволновался, народ заговорил, что нет правды, и нигде нельзя добиться. Остальной товар вывезли неизвестно куда, рабочие не могли получить.

Теперь разрешите сообщить про хлопкосовхоз № 8 ст. Бойток Ферганской области. Здесь совсем рабочие ничего не видят хорошего. Начальство получает со склада, рабочему нет ничего, кроме 2 кг хлеба. Начальство — и мясо по закрытому распределителю и промтовары, рабочие не могут ничего получить, кроме 5 м товара и то цветистого.

Я прошу Вас дать и мне понять — это правильно или нет. Описать все, что делается — надо много бумаги, но я думаю Вы поймете и обратите внимание на культурную торговлю. Я задавал, а они ответили, что ты о людях заботишься, должен сам о себе. Люди здесь не все хорошие. Прошу Вас не бранить меня за неграмотность.

Адрес: г. Фергана, ст. Бойток, совх. 8.

Ноябрь 1940 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 81, л. 241. Подлинник.

17. Н. В. Сыромятников — В. М. Молотову

Дорогой Вячеслав Михайлович Молотов!

Недород (засуха) хлебом 1939 года сильно увеличила цены на хлеб. Весной нынешнего года у нас хлеб в Юмагузинском районе Башкирской АССР на рынке был: пшеничная мука — 110-115 руб. пуд (16 кг), ржаная мука — 80—90 рублей пуд (16 кг).

Несмотря на то, что в 1940 году урожай был обильный, все же традиции цен 1939 года снижены в незначительной степени. Цены на рынке: пшеничная мука — 80—85 рублей пуд (16 кг), ржаная мука — 60—65 рублей пуд (16 кг). Колхозное крестьянство наравне с рабочим классом и трудовой интеллигенцией пользуются покупкой всех товаров по государственной стоимости из кооперации, а хлеб на рынке продают по дорогой цене (сколько им захочется столько и берут).

Есть отдельная часть колхозников (несознательная часть), когда станешь говорить, что почему дорого просите, то они отвечают, что если надо, то возмешь и за 200 рублей. А есть отдельные колхозники придерживают хлеб и в удобный им момент продают по дорогой цене.

При такой цене на хлеб вся заработная плата уходит на покупку хлеба. Пример я возьму с себя. Работаю я Пом(ощником) секретаря райкома партии, получаю приличную зарплату (500 рублей). На иждивении имею 4 души сам 5-й. Для того, чтобы прожить один месяц мне требуется:

4 пуда муки по цене 80 рублей, $80 \times 4 = 320$, 10 кг мяса по цене 12 рублей $12 \times 10 = 120$, 2 пуда картофеля по цене 22 руб. $22 \times 2 = 44$.

Удержания из заработной платы, уплата членских взносов, выписка газет, радио и т. д. — 91 р. 43 коп. Итого расхода — 575 руб. 43 коп., а зарплату получаю всего 500 рублей. Кроме вышеупомянуто требуется приобрести одежды, обуви и производить другие мелкие расходы. Выходит, что у меня вся зарплата уходит на покупку хлеба.

Вячеслав Михайлович, такое положение не только со мной, а и с другими товарищами.

Много я слышал разговоров от рабочих, служащих и передовиков социалистических полей, а также от видных партийно-советских работников, «что хлеб очень дорогой, хорошо бы было, если наше Правительство вынесло решение о продаже хлеба на рынке не выше стоимости, отпускаемой кооперацией». Но все эти разговоры остаются только разговорами, а написать никто не напишет.

Из Истории ВКП(б) видно, что наша Партия — Правительство вело, ведет, и будет вести трудящихся от победы к победе, учит массы и прислушивается к голосу масс, поэтому я решил написать и думаю, ругать меня никто не будет, а только укажут, если я понимаю неправильно.

Вячеслав Михайлович!

Исходя из вышеизложенного мною в письме, я Вас прошу, чтобы наше Правительство вынесло решение производить продажу хлеба на рынке не выше государственной, кооперативной стоимости.

Я, уверен, что такое решение нашего Правительства будет встречено с большим удовлетворением рабочего класса, передовиками социалистических полей и нашей трудовой интеллигенцией.

Дорогой Вячеслав Михайлович я прекрасно знаю, что у Вас очень, очень и очень много работы, но Вы, пожалуйста, уделите время,

прочтите мое письмо и напишите мне ответ, а Вашим любимым ответом я буду доволен.

С просьбой, большевистским приветом — Сыромятников.

24.X—40 г.

Мой адрес. Башкирская АССР, Юмагузинский район, Юмагузинский РК ВКП(б).
Сыромятников Николай Васильевич²⁷.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 81, л. 187—188. Заверенная копия.

18. Аноним — Наркомторг СССР.

Мы имеем к советской стране большой счет. Все люди равны. Это — одна из основ. Разве только московские или киевские рабочие воевали за советскую власть? Другие города тоже боролись против буржуазии. Почему же теперь они должны страдать из-за отсутствия хлеба? В Кратком курсе истории партии мы читаем, что Советская власть отдала землю крестьянам, а фабрики — рабочим, и что положение каждого будет улучшено. Как раньше ни угнетали рабочего и крестьянина, но хлеб он имел. Теперь в молодой советской стране, которая богата хлебом, чтобы люди умирали от голода? Тот, кто работает получает 1 кило хлеба²⁸.

Что же делать рабочему, у которого 3 или 4 детей. Каждому дороги его дети, которые теперь все хотят расти инженерами и летчиками, и он отдаст им хлеб. Как может такой рабочий работать, когда он голоден? В Бердичеве ни за какие деньги нельзя купить хлеба. Люди стоят в очереди всю ночь, и то многие ничего не получают. Приходится также стоять в очереди за 1 кило картофеля, чтобы рабочий, придя домой, мог хоть что-нибудь поесть. Действительно, время сейчас военное. Страна нам всем достаточно дорога. Нужно себе отказывать во многом. Пусть нет сахара, соленого. Но чтобы не было хлеба? Надо давать хлеб немцам, но раньше нужно накормить свой народ, чтобы он не голодал, чтобы, если на нас нападут, мы могли дать отпор. Нужно ввести карточки, чтобы каждый, кто имеет детей, мог получать на них хлеб. А не так, чтобы старики сохли от голода, а дети росли туберкулезными.

Сейчас рабочий не может по желанию переменить работу, чтобы найти лучший заработок²⁹. Прежде, чем вводить этот закон, нужно было сделать так, чтобы обеспечить каждого семейного человека. Нужно улучшить положение рабочих не агитацией, что будет хорошо, а чтобы сейчас стало лучше. После введения 8-ми часового рабочего дня многие были сокращены и теперь они не могут получить даже кило хлеба. Где им с семьями взять на жизнь? А ведь они ни в чем не виноваты. Где взять хлеб старикам, которые живут на иждивении детей?

В артели тоже трудно. Нормы одни для молодых и стариков. Сталин сказал, что с каждого — по способностям и каждому — по труду, а старики не могут угнаться за молодыми. Что же им на старости лет и жить не надо?

Поступило в НКТ 23 января 1941 г.

РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 121, л. 55. Подлинник, перевод с еврейского. Заверенная копия перевода.

Примечания

1. В своей речи на съезде Микоян сказал о необходимости «иметь больше мелких и средних магазинов», а не увлекаться созданием крупных универмагов. Говоря о подборе кадров и проверке исполнения, он сравнил хорошее решение, необеспеченное выполнением, с холостым выстрелом. // XVIII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1939. С. 211—221.
2. Смысл этого слова не ясен. Оригинал письма отсутствует. Возможно неправильное прочтение слова машинисткой Совнаркома при перепечатке письма.
3. Урожай 1939 г. не был высоким. Современные исследователи оценивают его на уровне 75—83 млн. т, что составляет 4,6—5,1 млрд. пудов.
4. С началом второй мировой войны в этих странах было введено нормирование продовольствия.
5. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 декабря 1939 г. «О торговле

- и общественном питании в системе «Союзтрансторгпит» была введена закрытая торговля для рабочих и служащих железнодорожного транспорта.
6. Начальник отдела торговли продтоварами Мосин отослал копию этого письма назад в Гомель с сопроводительной запиской следующего содержания: «В письме Морозова явно сквозит не советское отношение по отдельным моментам («японцам сдаем моря, чтобы...», его фраза о карточной системе, о построении коммунизма «при таких порядках» и т. д.). По этому письму можно предполагать, что ученик Морозов находится под влиянием враждебных настроений к Советской власти среде. Прошу Вас поручить специальному работнику личной беседой с учеником Морозовым разрешить интересующие его вопросы и выяснить обстановку, вызвавшую враждебно настроенное письмо на имя т. Микояна. О результатах сообщите в Наркомторг СССР» (РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 76). Последствия не трудно представить. Этим письмом Борис Морозов, как и его легендарный однофамилец, «поставил под удар» своих родственников и, видимо, учителей.
  7. В конце 1939 г. установленная СНК СССР для открытой торговли «норма отпуска хлеба в одни руки» составляла 2 кг. Однако она не соблюдалась. Местное руководство вынуждено было уменьшать ее и вводить строгий контроль за распределением хлеба.
  8. В период кризиса правительство объявило очереди «вне закона». Постановлениями ЦК и СНК было запрещено создание очередей вне магазинов: на тротуарах, близлежащих площадях, во дворах и скверах. Переворачивание, о котором идет речь в этом письме было одним из методов борьбы. Перед началом продажи отряд милиции перестраивал очередь так, что те, кто были в ее начале оказывались в конце. Очереди, однако, не исчезали. Люди прибегали к уловкам: они не строились в очередь, а прогуливались перед магазином или стояли на остановках, якобы ожидая трамвай.
  9. Армия «домашних завхозов» действительно была не малая. Это были люди, которые по нескольку дней стояли, «отмечались» в очередях. Существовал общественный контроль, который задерживал лиц, незаконно или в большом количестве получавших продукты. На средства населения иногда содержались специальные «учетчики и приносильщики», которые в соответствии со списками разносили хлеб по домам.
  10. По факту этого письма на Урал «для улучшения торговли и принятия мер на месте» выезжал зам. наркома торговли СССР А. В. Шаров.
  11. Для сравнения приводим цены в государственной торговле. В конце 1939 — начале 1940 гг. 1 кг сливочного масла стоил 15—20 руб., мяса — 7—10 руб., картофеля — 50 коп., десяток яиц — 5—7 руб. Зарплата рабочего составляла 300—600 руб., инженера — 600—900 руб. в месяц.
  12. 17 сентября 1939 г., в связи с началом мировой войны Молотов выступил по радио и заявил о том, что СССР обеспечен всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении. Судя по архивным материалам, эта речь не только не успокоила людей, но во многих случаях усилила ажиотаж и накопление продуктов.
  13. 17 сентября Красная Армия вошла на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.
  14. На деле, введение карточной системы не искореняет спекуляцию, которая является неотъемлемой частью дефицитной экономики.
  15. Видимо речь идет о повышении с 24 января 1940 г. цен на мясо, сахар и картофель.
  16. Бедственное положение с животноводством было не только в Свердловской области, откуда пришло это письмо. Недостаток кормов привел к массовому забою скота в конце 1939 года.
  17. На письме резолюция Г. М. Маленкова и Н. А. Булганина: «Обязать Наркомторг т. Любимова принять срочные меры по улучшению снабжения и торговли в Сталинграде. О результатах доложить Экономсовету через 10 дней» (РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 78). Сведений о действиях, принятых Наркомторгом не найдено.
  18. Закрытая система военторгов для обслуживания командного и начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота, а также рабочих и служащих военных строек была создана постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 мая 1939 года.
  19. Речь идет о советско-финской войне 1939—1940 гг.
  20. Жаворонков В. С. — первый секретарь Тульского обкома в 1938—1943 гг. член ЦК ВКП(б).
  21. Возможно автор имеет в виду повышение в первом квартале 1940 г. денежного налога на колхозы и денежных ставок на право торговли на рынках.
  22. В условиях кризиса местное партийное и советское руководство восстановило сеть закрытых распределителей, аналогичных тем, которые существовали в период карточной системы 1928—1935 гг. «Нормы» в них были выше установленных СНК СССР норм продажи

товаров в открытой торговле. Товары брались из общих фондов снабжения населения, выделяемых Наркомторгом. В отличие от первой половины 1930-х годов, на этот раз Политбюро требовало ликвидации закрытых распределителей местной номенклатуры.

23. Динмухаметов Г. А.— Председатель Президиума Верховного Совета Татарской АССР в 1938—1951 гг., депутат Верховного Совета СССР.
24. Автор перечисляет меры, предусмотренные постановлениями ЦК и СНК о борьбе с очередями.
25. Речь, видимо, идет о конце 1936 или первой половине 1937 г., когда, вследствие неурожая, продовольственная ситуация в стране обострилась.
26. В ответе Наркомторга РСФСР по поводу этого письма говорилось, что Казани были выделены дополнительные фонды товаров и продовольствия, усилена борьба со спекуляцией. Одновременно отмечалось, что положение в Казани тем не менее оставалось крайне тяжелым (РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 80).
27. В связи с этим письмом СНК СССР запросил Наркомторг СССР заключение по поводу «возможности продажи хлеба колхозниками на рынке по государственным розничным ценам». Ответ был здравым: «Наркомторг СССР не считает возможным поддержать предложение гр. Сыромятникова, поскольку такое предложение не будет способствовать расширению колхозной торговли» (РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 81).
28. В октябре 1940 г. СНК СССР снизил норму продажи хлеба в открытой торговле с 2 до 1 кг.
29. Самовольный переход с одного предприятия на другое был запрещен указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Свободная кооперация в России (до октября 1917 года)

А. Ю. Давыдов

Еще в 1910 г. видный исследователь русского крестьянства В. В. Морачевский заявил: «Условия, необходимые для развития и процветания мелкого крестьянского хозяйства находят свое выражение в триаде: земледельческая техника, образование, сельскохозяйственная кооперация»¹. Не случайно история российской кооперации в дооктябрьский период неоднократно привлекала внимание исследователей². Почти все авторы видели в кооперации орудие социального мира, форму экономической взаимопомощи подавляющего большинства жителей. Только М. Л. Хейсин был убежден, что она служила интересам зажиточных хозяев и лишь в небольшой степени — «средняков». На протяжении нескольких десятилетий советские историки и экономисты не занимались ее изучением, так как сравнение кооперации дооктябрьского периода и советской было бы не в пользу последней. Точка зрения Хейсина, принадлежавшего, кстати, к меньшевикам, оказалась общепринятой. При этом эволюция «самопомощи» в конце 60-х гг. XIX — начале XX в. рассматривалась исключительно в плане подготовки триумфального шествия советской кооперации³. Вместе с тем некоторые исследователи сделали выводы относительно массового характера российской дореволюционной кооперации и масштабов ее вклада в аграрное производство. Указывая на трудности роста товариществ и обществ, А. П. Корелин обнаруживает в них «наиболее жизнеспособную форму учреждений мелкого кредита», связывавшую все отрасли экономики в «целостную народнохозяйственную систему». Особого внимания заслуживает недавно увидевшая свет книга Л. Е. Файна, в которой важное место отведено изучению дореволюционной кооперации, ее отдельных форм, структуры органов управления ею, принципов и механизмов функционирования, социального составу кооперативов⁴.

На Западе признание получила точка зрения авторов, идеализировавших «пышно расцветавшую» российскую кооперацию начала века, обращавших внимание только на ее «сказочный» и удивительно «бурный» рост⁵.

В настоящее время назрела необходимость изучить взаимосвязи разных видов кооперативов, степень значимости каждого из них для экономического прогресса, этапы и региональные особенности развития «самопомощи», взаимоотношений ее с государственными органами. При изучении ее развития за продолжительный исторический период (начиная с порефор-

---

Давыдов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

менного времени) удастся выяснить его основные тенденции, повышение эффективности функционирования кооперативного механизма.

У истоков кооперации стояли идеалисты. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн надеялись, объединив усилия и деньги людей, создать сеть органов «самопомощи» граждан, процветающих объединений, в которых не будет богатых и бедных. И в дальнейшем радикалы — Л. Блан, Ф. Лассаль, Н. Г. Чернышевский — видели в кооперации средство решительного преобразования общества. Российские народники намеревались со временем превратить артели в социалистические общины, коммуны с полным обобществлением средств производства. Попытки осуществления этих замыслов на практике успеха не приносили⁶. Тем не менее утописты-кооператоры, называемые «кооперативистами», стояли на своем. В 1915 г. московский журнал «Объединение» писал: «Все народы сольются в одном кооперативном хозяйстве... братство будет царить на земле и дети в кооперативных школах с удивлением будут изучать в истории, что когда-то вражда и ненависть разъединяли народы»⁷. Немало высказываний идеалистов мы можем найти в литературе первых лет «перестройки», когда кооперативная кампания начала набирать силу. Причем эйфория нередко сменялась горьким разочарованием и озлобленностью к предмету недавнего поклонения.

Представители группы реформистов — в Англии Г. Холиок, С. и Б. Вебб, в Германии Г. Шульце-Делич и Ф. Штаудингер, в России князь А. И. Васильчиков, В. и С. Лугинины, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Прокопович и другие — сомневались в возможности широкого распространения самоуправляющихся производственных кооперативов в условиях рыночной экономики. Отсутствие единого и твердого руководства не позволит им, считали они, своевременно перестраивать технологический цикл, освободиться от лишних или набирать новых работников, устанавливать жесткую трудовую дисциплину. Реформисты делали вывод: лишь собственники смогут все это провести в жизнь. А как же кооперативы? Они будут удовлетворять потребности самостоятельных хозяев, которые делегируют им обязательные для себя функции по связям с рынком⁸.

Формирование представлений российских кооператоров осуществлялось под определенным влиянием западноевропейской традиции. Предпосылки для развития кооперации сложились в Европе к середине XIX в. Тогда денежное хозяйство постепенно вытесняло натуральное. Создание сложных машин, вроде сепараторов, нередко делало ведение хозяйства в одиночку неэффективным. Распространение рыночных связей и появление большого числа «нецивилизованных» частных предпринимателей-монополистов заставляло простых людей объединяться для самозащиты, создавать собственные потребительские и производственные сообщества. Трудящиеся осознавали выгоды объединения своих сил. Интеллигенция выдвинула из своей среды подвижников нового дела.

Первой возникла в 1840-е гг. потребительская кооперация и ее родиной стала Англия. Немногим более чем за полвека там возникло полторы тысячи организаций потребителей, объединивших до трех миллионов членов и действовавших под руководством Английского и Шотландского обществ оптовых закупок.

Кредитная кооперация зародилась во второй половине XIX в. в Германии. Ее основателем и энтузиастом стал юрист, депутат рейхстага Герман Шульце из города Делич. Под руководством его некоторые небогатые жители Делича и округа на свои паевые взносы создали ссудосберегательные товарищества. Обязавшись отвечать за долги всем своим имуществом, они завоевали доверие банкиров. Получая столь необходимый при рыночных отношениях кредит, пайщики процветали. Из Делича кредитные кооперативы распространились по всему миру. В то же время в Дании, Швейцарии, а затем и в других странах появились и стали расти молочные товарищества и их союзы. Кооперация становилась интернациональным явлением⁹. В России на первом этапе строительства кооперативов — он продолжался от 1860-х гг. до начала XX в. — новое движение выражалось в деятельности передовых интеллигентов и немногих

крестьян по устройству «ассоциаций» и артелей; самодеятельность широких слоев народа тогда разбудить не удалось.

Стремление поставить кооперативное движение на прочную основу стало проявляться в России после отмены крепостного права. В то время усилилась потребность интенсифицировать крестьянское и помещичье хозяйства, положить конец монополии ростовщиков. Российские кооператоры — дворяне, изучавшие за границей принципы и практику кооперации, сочли возможным приступить к их распространению в России. Вместе с тем значительная часть интеллигенции находилась под определяющим влиянием утопических кооперативных идей и готова была жертвовать, лишь бы сбылись «сны Веры Павловны» (из романа Н. Г. Чернышевского).

В 1860-е гг. симпатии к артелям в обществе были столь сильны, что недоставало только энергичного организатора артельного начинания. Таким инициатором стал Н. В. Верещагин — помещик, отставной морской офицер (брат известного художника). Побывав в Швейцарии, он долгое время изучал сыроваренное дело и науку организации кооперативов. Возвратившись в Россию, он объявил в 1865 г. о начале строительства в Тверской губернии артельных сыроварен. Выгоды нового дела были очевидны: во-первых, крестьяне приносили Верещагину нефальсифицированное молоко, получая часть прибыли от продажи сыра; во-вторых, широкая поддержка интеллигенцией артелей обеспечила приток субсидий. Несколько тысяч рублей предоставили тверское земство, Вольное экономическое общество. Великий князь Александр Александрович дал 250 рублей. На собранные деньги Верещагин построил сыроварню, в которой начал работать сам вместе с женой и родственницей. Сыр он продавал в Москве и Петербурге ¹⁰.

В 1868 г. в стране насчитывалось 14 артельных сыроварен. Затем много кооперативов возникло в северо-западных районах, в долине реки Шексны. Они производили сыр и все чаще — масло. В начале следующего десятилетия численность молочных кооперативов в стране достигла нескольких десятков. Губернаторы архангельский и сибирский создавали на своих территориях артели. Интеллигенция пребывала в состоянии восторга. Верещагин был награжден несколькими медалями, получал денежные премии, в обществе его называли «вторым Колумбом, открывшим новую Америку». И в самом деле, кооперативы приносили пользу крестьянам. Нередко там, где они существовали, изменялся быт крестьян: недоимок у них не было, скот в деревнях стали лучше содержать, тщательно удобряли землю и получали большой урожай.

Впрочем, довольно скоро обнаружились явления, не укладывавшиеся в народническую схему созидания деревенской идиллии. При организации молочного кооператива в селе Курее близ Холмогор в Архангельской губернии богатый крестьянин Пономарев внес 200 рублей, столько же внесли десятки остальных артельщиков. Через некоторое время предприятия артели перешли в руки того же Пономарева, который сделал своими должниками крестьян нескольких волостей и заставил их поставлять молоко на свои заводы. Поскольку молочные кооперативы получали льготы и привилегии то оказалось, что на первых порах «частному предпринимателю выгодно фигурировать в артельной шкуре», — писала газета «Неделя» в 1873 году (№ 17). Но со временем подавляющее большинство артелей перешло в руки частных. Даже ученик и ближайший соратник Верещагина Г. Бландов превратился в собственника 48 маслодельных и сыроваренных предприятий. Основанная им знаменитая фирма располагала в крупных городах России разветвленной сетью молочных магазинов ¹¹.

Под кооперативным флагом рождалась в России буржуазия. К 1890-м годам, когда число артелей определялось уже единицами, имелось несколько тысяч частных маслоделен (еще в середине века масло производилось только в нескольких хозяйствах Петербургской губернии). Их развитию содействовала та самая артельная эпопея.

Артельная эпопея привела к подъему молочного хозяйства, но не кооперативного движения. И в то же время у проживавших в России

немцев-колонистов кооперативы процветали. Тогда стали говорить, что славяне не способны к самоорганизации и к созданию объединений «из-за слабого доверия друг к другу, недостатка чувства долга»¹². Думается, дело не в этом, а в том, что в немецких селах преобладали «крепкие» крестьяне, заинтересованные в объединении на равных своих сил и капиталов. В русских же деревнях «капиталистские» крестьяне встречались не часто. Им было выгоднее эксплуатировать своих соседей, а не объединяться с ними в ассоциации.

Когда обнаружился крах кооперативной кампании, «либералы скорбели и сводили неудачу на случайности, на некультурность русского народа и техническую неподготовленность господ инициаторов артельного сыроварения. Народники — те больше отмалчивались, неохотно вспоминая о своем былом грехопадении», писал в конце прошлого века один из будущих лидеров меньшевиков А. Н. Потресов¹³.

Вместе с развертыванием артельной кампании в России распространилась мода на потребительские общества, создаваемые по примеру англичан; нередко в них вступали чиновники, священнослужители, офицеры, даже... генералы и директора заводов (Путиловского, например) В 1864 г. служащие уральского Кыновского завода создали потребительскую лавку и, минуя торговых посредников, стали обеспечивать себя продуктами. В 1866 г. в Петербурге возникло общество «Бережливость», в 1870 г. в селе Ошта под Лодейным Полем недалеко от Петербурга — «Взаимная выгода» и т. д. Подражая англичанам, кооператоры расширяли торговлю. Однако для проведения крупных операций требовался развитый кредит, имевшийся в Англии, но отсутствовавший в России. Торговые обороты обществ начинали падать и наступал финансовый крах¹⁴.

Процесс организации потребительских обществ все-таки не прекращался. В 1897 г. их насчитывали всего 332¹⁵. Это были, как правило, карликовые предприятия. Правленцы, учитывая негативный опыт предшественников, остерегались расширения торговых дел. В определенном отношении прогресс кооперации становился возможным только при создании рациональной системы кредита (в том числе кооперативного).

Первый в России ссудосберегательный кооператив создали еще в 1865 г. жители села Рождествено (Костромская губ.) под руководством дворян Лугининых, выезжавших за границу и изучавших там опыт Шульце-Делича. Об этом объединении в стране знали мало. Распространить его опыт задались целью члены так называемого «Петербургского кружка», в который вошли действительный статский советник В. Н. Хитрово, литератор А. В. Яковлев, псковский землевладелец Н. Ф. Фан дер Флит, Н. В. Верещагин. Возглавил кружок князь А. И. Васильчиков — сын бывшего при Николае I председателя Государственного совета и Комитета министров, в прошлом друг Лермонтова и секундант на роковой для поэта дуэли¹⁶.

Членами «Петербургского кружка» был образован Московский комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах с Петербургским отделением, чтобы содействовать распространению в России таких товариществ. На практике основную работу в этом направлении взял на себя не Московский комитет, а его Петербургское отделение.

К середине 1870-х гг. удалось за счет инициативы и денег земских деятелей, богатых благотворителей, наладить работу пятисот ссудосберегательных товариществ. К началу 1880-х годов в России насчитывалось около тысячи кредитных товариществ, объединивших 200 тыс. домохозяев. Члены Петербургского отделения отстаивали их интересы в банках, государственных учреждениях, разрабатывали уставы, системы счетоводства, пропагандировали опыт объединений.

Ссудосберегательные товарищества отличались от создаваемых ранее сельских банков, куда записывали всех без разбору членом той или иной общины. Кооператоры принимали в свою среду на общих собраниях только добросовестных и рачительных хозяев. Образцовый устав «низовых кооперативов» предусматривал неограниченную ответственность учредителей и участников; в ряде мест, обязавшись отвечать за долги всем своим

имуществом, кооператоры завоевали доверие вкладчиков и кредиторов. Ссуды были мелкие, но ни у кого не возникало искушения взять чересчур крупную сумму. Крестьяне получали в год до 50 руб. (столько стоили две рабочие лошади или четыре коровы). Сельские жители выплачивали 5—7% годовых, тогда как ростовщики брали от 50 до 200%. Деятельность некоторых товариществ сдерживала имущественное расслоение деревни.

Успехи работы ряда товариществ поощряли дворян, земских деятелей, самого министра финансов М. Х. Рейтерна к насаждению кооперативов. Большинство кредитных объединений существовало за счет льгот и ссуд. Однако постепенно выяснялось, что товарищества выгодны прежде всего средним крестьянам. Популярные «Отечественные записки» стали требовать широко открывать их двери для «крайних бедняков», выступали в их адрес с обвинениями в «службе кулакам»¹⁷. В очередной раз романтически настроенных интеллигентов постигло разочарование. Рассчитывать на льготное кредитование вскоре стало невозможно. В результате в 80-е годы закрывалось таких объединений больше, чем открывалось. Они не могли перейти, как молочные артели, в руки частных предпринимателей, ибо общественные кассы в случае перемены хозяев быстро истощились бы; смысл их существования состоял в служении обществу.

Нежизнеспособные кооперативы разорились. Но те 600, которые сохранились к середине 1890-х годов (в каждом в среднем по 360 членов) можно отнести к числу «здоровых». Доверие со стороны населения к ним было высоко и средства их преимущественно образовывались за счет паев и вкладов простых людей¹⁸. Их плодотворная деятельность готовила почву для быстрого роста «самопомощи» в России на новом этапе, который выпал на десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне, и характеризовался подъемом самодеятельности народа. В этот период усиливалась и организаторская работа сотрудников московского Комитета о сельских товариществах и его отделения; это также становилось важным условием прогресса кооперации.

К концу XIX в. экономическая ситуация в России менялась. Так, в своем представлении от 10 декабря 1894 г. Министерство финансов в целом правильно определило главную причину резко возросшей потребности деревни в кредите: «Теперь семья, деревня перестали быть обособленными хозяйственными единицами... Возникает необходимость в кредите, которая становится настоятельнее по мере того, как развивается экономическая жизнь страны»¹⁹. К тому же после голода 1891—1892 гг. резко усилилось внимание правительства и интеллигенции к аграрному вопросу, различным путям развития сельской кооперации. Перспективы эволюции мелкого трудового крестьянского производства были к концу XIX — в начале XX в. весьма неопределенными. Симпатии многих общественных деятелей, в первую очередь марксистов, были не на стороне мелкого земледелия. Казалось, оно обречено на гибель и ему на смену идет крупное хозяйство. Другой позиции придерживались кооператоры-реформисты — А. И. Васильчиков и его сторонники; впоследствии А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. В. Чаянов оформили их представления в «организационно-производственное» направление аграрной науки. Кооператоры видели спасение России в рациональной организации крестьянского производства. Прогнозируя процесс повышения устойчивости трудового крестьянского хозяйства, они обнаруживали его причину в объединении сельских тружеников в кредитных, подсобно-производственных, посреднических кооперативах²⁰.

Единственной общероссийской организацией, продолжавшей организовывать, пропагандировать идеи и практику кооперации — сельской главным образом — оставалось в конце XIX в. Петербургское отделение. Не удивительно, что его представители приняли активное участие в составлении Положения о мелком кредите. Утвержденное 1 июня 1895 г. Положение вводило новый тип кооперативов — кредитные товарищества. В отличие от ссудосберегательных, они действовали на «бесплаевом начале», получая деньги для создания основного капитала из Государственного банка. Но

зато подчинялись назначаемым администрацией банка инспекторам. Ссуды им предписывалось выдавать только «на производительные, а не потребительные цели». Члены Петербургского отделения, действуя от имени всех кооператоров, приложили немало сил для воплощения положения Закона 1895 г. в жизнь. В 1898 г. они организовали в Москве Первый Всероссийский съезд ссудо-сберегательных товариществ (кредитные все еще не существовали). В резолюции съезда на первое место выдвигалось пожеланием властям оказывать содействие кооперативным учреждениям мелкого кредита²¹. После этого стали создаваться кредитные товарищества.

Намерения и чаяния организаторов кооперации, общественных и государственных деятелей на рубеже веков все чаще совпадали. Главной народнохозяйственной задачей тогда становилась ликвидация диспропорции между уровнем и темпами роста промышленности и сельского хозяйства²². Мелкий же кредит являлся средством перераспределения ресурсов между этими сферами экономики.

Новые тенденции в экономической политике нашли отражение в решениях Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Было определено усилить поддержку кредитных товариществ за счет денег Особого комитета для помощи нуждающимся по случаю неурожая 1891—1892 гг. и Государственного казначейства. Поэтому с 1902 г. число ежегодно открывавшихся беспаяемых кредитных товариществ превысило число таких же ссудесберегательных. Участники Особого совещания высказывали пожелание — в то время казавшееся несбыточным — изыскать для создания «дела мелкого кредита» и удовлетворения насущных нужд сельского хозяйства от 270 до 400 млн. рублей. При этом все надежды возлагались на правительство, которое усиленно опекало кредитные объединения. Уже в ходе первой русской революции Государственный банк открыл кредитным кооперативам 20-миллионный кредит. Был усилен также контроль за делами товариществ со стороны инспекторов созданного при Государственном банке в 1904 г. Управления по делам мелкого кредита²³. Примечательно, что в речи нового (после П. А. Столыпина) главы правительства В. К. Коковцова, произнесенной с трибуны Государственной Думы в 1912 г., подчеркивалось: «Следует поощрять насаждение... кооперативных (имелось в виду: кредитных — А. Д.) товариществ»²⁴. Примечательно: «насаждение» проводилось с помощью чиновников, но также и местных жителей, земцев, крестьян.

Во многом под влиянием покровительственной политики кредитные кооперативы развивались самыми быстрыми темпами. К 1914 г. из 12 млн. членов кооперативов 9 млн. состояли в кредитных. Особенностью российской кредитной кооперации в начале века, по сравнению с западноевропейской, стало ее очень быстрое развитие не по инициативе зажиточных сельчан и горожан (как, например, в Германии), а на первых порах по воле государства. Организатор и исследователь товариществ С. В. Бородаевский даже назвал «систему, по которой эти товарищества действуют русской системой»²⁵.

Членов многих «насажденных» властью кооперативов и в начале XX в. совсем не отличала самостоятельность и инициативность. Однако формы и методы деятельности этих объединений со временем серьезно менялись. Три основных этапа такой эволюции правильно определил М. И. Туган-Барановский, писавший в своей книге: «В начале это — учреждение, возникшее по инициативе инспектора... Члены его нисколько им не интересуются и видят в нем только источник получения ссуды». Но следующем этапе «начинает сознательно относиться к делам товарищества небольшой кружок лиц из числа его непосредственных руководителей». Наконец этот «кружок» расширяется и «втягивает в круговорот своих интересов крестьян того же села»²⁶.

Постепенно члены кооперативов переставали быть иждивенцами: к 1910 г. Государственный банк списал безнадежных долгов с учреждений мелкого кредита лишь на 194 тыс. руб., а процентов по ссудам получил от них свыше 2,5 млн. руб. (ссуды выдавались товариществам из 6% годовых).

«Операция далеко не убыточная», — сообщалось по этому поводу в печати. Учтем, что в 1904 г. — по приведенным Корелиным сведениям — 38% кооперативов были близки к ликвидации (по данным Хейсина — 50%)²⁷. Думается, после 1904 г. в деятельности кредитных кооперативов произошел существенный сдвиг, ознаменовавший начало нового этапа их развития.

Очень важную роль в развитии кооперации сыграла столыпинская земельная реформа, в ходе которой повысилась кредитоспособность многих сельских хозяев. Известно, что к 1914 г. более трети общинников стали частными собственниками. Для перехода от трехполья к многопольному севообороту и покупки новой земли они объединяли часть своих сил и средств в кооперативах. Данные анкеты, опубликованной Главным управлением землеустройства и земледелия, показывали: членами кредитных кооперативов до землеустройства были 18% крестьян-домохозяев, а после — 42% (обследовались 22399 хозяйств) Земля становилась предметом купли-продажи, кредитные операции получали твердую гарантию. Поэтому Государственный и частные банки охотнее кредитовали кооперативы, а население все чаще делало вклады в кассы. При этом сами товарищества стали главными покупателями земли — 63,9% заявок на подобные покупки предъявлялось с их стороны²⁸.

Динамика роста численности кредитных кооперативов была такой: в 1902 г. — 800, 1904 г. — 1400, 1907 г. — 3240, 1910 г. — 6500, 1914 г. — 14 тысяч. Из них в начале века примерно треть приходилась на долю кредитных товариществ, а две трети — ссудосберегательных; перед мировой войной — уже наоборот. Наиболее быстро число кредитных кооперативов увеличивалось в предвоенное пятилетие: в 1909—1910 гг. — примерно, на 1300 ежегодно, в 1911 г. — на 1865, в 1912 г. — на 2469, в 1913 г. — на 2056. Учитывая членов семей вступивших в эти объединения домохозяев, можно признать, что в товариществах были кровно заинтересованы до 50 млн. человек, или треть населения России²⁹.

По ряду показателей Россия еще отставала от западных стран: в ней одно товарищество приходилось на 11 тыс. жителей, в Германии — на 3,5 тыс. Тем не менее ежегодные темпы роста кредитных кооперативов в России были в 5—6 раз выше, чем в Германии. Очень показательно, что росло доверие к ним со стороны населения: если к 1906 г. сумма поступавших от жителей вкладов достигала 37,5 млн. руб., то к 1914 г. — 158 млн. Наблюдалось даже «перетекание» вкладов из государственных сберегательных касс в кооперативы, поскольку последние были гораздо многочисленнее и доступнее для населения³⁰.

Кредитные кооперативы выдавали одновременно ссуды в размере 100—200 рублей. На эти деньги можно было приобрести, в частности, две десятины земли. Деньги направлялись и на покупку лошадей, сельскохозяйственных удобрений. Поэтому члены товариществ работали производительнее своих односельчан. Так, обследование крестьянских хозяйств, проведенное в Уфимской губернии Управлением по делам мелкого кредита, показало, что в среднем на каждый двор приходилось 5,45 десятин посевов, а в хозяйствах кооператоров — 7,26 десятин. «Это значит, что кооперативная среда более предприимчива, более работоспособна и всасывает в себя более энергичные элементы деревни», — писал ученый и кооператор Хейсин³¹.

Кредитные и ссудосберегательные кооперативы получали широкое распространение прежде всего в регионах, отличавшихся прочностью рыночных связей, товарно-денежных отношений. Кооперативы Бердянского уезда Таврической губернии (по данным К. Н. Тарновского, уезд «по развитию капиталистических отношений шел значительно впереди всей Украины») действовали успешно и создали в целях расширения своих операций в 1901 г. первый в России союз кредитных товариществ. После этого открылся в той же губернии Мелитопольский союз. Подобные самодеятельные организации пользовались доверием частных банков, которые открыли им кредит. К 1916 г. союзов насчитывалось 65, их уставы имели в своей основе уставы бердянской и мелитопольской организации³².

Усиливалась потребность в объединении кредитных операций товариществ. В 1906—1907 гг. в стране прошло несколько областных съездов кооператоров. На I Всероссийском съезде работников кооперации (1908 г.) было принято решение создать кооперативный банк, который по существу, выполнял бы функции общего союза. Возникла группа организаторов во главе с председателем Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах В. А. Перелешиним. В 1911 г. устав Московского народного банка (МНБ) был утвержден Министерством финансов; председателем правления стал В. А. Перелешин. 90% акций МНБ приобрели кооперативы, в том числе 60% — кредитные. Банк выполнял функции координатора деятельности кооперативов, гарантировал возврат ими кредитов, кредитовал их торговые операции³³. Годовые обороты банка выросли с 22,7 млн. руб. в 1912 г. до 1188 млн. руб. в 1916 г. «Ни одна другая страна не может похвалиться народным банком, подобным Московскому», — писал «отец итальянской кооперации» Л. Луццати³⁴.

Распределение по стране кооперативов разных видов было неравномерным. Ссудосберегательные товарищества преобладали в районах наибольшей капитализации сельского хозяйства — прежде всего в южном, юго-западном, западном; крестьяне там жили богато, предпочитали делать паевые взносы, обеспечивая своим объединениям независимость от властей. Кредитные товарищества получили преимущественное распространение в северном, центральном, восточном районах Европейской России.

К 1914 г. кредитные кооперативы обоих видов располагались в стране следующим образом. Самыми высокими показателями отличались Южный и Центральный земледельческие районы — там располагалось по 15% всех кооперативов. В промышленном районе их было 11,4%, в Северном — 9,5%, Восточном — 9%, в Сибири, Польше и Юго-Западном районе — по 7%.

Наивысший охват населения кооперативами перед первой мировой войной наблюдался на юге страны: в Бессарабской губернии он составлял 42%, Херсонской — 41%. В центрально-черноземных губерниях: Орловской — 30%, Воронежской — 29%, Тульской — 26%. Зато в Средней Азии, Закавказье, а также в одной северной губернии (Олонецкой) этот показатель не достигал и 3%. В целом по империи он составлял 16%³⁵.

Кредитные и ссудосберегательные товарищества начинали играть важнейшую роль в насыщении российского сельского хозяйства капиталами. В 1913 г. вклады населения в их кассы исчислялись в 158 млн. руб. (к 1916 г. они выросли до 479 млн.), а денежные суммы, направленные из правительственных источников в эти кооперативы, составляли 150 млн. рублей. Немногим более чем за десять лет осуществилась мечта участников Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности об изыскании 270—400 млн. руб. для создания в России «дела мелкого кредита»: В 1902 г. трудно было представить, насколько значительными окажутся возможности мобилизации ресурсов населения посредством товариществ³⁶.

Роль кредитных кооперативов в экономической жизни резко возросла в связи с тем, что они стали удовлетворять разнообразные потребности сельского хозяйства. Исследователь А. В. Меркулов писал: «В России все более и более сельскохозяйственная кооперация развивается вокруг кооперации кредитной... При кредитной кооперации начинают крепнуть кооперативный сбыт и закупка предметов производительного потребления. Этот процесс представляет собой характерную черту русской кооперации»³⁷. Часть капиталов кредитных и ссудосберегательных товариществ направлялась на устройство и поддержку сельскохозяйственных кооперативов разных видов. Так, машины и инвентарь продавались в кредит, но только членам товариществ для совместного использования. Кредитные и ссудосберегательные товарищества объединяли и ремесленников, которым обеспечивали ссуды, сырье, материалы, сбыт продукции (производительные артели — как они представлялись Чернышевскому — не прижились)³⁸.

Кредитные кооперативы выполняли на деньги крестьян и под их контролем те функции, осуществление которых оказывалось не по силам отдельным домохозяевам. 28,5% этих кооперативов в 1911 г. и 35,7% в 1913 г. занимались посреднической деятельностью, которая сводилась, главным образом, к покупке на рынке, доставке в села и продаже крестьянам по доступным ценам сельскохозяйственных орудий и машин, семян трав и хлебов. Торговая деятельность требовала специальной подготовки, знания рынка. Организующим центром всей этой работы стал товарный отдел МНБ³⁹.

Кредитные и ссудосберегательные товарищества наладили в России льнодельную кооперацию. Начало было положено весной 1912 г. в Виленском кредитном товариществе. Его правленцы наняли трепцов для выделки льна — самих же членов товарищества, которые радовались возможности подработать. С помощью инспектора Министерства земледелия по льноводству Г. Ф. Зеленского удалось наладить обработку льна машинным способом. Затем соседние товарищества ассигновали деньги на расширение перспективного дела. Была построена льноводная станция. Высокое качество обработанного на ней льна, в котором отсутствовали примеси пакли, подтверждали специальные пломбы. Спрос на рынке на такой продукт был высок. Первый организатор кооперативных обработки и сбыта льна, председатель правления Виленского товарищества Н. А. Меньшиков рассказывал: «Крестьяне перестали возить лен на базар, где скупщики по-прежнему притесняли льновода. Некоторые с базара возвращались обратно и везли лен в товарищество... Уже не нужно разъезжать по деревням и уговаривать привозить лен в товарищество. Теперь во дворе товарищества бывают дни, напоминающие городские базары. То привезли льноводы лен в товарищество»⁴⁰.

Залоговопосреднические операции с льноволокном стали проводить десятки кредитных кооперативов, а также их союзы. Летом 1914 г. товарный отдел МНБ наладил экспорт льна за границу. Накапливался опыт. Возникла система кооперативных органов, занимавшихся льняным делом. В результате оказалось возможным образовать новый вид кооперации. Весной 1915 г. на Первом Всероссийском съезде льняного дела, на котором выступал «с горячей речью» (по свидетельству Чаянова) Меньшиков, было создано Центральное товарищество льноводов. На первых порах оно с успехом пользовалось сложившимся при кредитных товариществах «аппаратом». Уже в середине 1915 г. в Центральное товарищество входили кооперативы, объединявшие 150 тыс. льноводных хозяйств⁴¹.

Усилия работников кредитной кооперации направлялись и на налаживание сбыта зерна. Такой сбыт был — по признанию некоторых видных аграрников — одним из самых слабых звеньев организации сельского хозяйства⁴². Известно, что Россия являлась тогда главным мировым экспортером зерна, вывозя его в отдельные годы больше США, Аргентины и Канады вместе взятых (при этом среднегодовая норма душевого потребления зерна была выше, чем, например, в Австро-Венгрии)⁴³. Между тем крестьяне от такого лидерства своей страны мало выигрывали. Не имея возможности хранить как следует зерно, они каждой осенью торопились его продать и скупщики покупали товар по дешевке. Кроме того, зерно засорялось из-за плохих условий хранения и тоже падало в цене. Кредитные товарищества по собственной инициативе, на свои деньги стали устраивать общественные зерносушилки, обзаводиться зерноочистительными машинами, после очистки на которых хлеб ценился дороже на 15—20%. На деньги Госбанка, МНБ, кредитных кооперативов начала осуществляться утвержденная в 1910 г. правительством программа создания (к 1920 г.) развитой системы зернохранилищ. Причем, государство взяло на себя заботу о сооружении крупнейших хранилищ, а кооперативы — элеваторов местного значения. Петербургское отделение Комитета о сельских товариществах наладило разработку типовых проектов кооперативных зернохранилищ. Уже к середине 1913 г. их появилось 498 и хлебозалоговые операции вели 15,3% всех товариществ. Зерно из таких хранилищ отличалось чистотой⁴⁴.

Товарищества объединяли свои силы и средства, использовали ссуды Государственного банка для совместной очистки, сушки и сортировки и сбыта зерна. В частности, уже в 1910 г. подобным образом был налажен кооперативный сбыт хлеба в Полтавской губернии. Товарищества Тобольской губернии сообща построили «Первое сибирское кооперативное зернохранилище», рассчитанное на хранение 220 тыс. пудов зерна; крестьяне после сдачи зерна получали три четверти его стоимости, остальное — после продажи из элеватора. Дальнейшему развертыванию перспективного дела помешала война. В 1917 г. в стране имелось всего 600 кооперативных зернохранилищ. Тем не менее в период первой мировой войны около шестой части государственных закупок зерна приходилось на долю кооперативов: в 1915-1916 гг. 1,3 млн. пуд. из 7,8 млн. пуд., то есть примерно столько же, сколько государством закупалось у помещиков⁴⁵.

Важнейшим условием развития кооперации стало проявление развитого кредита. Это в полной мере относится к молочно-маслодельной кооперации. Разумеется, у нее имелись и свои серьезные особенности. Центром российской молочно-маслодельной кооперации стала Западная Сибирь. На каждую крестьянскую семью в среднем в регионе приходилось по четыре коровы и среди крестьян преобладали «крепкие» хозяева. По свидетельству руководителя сибирской кооперации начала XX века А. Н. Балакшина, «в Сибири не наблюдается особенно резкой границы между бедной массой и немногими богатеями. Главную силу здесь имеет средний домохозяин»⁴⁶. Появилась гарантия против повторения артельной кампании XIX века.

В Сибири цены на сельскохозяйственную продукцию держались на уровне более низком, чем в Европейской России. Поэтому представители фирм Западной Европы — главным образом, датчане — после установления в 1880-х гг. железнодорожного сообщения Сибири с Европой предоставили крупные кредиты для развития молочного дела и налаживания экспорта продуктов. Вначале кредиты выдавались отдельным предпринимателям, а затем все чаще вызывавшим большее доверие кооперативам. Используя кредиты, крестьяне строили на товарищеских началах маслодельные заводы, на которые сдавали молоко от своих коров, нанимали мастеров, поручали выбранным из своей среды доверенным лицам сбыт продукции. По словам председателя Союза сибирских маслодельных артелей Балакшина, в кооперативах создавалась обстановка, при которой «интересы всех лиц, причастных к маслоделию, были бы солидарны между собой»⁴⁷.

Маслодельных кооперативов в Сибири к 1910 г. насчитывалось 1200, к 1913 г. — 1700, к 1914 г. — 2100. В 1914 г. кооперативные маслодельные заводы составляли 52% от всех подобных предприятий (остальные являлись частными) «Теперь вся Сибирь покрыта маслодельными артелями», — писалось в одном из журналов.

Вывоз масла из Сибири в конце XIX — начале XX вв. возрастал в среднем на 200 тыс. пудов в год, в 1894 г. составлял всего 400 тыс. пудов. Россия по вывозу масла (в основном — сибирского) в конце прошлого века занимала седьмое место в мире, в 1913 г. — второе (после Дании)⁴⁸. Если на первых порах большая часть экспортируемого масла отправлялась на рынок Англии через Данию и под датской маркой, то перед мировой войной Россия вывозила масло непосредственно в Англию; в Лондоне открылось представительство российских кооперативов. Русские маслоделы освободились из зависимости от датских фирм. Этому во многом способствовало создание в 1907 г. Союза сибирских маслодельных артелей — самой крупной в России кооперативной организации — и в 1911 г. Приуральского союза. Эти мощные объединения пользовались доверием банков и гарантировали кредитоспособность кооперативов. Кроме того, экспортные фирмы, наживавшиеся на посредничестве между молочными артелями и границей устранились с рынка такими крестьянскими союзами⁴⁹.

Опыт сибирских маслоделов был с успехом использован в тех губерниях Европейской России, в которых имелись условия для развития

молочного скотоводства. Ученый-аграрник А. А. Евдокимов справедливо считал, что «развитие сибирского маслоделия, его быстрый успех отразились на молочном хозяйстве России». Вслед за Сибирью кооперативное молочное хозяйство стало процветать в Вологодской, Архангельской, Пермской, Ярославской, Псковской, Костромской губерниях. Здесь артелям открывали кредит крупные российские частные фирмы (например, Г. Бландова), а также кредитные товарищества, земства, Вологодское общество сельского хозяйства. Всего в указанных районах к 1914 г. действовало около 1 тыс. молочных кооперативов (в Сибири — 2100) ⁵⁰.

В Европейской России наибольших успехов добились вологодские кооператоры. Строительство в 70-е годы Вологодско-Ярославской железной дороги, открывшее для вологжан широкие московский и петербургский рынки, создало условия для развития частного маслоделия. Однако владельцы мелких частных предприятий давали крестьянам мало денег за их молоко. Тогда местные сельские жители, воодушевленные примером сибиряков, стали брать кредиты и строить свои заводы. Первый жизнеспособный кооператив они создали в 1906 г., в 1910 г. таких объединений насчитывалось уже 60, а в 1912 г. — 159. Члены каждого из них приносили в год на свои маслодельные заводы до тысячи тонн молока, получая по 50—55 коп. за пуд (а частные предприниматели платили по 35—40 коп.). Тем не менее в Вологодской губернии маслоделие и кооперация не достигли такого высокого уровня развития как в Сибири по той причине, что крестьяне здесь жили беднее — на каждый двор приходилось в среднем по 1,8 коровы — и из-за низкой кредитоспособности крестьян меньшими были выделяемые им кредиты ⁵¹.

В то же время вблизи столиц появились кооперативы по сбыту молока (члены их не испытывали потребности в переработке своей продукции, так как успевали отвезти молоко в города до его скисания). Однако эти кооперативы не играли большой роли в экономической жизни, поставляя лишь около 5% потребляемого горожанами молока ⁵². Дело в том, что трудности хранения и транспортировки продукции были невелики и «пригородные» крестьяне предпочитали действовать в одиночку.

Содействуя развитию ведущих отраслей сельского хозяйства, кооперация удовлетворяла потребности аграриев в пропаганде и распространения достижений аграрной науки. Речь идет о сельскохозяйственных обществах и товариществах численность которых выросла с 1 тыс. в 1904 г. до 4,5 тыс. к 1914 году. В их функции входило распространение передовых методов хозяйствования, устройство лекций, курсов, выставок, библиотек, небольших образцовых пунктов случных, зерноочистительных и по прокату машин, опытных земельных участков. Губернские (так называемые «центральные») союзы обществ и товариществ приступили к налаживанию сбыта крестьянской продукции и покупок сельчанами орудий труда, семян, товаров широкого потребления. Нередко члены объединений выступали в роли инициаторов создания кредитных, маслодельных и потребительских кооперативов. По этой причине журнал «Хуторянин» даже назвал их «учредителями, проводниками, воспитателями кооперативного движения в селах». Деятельность сельскохозяйственных обществ и товариществ не отличалась крупными масштабами. И для ее развертывания не требовалась больших денежных сумм. Достаточно было денег самих крестьян, небольших ссуд уездных земств, кредитных товариществ, дальновидных помещиков; средства для устройства образцовых зерноочистительных станций выделено Министерством земледелия ⁵³.

Каждое сельскохозяйственное общество объединяло по 20—40 человек. Из них 60% составляли крестьяне среднего достатка, по 20% приходилось на долю богатых и малоимущих. Неграмотных среди них не было, все они окончили школы. Интересные данные о составе руководящего ядра обществ и товариществ были получены в результате анкетирования делегатов Первого Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений (апрель 1908 г.). Из 527 членов правлений 425 были крестьянами, остальные являлись учителями, помещиками, «лицами духовного звания», агронома-

ми. Примечательно, что среди делегированных на съезд правленцев оказались полицейский пристав и урядник ⁵⁴.

Русские просвещенные люди, патриоты в налаживании сельских кооперативов (а не в политических играх) видели в этом свое признание, главный путь улучшения жизни крестьян. О делах одного из таких людей, председателя сельскохозяйственного общества села Дергежи Новгородской губернии, местного помещика и своего отца рассказывала видная деятельница кадетской партии А. В. Тыркова-Вильямс: «Со свойственной ему энергией он в трех соседних волостях вербовал членов общества, добывал кредиты, ходил по петербургским канцеляриям, устраивал местные агрономические съезды и совещания, привозил инструкторов и лекторов для зимних сельскохозяйственных курсов, где читались практические лекции по скотоводству, полеводству, огородничеству, пчеловодству. Все это для наших деревень было большой новизной. Отец будил, тормозил мужиков». О результатах этой работы руководителя сельскохозяйственного общества Тыркова-Вильямс говорила: «Русская башка тоже уже заработала. Мужики поняли, что каждый мешок удобрения, каждая мера хороших семян сторицей вознаграждает их за работу и расходы. Понемногу сдвигалось с мертвой точки мужицкое хозяйство» ⁵⁵.

С общим подъемом различных видов сельскохозяйственной и кредитной кооперации стало прямо связываться развитие потребительских обществ. «В некоторых селениях имеются учреждения чуть ли не всех видов кооперации», — писала газета «Речь» в 1913 году. В итоге удалось преодолеть главную трудность работы кооперативов XIX в. — отсутствие кредитов. В начале XX в. на первых порах налаживались кредитные, ссудосберегательные, маслодельные, сельскохозяйственные товарищества, а потом при их содействии создавались кооперативные лавки, чайные, пекарни. Так, Сибирский союз маслодельных артелей наладил работу пятисот потребительских лавок. Торговые «точки» создавались центральными сельскохозяйственными обществами. Нередко продукция крестьянских товариществ продавалась в обществах потребителей ⁵⁶.

Важнейшую роль в налаживании массового движения потребителей сыграли центры кредитной кооперации и прежде всего Московский комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, его Петербургское отделение. Их деятели еще в 1896 г. созвали в Нижнем Новгороде во время очередной ярмарки съезд представителей потребительских обществ, на котором был выработан устав потребительских объединений. Этот устав, утвержденный Министерством внутренних дел по ходатайству и настоянию членов Петербургского отделения в 1897 г. сильно облегчил организацию обществ потребителей: для их регистрации требовалось разрешение губернатора, а не — как до того — министров земледелия и государственных имуществ. Тогда же при Петербургском отделении появилась Постоянная комиссия по делам потребительских обществ. Члены этой комиссии и Московского комитета учредили в 1898 г. первый в России союз потребительских обществ — Московский; через несколько лет он фактически стал выполнять функции всероссийского союза оптовых закупок — по примеру Английского или Шотландского. При посредстве Московского союза завязывались деловые отношения сельских обществ потребителей с фабрикантами и оптовыми торговцами ⁵⁷.

Содействие со стороны кооперативов разных типов благоприотствовало развитию потребительской кооперации, но важной причиной ее прогресса представляется и насущная потребность в ограничении монополии и связанных с ней злоупотреблений частных торговцев. В Стрельне (под Петербургом) общество потребителей возникло после того, как частник продал жителям мясо больной коровы. В других местах крестьян возмущала грубость по отношению к ним со стороны лавочников, грязь в частных лавках. Покупатели не ограничивались требованием покарать виновных. Они объединялись и открывали свою общественную торговлю. При этом в разных местах в результате конкуренции цены на товары понижались на 20—40%. «Теперь же, когда отрылась потребительская лавка, — говорил

житель села Кобрино Петроградской губернии К. Е. Лапьер,— покупателя лавочник уже не посылает к другому, а старается почтительно предложить получше (Так в тексте.— А. Д.). Цену держит, скрепя сердце, равную с ценой потребительской лавки»⁵⁸.

Численность объединений потребителей быстро увеличивалась. В одном 1912 г. открылось столько потребительских кооперативов, сколько за 1865—1905 годы. Если в 1904 г. их было 951, то к 1914 г.— 10 тыс. Перед первой мировой войной в объединения входило полтора миллиона членов. Поскольку в городах конкуренция торговцев и без общественных лавок была очень высока, то потребительское движение по мере развития рыночных отношений распространилось главным образом в сельской местности — в 1904 г. там располагалось 40% всех потребительских обществ, а к 1914 г.— 85%. В этом проявилась самобытность потребительской кооперации в России — во многих других странах, и прежде всего в Англии она была городской⁵⁹.

На примере движения потребителей хорошо видно, что российская кооперация имела глубокие корни в народной жизни. Потребительские объединения лишались прямой финансовой поддержки государства. Тем не менее они расширяли масштабы своей работы — хотя и не столь быстро, как кредитные товарищества. Значит, политика «насаждения» могла лишь содействовать прогрессу «самопомощи», но не обусловила его.

Государственная политика в отношении потребительского движения имела серьезные отличия. Думается, дело в том, что часть обществ создавалась в городах и объединяла фабричных рабочих. Последние были настроены весьма радикально и находились под влиянием левых партий; революционные лозунги кружили им головы. Влияние социалистов в рабочих «потребилках» оказалось значительным. Из 113 делегатов состоявшегося в июне 1917 г. собрания уполномоченных Петроградского общества оптовых закупок 22 человека стали социалистами еще в период первой русской революции. Сказывалось и влияние большевиков. Не случайно, на Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений (апрель 1908 г.) Петербургское потребительское общество печатников и железнодорожников «Труженик» делегировало большевика Р. В. Малиновского (провокатора)⁶⁰.

Министерство внутренних дел подозревало всех лидеров потребительского движения — городского, а заодно и сельского — в стремлении к изменению существующего государственного строя. Закона о кооперации не существовало и поэтому чины полиции по своему усмотрению применяли положения «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» по отношению к потребительским обществам, объявляя многие из них «преследующими вредную цель». К кредитным объединениям власти относились либерально; к тому же их брало под защиту Министерство финансов. Тем болезненнее воспринимались лидерами движения потребителей административные запреты на устройство их союзов. В 1910 г. существовало 3 союза потребительских обществ — Московский и фактически не работавшие из-за указанных препятствий Петроградский и Киевский — и 8 кредитных союзов. Положение лишь отчасти улучшалось в результате деятельности Петербургского отделения Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, выполнявшего в том числе и функции всероссийского методически-координационного центра движений потребителей.

Запрещались даже общие собрания членов обществ потребителей и лекции известных кооператоров. «Усилия рабочих во многих фабрично-заводских обществах поставить дело на более правильных основаниях трактовались по какому-то явному недоразумению как действия неблагонамеренные, чуть ли не революционные», — писал об административных «перегибах» заведующий секретариатом Московского союза потребительских обществ В. Н. Зельгейм⁶¹.

Отношение к движению потребителей со стороны властей мало изменилось даже в период первой мировой войны, когда место и роль движения в экономической жизни России сильно выросли. В условиях спекулятивной

горячки люди увидели в общественных лавках панацею, средство спасения от лишений. Наоборот, потребность в сельскохозяйственном кредите уменьшилась. В итоге в центр кооперативного строительства выдвинулось потребительское движение. Число обществ потребителей выросло в 1914—1916 гг. с 10 тыс. до 23,5 тыс., а кредитных товариществ — с 13 тыс. до 16,5 тыс.; число членов в первых увеличилось на 5 млн., во вторых — на полмиллиона человек⁶². Несмотря на это, число разрешенных властями союзов потребительских обществ исчислялось единицами (кредитных — десятками) Созданный деятелями Московского союза потребительских обществ в 1915 г. Центральный кооперативный комитет и 100 его провинциальных отделений, не успев развернуть работу, были запрещены. Все это вызывало недовольство кооператоров, среди которых приобрел в годы войны популярность лозунг «Так дальше жить нельзя!»⁶³.

Возмущение деятелей потребительской кооперации политикой властей дало себя знать в ходе Февральской революции. Уже 25 февраля 1917 г. руководители Петроградского союза потребительских обществ вместе с членами социал-демократической фракции Государственной думы провели заседание в главном управлении союза на Невском проспекте. Обсудив положение, они приняли решение созвать совет рабочих депутатов по образцу Петербургского совета 1905 г.; выборы поручалось организовать кооперативам и заводским кассам взаимопомощи. Вскоре после заседания его участники были арестованы и отправлены в тюрьму⁶⁴. Кооператоры стали как бы первыми страдальцами за идею создания советов.

Деятели кооперации сыграли немалою роль в развитии событий, происходивших в 1917 году. Примечательно, что многие из них вошли в состав Временного правительства. Работники Всероссийского центрального союза потребительских обществ — Центросоюза (до 1917 г. — МСПО) П. Н. Колокольников и А. Н. Никитин стали: первый — министром труда, второй — министром почт и телеграфа. В. Н. Зельгейм занимал пост товарища министра земледелия. Председатель созданного в марте 1917 г. совета Всероссийских кооперативных съездов С. Н. Прокопович возглавил Министерство продовольствия, которое сформировал почти полностью из кооператоров⁶⁵.

Кооперация стала проводником экономической политики марта-октября 1917 г. Этой ее роли соответствовал экономический потенциал органов «самопомощи». В 1917 г. число кредитных, ссудосберегательных, сельскохозяйственных, потребительских обществ и товариществ достигло 46 тыс.; в них объединялось до 18 млн. чел. Торговые обороты одной сельскохозяйственной (в том числе маслодельной) кооперации достигли в тот год 1 млрд. золотых рублей. По численности кооперативов, темпам их роста Россия занимала первое место в мире. Но этого было еще недостаточно для страны с необозримыми просторами: по данным секретаря Московского комитета о сельских товариществах В. А. Кильчевского, только в Европейской России требовалось создать 275 тыс. рационально действующих кооперативов. Однако времени на это история не отпустила⁶⁶.

Временное правительство сделало ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. Одним из первых его законодательных актов было принятое 20 марта «Положение о кооперативных товариществах и союзах», в соответствии с которым снимались все преграды на пути организации кооперативов и их объединений (в 1917 г. возникло около 1 тысячи союзов обществ и товариществ). Через пять дней после этого правительство ввело хлебную монополию и издало «Временное положение о местных продовольственных органах». Все излишки зерна, фуража объявлялись государственной собственностью. Предпочтение в их заготовке отдавалось кооперативам и общественным организациям, из представителей которых формировались продовольственные комитеты.

Многочисленные кооперативные склады, элеваторы, транспортные средства, конторы, закупочные бюро и т. п. были полностью использованы

для проведения хлебозаготовок, распределения продуктов. Член Совета всероссийских кооперативных съездов А. М. Беркенгейм рассказывал: «Нам было предложено тогда помочь правительству в продовольственном деле. И скромно, без единого слова отступая назад на политической арене, принялись мы за это дело»⁶⁷. При активнейшем участии кооперации за 8 месяцев удалось заготовить 360 млн. пудов зерна. Это хороший результат, если учесть, что советская власть в 1917—1918 гг. заготовила в 6 раз меньше, а за последние 8 месяцев существования царского режима указанные заготовки были только на 5 млн. пудов больше⁶⁸. Кооперативы приняли самое деятельное участие в распределении продуктов. В Петрограде через торговую сеть потребительской кооперации население покупало 48% молока, 25% молочных продуктов, 45% картофеля и т. д. В 1917 г. только общества и союзы потребителей обеспечили треть розничного товарооборота⁶⁹.

Работники российской кооперации справились с поставленной перед ними задачей и делали все возможное для недопущения гибели демократии по причине обострения продовольственного кризиса (думается, причину этой гибели следует искать в перипетиях политической борьбы). В целом, в 1917 г., когда работники потребительских, сельскохозяйственных, кредитных обществ и товариществ достигли наибольшего влияния на хозяйственную жизнь страны, выявились формировавшиеся на протяжении многолетнего предшествовавшего периода позитивные тенденции развития кооперации в России.

Примечания

1. МОРАЧЕВСКИЙ В. В. Успехи крестьянского хозяйства в России. СПб., 1910, с. 115.
2. БОРОДАЕВСКИЙ С. В. Кооперация среди славян. СПб, 1912; ТОТОМИАНЦ В. Ф. Кооперация в русской деревне. М., 1912; ПРОКОПОВИЧ С. Н. Кооперативное движение в России. М., 1913; АНЦИФЕРОВ А. Н. Очерки по кооперации. М., 1915; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Социальные основы кооперации. М., 1916; МЕРКУЛОВ А. В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1917; ЧАЯНОВ А. В. Краткий курс кооперации. М., 1915; Его же. Организация кооперативного сбыта. М., 1918; Его же. Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М., 1918; ХЕЙСИН М. Л. Кредитная кооперация в России. М., 1919; его же Исторический очерк кооперации в России. Л., 1926; ЕРКОМАЙШВИЛИ А. Развитие кооперативной мысли. Тифлис, 1925; ЛОЗОВЫЙ А. Курс кооперации. М., 1927; и другие.
3. ТРАПЕЗНИКОВ С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. М., 1967, с. 250; МОРОЗОВ Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969, с. 23.
4. ФАРУТИН И. А. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России. В кн. Ученые записки Калининградского университета. Вып. IV. Калининград, 1970; КИТАНИНА Т. М. Война, хлеб, революция. Л., 1985; КОРЕЛИН А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М. 1988; ФАЙН Л. Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново. 1994.
5. БИЛИМОВИЧ А. Д. Кооперация в России до, во время, и после большевиков. Франкфурт-на-Майне, 1955, с. 24, 104; ПУШКАРЕВ С. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-н-М. 1985, с. 123.
6. ПАЖИТНОВ К. Очерки по теории кооперации. — Петроградский кооператор, 1917, № 2, с. 7.
7. В. П. Мечта кооператора. — Объединение, 1915, № 16—17, с. 32.
8. ПРОКОПОВИЧ С. Н. К критике Маркса. СПб. 1901. с. 185; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Производительные артели с точки зрения социальной политики. — Вестник кооперации, 1919, кн. 3, с. 6—7.
9. ЕРКОМАЙШВИЛИ А. Ук. соч., с. 104; АНЦИФЕРОВ А. Ук. соч., с. 14—15; ТОТОМИАНЦ В. Шульце-Делич. — Вестник кооперации, 1910, № 4, с. 51—52; Молочное хозяйство, 1903, № 21, с. 423, 434.
10. СОКОЛОВСКИЙ П. Исторический очерк кооперативных учреждений в России. — Отечественные записки, 1871, кн. 12, с. 85.

11. ПОТРЕСОВ А. Н. Этюды о русской интеллигенции. СПб, 1906, с. 61, 65, 41.
12. Цит. по: Кооперации. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России. СПб. 1904. с. 54.
13. ПОТРЕСОВ А. Н. Ук. соч., с. 66.
14. МЕРКУЛОВ А. В. Ук. соч., с. 33, 44; Кооперация на русской почве. - Отечественные записки. 1874, № 2, с. 185, 188, 205; Сообщения С.-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Вып. 9-й. СПб. 1895. с. 2, 17.
15. МЕРКУЛОВ А. В. Ук. соч., с. 44.
16. Подробнее о князе А. И. Васильчикове и истории кредитных товариществ в XIX в. см.: Вопросы истории, 1993, № 8.
17. Отечественные записки, 1877, № 8, с. 252--264.
18. ВАЛАЕВ А. Ссудосберегательные товарищества в России.-- Вестник кооперации, 1910, № 4, с. 4; Иллюстрированный вестник культуры и торгово-промышленного прогресса России. 1899, вып. 2, ч. 3, с. 9; ЗАРУДНЫЙ С. Итоги кредитной кооперации. --- Книжки вестника мелкого кредита, 1915, № 6, с. 76.
19. Цит. по: КОРЕЛИН А. П. Ук. соч., с. 106.
20. На славном посту. Лит. сб., посвященный Н. Михайловскому. СПб. 1900, с. 373; ЧАЯНОВ А. В. Организация кооперативного сбыта, с. 79.
21. ХЕЙСИН М. Л. Ход развития кредитной кооперации за 50 лет.— Вестник кооперации, 1916, № 4, с. 14; его же. Кредитная кооперация в России, с. 194.
22. См.: ДЯКИН В. С. Деньги для сельского хозяйства.— Отечественная история, 1991, № 3, с. 71.
23. Сообщения С.-Петербургского отделения Комитета о сельских товариществах. Вып. 19. СПб. 1904, с. 84, 115, 142; Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Труды. М. 1908, с. 267.
24. Цит. по: МЕРКУЛОВ А. В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг. 1918, с. 131.
25. БОРОДАЕВСКИЙ С. В. Ук. соч., с. V.
26. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Социальные основы кооперации, с. 377.
27. КОРЕЛИН А. П. Ук. соч., с. 132; ХЕЙСИН М. Л. Ход развития кредитной кооперации за 50 лет, с. 18; Торговля, промышленность и техника, 1909, № 3, с. 3.
28. ОГАНОВСКИЙ Н. Аграрный вопрос в России.— Агрономический журнал, 1914, № 1, с. 51; ХЕЙСИН М. Я. Ход развития кредитной кооперации за 50 лет, с. 21; Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Труды, с. 1.
29. ЗАРУДНЫЙ С. Ук. соч., с. 75; БОРОДАЕВСКИЙ С. В. Ук. соч., с. III; ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 124, 147.
30. ВАЦУРО Г. Вкладная операция в учреждениях мелкого кредита.— Книжки Вестника мелкого кредита. Кн. 4. Пг, 1915, с. 5—6.
31. ОГАНОВСКИЙ Н. Ук. соч., с. 59; ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 155.
32. ТАРНОВСКИЙ К. Н. Социально-экономическая история России. М., 1990, с. 119; ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 135; Кооперации. Свод трудов местных комитетов..., с. 10; ФРОММЕТ Б. Русский социализм и кооперация. Пг, 1919, с. 109.
33. Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по мелкому кредиту и сельскохозяйственной кооперации в С.-Петербурге. 11—16 марта 1912 г. СПб, 1915, с. 268; Хроника кооперации.-Кооперативная жизнь, 1914, № 8, с. 563; МАСЛОВ С. Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922, с. 47.
34. Цит. по: БИЛИМОВИЧ А. Д. Ук. соч., с. 14.
35. КОРЕЛИН А. П. Ук. соч., с. 136, 139; ФРОММЕТ Б. Из жизни кооперации.— Крестьянское земледелие, 1913, № 4, с. 74.
36. ВАЦУРО Г. Ук. соч., с. 5; ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 167; Русская молва, 16. II. 1913.
37. МЕРКУЛОВ А. В. Вопросы кооперативного движения в России, с. 213.
38. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Социальные основы кооперации, с. 377; ЯКОВЛЕВ Я. Наша деревня. М., 1924, с. 53; ПРОКОПОВИЧ С. Н. Кооперативное движение в России, с. 80.
39. ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 167—168.
40. ЧАЯНОВ А. В. Русское льноводство..., с. 142.
41. ХРАНЕВИЧ К. Очерки по истории союзных строителей кредитной кооперации в России.— Вестник кооперативных союзов, 1917, № 2; МЕРКУЛОВ А. В. Популярны очерки по кооперации. Пг, 1918, с. 10; ЧАЯНОВ А. В. Русское льноводство... с. 150, 155.
42. ДОБРОХОТОВ Н. По поводу постройки мелких кооперативных зернохранилищ.— Кооперативная жизнь, 1913, № 3 - 4, с. 24; МЕРКУЛОВ А. В. Вопросы кооперативного движения в России, с. 72.

43. ВОЕВОДА М. Организации хлебной торговли и задачи кооперации.-Союз потребителей, 1923, № 9, с. 25.
44. ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 167; ДОРОШЕНКО А. Элеваторная система в России и интересы сельской буржуазии.-Вестник кооперации 1913, № 9, с. 6, 17; VIII Всероссийский съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.— Биржа, 1914, № 6, с. 4; БИЛИМОВИЧ А. Д. Ук. соч., с. 23.
45. ТОТОМИАНЦ В. Ф. Кооперация в русской деревне, с. 215; МЕРКУЛОВ А. В. Популярные очерки по кооперации, с. 12, 13; ХЕЙСИН М. Кредитная кооперация в России, с. 123
46. Цит. по: ЕВДОКИМОВ А. А. Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. Харьков, 1911, с. 57.
47. Там же, с. 55.
48. Кооперация сбыта.— Объединение, 1911, № 15, с. 2; ЧАЙКОВСКИЙ Н. В. Кооперативное дело в Сибири. СПб. 1914, с. 9; Крестьянское земледелие, 1913, № 4, с. 54.
49. СТЕПАНОВСКИЙ И. Русское молочное хозяйство и кооперация. СПб. 1913, с. 13; ЧАЙКОВСКИЙ Н. В. Ук. соч., с. 3, 9.
50. ЕВДОКИМОВ А. А. Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства, с. 43; Кооперация сбыта, с. 2; ЗОРИН С. Благие начинания.— Петроградский кооператор, 1915, № 9, с. 38.
51. Маслодельные артели в Вологодской области. По данным анкеты Вологодского общества сельского хозяйства. Вологда, 1915, с. 2, 37, 41, 57, 66, 130; ФРОММЕТ Б. Маслодельные артели. Крестьянское земледелие 1913, № 4, с. 54.
52. ЛИТОШЕНКО Л. Н. Снабжение Москвы и других больших городов молоком. М., 1910, с. 150; Молочная кооперация Петроградской губернии.— Петроградский кооператор, 1915, № 6, с. 41.
53. Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Труды, с. 355, 357, 358, 360, 366, 368; МЕРКУЛОВ А. В. Вопросы кооперативного движения в России, с. 19; ТОТОМИАНЦ В. Ф. Кооперация в русской деревне, с. 7, 52, 53, 91; Хуторянин, 1910, № 20, с. 775.
54. ЕРТОМСКИЙ И. Сельскохозяйственные общества 1908—1913 гг.— Крестьянское земледелие, 1913, № 20, с. 313; Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Труды, с. 356.
55. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952, с. 418—419.
56. МЕРКУЛОВ А. В. Популярные очерки по кооперации, с. 5—6; ЧАЙКОВСКИЙ Н. В. Ук. соч., с. 3; Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Труды, с. 372; Потребительное общество служащих и рабочих.— Петроградский кооператор, 1915, № 9, с. 41, 42.
57. ХЕЙСИН М. Л. Исторический очерк кооперации в России, с. 64—68, 84, 85, 108; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Социальные основы кооперации, с. 208.
58. ПРОКОПОВИЧ С. Н. Кооперативное движение в России с. 264; ТОТОМИАНЦ В. Ф. Кооперация в русской деревне с. 406, 409; ЛАПЬЕР К. Е. Еще о деревне Кобринно Царскосельского уезда.— Петроградский кооператор, 1915, № 11, с. 34.
59. СЛОБОЖАНИН М. Смотр кооперативным силам. СПб, 1908, с. 32; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Социальные основы кооперации, с. 388, 389.
60. МАРАКУЕВ В. Очередные задачи русской кооперации.— Русская мысль. София, август-сентябрь 1921 г., с. 319; Состав V собрания уполномоченных.— Петроградский кооператор, 1917, № 13—15 с. 38—39; Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений. Труды, с. 75.
61. Союз потребителей, 1909, № 1, с. 4.
62. МЕРКУЛОВ А. В. Вопросы кооперативного движения в России, с. 19; БИЛИМОВИЧ А. Д. Ук. соч., с. 35, 38.
63. МЕРКУЛОВ А. В. Исторический очерк потребительной кооперации в России, с. 100; ФРОММЕТ Б. Российский социализм и кооперация, с. 110.
64. Катков Г. М. Февральская революция. Париж. 1984, с. 356, 357.
65. БИЛИМОВИЧ А. Д. Ук. соч., с. 33; ХИЖНЯКОВ В. История и организация Совета Всероссийских кооперативных съездов. М., 1919, с. 8; ХЕЙСИН М. Л. Исторический очерк кооперации в России, с. 127, 128.
66. МЕРКУЛОВ А. В. Вопросы кооперативного движения в России, с. 138; НИКОЛАЕВ А. Революция и кооперация.— Год русской революции. Сб. соч. М., 1919, с. 224; ФРОММЕТ Б. 25 февраля 1917 г.— 1 января 1918 г.— Вестник кооперации, 1918, № 1—2, с. 85.
67. Речь А. М. БЕРКЕНГЕЙМА.— Государственное совещание. М.-Л., 1930, с. 297.
68. ВОЛОБУЕВ П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, с. 442; ПРОКОПОВИЧ С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952, с. 145; Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства. Сб. материалов. М. 1920, с. 175.
69. Бюллетень Центральной управы Петроградского продовольственного совета, 1918, 6 июня, № 15, с. 4, 5.

Первые Романовы и царистская идея (XVII век) *

И. В. Поздеева

До сих пор нерешенной задачей остается анализ роли и значения печатного слова в деле становления и укрепления династии Романовых, и шире — самодержавия в XVII веке. Особенно интересны с этой точки зрения годы правления Михаила Федоровича, пришедшего к власти в политически ослабленной и экономически разоренной стране, казна которой была пуста, а на престол претендовали не только представители других стран, но и других русских знатных родов, также имевших родство с Рюриковичами. Доходило до того, что царь Михаил в конце апреля 1613 г. из-за грабежей на дорогах не мог выехать в Москву из Троице-Сергиева монастыря. Особенно осложнили обстановку в стране казачье восстание 1614—1615 гг. и последовавший за ним голод, вызванный как неурожаем, так и повсеместным запустением земель¹.

Одним из первых дел новой династии было возобновление государственного книгопечатания. Еще 5 января 1613 г., за полтора месяца до избрания Михаила Романова на царство, когда, по словам мастера-псковитянина Н. Ф. Фофанова, вновь «начато бысть сие боговдохновенное и трудолюбное дело новая штанба сии речь печатных книг дело в Нижнем Нове городе». В декабре 1613 г. «сие преславное дело» «в совершение же прииде», сообщает Фофанов и этим временем датирует выход своего нижегородского издания. Новая династия немедленно принялась также восстанавливать сгоревший в годы «Смуты» старый Печатный Двор в Москве, куда и был вытребован Никита Фофанов. Первая книга — Псалтырь учебная, напечатанная им в Москве, — была начата 5 июня 1614 и закончена 6 января 1615 года.

Издание открывалось предисловием, восхваляющим эту действительно важнейшую в средневековой славянской и всех христианских культурах литургическую, учительную и учебную книгу. В послесловии Фофанова к этой же книге повторяются и развиваются многие идеи нижегородского издания 1613 года. Прежде всего мы узнаем, что во время смуты враги «Москву и вся грады Росииския земли огнем пожгоша, царские же дома и сокровища разграбиша». Но самым страшным, с точки зрения автора послесловия этого издания, вышедшего уже от имени нового царя, было то,

---

Поздеева Ирина Васильевна — доктор исторических наук, зав. Археографической лабораторией Исторического факультета МГУ.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

что «на царствующий град Москву и на вся грады Росийския земли воста зельная буря противных ветр и разгорая велик пламень» «злехитрых и многоглавных ересей», «вся ереси древних... яве объявишася», стремясь «церковь Божию растерзати». Именно для борьбы с этими многочисленными ересями «во общую духовную ползу благочестивому царствию... и всему христоименитому законному исполнению» необходимы божественные книги и должно «совершатися» «книжного писания печатное дело».

В своей характеристике разграбления Русской земли и многочисленности ее врагов Фофанов если и погрешил против истины, то, скорее, преуменьшив тяжесть общей ситуации, сложившейся в западных и центральных областях государства. Объясняется это, кроме панегирических целей, также и временем написания предисловия. В 1613 г. еще не обрисовалась значительная часть последствий смуты, на ликвидацию которых и направляло свои усилия правительство, действовавшее от лица молодого царя.

Общая хозяйственная разруха во многом обостряла и церковно-идеологическую борьбу, выразившуюся прежде всего в отстаивании «чистоты» православия как несокрушимой основы государственной власти. Именно книгопечатание, утверждавшее «царистскую идею», могло стать и действительно стало важнейшим, если не основным, орудием идеологической политики государства.

Царь Михаил для «печатного дела» «дом превелик устроити повеле», а «снискателя же преславного сего печатного дела», т. е. самого Фофанова, «и делателей» «преизобилно своими царскими уроки повсегда удоволяя»². Таким образом, в первые же сложнейшие дни своего правления новая династия связывает свое имя с печатной книгой, с государевым Московским Печатным двором, «рассеивавшим» свою продукцию «аки пшеницу» во «все края вселенныя».

Типологическая характеристика ранней русской печати, с точки зрения ее состава, в определенной степени решена. Доказана культурно-историческая, особая социальная значимость литургических памятников, а также учебной книги (представленной третью всех московских изданий первой половины XVII в., учительных и полемических сборников, отвечавших всегда на самые острые вопросы времени³. Анализом же содержания и значения сопровождающих напечатанные в московской типографии книги послесловий и предисловий — своеобразной книжной публицистики, неразрывно связанной с традициями русской рукописной книги и печати XVI в., историки, в отличие от филологов, практически не занимались, хотя актуальность их изучения отмечалась уже давно⁴.

Старопечатные издания кириллического шрифта традиционно, начиная с Апостола 1564 г., сопровождались послесловиями, исходившими от лица печатников, но фактически являвшимися — так же, как и сами издания, — государственными документами. Эти тексты и построены, подобно любому государственному документу, по законам дипломатики. Почти во всех изданиях, даже хронологически далеко отстоящих друг от друга, они обязательно — в том или ином сочетании, с различной полнотой и глубиной — трактуют одни и те же темы, либо в выражениях традиционных, граничащих (а то и прямо совпадающих) с формулами государственной дипломатики, либо, наоборот, в выражениях оригинальных и творческих.

В этом, фактически, государственном документе, нередко, но далеко не всегда, содержится более или менее развернутый текст, объясняющий смысл или цели издания. Однако в послесловиях Московского Печатного двора такой элемент не обязателен и призван только подчеркнуть общественную важность книги. Как правило, указывались и выходные сведения книги, также всегда связанные с инициативой властей и определенным формуляром. В выходных сведениях сообщается, что книга издана в «царствующем граде Москве», по решению «благоверного» царя и по благословению патриарха; каждый раз указывается год их правления и имя святого, в день которого издание было закончено. Однако в 30—40-е годы XVII в. московские издатели, принадлежавшие к интеллектуальной элите общества, дополняли официально-государственные тексты своими собственными пос-

лесловиями грамматического, полемического, научно-панегирического характера, в которых формулируются принципы подготовки и издания текстов, или целыми трактатами, целиком связанными с содержанием издания.

Идейным композиционным центром в официальных предисловиях и послесловиях изданий XVI — первой половины XVII в., как сформулирована эта мысль в статье А. С. Елеонской, является изображение монарха: «И божество, и книги и издатель, и читатель представлены... не столько сами по себе, сколько как средство выявления главной темы»⁵. Соглашаясь с такой оценкой, необходимо все же уточнить, что и сам монарх выступает во всех этих текстах как лицо «избранное», особо «почтенное» и даже «превознесенное» Божеством в его неразделимом триединстве.

Почти все тексты этого рода сохраняют определенную структуру и неизменно, как и дипломатические документы того времени, начинаются со славословия Троице в его классическом виде, когда каждая из ипостасей изливает на царя присущий именно ей дар. Государь действует «благоволением» Бога Отца Вседержителя, «споспешением» сопрестольного и едиnorodного Сына его, Бога и Господа Иисуса Христа и «содействием» пресвятого и животворящего Духа⁶. Именно Божество открывает «сердечные очи» царя, посылает ему «луч света всемирного просвещения», внушая мысль о необходимости и важности «просвещения» и «украшения церквей» вновь напечатанными книгами. Именно веление Троицы выполняет государь, действуя и «подвиг немал показуя» в деле книгопечатания, которое, таким образом, дело боговдохновенное.

Побуждает же царя к действию «страх господень» и необходимость искоренить охватившие страну ереси. В спокойные периоды 30—40-х годов XVII в. обращение к Троице в этих текстах имело чаще всего классический вид: называются имена и функции лиц Троицы, проводятся мысли о ее неслиянности и нераздельности, особом покровительстве царю и божественном характере его деятельности как в области книгопечатания, так и во всех остальных. Однако в начале XVII в., когда «безбожные агаряне», прежде всего «латини», «окаянные польские и литовские люди» «покусились» на «истинную веру», именно события смутного времени потребовали более подробной разработки посвященной Троице первой части послесловий, сделав эту часть, в отличие от ее роли в дипломатике, как бы самостоятельной⁷.

Обращение к триединому Божеству в печатных предисловиях и послесловиях первых десятилетий правления Михаила Романова нередко перерастает в изложение основ православного вероучения о троичности Бога, что не только не умаляло, а высоко поднимало роль и вес «богоизбранного» монарха. К концу первой трети XVII в. очевидная необходимость в развернутом славословии Троице уже не ощущается так остро, поэтому двуединство связи «Троица — русский царь» все более преобразуется в текстах послесловий в мысль только о царе, особо Троицей «назираемом». Теперь первая фраза изданий нередко говорит не о Божестве как таковом, а о царе, действующем его «споспешением» и «содействием»; например, Святцы 1646 г. издаются «Божиим изволением и повелением ...царя и великого князя» (Святцы 1646 г., Послесловие, л. 426).

Изложению этой мысли посвящен обычно второй обязательной раздел анализируемой печатной публицистики, который можно определить как раскрытие отношения Божества к царю, что было особенно важно для актуальнейшего в начале XVII в. доказательства легитимности новой династии. Как правило, эта проблема особенно подробно разрабатывается именно в тех случаях, когда царская власть получена не в результате прямого престолонаследия. Вот как формулируется эта тема в послесловии Октоиха 1618 г.: Бог печется о Михаиле Федоровиче «в законах божественных от юности воспитанном», «спасительного корене» «браздодержателе», об истинном «поборнике» благочестия, «богомудром» «царе и великом князе всея России самодержце». Но даже столь настойчиво повторяемой мысли о покровительстве всевышнего Михаилу Федоровичу автору послесловия показалось недостаточно. В тексте подчеркнута, что

Михаила Романова «сам Бог избра, яко верна стража», и «содержит» его своею «божественною десницею», «помаза его елеом радости паче причастника его» (л. 451—454).

Не менее пышную и развитую формулу мы находим в послесловии Евангелия 1627 года. Здесь Михаил Федорович назван «верным слугой», Богом избранным и «святым елеом помазанным», хранителем и поборником православной веры, «благоверным, благородным, христоролюбивым», Богом «венчанным», «почтенным» и «превознесенным» и даже «возсиявшим» благочестием «всея вселенная в концех» (л. 141—142 последней пагинации). Эти гиперболические похвалы выглядели вполне уместными именно благодаря обязательному в первой части почти любого из аналогичных текстов изложению идеи богоданности всех особенных, сверхчеловеческих качеств царя, дарованных ему божественной Троицей.

Эта характеристика идеального православного монарха логично переходит во вторую структурную часть формулярного послесловия, посвященную доказательству легитимности династии, ее исторического и наследственного права на власть. Михаил Романов, «ревнуя» «благочестием просиявших царей» Константина и Елены, а также «добродетельных и духовных дел» князя Владимира, занимает престол после «великих государей — деда своего царя... Ивана Васильевича и дяди своего... Федора Ивановича» (Минея на сентябрь, 1619 г., л. 84, 86 последней пагинации; Послесловие Евангелия 1637 г. и др.). Постоянно звучащее напоминание об императоре Константине так же традиционно входит в основную аргументацию «исконности» «природного» царя, ведущего свой род от византийских императоров — правителей «второго Рима» и принесшего первенство в православном мире «Риму третьему и последнему» — Москве. «Византийское происхождение» Романовых, «отчичами» и «дедичами» которых были Рюриковичи, связанные с Византией непосредственным родством, — постоянная тема книжной публицистики всего XVII века.

Эта же идея была одной из основных в чине венчания на царство, согласно которому царские регалии, связанные с идеей наследия византийских императоров, выносили представители Нижнего Новгорода, а князь Д. М. Пожарский «первый торжественно поднял оставленный давно скипетр»⁸. И хотя Михаил Романов был только двоюродным племянником царя Федора Ивановича, но именуется прямым наследником всех этих «отцов» и «дедов». Точно так же именовались в современных им московских изданиях и Борис Годунов, и Василий Шуйский, и Лжедмитрий. Традиционная для послесловий тема отеческого престола и наследственной власти становится при первых Романовых еще более обязательной в связи с тем, что Михаил воцарился путем избрания и доказательства «истинности» новой династии не сводились только к упоминаниям об ее исконности. Хотя термин «легитимность» возник в международном праве только в начале XIX в., для первых Романовых, пришедших к власти после десятилетия самозванщины, цареубийств, общей социальной «Смуты»⁹, доказательство их легитимности (в понятиях того времени — «природности», получения власти «по свойству, свойственному царскому», в конечном счете от «Августа Кесаря») на десятилетия остается особенно важным. И проводится эта идея во всей государственной пропаганде с первых до последних дней царствования Михаила, начиная уже с чина его венчания на царство, полностью повторяющего чин, которым венчались Рюриковичи за век до него.

Как видно из цитированных послесловий, главным в этом понятии (ввиду отсутствия соответствующего законодательства) являлась «очевидность» божественной воли, реализацией которой и объясняется приход к власти нового монарха. Однако послесловия, как прежде всего политические документы, рассчитанные не на собственно служителей церкви, а на их паству, предпочитают не говорить об «абсолютности» и «непогрешимости» воли Бога, а подробно объяснять и аргументировать сделанный им выбор, указывая идеологические причины (истинная вера, благочестие и т. п.), личные качества молодого царя и вместе с тем его происхождение из

царского рода, «родни», что вовсе не предполагало прямого происхождения, а общих «дедичей», «отчичей», «родителей». Само слово «родители», столь определенно относимое сегодня к отцу и матери, в XVII в., судя по тысячам вкладных записей, означало всех предков.

В посвящении книги «Жезл правления» (вышла 7 мая 1666 г.) Симеон Полоцкий уже без всяких оговорок мог обращаться к царю, на сей раз к Алексею Михайловичу, как «благочестивейшему, тишайшему самодержавнейшему... самодержцу, отчичу и дедичу, наследнику и обладателю» Российской земли (л. 1).

Тема легитимности династии Романовых не ограничивается только этими декларативными заявлениями. Историческая обусловленность и одновременно богоизбранность власти, а также историческая роль новой династии неоднократно и подробно рассматриваются в послесловиях изданий 30—50-х годов XVII века. Примером может служить оригинальное историческое произведение, завершающее в качестве послесловия «Сборник» 1647 г. (или Сборник из 71 слова, вышел 29 июня 1647 г., см.: л. 875—881), в котором вышеизложенные проблемы осмысливаются в связи с историей самого книгопечатания.

В этом сочинении историческая тема начинается рассказом о происхождении славян от сыновей Ноя; затем Господь «избирает... главу и предводителя всему языку... равна апостолам великого князя Владимира... яко искру в пепле... яко другаго... Авраама». Владимир просвещает людей святым крещением, устраивает государство, организует перевод и переписку «книг немало». Однако, замечает автор, «друкарскаго художества не бяше еще». Появление на Руси книгопечатания связано с «дедом» первого Романова — царем и великим князем Иоанном Васильевичем, который повелел «устроить друкарское художество, еже бы сим... наполнити книги». Во искупление последовавших затем несчастий и нестроений Бог «воздвиже» на Руси «рог спасения в дому новаго и кроткаго Давида, благовернаго и христоролюбивого государя... Михаила Федоровича и сына его», государя Алексея Михайловича. Если бы Господь не дал Руси «такова крепка помощника, — восклицает автор, — были быхом... яко же Содом и ...Гоморру». (Таким образом, в доказательстве легитимности появляется и аргумент исторической целесообразности.)

Исключительна заслуга Романовых, особенно Алексея Михайловича, «яко же другаго Соломона царя», в духовной истории Руси и славянства, ибо именно Алексей Романов «утолил» настоящий «душевный глад» (возникший после и в результате Смутного времени), приложив «к прежде бывшим книгам художеством друкарства и иных книг немало». Автор перечисляет изданные при царе Алексее: Святцы с летописью, Жития Саввы Сторожевского, Сергия и Никона Радонежских, Лествицу, Книгу Ефрема Сирина. Но особенно (и заслуженно) выделяет он именно Сборник, «юже аз, — эмоционально переходит он на повествование от первого лица, — воистину нарицаю Рай» (л. 880).

В эту же историческую концепцию, разработанную коллективно и связавшую воедино важнейшие этапы духовного, государственного и культурного развития России с антиеретическим и просветительным книгопечатанием первых Романовых, книжная публицистика XVII в. вводит традиционное и постоянное восхваление «славянского» языка, «браздодержателями» которого являются во всей Вселенной именно русские цари. Труды по составлению славянской книжности начались с «мужа свята и премудра» «учителя словенам и болгарам» Кирилла Философа, который «предаде» свои труды князю Владимиру (Миняя общая, 1909 г. Предисловие, л. 1—3, Азбука В. Ф. Бурцева, 1634)¹⁰.

Поистине гимн прекрасному, объединяющему народы славянскому языку опубликован также в предисловии «Книги о вере единой» (М. 1648 г.). Автор ее утверждает, что славянский язык «широк есть и великославен, совокупителен и умилен и совершен, паче простаго и лятскаго обретається и имеет в себе велию похвалу не токмо от писаний богословских и песней церковных, с греческого им переведенных... богоугодных тем

языком в Великой и Малой Руси, в Сербех и Болгарех и по иным странам действуют». «Однако, — жалуется автор предисловия Книги о вере единой, — мнози ныне свой хлеб и сокровища духовная во чтении и поучении изобилных книг словенских оставивше, за чужий, иже смертоносным ядом устроенный хлеб хапаются» (л. 3—3об.).

Последнее соображение и делало, очевидно, эту проблематику особенно актуальной. Ведь идеи «панславизма» и России как олицетворяющей его силы проповедовались во время непрестанной, вовсе не закончившейся «вечным dokonчанием» 1634 г. борьбы с Литовско-Польским государством, прекратившейся только после Андрусовского соглашения 1669 г., а также с Турцией. Русские цари в «такое» время «напастное», повелевая «презобилно» печатать божественные книги и рассылать их «во все концы вселенныя», объявляют себя «защитниками» языка, т. е. национальных традиций славян, и «истинными хранителями» веры. Эта концепция, прежде всего историко-культурная, так как неизменно опирается на древнюю традицию, не только оставалась актуальной для первых Романовых, но и предвещала решительные шаги церкви по пути книжной sprawy.

Четко сформулирована эта теория в послесловии к первому московскому изданию Толкового евангелия Феофилакта Болгарского (1649 г.). В нем кратко изложена — так, как понимали ее московские печатники, — вся история текста книги: она непосредственно связывает искупительную жертву Сына Божия со «спасительной мыслью» царя Алексея Михайловича «типографским художеством печатным тиснением издати ю во общую пользу». Изложение истории текста Толкового евангелия сопровождается напоминанием о творчестве апостолов, продолжателем труда которых, с его точки зрения, были сочинения Иоанна Златоуста, и, наконец, «его же последи, сокращенне и христословне изъясни» блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, «убежден от Марии, царицы Болгарския» (л. 316 об.). Таким образом, печатная деятельность царя Алексея прямо трактуется как выполнение призыва Сына Божия, обращенного к апостолам: научить Писанию «вся языки».

Продолжая тему роли династии в просветительной книгопечатной деятельности, спасении и сохранении чистоты веры, предисловия и послесловия изданий, вышедших при первых Романовых, постоянно обращаются к проблемам божественной сущности государственной власти и ее задачам. Сущность идеи «о значении власти Московского государя» и ее изменении в результате «Смуты» удачно проанализирована в написанных Е. Ф. Тураевой главах книги «Начало династии Романовых»¹¹. Разбирая «доводы» в пользу избрания царем именно Михаила Романова, изложенные в «Утвержденной» грамоте и в Грамоте, разосланной в города, Тураева обратила внимание на то, как с самого начала его правления традиционные идеи о «промысле Божиим», определяющем судьбу трона, и о личных качествах природного государя объединяются в документах с важнейшей после Смуты и настойчиво подчеркиваемой идеей избрания «по приговору всея земли». Под «всею землей» понимались здесь и географические¹² и социальные признаки. В документах не только перечисляются русские земли, но также указано, что в избрании царя Михаила согласно участвовали: «бояре, и околниче, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне Московские, и приказные люди, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и гости, и черных слобод и всего Государства Московского всех чинов люди, и с сущими младенцы». Ранние документы новой династии постоянно подчеркивают, что несмотря на долго длившуюся Смуту, новый царь избран именно по воле «всея земли», но «не по человеческому хотению» (ибо „тот не царь, кто по хотению человеческому“), ниже «по человеческому угодию», ибо «глас народа — глас Божий». Таким образом, «устаами» и «волею» «всея земли» исполнился божественный промысел¹³.

Однако чем более укреплялась династия, тем менее охотно вспоминала она свое происхождение «по воле» народа. В книжной публицистике в дальнейшем постоянно повторяется и развивается только мысль о промысле

Божием, который проявляется теперь в любом действии царя. Поэтому авторов послесловий все более занимает иная проблема — соотношение власти царя и власти церкви. Эта тема решается различно — в зависимости от времени выхода издания в свет, отражая реальный характер этих взаимоотношений.

До возвращения патриарха Филарета в середине 1619 г. из польского плена, даже идею послужить книгопечатанием истинной вере книжная публицистика приписывает царю, которому внушил ее сам Бог. Более того, юный царь объявляется в предисловии к изданию Служебника 1616 г. непосредственно пекущимся даже о самом сложном и спорном — «о исправлении в службах божественная литургия», чтобы «вся церковь Божия державы царствия его единогласно вопияла» (л. 1 нн.). Согласно изданиям до начала 20-х годов XVII в. (Октоих, 1618 г., Минеи служебные, 1619 г.) именно сам государь совершает «подвиг немал», чтобы «божественное писание» в виде печатной книги дошло до русских церквей и русских людей. Как правило, в этих текстах царь сам принимает решение, которое только сообщает иерархам церкви, с восторгом его принимающим.

Однако характер изложения темы книгопечатания существенно изменяется в годы патриарха Филарета, являвшегося соправителем или даже подлинным правителем России. Согласно послесловию Потребника 1633 г., Господь просвещает «смысл и очи сердечные» и царю и «великому архиерею и пастырю... великому господину и государю святейшему Филарету патриарху Московскому и всея Руси». Более того, возникает необычный термин, применяемый авторами-издателями к этим двум «великим государям» — «честная сия и изрядная двойца во благочестии и правде и святыни» (л. 517—518).

Однако смерть Филарета (12 октября 1633 г.) сразу же меняет тон послесловий. В Азбуке Василия Бурцева, вышедшей 20 августа 1634 г., снова говорится, что Бог идею издания книги «вложи во ум... скипетроносцу единому благочестия браздодержателю и ревнителю... веры» и даже «единому рачителю божественных догмат», «высокопрестольному» царю Михаилу Федоровичу¹⁴. Особенно показательно с этой точки зрения славословие Михаилу Федоровичу в Канонике 1636 г., занимающее 14 страниц текста (76—82 последней пагинации).

Вновь меняется ситуация при патриархе Никоне, который сразу стал фактически единовластным хозяином Печатного двора. В просторном (18 страниц) предисловии к сборнику «Скрижаль», изданному в 1655—1656 гг., т. е. в самое сложное время полемики вокруг церковных реформ, и содержащему и послание патриарха Паисия Никону и «Соборное деяние», обнаруживаются совершенно иные акценты. В предисловии в одной фразе, правда, со всеми должными эпитетами, говорится, что «пресветлый... Богом венчаный... царь» «печется» о «богоугодном правлении», «расширении царства», «освобождении... рода христианского», упоминается кратко и о «защитении» им «церкви апостольской» (с. 7).

Зато патриарх восхваляется и прославляется в столь гиперболически торжественных выражениях, что они кажутся невозможными даже в рамках «панегирического» стиля или стиля «второго монументализма»¹⁵. Почти весь текст послесловия посвящен прославлению величия Никона и поруганию невежества и духовной злобы нападающих на него врагов «истинной веры». Славословие патриарху начинается утверждением, что «богоизбранный святейший патриарх» — «первопрестольный в богочаествуящем... свещенноначалии свещенноначальник; богоданный в светловодительстве всея Великия и Малыя и Белыя России светловодитель, благодщаливый словенского стада христово пастырству своему... пастырь» (с. 8). Таким образом, в титуловании патриарха повторена даже основная формула территориального простиранья царской власти.

После низложения Никона традиция прославления царя как единого и единственного представителя божественной и земной власти, божественности источника и смысла его политики возрождается и развивается. События середины века, связанные с изданием печатного свода законов,

унификация и бюрократизация управления государством, напряженность социальной и духовной борьбы, нерешенность основных внешнеполитических проблем постоянно получают отражение в книжной публицистике, вызывая ее все более последовательную и прямую ориентацию на укрепление самодержавия.

Об этом позволяют судить послесловие Кормчей книги, написанное еще при патриархе Иосифе (до 1650 г., и предисловие к книге «Жезл правления» Симеона Полоцкого, составленной по определению Собора русских и греческих иерархов и им же одобренной (вышла между 10 февраля и 10 августа 1667 г.). За годы, прошедшие между этими двумя изданиями, состоялись церковные реформы, полностью принятые государством; раскол православной церкви превратился в важнейший факт внутренней жизни; патриарх провозгласил превосходство «священства» над «царством», а себя стал именовать «Великим государем» и затем оказался в ссылке. Публицистические дополнения обеих книг подчеркивают, что в столь трудное время, переживаемое народом, по словам послесловия к Кормчей (л. 642—647), «Новому Израилю не от Египта бежащу, но от лютаго греха», особенно необходимо твердое руководство в отстаивании истинной веры. В послесловии Кормчей книги излагается мысль о том, что «кормчество» — главнейшее качество и «в кораблеплавательном художестве чювьственного мира» и в «художестве кораблеплавательном божественного Писания». Отсюда важность изданной книги, поскольку «мудрокормный кормчий и великоразумный хитрец», Алексей Михайлович «восхоте к своему хитрому и мудрокормному кормчеству царствия своего... и сие духовное кормничество предати»¹⁶.

Концепция божественного промысла и исторической необходимости воцарения новой династии, настойчиво проводившаяся государственной печатной публицистикой, отнюдь не отличалась новизной, ее основные идеи вполне традиционны и накрепко связывают в политическом отношении XVI и XVII века. Достаточно сравнить с ними содержание и терминологию Грамоты об избрании на престол Михаила Романова, во многом повторяющую в свою очередь аналогичный документ Бориса Годунова¹⁷. В российские города рассылалась Грамота, в которой об избрании царя Михаила говорилось, что вся Русская земля просила «с великим молением и воплем, чтоб всемилостивый Бог дал нам... на все государства Российского царствия государем, царем и великим князем всея Руси, от племени благовернаго и праведнаго государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси племянника..., чтоб, по милости Божии, впредь царска степень укрепилась навеки».

Насколько точно послесловия московских изданий выражали политическую идеологию времени, показывает почти современное событиям изложение их в Хронографе, как бы продолжающее сказанное в Грамоте 1613 г.: «Тогда приемлет богопорученное ему Московского государства скипетродержание и нача правити мудрокормный царствия корабль и бысть православию глава и богозрачному благочестью начало и государь всем благоверным, иже под солнечным течением»¹⁸.

В издании 1667 г. патриарх Иоасаф и собор архиереев обращаются к «Благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему Великому Государю Царю и Великому князю всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, и многих царств и княжеств и земель Восточных, Западных, Северных и Южных отчичю и дедичу, наследнику и обладателю» (см. л. 1—3 нн.). Далее формулируется просьба патриарха «со всем освещенным собором» принять церковь «под кров крилу твоея... да крепостию защищения... десницы твоея... пребудем» — русская церковь прямо обращается к «высоте царского престола».

Предисловие этого издания содержит разработанное учение о «четверугобой» сущности («силе») царской власти, или, как говорится в самой книге, «царского престола», а именно: силе правления, утверждения, наказания и — отдельно — казнения, которые распространяются на все четыре перечисленные в титуловании царя стороны Вселенной. С этого времени царь

прославляется в качестве единого кормчего как в мире материальной светской жизни, так и в мире духовном. И если глубокий знаток этого периода С. Ф. Платонов прав, говоря, что в начале правления Романовых все делалось по указу великого государя и «по всея земли приговору» и что «коллективный характер власти... вне сомнения», то он же констатирует и принципиальное изменение характера власти Романовых в дальнейшем¹⁹.

В книжной публицистике по-своему отразился рост «самодержавства». Прежде всего начинает видоизменяться датировка изданий. Раньше, как правило, датирующими признаками служили годы правления царя и патриарха, затем стало появляться имя наследника — в большинстве изданий 30—40-х годов XVII в. назван Алексей Михайлович. Титулование всей семьи царя казалось на рубеже веков «своечинием». Так определял дьяк Иван Тимофеев стремление царя Бориса Годунова «з женою... купно и с чады повсюду певатися». Прекрасно понял дьяк и цель такого поведения — стремление «имя свое вкорени и памяту быти в роды»²⁰. Перечисление всей царской семьи в печатной книге встречается в издании трех текстов Присяг 1654 года. В этих присягах клятва «не изменити» и «служити верно» приносится не только самому государю, царице, шести их детям, но даже и тем, кто еще в семье царя может родиться. На 9 страницах (л. 8об. — 12об.) первой присяги трижды повторены все 8 членов царской семьи; 5 раз — имена царя, царицы и наследника, и один раз — только самого государя. В это же время в послесловиях московских изданий начинают указывать и членов царской семьи, пока еще только мужчин²¹. Таким образом, со второй половины XVII в. то, что ранее казалось предосудительным — постоянное упоминание всей царской семьи в ектениях повседневных богослужений, и особо в праздничных службах, — одновременно переходит в тексты всех послесловий и, в основном благодаря именно печатной книге, становится обязательной частью титулования в документах, чинах молебнов и т. п.

Этот обычай, введенный книжной публицистикой при первых Романовых и укрепившийся в 60-х годах XVII в., достигает в ней затем крайнего развития, целые страницы в традиционных по своей сути и форме послесловиях единоверческих изданий заполняются полными титулованиями всех членов царской семьи, напечатанными крупным шрифтом в разрядку. В синодальных же изданиях с начала XVIII в. он захватывает и литургические тексты, превращая, например, службу св. Димитрию Ростовскому в слово-словие царице, имя или титул которой упоминаются в службе хотя и реже имени Господа, но по крайней мере не реже имени прославляемого святого. Позднее в трудах Верхней типографии Симеона Полоцкого появляются посвящения царю как прозаические, так и стихотворные. Например, в Псалтири рифмованной 1680 года опубликовано обращение к царю:

...Под трудами Давида мой аз полагаю.
Мой, давидовых ради труд, прими, желаю.
Он, царь, о тебе, царие, молит Бога в небе,
Аз раб царя сил и твой, zde молю о тебе.
Да многая ти лета изволит подати.
Здравие, мудрость, славу, враги побеждати.
Юн Давид Голиафа силнаго проможе,
Даждь ти юну силнаго турка збити, Боже...²²

Социальная тема возникает в предисловиях и послесловиях, как правило, в двух планах. Первый очевиден: царь как представитель Бога на земле, поставленный кормчим и самодержавным правителем «на Московское государство и на все великия государства Российскаго царства и на великия княжества на Киевские и на Черниговские, на всю Малую Русь...» (Три чина присяг..., л. 9—10), охраняет, защищает, просвещает, судит, оказывает милость, спасает тело и душу каждого, кто приходит под «его руку». Это самое важное для истинно христианского царя: главным содержанием его деятельности старопечатная публицистика считает, в согласии с христианским этическим учением, заботу о спасении души всех и каждого. Поэтому

одной из излюбленных тем предисловий и послесловий стало прославление царя, одевающего паству спасительным «хлебом души», утоляя «душевный голод» православных.

Однако, хотя речь идет именно о духовном предстательстве царя, идея духовного спасения и защиты в первой половине и середине XVII в. не могла быть в восприятии любого русского оторвана от защиты вполне материальной. Достаточно напомнить, что на смену «страшному разорению и запустению страны»²³ в итоге «смуты» пришли московский бунт 1648 г., новгородское и псковское восстания 1650 г., опустошение многих земель моровым поветрием 1654—1655 гг., медный бунт 1662 г. и, наконец, движение Степана Разина (1667 г.), не говоря уже о бесконечных войнах, закончившихся на время только в 1667 году. Но сама книжная публицистика, кроме, может быть, слова о «напастном» времени, не замечает социальной борьбы, настойчиво обещая всем и каждому подданному царское предстательство перед Богом.

Вместе с тем социальная идея раскрывается и путем объяснения всеобщей полезности печатных книг. О всеобщей нужде в божественных книгах напоминает почти каждое развернутое послесловие. В Октоихе 1618 г. цель царя — «слово истинно... всем по чину... предложити, и церквам Божиим во украшение и повсюду православным христианом печатным тиснением предати». В Минее на сентябрь 1618 г. царь печется «о словеси истиннем изложении печатным писмены ко спасению душам христианьского закона многочисленнаго словенского языка своєю великия державы» (л. 85 последней пагинации); Евангелие учительное 1629 г. напечатано с целью «раздавати всем богатство благочестия ко спасению душам... народам многочисленнаго словенского языка». Канонник 1631 г. сообщает, что царь «многочисленныя печатныя книги учини... всякая бы христианьская душа на всяк день и ночь просвещалася и освещалася». Часовник 1633 г. издан «в начальное человеком научение, еже к божественным догматам присно всех наставляющее»²⁴. Жезл правления 1666 г. нацеливает «на покорение всех учению и сказанию».

Замечательно, что эта «всеобщность» рассматривается в текстах предисловий и с точки зрения психологического воздействия божественного учения на любого человека. В послесловии к 4-му изданию Поучений Ефрема Сирина говорится: «Кто бо святаго сего преподобнаго отца Ефрема наказания слыша, и не умилися, или не прослезися... и плоды покаяния не принесе... Блудный, вместо блужения приносит целомудрие, лихоиметель — давание... Аще бы и варварскую кто душу имый, и той, окаяв свою совесть, и вспомянув его словеса, не умягчится ли... Сладости бо ради его поучения многожды и князи и вельможи и ...всяк правоверный христианин, не токмо инок, но и мирянин, прочитая и сию книгу, умилился душею и сокрушится сердцем и смирится умом»²⁵.

Самым широким адресатом из перечисленных в послесловиях является указанный в Толковом евангелии Феофилакта Болгарского, в московском издании 1649 года. В нем говорится (л. 317), что книга необходима «всякому роду, возрасту же и сану: царем и князем, начальникам и начальствуемым, воином и простым, богатым и убогим, инокам и мирским, мужем и женам, юным и престаревшим, безчисленно всем». Именно поэтому царь и повелевает: «Типографским художеством, печатным тиснением издати ю во общую пользу». Однако заявление о такой предельной широте «адресата» может быть понято как фраза чисто панегирическая или скорее «дипломатическая», выражающая интерес государства, а не теоретическую «мечту» печатника. Уместен поэтому еще один вопрос — о действительной роли этих текстов, действительном, а не гипотетическом читателе и адресате.

В книгах, используемых для обучения и самого широкого домашнего и литургического чтения — Псалтири, Часовнике, Каноннике, столь широковещательные фразы, конечно, отвечали действительности. Печатный двор даже только в изучаемые годы издавал эти книги десятки раз, общим тиражом не менее полутораста тысяч экземпляров. Издание же, о котором

идет речь, впервые появилось в Москве в 1649 г., а повторено было только в 1698 году. 1200 экземпляров книги ценою 2 руб. 25 алтын, вышедшей в 1649 г. могли адресоваться только сравнительно ограниченному кругу людей.

Само содержание издания — толкование единственного и важнейшего, непререкаемого авторитета христианской традиции, Нового Завета, — с очевидностью предназначено людям грамотным, и прежде всего пастырям, призванным не только объяснять его в проповедях прихожанам в тысячах церквей, но и проводить в жизнь приходов и епархий его заповеди, нравственное, этическое и социально-политическое учение христианства, опирающееся именно на толкование Писания. Таким образом, целью ставилось воздействовать, прямо или опосредованно, на самые широкие круги русского общества.

Одновременно возникает и еще один вопрос, прямых источников для ответа на который нет. Кто же, действительно, читал послесловия и предисловия московских изданий? Насколько и как выполняли они те цели, ради которых их составляли и сопровождали ими каждый экземпляр тиража всех текстов — и литургических, и учебных, и учительных. Именно эта последовательность составителей и доказывает, что не столько издаваемые на Печатном дворе книги, имевшие всегда четкое назначение и функцию, сколько именно их предисловия и послесловия были рассчитаны на сравнительно широкий круг читателей и могут быть отнесены, как писал А. С. Демин, уже к литературе массового предназначения²⁶.

Не менее «идеально» и настойчиво звучат в этих текстах, кроме социальных, и патриотические идеи, связанные буквально со всеми аспектами духовной и государственной деятельности «избранного и прославленного» во Вселенной царя (патриотические темы предисловий и послесловий исчерпывающе изучены в работе Елеонской). В комплексе изданий того времени создается всеобъемлющий идеальный образ русского самодержца как источника, абсолютного носителя всего, что только может входить в идеальное для XVII в. понятие «Великого православного русского государства». Поэтому «верно и праведно», всеми своими силами, «не щадя головы своей до смерти», служить царю²⁷ — означает служить России и Богу. Славить царя, его мудрость, мужество, благочестие — такой же долг каждого, как и бороться с военным натиском иноплеменных «агарян» или с ересями.

Таким образом, в 20—70-е годы XVII в. — время правления двух первых представителей династии Романовых — Московский Печатный двор выпустил в свет, очевидно, около 400 изданий, общим тиражом, достигавшим полумиллиона экземпляров. Эти книги, как говорилось почти в каждой из них, царь хотел «по всей бы своей велицей Русии разсеяти, аки благое семя в доброплодные земли, яко да множится и растет благочестие во всей его Русьстей земли, и всяк благоверен учится и да навькает, и паки малыя отрочата учатся и вразумляют»²⁸. В каждой из этих книг богослужебные тексты сопровождалась сочинениями, славящими идеальный обобщенный образ царя, самодержавного правителя «Богом избранной» страны. Впервые в России эти тексты не только были написаны для массового читателя, но и действительно стали государственной публицистикой. Высокий панегирический стиль, граничащий, с одной стороны, с литургикой (по крайней мере, вызывающий именно эту ближайшую ассоциацию), а с другой — с гиперболическими образами народного эпоса, былины и сказки, создавался высокоталантливыми (к сожалению, традиционно анонимными) авторами. Они использовали для возвышения образа царя самые различные доводы и ассоциации — от угроз «казнением» до умиления милосердием владыки земного и одновременно наместника владыки небесного, единственного, кто может реально обеспечить защиту земную и вечное спасение.

Этот идеальный образ, сопровождавший или предварявший каждый экземпляр полумиллионной печатной продукции государевой московской типографии, быстро расходился действительно во все концы Великой Руси, к южным и западным славянам, на далекий Афон, в тысячи иных мест, где книга продолжала еще долго работать, сохранив свою значительность

в традиционной культуре русского старообрядчества, фактически, до сегодняшнего дня. Глубоко внедренная в общественное сознание «царистская» идея выдержала испытания петровского времени, заново оживала то в имени Петра III, то Александра I и, в конце концов, в определенном смысле, пережила и саму столь активно создававшую ее династию.

Примечания

1. СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Гражданская война в России XVII в. М. 1990, с. 91, 149.
2. Цит. по: СТРОЕВ П. М. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... И. Н. Царского. М. 1836. № 53.
3. См.: РОГОВ А. И. Школа и просвещение. В кн.: Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М. 1979; его же. Книгопечатание. Там же; и др.
4. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М. 1981.
5. ЕЛЕОНСКАЯ А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия второй половины XVI — первой половины XVII в. (Патриотические и панегирические темы). В кн.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий, с. 71.
6. Например, см. предисловия Службника (Москва, 1618, л. 1) и Минеи сентябрьской (Москва, 1619, л. 1) и многих других изданий (Далее ссылки на издания XVII в. даются в тексте статьи).
7. См.: послесловие Псалтири 1615 г. и Евангелия, вышедшего в 1629 г., л. 592—595.
8. ТУРАЕВА Е. Ф. Глава 4-я в книге «Начало династии Романовых» (СПб. 1912), с. 145
9. Этот старый, одно время «гонимый», термин как нельзя лучше передаст особенности событий начала XVII в. в России, когда выплеснулись наружу все или почти все противоречия религиозной, социальной, государственной и национальной жизни.
10. Цит.: по: КАРАТАЕВ И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. 1. 1491—1652 гг. В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). СПб. 1883, т. 34, №№ 2, 407.
11. Начало династии Романовых, с. 105—107, 145—151.
12. Тураева цитирует текст Хронографа: «От конец Русской земли и до конец ея народы православные, малые и великие, богатые и нищие, старые же и юные, обогатились разумением от всем Дающего жизнь... Как бы едиными рекли устами» (ТУРАЕВА Е. Ф. Ук. соч., с. 137).
13. См.: Начало династии Романовых, Приложение, с. 242; с. 151
14. См. Послесловие, л. 82—90.
15. ЛИХАЧЕВ Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л. 1973, с. 134; ЕЛЕОНСКАЯ А. С. Ук. соч., с. 95
16. Кормчая (в переделанном виде) датирована 15 июня 1653 г. См. л. 642об. — 643.
17. Тураева показывает, что «Утвержденная грамота» Михаила по своему идейному содержанию прямо повторяет грамоту царя Бориса (Начало династии Романовых, с. 107—110 и др.).
18. Начало династии Романовых, Приложение, с. 241, 243 (Фрагмент из Хронографа 1617 г., по определению Тураевой).
19. Начало династии Романовых, с. 231—233.
20. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л. 1951, с. 71—72. См.: ЕЛЕОНСКАЯ А. С. Ук. соч., с. 82.
21. См. Минея служебная, сентябрь — ноябрь. 15 сентября 1666 г.; Службник, 6 февраля 1667 г.; и др.
22. СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ. Псалтирь в стихах. М. Тип. Верхняя, апрель 1680 г., л. 3.
23. ПУШКАРЕВ С. Г. Обзор русской истории. Лондон. 1990, с. 213.
24. Канонник. М. Печатный двор, 1631; Часовник. М. Печ. В. Бурцов. 1633. Цит. по кн.: КАРАТАЕВ И. П. Ук. соч., № 372 и 402, с. 426, 439.
25. Издание вышло 11 сентября 1652 года. См. л. 166 и 166об. (последней пагинации).
26. ДЕМИН А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов. В кн.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий.
27. ЗЕРНОВА А. С. Книги кириллической печати, изданные в Москве в 16—17 веках: Сводный каталог. М. 1958. № 253.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Юзеф Пилсудский

В. С. Парсаданова

Юзеф (Иосиф) Гинятович Косьчеша Пилсудский человек противоречивый и многосторонний. «Сибирский ссыльный и узник Магдебурга, романтичный панич из Зулова и редактор подпольного «Robotnika», бунтовщик, человек, который обливал своих противников грубой солдатской бранью, автор прелестных, полных поэзии сказок, автор таких перлов польской литературы, как «1863 год», мемуаров «Мои первые бои», командир «боювки» в Бездине, организатор нападения на кассу в российском поезде, гость Радзивиллов в Несвиже, человек, который вызывал при жизни и вызывает через 50 лет после смерти горячую, пламенную, трогательную любовь, и человек, который вызывал при жизни и вызывает через 50 лет после смерти страшную, дикую ненависть»¹. Характеристику, данную профессором Я. Пайевским можно продолжить: военачальник, военный историк, государственный и политический деятель, маршал Польши, ее диктатор.

Приблизиться к правде в описании столь неординарной личности, дать его портрет постараемся на основе работ самого Пилсудского², сознавая при том, что девять томов его сочинений, — это его миф, почти не имеющий отношения к истории Польши рубежа веков. Миф, требующий дополнительного изучения воспоминаний друзей и врагов, изучения трудов исследователей, а также архивных и опубликованных документов³. В очерке крен делается на менее известные русскому читателю первые годы политической карьеры Пилсудского и на проблему Пилсудский и Россия.

Родился Юзеф Пилсудский 5 декабря 1867 г. в Зулове, повет Свенцяны в Литве, подданным императора всероссийского и короля польского Александра II. При крещении четвертый ребенок Юзефа-Винценты-Петра (1833—1902) и Марии (1842—1884) из Биллевичей Пилсудских был наречен Юзефом-Клеменсом. Близкие звали его Зюком. Род Пилсудских принадлежал к полонизированной литовской шляхте. Сторонники Пилсудского, обосновывая его право властвовать, выстраивали связи Пилсудских с полумифической великокняжеской династией Довспрунга. Сам Юзеф всегда называл себя «литвином» и никогда — поляком. Его противники доказывали, что сия генеалогия — обоснование для претензий на корону: Пилсудскому дважды в 1919 и 1926 гг. предлагали назваться королем⁴. Он и сам

Парсаданова Валентина Сергеевна — доктор исторических наук.

предавался мечтам о возобновлении унии Литвы с Польшей и королевском сене в Литве ⁵.

Супруги Мария и Юзеф Пилсудские были кузенами. Этим объясняют «странности» психики некоторых из их детей. Болезнь (туберкулез) и частые роды — 12 детей за 18 лет супружества — свели не старую еще женщину в могилу. Дети остались на попечении отца и бонн, француженки и немки: Юзеф говорил на пяти языках — польском, русском, немецком, французском, английском. Вероятно, уроженец Жмуди был знаком и с литовским. Отец Юзеф-старший был незаурядным человеком. Печатался в газетах, имел музыкальные способности, сочинял музыку. Окончил сельскохозяйственный институт, но в управлении имениями оказался человеком непрактичным. Приданое жены — 12 тыс. га земли и несколько сот тысяч рублей наличными повысили благосостояние Юзефа-старшего. Но неудачные экономические мероприятия привели к разорению. Имение за имением шло за долги. Семья, конечно, не стала нищей, но трудности испытывала. Брат Бронислав /1866—1918/ записал в дневнике в марте 1883 г.: «Зюк не ходит в школу, потому что не имеет штанов, а новых Морель еще не принес». Почему-то с этой принадлежностью мужского гардероба связано не одно любопытное воспоминание о Пилсудском. Писатель С. Жеромский говорил, что как-то в Закопане зашел к Зюку и застал того в хибаре без брюк: единственные были отданы в починку к портному. Их владелец, а это было в 1912 или 1913 г., вел речь о том, что он будет диктатором независимой Польши /VI, 50/. 14 февраля 1883 г. Бронислав Пилсудский записал, что счастье всегда способствовало Зюку; «этому Зюку безумно везет, у него все получается хорошо, все потому, что он выдвигает себя на первый план и много болтает (а делает мало), а дураки верят ему и восхищаются им» ⁶. Учетом юношеский максимализм суждений, но характеристику наблюдательного брата через 40 лет подтвердил сам Юзеф-Клеменс (VIII, 176/).

В дружной семье Пилсудских Юзеф больше всего был связан со старшим братом Брониславом, впоследствии известным ученым-этнографом ⁷. Юзеф подражал брату и вслед за ним заинтересовался политическими вопросами. Бронислав учился в Петербурге, где связался с русскими революционерами. Юзеф помогал брату в конспиративной деятельности.

В 1885 г. Юзеф окончил гимназию. Выбирая специальность, которая обеспечила бы существование, пошел в медицинский. Его единственный студенческий год прошел в Харькове. Специализация не восхищала, а он не восхищал администрацию: участвовал в студенческих беспорядках. Это были годы «Народной воли». Пилсудский уверял (I, 56), что он не вступил в Харькове в организацию «Народной воли», а только участвовал в группах самообразования. Зимой 1886/1887 гг. Юзеф остался в Вильно. Как он утверждал впоследствии, задержался перевод бумаг из Харьковского в Дерптский университет. Документы первого судебного процесса Юзефа свидетельствуют, что он обеспечивал квартиры-явки для эмиссаров «Народной воли» из Петербурга и содействовал доставке из Вильны в Петербург револьверов и химических компонентов для бомбы, предназначенной для покушения на царя ⁸. Очередной заговор «Народной воли» провалился. В ходе следствия вскрылись виленские связи и участие братьев Пилсудских в «деле». 22 марта 1887 г. Юзефа с бумагами брата Бронислава арестовывают у аптекаря Т. Пашковского, который и поставлял химикаты (I, 11).

Бронислав Пилсудский, — активный участник заговора и организации «Народной воли», как и Александр Ульянов и ряд других, был осужден на смертную казнь. Бронислава царь «помиловал» на 15 лет каторги. Зюк, как несовершеннолетний, прошел свидетелем и был за «государственное преступление» административно выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Киренск, затем Тунка, районы Прибайкалья и Иркутска. Так по «делу 1 марта 1887 г.» оказались пострадавшими представители двух семей — Пилсудских и Ульяновых.

В Сибири Юзеф подрабатывал уроками, читал, охотился. В ссылке встретил свою первую любовь Леонарду Левандовскую. Молодые люди дали друг другу обещание после ссылки соединить свои судьбы. Срок

Леонарды заканчивался раньше. Полтора года жених и невеста переписывались. Письма Юзефа полны противоречий. То он жалеет, что ввязался в «дело» и приходится искупать грехи молодости, то горит желанием борьбы, деятельности: «Дело в том, милая, что меня воспитали так, что мне внушили веру в мои способности, и что из этого вытекает, в необычайное мое предназначенье. Эта вера глубоко вьелась в меня». «Ощущая в себе способности, я упрекаю себя, что их расточаю, а настойчивости в выполнении своих намерений не имею. Отсюда остается глухое неудовлетворение собой; угрызения совести не отпускают меня ни на минуту»⁹. В чем совесть была не спокойна, судить трудно. Может, и в личных делах. 16 сентября 1891 г. он написал Леонарде: «Я, любя тебя, отдал себя другому человеку». Леонарда простила, но после женитьбы Юзефа на другой женщине покончила жизнь самоубийством.

В Сибири Пилсудский навсегда избавился от наследственного туберкулеза. Влюбился в ее природу, горы¹⁰. О Сибири, ее климате, о пейзажах (о молодости?) вспоминал он смертельно больной (II, 55). В Сибири же он лично, «телесно» познакомился с избиением заключенных во время подавления бунта в тюрьме Иркутска (III, 74). Имея свободу передвижения в регионе, он познакомился с несколькими поколениями борцов против царизма, русских и поляков: повстанцами 1863 года, членами партии «Пролетариат», с анархистами, сектантами, социалистами всех воззрений. В ссылке Юзеф пришел к пониманию значения и силы рабочего класса в современном обществе и возможности и необходимости использования рабочего движения.

В июне 1892 г. Пилсудский вернулся в Вильну. Стать чиновником не захотел. Заявил, что экстерном сдаст университетский курс юриспруденции. Амбициозный проект остался мечтой. Однако... через 30 лет «начальник государства» стал почетным доктором права Ягеллонского университета. Появились новые друзья. В тесном кругу обсуждались социалистические книги и брошюры. Познакомился с красавицей Марией Юшкевич (1865—1921). Среди ее поклонников оказался и Роман Дмовский (1865—1939), будущий глава партии национальной демократии, затем Стронництва народового, политический соперник и... личный враг Юзефа. Легенда гласит, что в последнем виновата была «прекрасная пани». То ли отвергнутый Дмовский не простил сопернику, то ли чувства Марии к Роману вызывали ревность Юзефа к ее прошлому. Мы примем ту точку зрения, что соперников в итоге разделили политические позиции. Дмовский был сторонником России, Антанты, в союзе с ними он видел будущее Польши.

Мария, как разведенная, не могла стать перед аналогом католической церкви и узаконить брак. Безразличному к вере, скорее, атеисту¹¹, Юзефу любой ценой — как всегда — надо было преодолеть препятствие. Таковым стала принадлежность к вероисповеданию. Итак, долой католичество. Он и Мария становятся протестантами и 15 июля 1899 г. сочетаются браком. Только в 1916 г. Пилсудский счел, что Варшава стоит мессы и вернулся в лоно костела.

К моменту женитьбы на Марии Пилсудский был уже признанным лидером подпольного социалистического движения. В статье «Как я стал социалистом» (II, 45—53) Пилсудский утверждает, что социальными вопросами он заинтересовался еще в гимназии. Скорее это был поиск романтики. Он сам не отрицает этого, более того — говорит, что романтиком он остался на всю жизнь. С юности увлекался древними греками и римлянами, их гимнами свободе и демократии, Наполеоном. Полюбил Словацкого. Томик его стихов всегда был при Пилсудском. С ним он поехал и в последнюю свою поездку в марте 1935 г. на похороны сестры. В те первые годы, признает он, был «революционный патриотизм без определенного направления» (II, 45).

А в Польше в конце XIX века даже в его семье, «у взрослых» появилось мнение, что восстание 1863 г. — ошибка, преступление. «В Польше было тихо», пишет Пилсудский. В Петербурге же, в России действовала «Народная воля». Поклонником террористических действий Пилсудский остался на

всю жизнь. В народничестве оказалась еще одна привлекательная для Юзефа черта: вождь, герой делает историю, за ним идет толпа. Работы П. Л. Лаврова и других теоретиков народничества Юзеф хорошо знал. Однако в 1903 г. Пилсудский уже доказывает, что он и его брат с «Народной волей» «замешаны были случайно» (II, 51—52).

Еще до Киренска Юзеф познакомился с социализмом, «модой.., тогдашней эпидемией» (II, 45). «Капитал» Маркса его не вдохновил: «Абстрактная логика Маркса, а также господство товара над человеком не укладывались в моем мозгу». «Материалистическая философия, властвование которой быстро закончилось и на почве которой возникла теория Маркса, никогда не могла убедить меня». Последнее он говорил в 1931 г.¹² На рубеже веков в редактируемой им газете «Robotnik» излагались иные мысли.

Из классиков в его «социалистическую эпоху» Пилсудскому ближе всех был Ф. Энгельс. То, что социалистические идеи в Вильну и к нему пришли «с востока», из Петербурга, Пилсудский считал счастьем. Он писал: «Если бы в те времена встретился с варшавским социализмом, который открыто пренебрегал национальными вопросами и выступал против повстанческих традиций, я бы сопротивлялся его влиянию, вместе с этими ненужными с моей точки зрения дополнениями, отбросил бы и саму социалистическую идею. Петербургский социализм не требовал от меня такой жертвы и одновременно давал мне путеводную нить, определенное мировоззрение» (II, 48). Если письма из ссылки говорят, что он на распутьи, то через 10 лет Пилсудский утверждает, что только в Сибири по спокойном размышлении «я стал тем, чем есть», что «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния.., перестал преувеличивать значение и силу русской революции, очистился для западноевропейского влияния» (II, 52). В «русском социализме» Пилсудского привлекала критика капиталистического строя, его борьба против царизма — «главного врага польского рабочего класса» (I, 79). Вражда к России стала устойчивой чертой его личности и действий. «Глубокая ненависть к России» стала основным пунктом его политической программы (V, 65) и главной темой его пропаганды. Пост руководителя ППС и редактора ее печатных органов открывал для этого широкие возможности. Членом Польской социалистической партии (ППС, 1892—1948) Пилсудский стал в 1893 г., членом ее ЦИК с 1894, а вскоре и возглавил партию. В ППС Пилсудского привлекало сочетание социалистических идей, — а он 20 лет считал себя социалистом, — с лозунгом борьбы за независимость¹³. В партии кроме печати и ее финансовой деятельности он отвечал за контакты с русскими и другими национальными организациями. Составленный им официальный документ — «Отношение к русским революционерам» (июль 1893 г. — I, 44—45) — утверждал, что «даже в революционных рядах России у нас нет искренних друзей». Условием сотрудничества с русскими социалистами в борьбе с царизмом, за его свержение ППС ставила отказ их от пассивности, признание политических требований ППС, того положения, что вся деятельность русских на территории, охваченной ППС, подлежит контролю ППС. Указанное требование не означало, что ППС играла на тех же условиях. В Петербурге действовала организация ППС, а Пилсудский ездил в метрополию и получал от «русских» организаций, в том числе студенческих, деньги и привозил их в Польшу.

Свое понимание России, происходивших в ней общественно-политических процессов Пилсудский дал в брошюре «Россия» (I, 79—91, 1895 г.). Пилсудский считал, что Россия — крестьянская страна и ее экономическое развитие далеко не продвинулось (I, 87). Причина отсталости — века татарского ига. Иноземное владычество над Русью привело народ, в первую очередь крестьянство, к покорности и пассивности. А русский царь — наследник татарских ханов. Поскольку царизм — главный враг, а крестьянство — главная опора царизма, у автора не нашлось и правдивых слов о русском крестьянстве. Рабочие России — это не пролетариат. Создание политической партии рабочего класса в России невозможно и таковой ситуация останется надолго (I, 87, 81).

Не жалуется Пилсудский и классы собственников. Зная о декабристах и революционных демократах, прочитав их труды, он не дал и подлинной картины России середины XIX века. Отрицает Пилсудский и наличие в России капиталистической экономики и возможности организации партий русского капитала. Общий его вывод: Россия — культурно и общественно отсталая страна. Революционное движение в ней никогда не будет массовым и даже при поддержке капитала к победе не приведет (I, 90, 109). Неразвитость общественных процессов в России он объяснял тем, что Россия не Европа и отделена от европейских центров рабочего движения.

Пилсудский выдвинул тезис более высокого исторического прошлого Польши, ее исторической роли в России и Европе. В связи с ведущей ролью Прибалтики и областей бывшей Речи Посполитой в Российской империи, задачей польского рабочего класса и ППС, считал Пилсудский, является потянуть «за собой на борьбу трудящиеся массы иных угнетенных народов». Поддержанный движением в самой России, польский рабочий «приведет ее (Польшу. — В. П.) к победе, которая не только ей, но и всем, в царской неволе стонущим, обеспечит свободу и освобождение» (I, 91). То есть свободу России и себе принесет Польша. Накануне революции 1905 г. Пилсудский уточнил, что силой, создающей шансы восстановления независимости Польши, является социализм. А «социалист в Польше должен стремиться к независимости страны, а независимость — решающее условие победы социализма в Польше» («Как я стал социалистом»). Это положение о примате национального, национально-освободительной борьбы над проблемами демократии (строю), социальными вопросами, вызвало бурную полемику в польской публицистике. В нее не преминул включиться Дмовский, написавший контрстатью «История шляхетского социалиста».

Свои идеи национального в социализме Пилсудский хотел провести на лондонском конгрессе II Интернационала (1896 г.), где его резолюция с требованием о независимости Польши была отвергнута. Конгресс сформулировал более общие положения по политическим, национально-государственным и колониальным проблемам. Пилсудский счел однако исключительно своей заслугой обсуждение национальных проблем на конгрессе в Лондоне (I, 6).

Выдвинув примат национального, Пилсудский стал прорабатывать возможные пути восстановления Польши. Верный себе — никогда не ставить на что-либо одно, он рассмотрел две возможности. Первый путь — национальное восстание, в связи с чем необходимо изучить ход, исход и опыт восстания 1863—1864 гг. в Царстве Польском (III, 82—141). Ему он посвятил в итоге несколько работ, при этом как-то «упустил» роль и позиции русских демократов накануне и в ходе восстания. Второй возможностью восстановления независимой Польши он считал войну. Тогдашний социалистический анализ капиталистической системы исключал возможность долговременного мира внутри капиталистической системы. Но как социалист, Пилсудский к рубежу XX века все-таки больше рассчитывал на социальную революцию (национальное восстание), чем на войну.

Пока же он занимался текущей партийной работой. Пилсудский взял на себя ключевые (не только для подпольной партии) посты: управление ее финансами («В наше время без денег нет власти» — I, 85) и издательскую деятельность. Пилсудский считал, что главную роль в завоевании сторонников, сплочении их в партию должно играть печатное слово. Став профессиональным революционером, он основное внимание уделял прессе, Центральному органу партии газете «Robotnik» в особенности. Им лично отредактированы 37 первых номеров газеты. Труд редактора он делил с «наборщиком», видным деятелем тогдашней ППС С. Войцеховским (1869—1953), президентом Польши в 1922—1926 гг. Тридцатилетняя дружба главного редактора газеты и его сотрудника завершилась «беседой» на мосту Понятовского в дни майского переворота 1926 года. Войцеховски встал на сторону закона и... окончил свою политическую карьеру.

Именно раскрытие типографии повлекло за собой арест Пилсудского в феврале 1900 г. в Лодзи. Марию — «жертву любви» — выпустили через 11

месяцев. Пилсудскому вновь грозила ссылка на 10 лет. Он решил бежать. Из Х Павильона Варшавской цитадели исчезнуть было трудно. По консультации с «волей» через надзирателя А. Сидельникова решили симулировать болезнь, лечить которую возможно только в больничных условиях. Выбрали сумасшествие с признаками идиосинкразии к жандармскому мундиру и неприятие ничего из рук тюремщиков. Голодовка — как проявление и результат. Обследовавший «больного» психиатр — директор варшавской больницы для душевнобольных И. Шабашников прикрыл симуляцию. Пять месяцев провел Пилсудский в сумасшедшем доме в Петербурге, пока не удался побег. Русский литературовед С. Венгеров оценил Пилсудского и побег: «Вообще ловкач необыкновенный»¹⁴.

Летом 1901 г. Юзеф с Марией нелегально перешли границу Австро-Венгрии. До 1914 г. местом жительства семьи, а для Марии до конца ее дней, стал зимой Краков, летом — Закопане. Юзеф часто и на значительные сроки «командировал» себя в Царство Польское и Россию. Не под своим именем, естественно.

Восстановив действительно расшатавшееся здоровье, осенью 1901 г. Пилсудский вернулся к партийной работе. Первоначально по соображениям безопасности в Лондоне (до 10 апреля 1902 г.). Там, однако, дела не нашел: прочел одну лекцию, участвовал в дискуссии на собрании Бунда. По-русски, кстати, с оговоркой: «Я этого проклятого языка не забыл»¹⁵. Не забыл: до смерти пересыпал польский русскими словами, поговорками, фразами в письмах и т. д., окружал себя людьми, знающими русский и говорящими по-польски с русским акцентом. В Лондоне Юзеф пообщался с Войцеховским, который тогда руководил типографией русской колонии толстовцев, издававших под руководством В. Г. Черткова запрещенные в России произведения Л. Н. Толстого.

В Лондоне Пилсудский заметил появление в ППС тенденции предпочтения социальных целей национальным и кооперации с Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и даже Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП). Решив восстановить свое лидерство в ППС, он 21 апреля 1902 г. пересек границу Царства Польского. В ореоле героя, бежавшего из царских застенков, он начал создавать свою легенду и образ героя-мученика. Указанные уже статьи «Как я стал социалистом» и «Бибула» («Подпольная литература») написаны были именно после второго ареста. Воспевание необходимости тюрьмы, как средства, возвышающего того, кто через нее прошел, тюрьмы, как части польской национальной культуры продолжалось Пилсудским и после 1918 г. («Психология узника», VII, 174—187).

По отношению к оппозиционерам в ППС Пилсудский действовал постепенно, уступками, заявляя о терпимости в политических и идеологических вопросах. Стремился сгладить конфликты. В свои статьи он начал вводить понятия о различии патриотизма завоевателей и завоеванных. Признавая наличие польского шовинизма, выступающего «иногда» враждебно против литвинов, он утверждал, что польский шовинизм-де не представляет ни для кого угрозы, поскольку в его распоряжении нет государственной машины, а наличествует только экономическое и культурное преимущество поляков (II, 24). Возможность патриотизма у русских отрицал, считал его опасным для Польши и для антицаристских выступлений. Русских авторов — патриотов (М. Ю. Лермонтов, «Бородино») не выносил (VIII, 131—132). Стремясь вновь взнудать ППС, больше говорил о демократической республике, парламентских реформах, как пути к социализму.

Свои позиции в ППС Пилсудский восстановил.

Фактор будущего «внешнего» союзника Польши все более занимал Пилсудского. После начала в феврале 1904 г. русско-японской войны его эмиссары вступили в контакт с японскими дипломатами в Лондоне, Вене и Париже. Японское правительство пригласило в Токио представителей Царства Польского. Пилсудский в июле 1904 г. вручил сотруднику МИД Японии Памятную записку и проект соглашения. Польские исследователи считают, что Пилсудский действовал втайне от партии. Японской сторо-

не — в обмен на финансирование и предоставление оружия — Пилсудский предложил создать легион из военнопленных русской армии польского происхождения для участия в войне на стороне Японии, а также обещал сорвать в Царстве Польском мобилизацию, вести разведку, совершать акты террора и саботажа. ППС будет возбуждать недовольство в Польше и вести к созданию напряженности путем устной и печатной пропаганды, активизирует создание тайных организаций, будет содействовать укреплению их связей с Австро-Венгрией и Германией, вне Царства Польского провоцировать сепаратистские стремления «покоренных Россией народов», поддержит антиправительственные выступления в коренной России. Главной целью является отрыв Царства Польского и ряда других областей от России. Если не достанет сил осуществить разрыв с Россией, то предлагаемые мероприятия обеспечат победу русской оппозиции, что гарантирует предоставление народам России (и Польше) политических и национальных свобод (II, 254—256).

Здесь Пилсудский, правда, через 10 лет, противоречит себе в оценках русского общества, признает наличие в России оппозиции и серьезное развитие революционного движения и его возможное влияние на положение Польши. Но по-прежнему констатирует отсутствие внутренней силы, способной расчленив Россию на самостоятельные государства. Пилсудский отмечал, что во всех антицаристских заговорах в основном фигурировали «инородцы» и русские — выходцы из окраин империи. Орудие разрушения России, которая-де «только внешне единое государство» (II, 249), Пилсудский надеялся найти в Японии, в союзе между ней и Польшей. В меморандуме Пилсудский к центробежным оппозиционным силам отнес кроме Польши Финляндию и Кавказ, в особенности Грузию и Армению (II, 252). Японское правительство не отреагировало на меморандум Пилсудского, но 20 тысяч фунтов стерлингов он от Японии все же получил.

Революция 1905 г. обострила споры в ППС. Сторонники Пилсудского («старички») считали, что революцию надо использовать для антирусского национального восстания. Подготовить его должна тайная военная организация ППС (появившаяся после японского вояжа Пилсудского), которую в решающий момент поддержат рабочие массы. Союз с сепаратистскими движениями угнетенных народов империи и соглашение с несоциалистическими партиями и группировками облегчат успех восстания за независимость Польши. В русском оппозиционном движении Пилсудский наиболее высоко оценивал эсеров. Он был знаком с В. М. Черновым, Евно Азефом и Г. Гапоном. Пилсудский восхищался публицистической кампанией «Искры» под лозунгом «война войне» и называл ее «великолепной»¹⁶.

Оппозиционеры в ППС основное внимание уделяли проблемам общероссийской революции, парламентарной республики, демократизации политической и общественной жизни в союзе с пролетариатом России. Они не стремились к поддержке сепаратистских движений. От независимости Польши не отказывались, но не ставили ее достижение самоцелью. Разногласия в области теории и рассуждений Пилсудский терпел. Здесь же была практика. В революции 1905 г. рабочий класс Царства Польского пошел вместе с пролетариатом России. Пилсудский считал, что необходимо определить собственные национальные цели. Разочаровался он и в революции: неорганизованное движение, долгий путь позволяют госаппарату использовать свое преимущество организованной и руководимой силы, применять насилие. В революционный энтузиазм необходимо внести дисциплину и порядок. Такую задачу должна решить боевая организация.

Проекты Пилсудского в ППС встретили в штыки. Раскол стал фактом. На IX съезде ППС в ноябре 1906 г. Пилсудский и его сторонники оказались в меньшинстве. Покинув съезд, они создали ППС — революционную фракцию. ППС исключила Пилсудского из своих рядов.

Ревизия Пилсудским — еще членом единой ППС — склада оружия «боевок» ППС в Варшаве в мае 1906 г. оставила нам описание внешности Юзефа, сделанное хранителем склада: «среднего роста, широкоплечий, с тонкой талией. В его жестах было много изящества и элегантности, что

он, впрочем, сохранил до конца жизни. У него была такая легкая походка, что казалось, будто он не идет, а плывет... Голова небольшая, уши правильной формы, слегка остроконечные, прислушивающиеся, глаза глубоко посажены, умные, пронизательные, серо-голубые. Живое лицо отражало чуть ли не каждую его мысль». «Самым интересным, однако, был контраст между его правой и левой руками. Левая ладонь — узкая, нервная, изящная и тонкая, кончалась почти женскими пальцами. Это была рука артиста и мечтателя. Правая была значительно больше, как бы другого человека. Сильная, даже грубая, с ровными, квадратно кончающимися пальцами, столь сильная, что казалось, он мог ею гнуть подковы. Это была рука солдата и человека действия»¹⁷. Так его описала «Оля» — Александра Щербиньская (1882 — 1963), хранительница оружия. Ему было сорок, ей — 25. Он — руководитель партии, она — начинающая подпольщица. Вскоре последовали прогулки над днепровскими кручами в Киеве: Пилсудский разрабатывал план ограбления тамошнего банка, к акции была привлечена и Александра. Возник, как писал впоследствии Пилсудский, трагический треугольник: Мария не хотела давать развода. Юзеф не спешил избавиться от жены. Под венец с Александрой он пошел в октябре 1921 года.

Уже в ходе революции 1905—1907 гг. изменялся круг интересов Пилсудского. Он все более отходил от политико-партийной деятельности, превращаясь в военного вождя, пока боевой организации ППС. Разгром жандармами «боювок» ППС заставил Юзефа сделать вывод, что подобная военная организация для борьбы с царизмом ненадежна. Он решил подправить репутацию и финансы собственной организации. В сентябре 1908 г. Юзеф лично возглавил нападение на кассу почтового вагона у Бездан (под Вильной): в акции участвовали 16 мужчин и 4 женщины, в том числе «Оля». Добычу — 200 000 рублей — разделили на две части. Одну увозили в Петербург два будущих премьер-министра Польши (А. Прагер и Т. Арчишевский), вторую в Киев — будущий начальник государства и будущая пани маршалкова, Александра Щербиньская.

Подготовка к нападению на поезд вызвала сильные эмоции у Пилсудского. Вылились они в письмо к Ф. Перлю, редактору «Robotnika». В нем Пилсудский как бы подводит итоги и дает указания будущим авторам некрологов — или панегириков — о себе (II, 299—300). Пилсудский просит Перля не делать из него человека, распинающегося на кресте для человечества. Было во времена туманной молодости. «Теперь нет, это прошло и прошло безвозвратно». «Я борюсь и умру только потому, что в изгнании, каковой является наша жизнь, я жить не могу, это оскорбляет меня как человека с нерабским достоинством. Пусть другие забавляются выращиванием цветов или социализма, или польского духа или чего-то другого в эмигрантской (даже не клозетной) атмосфере — я не могу... я хочу победить, а без борьбы и борьбы на острие я не борец, а просто скотина, огрета палкой или нагайкой. Понимаешь меня? Не горечь и жертвенность руководят мною, а желание преодоления и подготовки победы». Письмо содержит проклятья по адресу истеричных паненок, авторов определений о шляхетском социалисте и «впавшем в детство от трусости польском обществе». Акцией в Безданах почти кончился период деятельности Пилсудского, который он назвал «криминальным».

Начинался период полулегальный, период постепенного отхода от социализма. Пилсудский загорелся идеей создания полувоенных антирусских организаций в Галиции. Возглавить их должен был Союз активной борьбы. Союз, созданный в 1908 г., декларировал, что его цель — «проведение за границами Царства подготовительных работ и обучение организаторов и руководителей будущего вооруженного восстания в русском захвате» *, а «целью совместных усилий его членов является независимая демократическая республика»¹⁸. ЦИК ППС отказал Пилсудскому в средствах на создание Союза и стрелецких дружин, как и впоследствии не был в восторге

* Так пилсудчики называли земли бывшей Речи Посполитой, входившие в состав Российской империи.

от легионов. (В августе 1909 г. ППС — революционная фракция вернулась в ППС, а Пилсудский вошел в руководство). В Союзе и при подготовке военных кадров Пилсудский сблизился с рядом деятелей, в том числе с К. Соснковским и В. Сикорским.

Пилсудский предложил в 1908 г. австрийскому генеральному штабу в обмен на оружие, разведывательно-курьерскую связь, антирусскую деятельность ППС — революционной фракции и Союза активной борьбы, организации почти легальной. Впоследствии Пилсудский пытался доказать, что вступил в соглашение с Австро-Венгрией, ее разведкой потому, что это государство было слабым, давало только оружие и не требовало никаких политических обязательств (V, 267—269, VI, 65, 68)¹⁹. Но на границах России открыто маршировали военные отряды, вызывавшие ее беспокойство и переписку двух министерств иностранных дел.

В 1910 г. был создан Стрелецкий союз. Его военные отряды к 1914 г. насчитывали 6449 человек²⁰. В стрельцы пошли немногие, меньше, чем ожидал Пилсудский и надеялись венские власти. Затея в задуманных масштабах провалилась.

Вряд ли следует считать, что в криминально-подпольный период Пилсудский стал тем, кто начертал, предопределил восстановление независимой Польши, предвидел ход и исход мировой войны. Пилсудский оставался политиком, известным определенным социалистическим кругам и на территории Галиции. К 1914 г. он не был величиной, с которой надо было считаться.

В годы первой мировой войны три империи, в XVIII веке разделившие Польшу, противостояли друг другу. Фронт проходил по польским и украинским землям. Сотням тысяч поляков, призванных обеими сторонами в армию, надо было объяснить, почему поляки сражаются против поляков. Обе стороны объявили, что они сражаются за Польшу. Германия и Австро-Венгрия не могли выдвинуть территориальных программ единой Польши, не желали расставаться со «своей» частью Польши. Их воззвание от 9 августа 1914 г. утверждало, что их войска принесут полякам свободу и независимость. Юзеф согласен был, что «с польской точки зрения независимое государство, даже из одной российской части Польши — это лучше, чем ничего»²¹. Российское воззвание призывало поляков бить — как при Грюнвальде — общего врага во имя объединения под скипетром русского царя всех трех частей Польши, свободной в вере, языке и самоуправлении. В декабре 1916 г. Россия дополнительно обещала полякам автономию, собственные законодательные органы и армию. Союзницы России по Антанте были согласны на «польские» требования России, в том числе на включение в состав последней Галиции (соглашение от 11 марта 1917 г.).

Пилсудский, объявивший, что на чашу весов войны должна быть брошена и польская сабля (IV, 8—9), объявил себя главнокомандующим и главой польского национального правительства в Варшаве, существовавшего в его воображении. В начале августа несколько сот стрельцов перешли границу Царства Польского, «начиная военные действия против России, во главе самостоятельных польских сил» (IV, 9). Стрельцы далеко от границы не продвинулись и вскоре были отброшены. Пилсудский убедился во враждебности населения русской Польши своим идеям и провале стрелецкой затеи.

Выдвинутая Россией идея единства славян в антигерманской борьбе нашла поддержку не только партии Дмовского и партии реальной политики, но и населения Царства Польского — «огромного большинства» или «доброй половины страны» по словам Пилсудского (IV, 227).

Юзефу, «с войны не вспомиравшему о своем социалистическом прошлом» (IV, 215), снова повезло. Его политические соперники, если не противники, И. Дашиньский, В. Витос, С. Строньский и другие, создали в Кракове Главный национальный комитет, приступивший к формированию польских легионов в составе австро-венгерской армии под командованием австрийского офицера. Пилсудскому предложили полк. Впоследствии

его повысили до командира (коменданта) бригады. Во вспомогательной службе легионов нашлось место и Александре.

Вопреки легенде Пилсудский ни дня не стоял во главе легионов. Не стал он и их единственным моральным и идеологическим руководителем. Его авторитет признавали первая и третья бригады. 2-я (комендант Ю. Галлер) была под влиянием народных демократов. В конце концов она прорвала фронт и перешла на русскую сторону.

Пилсудский участвовал в боях против русских войск в Подгалье, на Буковине и Волыни, как ему «тогда казалось слегка пьяный от своей смелости» (IV, 330). Беда в том, что русские войска били австрийские и все прославленные пилсудчиковскими легендами бои с участием легионеров по сути были поражениями, ударами по самолюбию Пилсудского (IV, 248).

В 1915 г. германские войска оккупировали Царство Польское, поделив его на австрийскую и германскую части. Кризис системы оккупации заставил губернаторов одновременно в Варшаве и Люблине 5 ноября 1916 г. издать прокламации о создании польского государства — наследственной монархии с конституционным строем, находящейся в военном союзе с Центральными державами. До избрания короля во главе государства был поставлен Регентский совет.

Первым делом новой монархии было создание армии. Немецкий губернатор Х.-Х. фон Безелер пытался привлечь к ее созданию и Пилсудского, но неудачно. Пилсудский понял, что идея легионов не оправдала себя, что население Царства Польского отвергает легионы — части, созданные на немецкий кошт. Понял также, что Центральные державы войну проигрывают и что сотрудничество с ними политически невыгодно. От сотрудничества с оккупантами Пилсудский перешел к маневрам, направленным не только на углубление кризиса легионов, но и прямому их разгрому. Поводом стал призыв не принимать присягу, содержащую клятву верности военному союзу с Германией и Австро-Венгрией, следствием был роспуск легионов, перевод легионеров в австрийские и германские части и интернирование подданных России.

Видимо, можно согласиться с мнением: «Наивностью, очевидно, было считать, что военными действиями легионов Пилсудский завоевал Польшу. Несомненно, однако, среди факторов, которые содействовали возрождению Польши, находится также эпопея легионов»²². Действительно, насчитывавшие 30 тысяч человек легионы не могли оказать решающего влияния на ход военных действий. Представляется важным другое. В легионерский период Пилсудский в лице первой бригады, особенно ее офицерского корпуса, создал себе политическую опору. Группу лично преданных людей, которыми он уже с 1916 г. манипулировал для достижения угодных себе целей: например, для компрометации и борьбы с соперником — тогда полковником В. Сикорским (IV, 53—54). Была создана сплоченная группа, рвавшаяся к власти.

Себя Пилсудский уже считал переросшим окружение вождем-одиночкой, не имевшим равных коллег и друзей и стоявшим над всеми, исповедовался он Александре²³. Он не только мнил себя диктатором, но признавался его окружением и даже оккупантами субъектом, рвущимся в диктаторы²⁴. К выступлению на новом поприще Пилсудский готовился основательно. Изменил облик: сбрил бороду, стал католиком. Он готов был изменить самому себе, перейти русский фронт и участвовать в создании формируемых царским правительством национальных польских соединений. Но судьба готовила ему более эффектный поворот, без нарушения имиджа русофоба. Пилсудскому немецкие власти оказали предпоследнюю «услугу»: летом 1917 г. заключили в крепость Магдебург. Так из коллаборанта он превратился в противника и жертву оккупантов. Так было найдено чистилище и обеспечена возможность переориентации на Антанту.

В Магдебурге Пилсудский, живя с полным комфортом, посылал трогательные письма Александре (интернированная после роспуска легионов, она некоторое время сидела в лагере), мечтал увидеть дочку (Ванда роди-

лась в 1918 г.; вторая дочь — Ядвига — родилась в 1920 году). Писал изящные мемуары «Мои первые бои».

Пилсудскому в очередной раз измениться было выгодно. В России был свергнут царизм. Временное правительство 16(29) марта 1917 г. признало «за братским польским народом всю полноту права собственной волей определить судьбу свою» и создать независимое польское государство из всех земель «населенных в большинстве польским народом», государство, соединенное с Россией свободным военным союзом для борьбы против напора срединных держав на славянство (первая мировая война длилась еще полтора года). Российскому Учредительному собранию вменялось скрепить союз и дать «согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из трех ныне разрозненных частей ее»²⁵. Аналогичную позицию заняли Советы²⁶.

Воззвание Временного правительства к полякам от 18(31) марта 1917 г. с изложением своего решения произвело огромное впечатление в Варшаве, содействовало росту русофильства, колебаниям даже активистов (сторонников оккупантов). В верхах возникла мысль ехать в Петроград за подтверждением независимости²⁷.

Безелер забеспокоился. И границы Германии под угрозой и политический престиж. Началось обдумывание контрмер.

Воззвание Временного правительства дало возможность державам Антанты, до того считавшим польский вопрос внутренним делом России, начать дискуссию о независимости Польши, а президенту США В. Вильсону провозгласить свои тезисы, в том числе о Польше.

Итак, к лету 1917 г. вопрос о восстановлении Польши был предрешен. В австро-германском варианте — из Царства Польского, т. е. части

польских земель. В варианте России (Антанты) — объединение трех частей в этнических польских границах.

Вступление в апреле 1917 г. США в войну на стороне Антанты пред-
решало ее исход.

Во Франции развернул свою деятельность Национальный комитет Польши во главе с Дмовским. Странами Антанты он был признан официальным польским правительством. Комитет создавал свои вооруженные силы (армия Галлера), выступал за независимую Польшу из трех частей и возможность раздела «исторических» польских земель между Польшей и Россией²⁸.

Находившийся в крепости Магдебург Пилсудский не сидел сложа руки. Пилсудчики и Пилсудский не давали Регентскому совету забыть о себе. В начале 1918 г. в Варшаве, в Кельцах и других местностях пилсудчики устраивали демонстрации с требованием освободить Пилсудского. В мае 1918 г. подняли вопрос об «идейном вожде польских революционных войск Иосифе Пилсудском, ныне находящемся в заключении»²⁹.

В конце июля 1918 г. сам Пилсудский направляет письмо регенту князю З. Любомирскому (IV, 208—215) с двумя приложениями о своей и своих сторонников военной деятельности (IV, 215—236 и 237—247). Он оправдывался по поводу сотрудничества с оккупантами, перечислял свои заслуги, доказывал, что только он пекся о национальной безопасности и независимости. Все всегда предвидел и предсказывал.

В Польше под оккупантами и их ставленниками горела земля. Кризис общества, экономики, власти. На горизонте обозначились советы рабочих и крестьян, ширились забастовки и демонстрации. В начале ноября в Люблине образовалось народное правительство, выступившее с радикальной программой строительства независимой Польши.

Германское правительство направило 31 октября в Магдебург своего представителя графа Г. Кесслера и получило заверения Пилсудского, что поляки не пойдут войной на Германию за Познань и Поморье (Западную Пруссию), что большевизм является общим врагом Польши и Германии, а сам он не опасен Германии. Через несколько месяцев, обещал Пилсудский, он может создать армию, способную подавить революцию. Важно было доставить Пилсудского в Берлин, а оттуда в Варшаву. То ли 9³⁰, то ли 10 ноября, как утверждает Пилсудский, он был в столице. 11 ноября 1918 г. Регентский совет передал ему власть. Родился начальник государства, он же — главнокомандующий польской армии.

В период подъема общественного радикализма, влияния революционных идей фигура Пилсудского с его социалистическим прошлым и определенной политической ориентацией оказалась необходимой. Можно было выдать его за человека левицы. Тем более, что правые знали, что он не посягнет на основы строя, не пойдет на революцию.*

Изложенная Пилсудским история его призыва в диктаторы, превращения в «абсолютного владыку», «символ Польши» в сером мундире стрелка (II, 26—28), включая якобы фотографии его встречи на вокзале, не соответствует действительности.

Современники и исследователи утверждают, что в 1918—1919 гг. было три человека, которые реально могли встать во главе нации и государства. Это Р. Дмовский — глава польского правительства во Франции, за пределами государства. Реальная же сила — оккупанты — привезли Пилсудского. Кроме того, Дмовский представлял имущие слои: эндеков крайняя левица и коммунисты считали партией крупного капитала и помещиков

---

* Краковские консерваторы писали в своем бюллетене: социализм Пилсудского теоретический, «это заложено в природе его ума, в его характере польского шляхтича с кресов (с окраин, с пограничья. — В. П.), в его несомненно скрывааемых аристократических склонностях, прежде всего в высочайшем, вне всяких сомнений польском патриотизме... Именно вследствие своей репутации Пилсудский единственный имеет шанс противостоять большевизму, катящемуся на него со стороны крайней левицы... Ибо сегодня именно такой, какой он есть, он необходим» (GARLICKI A. Op. cit., s. 204).

и главным классовым врагом. А кругом полыхали революции. Польские крестьяне ждали земельной реформы, народ — свободы, демократии и социальной справедливости. Пилсудскому удалось к «дорогому пану Роману», «опираясь на наше старое знакомства», подключить своих людей и избежать «двойного представительства» (V, 45—46). Пилсудский реально опасался «этого честолюбца», но верил, что против интересов Польши он не пойдет³¹.

Следующим был гениальный музыкант Игнацы-Ян Падеревский. Его авторитет был непререкаем. Но Падеревский не был бойцом. Оставался Юзеф, который умел лавировать, наступать, подавлять и... обезоруживать, что он и сделал с Падеревским, назначив его в 1919 г. премьер-министром, чем улучшил отношения с Антантой. Что ж, прав был брат Болеслав, везло Зюку с соперниками. Тактик Пилсудский был блестящий, удары наносил предупреждающие (как впоследствии с Центролевым).

К лету 1919 г. Пилсудский упрочил свои позиции и стал недостижим.

Он заявил о своей приверженности демократии и закону, о том, что он — ни правый, ни левый — выступает от имени всего народа и его целью является объединение нации во имя строительства государства, созыв Законодательного сейма, выразителя воли народа, которому он полон решимости подчинить себя и армию (V, 35). За его подписью как главнокомандующего 16 ноября 1918 г. было объявлено о возникновении польского государства и соответствующее письмо направлено США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Германии, всем воюющим и нейтральным государствам. Кроме России. Гарантировал демократические основы нового государства, порядок и справедливость в стране, долженствующей (!) включать все земли объединенной Польши (V, 37). Запад, признававший Комитет Дмовского, не спешил с ответом: Пилсудский не котировался. Признание Польши последовало после созыва Законодательного сейма (февраль 1919 г.). Предложение России в начале ноября 1918 г. обменяться послами было отвергнуто.

Законодательный сейм юридически оформил должность коменданта. Пилсудский вновь получил пост начальника государства вкупе с неприятной критикой и умалением прерогатив. Отныне все распоряжения начальника государства должны были подписывать министры правительства (по ведомственной принадлежности). Эндеки и их союзники, получившие большинство в сейме, набирали силы.

Пилсудский трезво расценил, что в Польше нет кризиса верхов. А в низах эйфория вновь обретенной независимости «несмотря на большие экономические трудности народных масс»³² позволит сохранить то положение, что «Польша будет последним из государств, которое на то («эксперименты Ленина и Троцкого» — В. П.) решится» и «добровольно не пойдет на смерть, стараясь заглотать коммунизм» (V, 151).

Перед Польшей объективно стоял вопрос определения пределов государства. Пока Версальская мирная конференция судила и рядила, не желая отрезать пути соглашения с белой Россией, придерживаясь прежних межсоюзнических договоров, Пилсудский действовал. Отдав определение западных границ Антанте, «насколько она захочет более или менее стиснуть Германию», — говорил начальник государства, на востоке решил действовать сам.

В первый же день провозглашения независимости польские войска двинулись на Львов, с целью овладеть столицей Западноукраинской народной республики. В апреле 1919 г. Пилсудский лично возглавил операцию по захвату Вильнюса у Литвы. Обозначилось и третье направление (кроме Галиции и Литвы): наступление, — пока «тихое», на восток, против Украины, Белоруссии, фактически и против РСФСР.

Россия слаба и раздирается гражданской войной. Заваруха, поднятая большевиками, продлится лет 50, считал Пилсудский, что облегчит ему возможность бить Россию где, когда и как он захочет. Пилсудский считал необходимым растащить Россию на национальные территории и отводил Польше роль объединителя новой федерации. Пилсудский не был теоретиком федерализма, что сам признавал (V, 147). А о циничной практике

говорит его письмо от 8 апреля 1919 г. Леону Василевскому в Париж: «...я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока не смогу иметь возможность важно разговаривать об этих вопросах, но с револьвером в кармане. В связи с тем, что на божьем свете, кажется, начинают побеждать разговоры о братстве людей и народов и американские доктринки (!) (Пилсудский имел в виду тезисы Вильсона -- *В. П.*), с удовольствием склоняюсь на сторону федералистов» (V, 73).

Советские республики, занятые внутренними проблемами и истощенные гражданской войной, не намеревались вести войну с Польшей. Государственные интересы оказались выше догматов мировой социалистической революции. Линию границы Москва предлагала установить по существовавшей на тот момент линии фронта (предложение делалось и от имени УССР): Дунбург—Плоцк—Борисов—Бобруйск—р. Птыч—Каменец—Подольск—Днестр.

Польша пыталась играть на противоречиях между красной и белой Россией, осуществляя контакты и ведя переговоры и с теми и с другими.

Оказалось, что Ленин для Пилсудского стал предпочтительнее белых, большинство которых было за единую и неделимую Россию (VI, 202—203). Поэтому Ю. Мархлевский, советский эмиссар, получил через представителя Пилсудского заверение, что Польша (временно) воздержится от боевых действий против РККА. В результате, когда Деникин шел на Москву, польские войска прекратили продвижение. Деникин изумлялся, что красные начали наступление на его войска, открыв тылы Польше³³. Противники Пилсудского ставили ему в вину, что он спас советскую власть. Однако это явное преувеличение — он лишь помог решить определенные военные задачи разгрома деникинской армии.

Победа советской власти на Украине не устраивала Пилсудского. Он решил непосредственно вмешаться в гражданскую войну у соседей. Прикрытием для выступления послужил подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с интернированным в Польше С. Петлюрой, по которому «Украинская Народная республика» «уступала» Польше Галицию и ряд других областей (до границ 1772 г.!). Польша соглашалась восстановить власть директории на Украине. «Исторические чувства» польской стороны и желание «стереть следы разделов Польши» (V, 147) подогревались реальными интересами изгнанных с Украины польских помещиков.

Пилсудский, «реалист без предубеждений», заявил о своем кредо: «заранее следует хорошо рассчитать средства, которыми располагаешь, и приспособить их к цели, к которой стремишься». А целью было «на штыках принести этим несчастным странам свободу» (V, 147). Вопреки позиции Англии, правительство которой было против войны, Пилсудский при поддержке Франции начал наступление на Украине. Как известно, наступавшие польские войска прорвали фронт и 7 мая взяли Киев. Но тут же покатались назад. Украинский крестьянин не жаждал возвращения польских панов. Летом 1920 г. Красная Армия приближалась к польским землям. Тут и возник у РКП(б), Коминтерна и польских коммунистов в РСФСР план перенесения мировой революции в Польшу и далее на Запад, не имевший военно-экономического подкрепления и показавший разительное непонимание новой польской действительности³⁴. 24 июля 1920 г. в Варшаве было создано правительство национальной обороны во главе с В. Витосом, принят закон об аграрной реформе, начата пропагандистская кампания в защиту национальной независимости. Участники конференции в Спа предложили Польше срочно признать этническую границу на востоке.

Представитель правительства Польши С. Грабский согласился. Но теперь Москва отвергла ноту лорда Керзона (июль). Нужна была не граница по Бугу, а советская власть в Польше.

Части Красной Армии под командованием М. Н. Тухачевского в середине августа были под Варшавой. Перед ними простиралась «обширные варшавские предместные укрепления, представлявшие значительные трудности для прорыва» — Ивангород и Новогеоргиевск (Демблин и Модлин), а Юго-Западный фронт подходил ко Львову. Между советскими фронтами

зиял разрыв. Войска, прошедшие более 700 км, не имели подкреплений, необходимого боевого обеспечения, тылы и снабжение были дезорганизованы, связь нарушена³⁵. «Тонкая ниточка» наступавших войск была весьма уязвима.

Военные неудачи подорвали позиции Пилсудского. Оппозиция требовала убрать его с поста главнокомандующего. От Пилсудского отвернулась пресса, он утратил контроль над сеймом. Совет национальной обороны ограничил его полномочия как главнокомандующего.

Командование польской армии 6 августа приняло решение о сражении на линии Вислы. Кто был автором плана? Французский генерал М. Вейган, глава военной миссии, польский генерал Т. Розвадовский (начальник Генштаба) — этого историки не выяснили до сих пор. Пилсудский, естественно, все приписал только себе (VII, 164).

В августе 1920 г. он «фатально похудевший, пожелтевший», «настроенный не только понуро, но погребально», растерялся. 12 августа 1920 г. Пилсудский подал премьер-министру Витосу прошение об отставке как с поста главнокомандующего, так и начальника государства. Прощаясь с Александрой (перед варшавской битвой), шел как будто на смерть. «Результат любой войны неопределенный вплоть до ее конца. Все в руках Бога», — сказал он ей³⁶. Пилсудский перестал верить войскам, до конца жизни его мучил кошмар «паскудных времен» 1920 года.

Польские войска ударили в стык фронтов и в тыл войск Тухачевского. Красные начали отступать.

Народовцы иронично назвали произошедшее под Варшавой 16 августа 1920 г. «чудом над Вислой». Пилсудчиковская легенда это определение переиначила в свою пользу³⁷. Забыли о Розвадовском, Сикорском, Галлере, констатировал Витос. Для пилсудчиковской пропаганды остался только Пилсудский, первый после Яна Собесского, принесший Польше победу в войне. Все было записано на его счет: он был главнокомандующим.

Красная Армия продолжала катиться назад. Советская сторона от Ленина до Чичерина пыталась сохранить хорошую мину. (Мы «доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеко от победы над Польшей были и есть», «не удалась одна определенная операция»³⁸). Правда, вскоре Ленин признал, что в решающий момент не хватило сил в решающем месте. Ни у одной стороны не было сил на продолжение войны, но у РСФСР оставался Врангель. Надо было высвободить силы и обеспечить тылы. Перемирие было подписано — начались мирные переговоры в Риге. Пилсудчики были недовольны.

Витос в воспоминаниях весьма сурово сказал об исторических фальсификациях Пилсудского в его труде о войне 1919—1920 гг. и последующей пропаганде, о его «просчетах и спеси», о развязывании им войны, за которую дорого заплатил весь народ³⁹.

Пилсудский высказал свои сентенции о главнокомандующем войсками. Быть вождем армии в войне — это значит без боли относиться к потерям, которые она несет, из милосердного человека вождя не скроишь. Вождь должен думать о победе, не обращать внимания на потери: «Когда я вел войска в бой, не думал о цене крови, трудно, на то и война и твердый солдатский долг... Смерть полезна, когда дает победу, смерть болезненна, когда она только во имя чести» (V, 260). А жертвы войны 1919—1920 гг. — 184 тысячи человек — были принесены во имя чести: «стереть следы разделов Польши» (V, 147).

Рижский мир (март 1921 г.) определил пути территориального и экономического разделения государств. Он мог заложить удовлетворительные основы их будущих отношений. В переговорах о заключении торгового договора (завершены в 1939 г.), в выполнении культурных и экономических статей, однако, встретились трудности или они не выполнялись. В 1923 г. стороны подписали дополнительный договор, по которому, обязуясь выполнить все условия Рижского договора, СССР передал Польше в залог сокровища дома Романовых. В Польский банк в Варшаве поступили короны Николая I и Александра II, держава и скипетр русских императоров

с их драгоценными футлярами, бриллиантовое ожерелье императрицы Марии Федоровны, золотой лом, бриллианты, жемчуг, драгоценные камни на 15 млн. рублей золотом. В течение 15 лет их можно было выкупить или они переходили в постоянную собственность Польской республики. Не выкупили ⁴⁰.

Извращение ценностных и исторических оценок, менталитета в результате обоюдной пропаганды, нерешенные задачи сторон в течение многих лет мешали установлению добрососедских отношений между Польшей и СССР. В СССР культивировался образ империалистической панской Польши. В Польше все межвоенные годы развивалась «теория двух врагов», — СССР и Германии. В сентябре — октябре 1939 г. всем польским офицерам, интернированным в СССР, задавался вопрос, что они делали в 1920 году. Да, к несчастью, оказался прав Пилсудский, что «1920 год останется в истории двух наших народов и государств годом, надолго памятным» (VII, 1).

Желая получить персональное отличие — маршальский жезл, Пилсудский, несмотря на сопротивление сейма, издал приказ: «звание первого маршала Польши принимаю и утверждаю». 14 ноября 1920 г. он принял маршальский жезл из рук солдата Яна Венжика. Сейм и «благодарные» граждане повели себя неблагодарно к победителю. В марте 1921 г. сейм принял Конституцию, по которой глава государства подконтролен сейму и не может быть одновременно главнокомандующим армией. Пилсудский был убежден, что закон направлен персонально против него. Дальше — больше. На выборах 1922 г. избиратели по сути «прокатили» пилсудчиков (и ППС). Успех сопутствовал партии Дмовского и партии Витоса Пяст. Сейм стал правоцентристским. Конфликт между правящими группировками выразился и во внесении в сейме резолюции недоверия начальнику государства (июль 1922 г.). Ее удалось отклонить незначительным большинством.

Маршал не захотел быть президентом, подчиненным сейму. Правда, продвинул на этот пост Г. Нарutowича, свойственника, тоже из Жмуди: брат Нарutowича был женат на кузине Пилсудского (VI, 37). Во время инаугурационных торжеств Нарutowич был убит человеком, близким к эндекам, то есть партии Дмовского.

В новом раскладе сил Пилсудскому не нашлось места в государстве и армии. Он демонстративно отказался от предложенной ему должности начальника генштаба и гордо заявил, что все отдал Польше и теперь хочет насладиться семейной жизнью. «Уединился» он в пригороде Варшавы — Сулеювке, имении, подаренном ему армией. Послу США маршал заявил: «Они (сейм) загнали меня в угол, но в конце концов я их уничтожу, ибо я сильнее всех моих врагов, вместе взятых» ⁴¹. В Барановском, одному из руководителей польской масонской ложи, сказал откровеннее: «Мы с первой бригадой не прощаем. Можем дать в морду».

Легенда и жена стараются уверить, что Зюк был как все. В семье легкий и покладистый. (Воспоминания окружения после 1926 г. прямо противоположны. Но надо учесть, что маршал был болен: в 1928 г. его разбил инсульт с параличом правой стороны, рука так полностью и не отошла. Кроме того, начала давать о себе знать болезнь печени). Жили-де как все, «очень скромно», от зарплаты до зарплаты. В Сулеювке не лучше. Юзеф от полученной пенсии (1000 злотых) демонстративно отказался в пользу Виленского университета. Пилсудского, хоть на него и сыпались обвинения, что за огромный куш продался то большевикам, то сионистам в Интернационале, серьезно никто не мог уличить в корыстолюбии. Он не заботился о деньгах и комфорте, пишет Александра. Жалованье Пилсудского после 1926 г. было 2200 злотых, без представительских ⁴². (Средний минимум рабочей семьи был 185 злотых). Гастрономические запросы были неприятными, но ел только то, что любил. Почти не пил крепкого алкоголя, иногда доброе венгерское (венгжин). Злоупотреблял лишь чаем, да был великим сладкоежкой. На его ночном столике всегда лежали коробочка ландринков и пистолет.

Месяца полтора семья проводила в другом имении Пилсудских — Пикелишки, около Вильно. В минуты досуга любил раскладывать пасьянсы, играл в шахматы. Полюбил кино, считал его самым важным из искусств. Устраивал «открытые» сеансы в Бельведере. Крутили мультфильмы Диснея и музыкальные фильмы с Яном Кепурой. Все волновался: «Говорят, что я не люблю музыку». В феврале 1921 г. в Париже его принимали «не на том уровне». Не встретил президент. Галапредставление было не в опере, по обычному этикету встречи главы государства, а в Комеди франсез, в ложе которой он нашептывал А. Мильерану, что Польша не может себе позволить такую роскошь, как плохо жить с двумя великими соседями. «Должны хотя бы одного сделать другом, в любом случае с двумя сразу биться не можем»⁴³. Себя межвоенная Польша всегда считала державой. Сгладили отчасти сложности французского вояжа масоны, польские и французские, их контакты. В принципе Пилсудский считал, и говорил об этом Барановскому, что при отсутствии в Польше организованности и дисциплины масоны могут сыграть цементирующую роль и принести выгоды государству⁴⁴.

Пилсудский верил в духов. Уверял, что в Бельведере под дверью его кабинета ходит тень вел. князя Константина. Он интересовался ясновидением. С 1924 г. поддерживал постоянные контакты и консультировался с Вольфом Мессингом, который пишет: «Начальник государства... был суеверен, как женщина. Он занимался спиритизмом, любил «счастливое» число 13». (И это были всегда номера его кодовых телефонов и «домофонов». — В. П.). «Ко мне он обратился, — продолжает Мессинг, — с просьбой личного характера, о которой мне не хочется да и не удобно сейчас вспоминать. Могу только сказать, что я ее выполнил»⁴⁵.

Пилсудский всегда боялся покушений. В 1921 г. во Львове в него стрелял украинец из Организации украинских националистов (ОУН). В Сулеювке его охраняли от покушений, которые по сообщениям военной разведки, готовили советские агенты⁴⁶, другие авторы уверяют, что со стороны правительства Грабского. В результате муж и жена ходили с револьверами, а все увеличивающаяся охрана из полка уланов запаслась пулеметом. В 1930 г. опасались терактов со стороны польских коммунистов. В начале 1934 г. заподозрили в шпионаже жену его «лучшего» друга со времен Австро-Венгрии — секретаря, врача М. Войчыньского Людовику. (Супруги Войчыньские жили этажом ниже с Пилсудским в Инспекторате вооруженных сил). Арестованную Людовику за недостаточностью улик выпустили⁴⁷.

В Сулеювке Пилсудский вновь занялся писательской деятельностью. Читал лекции во многих городах. Причин несколько. Одна весьма прозаическая — нужны были деньги. Но наиболее важной являлось стремление распространить и утвердить свои идеи, поддерживать имидж победоносного вождя. Юзеф без ложной скромности говорил, что «не хотел допустить, чтобы, когда закрою глаза, отсутствовал бы мой голос о моей собственной работе» (VI, 3). Регулярные выступления на съездах легионеров, публикация сборников их воспоминаний имели ту же цель.

Сулеювский затворник активно вмешивался в проекты реформы армии, особенно создание структуры ее высшего командования. Писал президенту Войцеховскому протесты против назначения Сикорского и Шептицкого военными министрами. Наконец Пилсудский добился: пост военного министра 27 декабря 1925 г. занял его вернейший сторонник генерал Л. Желиговский. Тот сосредоточил под Варшавой (в Рембертове) «для маневров» под командованием маршала преданные Пилсудскому дивизии. Можно было выступать. Всеведущая «The Times» 28 мая 1926 г. сообщила, что за спиной Пилсудского стояла Англия и финансирование подготовки и свершения действий пилсудчиков шло через английского посла в Варшаве.

Момент был выбран удачно. Перманентные трудности в экономике правительство пыталось разрешить за счет снижения жизненного уровня населения. Распалась правительственная коалиция. Широчайшие круги были недовольны положением в стране и заявлениями нового, третьего

правительства Витоса. С ранней весны 1926 г. Пилсудский начал выступать в печати с обвинениями в адрес сейма и правительства о коррупции, отсутствии законности и порядка в стране, о продажности партий и их неспособности обеспечить процветание страны. Поставил вопрос о сильной власти.

12 мая 1926 г. Пилсудский, все еще в ореоле «левого», начал из Рембертова мари на Варшаву. Верные правительству части оказали сопротивление. Рубежом стала Висла. После первого дня боев Пилсудский заявил, что он противник насилия и не стремится к выгоде для себя или своего окружения, но «не может быть в государстве чрезмерных несправедливостей в отношении тех, кто отдает свой труд другим» (IX, 9). Может на сей раз он был искренен, говоря, что измучен физически и морально, и на принятый шаг решился после тяжелой борьбы с самим собой. Известно, что после личной встречи на мосту через Вислу с президентом Войцеховским, Пилсудский дрогнул. У него произошел психический срыв. Александра вспоминала: постарел на десять лет, иссох наполовину, «те три дня оставили на нем безжалостный отпечаток до конца жизни. Он не смог уже обрести своего прежнего спокойствия, умения владеть собой. Казалось, какой-то непомерный груз лег на его плечи»⁴⁸. Антиправительственные действия и государственный переворот довел до конца генерал Г. Орлич-Дрешер. Пилсудский, как и в 1920 г., преодолел внутреннюю борьбу и утвердился в диктаторских стремлениях.

Выступление выдающегося конспиратора было подготовлено блестяще. Никто из правительственных войск из провинции не смог двинуться к столице: ППС организовала забастовку железнодорожников. Провозглашенная борьба с эндеками поставила даже коммунистов (правда, временно) на сторону Пилсудского. Коммунисты считали эндеков главными классовыми врагами трудящихся. Маршал был доволен собой: «С точки зрения технической эта печальная битва была великолепной» (IX, 12).

Три дня гражданской войны, «столь же жестокой, как любая иная» (IX, 12), стоившей 1,3 тыс. жертв, закончилась победой пилсудчиков. Маршал издал прочувствованный приказ. Призвал не делить пролитую кровь и объединиться во имя Польши (IX, 10–11) и тут же начал разгром верхушки армии, отомстив всем соперникам и убрав и убив тех, кто многое о нем знал, еще со времен его сотрудничества с разведкой Австро-Венгрии.

В области политической, используя правых и левых, начал убаюкивать всех. Одних успокаивал, что он против социальных заварушек (IX, 16), что социальный эксперимент России не для Польши (IX, 22). Но в то же время говорил другим, что произошедший переворот — род революции без классовых революционных последствий и он не пойдет на соглашение ни с сеймовыми партиями, ни с банками и концернами. Он против нуворишей и давних магнатов, за сильную власть (IX, 19). Президент Польши должен иметь права, равные королевским, ответственным перед богом и историей и представлять все государство. Журналист, которому Пилсудский давал интервью, тут же спросил: «Вы сторонник фашизма?». «Это не для Польши», — последовал ответ (IX, 21). Опять со своими Пилсудский был откровеннее: «В области правления не хочу собезьянничать фашизм Муссолини. Эти образцы из-за границы... не подходят к польской психике и не в моем вкусе. Способа механизировать польское общество большевистскими методами или хотя бы немецкими не вижу. Речь для меня идет просто об одном, об уважении власти там, где она имеет решающий голос. Пусть поляки, которые давали бить себя по морде, убедятся, что в случае чего может дать по морде и польская власть. И будет так и хуже, если к этому принципу не приучу поляков»⁴⁹.

Пилсудский выдвинул лозунг оздоровления — санации — государства, установления диктатуры «сильного правительства» «в конституционных рамках», ликвидации плохих сеймовых обычаев, которые хуже плохой конституции. Прекращения игры партий в вопросах армии и внешней политики (VIII, 331, 333, 335). Внешнеполитическая программа — мир, отсутствие стремления к каким-либо территориальным изменениям (IX, 21).

После переворота началось подчинение сейма, государственной и местной администрации, диктатору. Разгром демократических сил начался сразу после 12 мая 1926 года. Числа для Зюка рокового, ставшего и датой его смерти в 1935 году.

С 1926 г. не право, не писанный закон стали высшей нормой, а воля победителя. Пилсудский стал неограниченным диктатором (при сохранении многопартийности и сейма). Диктатура санации. Что она из себя представляла? К. Сфорца, бывший итальянский министр иностранных дел, назвал диктатуру Пилсудского шляхетской, предварительно весьма нелестно охарактеризовав польскую шляхту. Почти в тех же словах, каких в конце XIX в. Пилсудский обзывал русское дворянство в брошюре «Россия». Напомним, что и социалистом его называли шляхетским.

Карл Радек, приближенный к Сталину журналист и одновременно по стечению обстоятельств одноклассник и однокашник ряда лиц из верхушки пилсудчиков, сравнивал Пилсудского со Сталиным, а пилсудчиков с «нашими партийными товарищами»⁵⁰. То же сравнение сделал и генерал Сикорский в 1941 году.

В системе созданной власти Пилсудский становился премьер-министром в 1926—1928 и 1930 гг., в периоды трудных политических кампаний, например, выборов 1930 года. Неизменно сохранял за собой посты военного министра и генерального инспектора вооруженных сил, т. е. армию, реальную власть, и полный контроль над внешней политикой.

Очередные выборы доказали шаткость и узость политической базы пилсудчиков. В 1928 г. за них проголосовал только каждый пятый избиратель, а попытки расширения этой базы вели Пилсудского к почти открытому союзу с правыми. Объединившаяся оппозиция в 1929 г. — Цетролев — имела 40% мест в сейме.

И тогда Пилсудский решил добиться созыва нового сейма, абсолютно послушного диктатору. Выборы 1930 г. были переломными в карьере Пилсудского. Его личная организационная, политическая, публицистическая кампания принесла победу. Его сторонники получили 55% мандатов. Для достижения успеха все было поставлено на карту. Даже личный авторитет кандидата № 1. Не гнушались подкупов, подтасовок списков. Коммунистов, всех смутьянов и лидеров оппозиции отправили в тюрьмы или на скамью подсудимых. Тюремным заключением по приговорам суда в Бресте он отомстил руководителям Центролева Витосу и левым лидерам «родной» ППС, всем, кто мог оказаться опасным. Доверенному собеседнику в 1932 г. прокомментировал: «Если бы я тогда проиграл, не правил бы вами дурнями дольше. Но перед этим повесил бы сотню»⁵¹.

1930 год был годом его личного триумфа и одновременно все более убыстрявшегося физического упадка. Слабое сердце и болезнь печени приносили постоянные страдания. Зюк не терпел врачей, не верил им. Сам себе предписывал диеты, в основном голодовки. Способствовало этому знакомство с врачом-физиотерапевтом из Друскеник Евгенией Левицкой (1896—1931 гг.), поклонницей указанных методов. Познакомился с ней Пилсудский в 1924 г. и уже на следующий год приехал на курорт без Александры. Красивая, темноволосая 28-летняя уроженка украинских земель, киевская студентка (до 1923 г.) с 1927 г. была уже в Варшаве и около Юзефа. В отпуск в Фуншал на Мадейру в конце 1930 — начале 1931 г. Пилсудский уехал с ней и с Войчыньским. Левицкая покинула Мадейру раньше Пилсудского. Вскоре после визита к ней Александры Левицкую нашли мертвой в химической лаборатории варшавского Института физического воспитания, где она была сотрудником, членом Ученого Совета. Варшава судачила — самоубийство? убийство?, отравила бельведерская камарилья? Историк А. Гарлицкий считает, самоубийство: не выдержала нервного напряжения⁵².

Безутешный маршал в сопровождении официальных лиц, вся столичная верхушка присутствовали на заупокойной службе. На похороны Марии Пилсудский не явился. Исследователи отмечают, что гибель Евгении (странно, что первая и последняя в его жизни женщины совершили самоубийство) была одной из причин резкого ухудшения его здоровья.

По мере его физического угасания все более от его имени правила группа полковников, боровшихся друг с другом за влияние на Пилсудского, но не против него.

Приход Гитлера к власти обеспокоил Пилсудского. Дневник заместителя министра иностранных дел Я. Шембека свидетельствует о заседаниях по поводу германских вооружений и того, кто из великих соседей «раньше может стать опасным» для Польши⁵³.

В годы мирового экономического кризиса Пилсудский и его окружение понимали, что Польша крайне заинтересована в рынке на востоке. «Большинство наших торговых дел касается Германии и России» (IX, 106). «С Россией всегда малая временность». (Заключаемые торговые сделки были частными и краткосрочными). Пилсудский вынужден был пойти на сближение с СССР. Памятуя все сказанное Пилсудским о России, следует признать, что в период его правления отношения между соседними странами оказались наилучшими за межвоенное двадцатилетие.

Расцветом польско-советских отношений стали 1932—1934 годы. В 1932 г. был подписан договор двух стран о ненападении, а в Варшаву прибыл советский посол. Пилсудский лично принимал В. Антонова-Овсеенко и выслушивал его предложения относительно продления пакта о ненападении и дальнейшего развития польско-советских отношений. Летом 1933 г. Польша присоединилась к региональной конвенции об определении агрессора. СССР хотел идти дальше и прозондировал возможность политического сотрудничества двух государств и предоставления Польше помощи, вплоть до военной, против возможного агрессора (подразумевалась гитлеровская Германия). Однако Варшава ограничилась продлением пакта на 10 лет.

Чтобы обезопасить себя, в январе 1934 г. Польша подписала пакт с Германией о неприменении насилия. Польская сторона сочла, что она уравнивала отношения с Германией, но пакт только откладывал на будущее решение территориальных претензий Германии к Польше. В Восточном пакте Польша участвовать отказалась, как и не ответила на зондажи о предоставлении советской помощи против агрессора. И это при том, что лично Пилсудский считал, что пакта с Германией «хватит» на четыре года, т. е. до 1938 года, после чего начнутся «осложнения».

В период, когда СССР, обеспокоенный ростом мощи Германии, активизировал отношения с Францией и Великобританией, Пилсудский не желал остаться в стороне. Направлявшихся в Москву западных политических деятелей он желал видеть первоначально в Варшаве. Английский министр иностранных дел А. Иден был последним политиком, которого допустили к Пилсудскому (2 апреля 1935 г.). Иден не смог понять, что и о чем тот говорил. В польском МИДе Идену долго разъясняли мнение маршала. Так Иден первый вынес на свет божий известие о какой-то тяжелой болезни пана Юзефа. Следующего визитера в Москву — французского министра П. Лавалья уже не допустили. Отказ в ранее запланированной аудиенции объяснили болезнью (10 мая). Окружение понимало, безнадежен, рак печени, кома. Но Пилсудский вечером 10 мая, на время придя в себя, пытался объяснить: «Лаваль... я должен... Россия»⁵⁴. Это были последние слова маршала. 12 мая его не стало.

Незадолго до смерти «самый великий рыцарь Польши» выразил желание быть похороненным в Кракове, в королевской усыпальнице на Вавеле. При этом просил сердце его предать земле в Вильно, в могиле у ног матери, а на надгробии выбить стихи Словацкого. Мозг разрешил отправить на научные исследования. «Кончилась сказочная карьера...». «Наверное, откроют в нем знаки гениальности, — тело на Вавеле между королями. Жесты как из легенды», — съязвил писатель К. Ижиковский. Почти в тех же словах прокомментировал смерть и завещание Пилсудского Витос⁵⁵.

13 мая 1935 г. все газеты вышли в трауре, с некрологами. Только «Gazeta Warszawska» — рупор народовцев на первой странице оставила фотографию отбывающего в Москву, улыбающегося из окна вагона Лавалья. Она, да статья Дмовского в следующем номере стали поводом закрытия этого издания.

Умер интересный, большой человек. Изменчивый как ртуть, изменявший свою личность, убеждения, поведение, политику, даже культуру и речь. Не изменявший одного — стремления к независимости Польши. Представлявшаяся нереальной в начале его жизненного пути, идея оказалась созвучной социальным и политическим процессам начала XX века в Европе, периоду создания новых национальных государств. Неважно, что осуществился не его вариант развития событий. Неверно, что независимая Польша возникла благодаря ему. Но он много сделал для осуществления своей мечты. Стечением обстоятельств он по сей день остается символом воскрешения Польши, восстановления ее суверенитета. В переломные для истории моменты рождаются личности исторического масштаба. Польше необходим был вождь, герой, идея национального единения. Таковым стал Юзеф Пилсудский.

Примечания

1. Józef Pilsudski i jego legenda. Warszawa. 1988, s. 7.
2. Указание на работы Пилсудского даны в тексте по изданию: PILSUDSKI J. Pisma zbiorowe. Wydanie prac dotychczas drukiem odloszonych. T. I-IX. Warszawa. 1989. (Офсетное воспроизведение издания 1937 г.). В скобках римская цифра означает номер тома, арабская — страницу. Например: (I, 25).
3. См. Польская историческая литература 80-х годов о Ю. Пилсудском (Обзор). Специализированная информация ИНИОН АН СССР. М. 1990. Автор (М. Н. Бобрик) на обложке не указан. К сожалению, обзор далек от полноты. Речь идет в основном о статьях. В нем не упоминаются такие фундаментальные труды 80-х годов, как GARLICKI A. Józef Pilsudski. 1867—1935. Warszawa. 1988; URBANKOWSKI B. Filozofia czynu. Warszawa. 1988.
4. PILSUDSKA ALEKSANDRA. Wspomnienia. Warszawa. 1989, s. 239.
5. BARANOWSKI WL. Rozmowy z Pilsudskim. 1916—1931. Warszawa. 1990, s. 115.
6. НАЛЕНЧ Т., НАЛЕНЧ Д. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М. 1990, с. 10.
7. Пилсудский Бронислав Осипович (1866—1918) — исследователь народов Сахалина. — Материалы международной научной конференции. 31 октября — 2 ноября 1991. Т. 1—2. Южно-Сахалинск. 1992; ЛАТЫШЕВ В. М. Слово о Брониславе Пилсудском. Краеведческий бюллетень, 1993, № 3. Б. Пилсудский в 1918 г. в Варшаве покончил с собой.
8. Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова. М.-Л. 1927, с. 168—171.
9. Цит. по: НАЛЕНЧ Т., НАЛЕНЧ Д. Ук. соч., с. 17.
10. PILSUDSKA A. Op. cit., s. 239.
11. URBANKOWSKI B. Op. cit., s. 88—90.
12. НАЛЕНЧ Т., НАЛЕНЧ Д. Ук. соч., с. 13.
13. В польской литературе (MICEWSKI A. W cieniu marszałka Pilsudskiego. Warszawa. 1969, s. 17) имеются утверждения, что Пилсудский никогда не был социалистом.
14. WASILEWSKI L. Józef Pilsudski. Warszawa. 1935, s. 52.
15. WASILWSKI L. Op. cit., s. 59.
16. Ibid., s. 87.
17. PILSUDSKA A. Op. cit., s. 67.
18. MICHALSKI J. Siwy strzelca stroj. Łódź. 1988, s. 35.
19. PILSUDSKA A. Op. cit., s. 131.
20. MICHALSKI J. Op. cit., s. 35; PILSUDSKA A. Op. cit., s. 122.
21. MICHALSKI J. Op. cit., s. 37.
22. Ibid., s. 54.
23. PILSUDSKA A. Op. cit., s. 161.
24. Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 1. Warszawa. 1957, s. 112.
25. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. 1963. Т. 1, с. 35—36.
26. Там же, с. 26.
27. Materiały archiwalne., s. 19.
28. LECZYK M. KNP a Entanta i Stany Zjednoczone 1917—1919. Warszawa. 1966, s. 301.
29. Materiały archiwalne., s. 285.
30. Ibid., s. 404.
31. BARANOWSKI WL. Op. cit., s. 49.
32. Ibid., s. 61.

33. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Поход на Москву. М. 1989, с. 98—99.
34. МИХУТИНА И. В. Польско-советская война 1919—1920. М. 1994.
35. Директивы главного командования Красной Армии 1917—1920. Т. 3. М. 1969, с. 82, 87; Директивы командования фронтов Красной Армии 1917—1922. М. 1978, с. 44 и др.
36. PILSUDSKA A. Op. cit., s. 193.
37. Пилсудский против Тухачевского. Два взгляда. М. 1991; ТУХАЧЕВСКИЙ М. Н. Поход за Вислу. М. 1992.
38. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959, с. 167.
39. Józef Pilsudski w opiniach polityków i wojskowych. Warszawa. 1985, s. 43.
40. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 122, оп. 22, д. 20, п. 67, л. 8—9.
41. MICHALSKI J. Op. cit., s. 80.
42. LEPECKI M. Pamietnik adiutanta marszalka Pilsudskiego. Warszawa. 1988, s. 78.
43. BARANOWSKI WL. Op. cit., s. 129.
44. Ibid., s. 77.
45. Тайная власть, 1995, № 1, с. 16.
46. PILSUDSKA A. Op. cit., s. 218.
47. GARLICKI A. Op. cit., s. 695.
48. Цит. по: НАЛЕНЧ Т., НАЛЕНЧ Д. Ук. соч., с. 150.
49. BARANOWSKI WL. Op. cit., s. 115.
50. LEPECKI M. Op. cit., s. 172.
51. Ibid., s. 23.
52. GARLICKI A. Op. cit., p. 607.
53. J. Pilsudski w opiniach., s. 220, 223.
54. LEPECKI M. Op. cit., s. 337.
55. J. Pilsudski w opiniach., s. 17, 44.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Предисловие

«Записки для немногих» — так сам автор, Александр Васильевич Головнин, озаглавил свой труд, который он принес в 1867 г. в Императорскую публичную библиотеку. На большом сером конверте его рукой было написано: «Бумаги тайного советника Головнина, которые он приносит в дар Императорской публичной библиотеке с тем, чтобы они были распечатаны не прежде, как через восемьдесят лет от нынешнего 1867 г.»

Пакет был запечатан двумя сургучными печатями. Внутри конверта, по-видимому, были более мелкие конверты, но сохранились только надписанные А. В. Головниным лицевые листы, на которых срок хранения указан в 50 лет, дата сдачи работы такая же — «1867 год». В том же году второй экземпляр своего труда автор сдал в Библиотеку Академии наук (БАН) на тех же условиях.

Оба экземпляра представляют собой авторизованные списки, написанные несколькими почерками, на полях пометы и чернилами, и карандашом, большие вставки, сделанные самим Головниным. Весь рассказ ведется от третьего лица. 2-я часть архива Головнина поступила в Публичную библиотеку и в БАН уже в 1887 году. (А. В. Головнин умер 8 ноября 1886 года). Таким образом, согласно его завещанию, таинственные ящики следовало вскрыть либо в 1947 г. (спустя 80 лет), либо, по крайней мере, в 1936 г. (спустя 50 лет) после его смерти. Но после Октября 1917 г. никакие права вообще уже не соблюдались и в Публичной библиотеке ящики вскрыли в 1919 году. Описание архива Головнина, хранящегося в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (бывшей Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), было сделано археографом, библиографом, заведующим рукописным отделом библиотеки академиком И. А. Бычковым (1858—1944) ¹.

В 1987 г. в сборнике научных трудов Государственной публичной библиотеки была опубликована статья научного сотрудника рукописного отдела М. Я. Степкевич, посвященная «Запискам» Головнина, в которой проведен анализ как экземпляра, сданного в Публичную библиотеку, так и второго, сданного в БАН ². Автор отмечает, что из БАН архив Головнина передавался в Центральный государственный исторический архив дважды: в 1925—1926 гг. и в 1937 г. для совместного хранения с фондом Министерства народного просвещения. Однако архив Головнина, хранившийся в помещении Главной физической обсерватории Академии наук, был вскрыт в 1923 г. и 4 декабря был сдан в хранилище частных архивов при Петроградском отделении Центрархива, о чем и был составлен протокол ³.

Передача этих документов проходила весьма сложно. 24 октября 1923 г. на заседании коллегии Петроградского отделения Центрархива рассматривали рапорт заведующей административно-материальной секцией Петроградского

отделения центрархива В. А. Азлецкой, в котором было сказано, что заведующим Петроградским отделением Академического центра академиком М. П. Кристи «категорически отказано» передать архив Головнина⁴. В самом рапорте сказано более подробно, а именно, что академик Кристи ссылаясь на завещание Головнина, передавшего архив именно Академии наук и, по наведенным им справкам, право такого наследования не отменено до сих пор, ввиду чего, по логике вещей, архив должен быть передан Академии наук. Но признавая преимущество Центрархива, учреждения, стоящего на определенной политической платформе, Кристи запросил 2 недели тому назад Главнауку (М. Н. Покровского), как поступить с архивом Головнина.

Далее Азлецкая писала: «На мой вопрос, кто присутствовал при описи архива и почему Петроградское Отделение Центрархива не было извещено о предстоящей описи, Кристи ответил, что при описи присутствовали, кроме представителя управления Академическими учреждениями, С. Ф. Платонов от Академии наук и т. Андерсен от Публичной библиотеки, а что Петроградское отделение не было извещено потому, что оно не предъявляло на этот архив никаких претензий?»⁵

Однако 4 декабря 1923 г. архив Головнина уже был перевезен. Сравнение экземпляра «Записок», хранящегося в рукописном отделе РНБ, с тем, что находится в Российском государственном историческом архиве, показывает, что последний гораздо полнее.

Что представляют собой эти «Записки для немногих», которые мы, спустя 129 лет, хотим сделать «достоянием многих»? Но прежде всего надо сказать об их авторе, одном из крупнейших государственных деятелей России середины XIX века.

Александр Васильевич Головнин родился 25 марта 1821 г. в Петербурге. Его отец — Василий Михайлович Головнин, вице-адмирал и генерал-интендант флота, знаменитый мореплаватель, путешественник, ученый, дважды совершив кругосветное путешествие, оставил описание берегов Тихого океана, Курильских и Шантарских островов, «Записки в плену у японцев». Его именем был назван один из проливов в группе Курильских островов, залив в Беринговом море, гора на острове Новая Земля и мыс на западном берегу Северной Америки. В. М. Головнин умер, когда сыну было всего 10 лет. Воспитанием единственного сына занималась мать, благодарную память о которой Александр Васильевич сохранил на всю жизнь. Получив прекрасное домашнее образование, А. В. Головнин в 1839 г. с отличием окончил Царскосельский лицей и поступил на службу в канцелярию по управлению женскими и богоугодными заведениями. Как он отмечает в своих «Записках», служба эта была бесполезная, а учреждение абсолютно лишнее. В 1843 г. он переходит на службу в Министерство внутренних дел чиновником канцелярии, во главе которой стоял знаменитый В. И. Даль, все свободное время употреблявший на обработку богатых материалов для изданного им впоследствии «Толкового словаря живого великорусского языка». Там же работал ученый и писатель Н. И. Надеждин, в доме которого Головнин близко сошелся с братьями Ханьковыми (с одним из них, ориенталистом Н. В. Ханьковым, Головнина связывала искренняя дружба)⁶.

В этой же Канцелярии работал И. С. Тургенев, дружеские отношения с которым Головнин сохранил до самой смерти писателя⁷. Любопытна характеристика положения в России, данная Головниным в 1878 г. в письме к Тургеневу: «Передо мною вертятся и скрипят колеса, суетятся люди, топятся печи, звучат молоты, проносится едкий дым, везде шум, движение, но разумной воли, которая все это направляет, я не вижу, причины, цели того или другого движения угадать не могу. Это скрыто занавесом, мне же представляется хаос. Утешаю себя мыслью, что все это происходит разумно, все идет правильно, но что от меня это скрыто. Конечно, Россия не погибнет. На планете Земля останется огромная территория с населением, называющим себя русскими, но желательно, чтоб это население было здорово, богато, счастливо, развивалось правильно, наслаждалось плодами честного труда и чтоб на него не обрушивалась масса бедствий, результатом которых будут болезни, страдания, бедность, расслабление, неправильное действие ума, недовольство и вообще все, содержимое в ящике Пандоры»⁸.

Служебные и дружеские отношения связывали Головнина со многими выдающимися людьми своего времени. Это и братья Д. А. и Н. А. Милютины (первый из них был военным министром, второй — одним из авторов крестьянской реформы), и знаменитый юрист А. Ф. Кони, и воспитатель великого князя Константина

Николаевича Ф. П. Литке, и академик К. К. Грот и многие другие. Среди них особое место занимают знаменитые русские писатели: Н. С. Лесков, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев и др. А. Я. Панаева писала: «Головнин был первый министр просвещения, которым литераторы могли быть вполне довольны, потому, что он делал по возможности все, что мог для писателей»⁹.

Но министром народного просвещения он стал только в 1862 г., а до этого в 1861 г. был назначен управляющим Министерством народного просвещения. Подробная его биография изложена в публикуемых «Записках».

1861—1866 гг. были временем проведения большинства либеральных реформ царствования Александра II. Младший брат царя, великий князь Константин Николаевич был главным инициатором этих реформ, и назначение Головнина вполне закономерно, поскольку в 1850 г. его деятельность была теснейшим образом связана с великим князем.

За время пребывания Головнина на посту министра народного просвещения была проведена коренная реформа министерства, издан новый университетский устав 1863 г., которым вводилось университетское самоуправление. Был издан устав гимназий (1864 г.), повышавший их роль в подготовке к университетскому образованию.

Головнин разработал общий план реорганизации системы народного образования в России, но не успел осуществить его. Однако принятое при нем Положение 1864 г. о народных школах послужило основанием для широкого развития земской начальной школы.

В это же время был открыт Новороссийский университет, даны субсидии университетам для отправки молодых ученых за границу с целью усовершенствования своих знаний, учреждены при университетах дополнительные стипендии для подготовки учительских кадров. В 1863 г. цензурное ведомство было передано из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. Однако разработка нового закона о печати (утвержденного в 1865 г.) происходила под непосредственным влиянием Головнина. Все, что Головнин видел в Министерстве внутренних дел, касающегося тайной полиции и перлюстрации частных писем, внушило ему на всю жизнь отвращение к этой стороне административной деятельности.

Как писал известный историк М. И. Семевский: «То было смутное, трудное время... Реформа за реформой, шедшие, быть может, слишком быстро, взволновали умы... во всем русском людям желалось стать в уровень с теми народами цивилизованного мира, которые выработали и свои права, и свои учреждения сотнями лет, проведенных в трудах, в борьбе с невежеством и озаренных многовековой цивилизацией»¹⁰. Естественно, что умный, энергичный министр вызывал у одних восхищение, у других — недовольство.

А. В. Никитенко, профессор Петербургского университета, академик, член Совета по делам печати, не очень доброжелательно относившийся к Головнину, после первой встречи с ним 28 января 1862 г., записывает в дневнике: «Сух, холоден, умен, изворотлив». Но тут же добавляет: «На первый раз достоинства министра выразились в быстроте, с какой он вел и, кажется, намерен вести наши заседания. Прежде три четверти времени уходило на болтовню и пустые словопрения. Теперь же читается бумага, приводится справка и если все мнения согласны, то делу и конец; если же не согласны, то собираются голоса»¹¹.

И уже после отставки Головнина, он записывает 17 февраля 1872 г. по поводу прочтения на заседании Государственного совета мнения Головнина о новых Временных правилах цензуры, внесенных в Совет: «Мнение это написано с замечательным умом, правдою и твердостью. Оно все проникнуто мыслью в защиту свободы печати, разумеется, в известных пределах, и пагубности репрессивных против нее мер»¹².

Однако попытка Головнина не увенчалась успехом. Новые Временные правила были утверждены 31 мая 1872 г. Для запрещения книги теперь достаточно было представления министра внутренних дел в Комитет министров. Почти ликвидировалась разница между предварительной и последующей цензурой.

В некрологе на смерть Головнина, последовавшую 3 ноября 1886 г. от паралича, А. Ф. Кони писал, что у каждого, кто встречался с Головниным, возникнет воспоминание об «аккуратном, очень сутоловатом старичке небольшого

роста, который умел соединять утонченную, чрезвычайно редкую и даже вовсе забытую в наше время вежливость с твердостью взглядов и математической точностью выражений. Старый лицеист начала сороковых годов предстанет пред ним со своими приветливыми приемами светского человека, сквозь которые всегда проглядывали и редкое по своей многосторонней солидности образование, и глубина взглядов, дававшая чувствовать биение теплого сердца, не умевшего стареть и успокаиваться в сознании своего личного довольства и почета»¹³.

После покушения Д. В. Каракозова на Александра II в 1866 г. один из лидеров либеральной бюрократии, участник большинства реформ этого царствования, Головнин вынужден был уйти в отставку. Никитенко записывает в дневнике 6 апреля 1866 г.: «Головнин, кажется, вовсе не ожидал такого скорого низвержения. Во вторник государь позвал его к себе и с обычной своей ласковой манерой сказал ему: «Благодарю Вас за Вашу службу. Но теперешнее время требует другой системы управления министерством, других начал и большей энергии. Я назначил на Ваше место графа Толстого. Вы не огорчайтесь этим... Впрочем, я оставлю вас членом Государственного Совета и статс-секретарем»¹⁴.

В некрологе Кони также писал: «Едва ли кто-нибудь решится отрицать в действиях покойного искреннее желание добра и успехов русскому просвещению, как никто, конечно, из знавших его, не откажется отдать справедливости тому живому, серьезному и неустанному интересу, с которым он относился ко всему, что касалось горячо им любимой России — до самых последних дней своих»¹⁵.

Ближайший сотрудник великого князя Копстантина Николаевича, действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного совета, почетный член Академии наук, министр народного просвещения Головнин после своей отставки начал писать труд, который охватывает огромный период, от детских воспоминаний и до поездки в Рязанскую губернию в 1877 году. В нем он пишет о недостатках гимназического и лицейского образования, о журналистике, о цензуре. Подробно описывает структуру Министерства народного просвещения, достоинства и недостатки системы высшего образования. Много Головнин ездил по России, тщательно изучая положение в стране, быт населения.

Автор отмечает недостатки администрации, судопроизводства, цензуры. Возмущается деятельностью тайной полиции, перлюстрацией частных писем. В «Записках» Головнина подробно рассматривается деятельность Географического общества, в задачи которого входило снаряжение экспедиций в малоисследованные страны, описание результатов этих экспедиций. Он подробно описывает путешествия и экспедиции в Сибирь, на Кару, Северный Урал, экспедицию в Южный Египет, исследования Дорошина в Аляске, составление академиком П. И. Кеппеном этнографической карты России, упоминает о работе В. И. Даля по обработке своих обширных этнографических наблюдений, о контактах с учеными европейских стран.

Очень интересны его наблюдения о Бельгии весной и летом 1866 г. (он описывает партийную борьбу, разгоревшуюся в связи с выборами в высшие органы власти), о Франции, дает характеристики Тьера, Меттерниха, Гизо (министра народного просвещения), с которыми он встречался и подолгу беседовал о лицейском и высшем образовании Франции. Круг вопросов, рассматриваемых в записках невозможно перечислить. Эта рукопись является ценнейшим источником для изучения отечественной истории, культуры, географии, государственного управления и т.д. Рукопись, хранящаяся в РГИА, никогда не публиковалась, хотя значение ее велико. Не случайно она часто привлекала внимание исследователей. Она представляет интерес и для широкого круга читателей, хотя сам автор квалифицировал ее как «Материалы для будущих историков государственных учреждений России»¹⁶.

Публикуемый текст «Записок» хранится в РГИА. Как было сказано выше, он полнее того экземпляра, который находится в Российской национальной библиотеке. Объем с приложениями — 3310 страниц (рукописный вариант), что составляет 1103 машинописных страниц.

Опущенные места отмечены <...> и оговорены в комментариях с кратким изложением содержания. Отточие без скобок поставлено самим Головниным. Текстуальные примечания Головнина также помещены в комментарии. Перевод текста, написанного на иностранных языках, приводится в примечаниях. Приводимые автором стихи на иностранных языках при публикации опущены, но авторы их и названия также даются в комментариях.

Предисловие написано Б. Д. Гальпериной. Комментарии — Б. Д. Гальпериной, А. Н. Цамутали (Петербургский филиал Института российской истории РАН), В. М. Лупановой (РГИА). Археографическая обработка текста и подготовка рукописи к печати проведена С. С. Атапиным (РГИА). Отбор текста — Б. Д. Гальпериной, ею же проведен анализ и сравнение списков, хранящихся в РГИА и РНБ. Переводы текстов, написанных на французском языке, — Ю. Б. Соловьёва и Н. С. Крылова.

Примечания

1. Российская национальная библиотека, отдел рукописей и редких книг (РНБ, ОР и РК), ф. 208, д. 389, 393.
2. СТЕЦКЕВИЧ М. Я. Государственный аппарат России глазами современника. (Мемуары А. В. Головнина). В сб.: Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л. 1987.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 6900, оп. 5, д. 24, л. 16.
4. Там же, д. 3, л. 68.
5. РГИА, ф. 6900, оп. 5, д. 24, лл. 14 --14 об.
6. Письма Головнина к Ханькову за период с мая 1866 г. по март 1868 г. опубликованы (Исторический вестник. Т. 5. М.-Л. 1960).
7. Переписка Головнина с Тургеневым опубликована в т. 73 «Литературного наследства».
8. Из письма Тургеневу 6/18 мая 1878 г. В кн.: Литературное наследство. Из парижского архива И. С. Тургенева. Т. 73. Кн. 2. М. 1964, с. 82, 84.
9. ПАНАЕВА (ГОЛОВАЧЕВА) А. Я. Воспоминания. М. 1972, с. 265.
10. Русская старина, 1887, № 53, с. 778.
11. НИКИТЕНКО А. В. Дневник. т. 2. М. 1956, с. 256.
12. Там же. Т. 3, М. 1956. с. 228.
13. КОНИ А. Ф. За последние годы. Спб. 1896, с. 402.
14. НИКИТЕНКО А. В. Ук. соч. Т. 3, с. 27 - 28.
15. КОНИ А. Ф. Ук. соч., с. 402.
16. РНБ, ОР и РК, ф. 208, д. 16.

Т. 1. От воспоминаний детства до осени 1850 года

Александр Васильевич Головнин родился в Петербурге 25 марта 1821 г. от вице-адмирала Василия Михайловича Головнина и супруги его, Евдокии Степановны Головниной, рожденной Лутковской. Генеалогические сведения о дворянских фамилиях Головниных и Лутковских и некоторые биографические подробности о Василии Михайловиче и Евдокии Степановне заключаются в особом приложении¹.

Александр Васильевич родился ребенком слабым и болезненным и до пятилетнего возраста не мог ходить и говорить; только нежной заботливости родителей он обязан сохранением жизни.

Первые воспоминания жизни

Первые воспоминания детства заключаются для него в воспоминаниях болезни, лекарств и непрерывных попечений и забот о нем отца и матери. Ему живо представляется длинная тяжелая ночь, полутемная детская комната, лампада перед образами, склянки с микстурами, небольшая кастрюлька на спирту с арроруттом, фигура англичанина доктора Лейтона и около детской его кровати заботливые лица его доброго отца, который часто в течение ночи подходил к ней, и матери, которая почти не отходила от нее. В этом заключаются самые ранние воспоминания его детства. Он помнит также наводнение 7 ноября 1824 года. В окно детской комнаты в Галерной улице, где жил тогда Василий Михайлович, он видел двор, наполненный водою. В той же квартире ему помнится всенощная накануне большого праздника, которую служили в библиотеке Василия Михайловича, причем он стоял возле отца своего по левую сторону со свечкой в руке. В другой квартире, куда переехал Василий Михайлович (в Измайловском полку), он помнит большую залу с множеством цветов и растений, елку, которая была однажды устроена для него с сестрами накануне Рождества, игрушки и вербы, которые дарили ему перед праздниками,

---

Гальперина Белла Давыдовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского государственного исторического архива. Санкт-Петербург.

и кончину старшей сестры своей Ироиды², которая была постоянным товарищем его детских игр.

Еще на другой квартире у Храповицкого моста ему помнится маленький брат его Николай, живший всего несколько дней³. Он помнит также, как крепостной человек Василий Михайловича, Никифор, пришел к маленькому барину, поклонился в ноги и просил его крестить новорожденного сына, помнит, как он удивлялся этому и не мог понять смысла этой просьбы.

Лето Василий Михайлович проводил обыкновенно на даче в ближайших окрестностях Петербурга и каждый день ездил на службу в Главное Адмиралтейство. Некоторые из этих дач (на Охте — Крамера, на Петергофской дороге — графини Завадовской, Шаумана, Глена) Головнин помнит, особенно дачу Глена, на которой семейство его жило несколько лет сряду в течение трех летних месяцев и где в 1831 г. Василий Михайлович скончался 30 июня от холеры, которая тогда впервые появилась в России. Болезнь продолжалась несколько часов и внезапная, так сказать, кончина обожаемого супруга была тяжким ударом для Евдокии Степановны, которая сама сделалась больна и только в утешениях религии и любви к детям нашла довольно сил, чтоб перенести невыразимое горе. Она оставалась с пятью детьми: четырьмя дочерьми и сыном, который был старшим и имел всего 9 лет.

Небольшое состояние Василия Михайловича заключалось в нескольких деревнях в Рязанской губ., в коих числилось около 300 душ крестьян, которые были заложены в кредитных установлениях, и сверх того Василий Михайлович оставлял около 60 тыс. руб. ассигнациями частных долгов. Евдокия Степановна получила в пенсию с детьми 6000 руб. ассигнациями в год⁴. Положение ее было тяжелое.

Головнин помнит на даче Глена веселые игры свои в саду с сестрами, помнит уроки английского языка учителя Уилькинсона и помнит, как отец его ежедневно возвращался из города к обеду в высокой зеленой карете четверкой с фореитором и лакеем в военной ливрее и как однажды после обеда Василий Михайлович учил его стрелять в саду из карманного пистолета, и помнит затем последний обед, при котором находился Василий Михайлович, грустный и мрачный день кончины его и момент выноса тела, когда брат Евдокии Степановны Нил Степанович Лутковский на руках отнес ее без памяти во второй этаж в спальню.

Первые годы после кончины Василия Михайловича

С дачи Глена Евдокия Степановна переехала в город на Мойку у Храповицкого моста, в дом Витнебена в половину той квартиры, которую занимала с мужем в последние годы, и здесь она вся посвятила себя воспитанию детей и устройству их небольшого состояния. Время это было для нее тяжелое, требовалось много трудов и лишений, и из любви к детям она перенесла их. Сверх того нужно было много ума, твердости и распорядительности с добротою сердца и она вполне явила эти качества. Вообще мысль о высоких качествах своих родителей: отца, в котором Головнин привык видеть идеал ума, знания, благородства и сердечной доброты, и матери, в которой являлись те же достоинства и которая была для него самым лучшим и постоянным другом, составляет для Головнина отраду и утешение.

В годы от 10 до 14 лет Головнин был несколько раз болен и опять нежной заботливости матери он был обязан сохранением жизни.

В течение этого времени Авдотья Степановна употребляла все свои средства на воспитание детей и при этом обнаружила необыкновенно светлый здравый ум, большие познания и твердую волю. Зимой она проводила с детьми в Петербурге, на Мойке, в доме Витнебена⁵, а летом жила на даче г. Бландо на Петергофской дороге⁶. Часы для уроков и для игры и отдыха были однажды назначены и распределение это исполнялось со всею точностью. Она сама учила детей своих чтению, письму и закону Божию и при помощи гувернантки наблюдала за поведением их и для этого совершенно отказалась от всяких светских удовольствий, развлечений и выездов, поддерживая только немногие испытанные дружеские связи. Головнин имел в это время учителей: русского языка — Благодарева, латинского языка — Байера, арифметики — Иванова; географии — Лохова, истории — Бардовского, французского языка — Борепера, английского языка — Уилькинсона, рисования — Плахова. Немецкому языку он учился у гувернантки своей и сестер своих г-жи Ускелин. Сверх того приходил учитель танцевания. Его учили также музыке, но он

не показал никаких музыкальных способностей. Головнин был слабого сложения, часто хворал и потому уже мало был склонен к играм и упражнениям физическим, но предпочитал занятия чтением, рисованием и т.д., которые не требовали физических усилий; это направление, содействуя развитию умственному, имело, однако, дурное влияние на физические силы и оставило его навсегда болезненным и слабосильным.

В эти годы, имея свободный доступ в библиотеку покойного отца своего, он прочел все сочинения Карамзина и в том числе два раза «Историю государства Российского», многие из сочинений Державина, Ломоносова, Хераскова, Княжнина, Сумарокова, Богдановича, фон Визина, Хемницера, Плутарха в издании для юношества, Батюшкова, Баратынского и написал несколько статей по предметам естественной истории. Эти статьи он послал по городской почте от неизвестного в редакцию «Детского журнала», где они и были напечатаны. Другие его литературные произведения детских лет, посланные тем же путем в другие редакции, не были, по-видимому, удостоены внимания, что, впрочем, не очень его огорчило. Сверх того он прочел кругосветные путешествия отца своего, его записки в плену у японцев и описание достопримечательных кораблекрушений⁷. Это чтение еще более укрепило в нем чувство уважения к его покойному родителю, который представлялся ему неизмеримо выше всех известных ему людей. С особенно утешительным чувством он вспоминает глубокое почтение, с каким отзывались тогда о Василии Михайловиче бывшие сослуживцы и подчиненные, которым случалось приходиться к Авдотье Степановне.

Понимая, что мальчику нужны товарищи одного с ним возраста, Авдотья Степановна приглашала к себе по воскресеньям и праздникам несколько воспитанников Пажеского корпуса (братьев Масловых) и Морского корпуса (Головнинных), и одно время жил у нее сын рязанской помещицы Мерчанский, бывший потом штурманским офицером. Все они приходились дальними родственниками Головнина.

Вспоминая теперь это время, свои болезни, уроки, игры с товарищами, Головнин сознает все хлопоты, заботы, затруднения, огорчения, которые должна была перенести добрая его мать, имея дело с гувернантками, учителями, докторами, детьми и принужденная строго соображать своей ежегодный приход с расходом⁸.

Вскоре присоединилась забота нового рода. Возраст Головнина требовал, чтоб для него началось воспитание публичное — школа. После многих просьб и отказов, наконец, в июле 1834 г. Авдотья Степановна получила уведомление из Морского министерства⁹, что государь Николай Павлович приказал определить сына ее в 1-ю Петербургскую гимназию с платою за него из Государственного казначейства по 800 руб. ассигнациями и 150 руб. на первый год на обзаведение.

Пребывание в 1-й Петербургской гимназии

Осенью 1834 г. Головнин поступил в пансион 1-й гимназии на жительство и был назначен в 3-й класс гимназии, а осенью 1835 г. переведен в Царскосельский лицей в числе отличных воспитанников гимназии на основании предоставленного некоторым гимназиям особого права. У него сохранились записочки, полученные им от матери во время пребывания его в гимназии и лицее. Из них видна ее постоянная нежная заботливость о его здоровье, уроках, поведении и видно также, что в течение этого времени она сама часто хворала. Пребывание в гимназии оставило по себе у Головнина тяжелое, давящее воспоминание. Гимназия помещалась в Ивановской улице в казенном доме, который впоследствии был перестроен и значительно улучшен, но в то время представлял много неудобств. Классы и дортуары были тесны, низки, воздух был спертый, дурной; мрачные полутемные коридоры и небольшой двор служили для рекреации; пищу давали тяжелую, неудобоваримую и слабый мальчик был беспрестанно болен; утомительные уроки продолжались 1½ и даже 2 часа с небольшими промежутками, и Головнин обыкновенно во время класса одного учителя готовил урок к следующему классу. С благодарностью он вспоминает ласковое обращение с ним бывшего в то время инспектора классов Ф. Ф. Стендера, который по просьбе Авдотьи Степановны позволял ему приходиться к нему на квартиру в доме гимназии, чтоб выпить бульону, принять лекарство, или отдохнуть — он помнит также, что товарищам его эти посещения вовсе не нрави-

лись. Из товарищей он был более дружен с М. Катакази, который приезжал иногда к Авдотье Степановне на праздники.

Несмотря на частые болезни Головнин, благодаря стараниям матери, был так хорошо подготовлен дома, что вскоре оказался первым в классе и несмотря на явное недоброжелательство к нему директора гимназии Бенарда, был назначен в числе других отличных воспитанников гимназии к переводу в Царскосельский лицей.

Недостатки гимназического воспитания

Припоминая впоследствии разные обстоятельства пребывания в гимназии и соображая с тем, что ему потом рассказывали, Головнин находит, что главные недостатки гимназического воспитания того времени, из коих многие происходили вовсе не от каких-либо злоупотреблений или неведения, но от недостатка денежных средств заведения, были следующие:

1. Тесное, дурное помещение, недостаток вентиляции и чистого воздуха.
2. Неудобоваримая тяжелая пища.
3. Малая заботливость о физическом воспитании, о развитии и укреплении тела. В то время вовсе не было занятий гимнастикой и воспитанники слишком редко выходили на воздух.
4. Несоразмерная с детскими силами продолжительность уроков и слишком малые промежутки между ними.
5. Неумение учителей занимать весь класс, владеть им, поддерживать внимание к своему предмету, незнание ими педагогических приемов. От этого происходило, что если ученик выучил по книге или тетради заданный урок и особенно если уже отвечал его, то все время в классе мог заниматься другим предметом, как бы в отсутствие учителя.

6. Отсутствие собственно воспитательной деятельности со стороны гувернеров.

Будучи министром народного просвещения, Головнин старался по мере возможности устранять эти недостатки наших гимназий, но, конечно, в кратковременное свое управление и при недостатке средств мог сделать только весьма немногое.

Впрочем, он должен отдать справедливость некоторым из своих бывших учителей гимназии и сказать, что, даже будучи учеником, он видел в них и любовь к своему предмету и большое усердие.

Пребывание в Царскосельском лицее

Перевод Головнина за отличие в науках и в поведении в Царскосельский лицей был светлым событием его жизни и особенно обрадовал его добрую мать, которая тотчас же переехала на жительство в Царское село¹⁰.

Лицей считался в то время несравненно выше и лучше всех прочих воспитательных учебных заведений¹¹ и с именем его соединялись поэтические воспоминания о Пушкине и Дельвиге, память заботливости государя Александра Павловича, который создал и особенно любил это заведение, слава о дружбе воспитанников первых курсов, из коих многие занимали уже высшие государственные должности. Именами их гордились их потомки по лицей и видели в них как бы своих прирожденных покровителей.

Царскосельский лицей был учрежден государем Александром Павловичем в 1811 г.¹² на небольшое число воспитанников и помещен в просторном особом здании, пристроенном к роскошному Царскосельскому дворцу, с которым оно соединялось аркою, где помещалась библиотека лицея. Предназначенный для приготовления молодых людей к государственной службе, лицей состоял сначала в ведении Министерства народного просвещения, а потом был поручен заведыванию великого князя Михаила Павловича, главного начальника военно-учебных заведений. Воспитанники лицея пользовались обширными садами царскосельских дворцов и проводили весь год в прекрасном, сравнительно с Петербургом, воздухе, в чистом, спокойном, маленьком городе. Самое здание, где они помещались, было весьма удобно. Дортуары занимали весь верхний этаж и в течение дня туда никто не ходил и они свободно проветривались. В доме лицея были высокие большие залы, просторные рекреационные и классные комнаты и кроме воспитанников в этом доме

никто не жил. Гувернеры и прислуга приходили на дежурство, кухни и все служебные принадлежности помещались через улицу.

В 1835 году, когда Головнин вступил в лицей¹³, в нем было 100 воспитанников, которые делились на 4 курса, или класса, из коих IV был высший. В каждом классе воспитанники оставались 1½ года и, таким образом, весь лицейский курс воспитания и ученья продолжался 6 лет. В каждом классе было по 4 гувернера, большею частью из иностранцев, которые приходили дежурить по очереди на сутки и в это время оставались безотлучно при воспитанниках. Каждый курс или класс имел свои особые комнаты и встречался с прочими только в саду и в столовой. Старый лицейский обычай требовал, чтоб младшие воспитанники оказывали особенные знаки уважения старшим: кланялись им при встрече, сторонились и пр.

Головнин выдержал весьма легко экзамен для поступления во 2-й класс лицея и потому оставался в этом заведении всего 4½ года и вышел из него по окончании полного курса в декабре 1839 года.

По вступлении в число воспитанников он сначала жил в доме лицея, но вскоре получил позволение жить в Царском Селе у матери и ходить в лицей на уроки. Таким образом, он был более студентом, чем воспитанником.

Сколько пребывание в гимназии оставило в нем воспоминания и впечатления тяжелые и неприятные, столько, напротив того, пребывание в лицее представляется приятным и радостным. Многое содействовало этому.

Положение лицея при великолепных царскосельских садах, в маленьком спокойном городке, окруженном полями, прекрасный чистый воздух, жизнь дома в семье доброй матери и сестер, посещение в лицее только лекций профессоров, наконец, счастливая случайность, соединившая в одном курсе с Головниным, в числе его товарищей, несколько молодых людей, с которыми он скоро сблизился и подружился¹⁴, наконец, видимое улучшение здоровья,— все это содействовало тому, что годы, проведенные им в лицее, были приятным временем его юности и первой молодости и что он навсегда сохранил о Царскосельском лицее самое благодарное воспоминание.

Директором лицея был в это время очень добрый старик генерал-лейтенант Федор Григорьевич Гольтгойер; инспектором — статский советник Андрей Филиппович Оболенский. В бытность Головнина в лицее гувернерами были: Байер, Беген, Браун, Гельмерсен, Картмо, Кох, Лампсен, Пецольд; преподавателями: Закона Божия — Кочетов; русского и латинского языка и словесности — Гроздов и Георгиевский; французского языка и словесности — Беген и Жилле; английского — Врангел, немецкого языка и словесности — Пецольд и Олива; математики — Шиглев и Щеглов; физики и химии — Щеглов; истории и географии — Турунов; истории — Кайданов; нравственной философии — Оболенский; законоведения — Врангель и Баршев; политической экономии, статистики и дипломатии — Ивановский; танцеванию учил Эбергард; фехтованию — Гавеманн; гимнастике — Паули. Желающие брали приватные уроки музыки и верховой езды.

Врачом при лицее был памятный лицеистам многих курсов доктор Пещель.

Ученики имеют обыкновенно обычай насмехаться над своими наставниками. Так было конечно и в лицее, но Головнин должен сказать по совести, что лицейские наставники его времени, за весьма немногими исключениями, были лица почтенные и заслуживающие полного уважения.

Часы были распределены следующим образом: воспитанники вставали по колокольчику в 6 часов и в 7 часов пили чай; в 8 часов начинался первый урок, который продолжался до 9 часов; с 9 до 10½ продолжался второй урок; от 10½ до 11½ был отдых. В это время воспитанники выходили в сад и получали по белой булке. От 11½ до 1 часа бывал третий урок. В 1 час обед из трех блюд и отдых с прогулкой в саду до 3 часов. От 3-х до 4½ часов — четвертый урок; от 4½ до 6 — пятый урок; в 6 часов — чай, потом отдых и приготовление уроков; в 8 часов — ужин и в 10 часов старшие воспитанники ложились спать, а младшие ложились в 9 часов.

Головнин после пятого урока уходил обыкновенно домой, а приходил в лицей к первому уроку, а иногда и раньше.

Любимым чтением его в бытность в лицее и особенно во время каникул были Пушкин, Жуковский, Гете, Шиллер, Шекспир, Мильтон, Байрон, Ламартин.

Должно заметить, что некоторые профессора приезжали из Петербурга и потому в один день давали несколько уроков.

По воскресеньям воспитанники православного исповедания ходили к обедне в дворцовую церковь, католики — в городскую католическую, протестанты — в протестантскую. Здесь должно заметить, что в лицее не делалось никакого различия между религиями и не было никаких излишних требований относительно обрядовой стороны. Поэтому не было ханжества и религиозное чувство там, где оно проявлялось, было чувство искреннее, чистое и внушало к себе уважение.

Воспитанники Лицея, составлявшие один выпуск, считались со времени первого по учреждении этого заведения выпуска — курсами. Головнин и его товарищи составляли X курс. Для них 28 ноября 1839 г. начались выпускные экзамены, а 13 декабря последовал вожделенный день выпуска.

Выпускные экзамены происходили в следующем порядке:

28 ноября. Закон божий. Нравственная философия.

30 «- Немецкая словесность. История всеобщая и русская.

2 декабря. Политическая экономия. Статистика. Дипломатия.

5 «- Математика. Английская словесность.

8 «- Русское право: государственное, гражданское, уголовное.

Судопроизводство.

11 «- Русская словесность. Латинский язык.

13 «- Французская словесность. Физика и химия.

По окончании экзамена товарищи Головнина в тот же день вечером, 13 декабря, сделав прощальные визиты директору, инспектору, профессорам и гувернерам, отправились в Петербург, а Головнин поехал туда через день с матерью и сестрами. Авдотья Степановна наняла перед тем квартиру в Моховой улице в доме Слатвинского и там поселилась с сыном и дочерьми.

Головнину было в день выпуска из лицея 18 лет, 8 месяцев; товарищи его, составлявшие с ним X курс, были:

1. Ахшарумов Николай Дмитриевич — 19 лет
2. Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич — 18 лет
3. Воейков Алексей Алексеевич — 19 лет и 38 дней
4. Голицын князь Николай Михайлович — 19 лет
5. Здесь по порядку алфавита следует включить Головнина.
6. Кайданов Николай Иванович — 18 лет 8 месяцев
7. Киов Александр Михайлович — 18 лет
8. Клингенберг Михаил Карпович — 18 лет 3 месяца
9. Коншня Михаил Афанасьевич — 18 лет
10. Кочетов Разумник Иоакимович — 16 лет
11. Кузнецов Владимир Иванович — 18 лет
12. Марченко Петр Васильевич — 18¹/₂ лет
13. Николай барон Александр Павлович — 18 лет
14. Рейтерн Михаил Христофорович — 19 лет 3 месяца
15. Саломон Петр Иванович — 20 лет 19 дней
16. Сиверс граф Эдуард Карпович — 19 лет 6¹/₂ месяцев
17. Усов Федор Павлович — 18 лет
18. Филимонов Николай Владимирович — 18 лет
19. Цез Василий Андреевич — 19 лет 11 месяцев
20. Чиляев Михаил Егорович — 18 лет 3 месяца¹⁵.

Царскосельский лицей по своему уставу имел право давать воспитанникам своим чины: от XIV до IX включительно, смотря по успехам в науках и поведению, и назначать медали.

Головнин получил чин IX класса и золотую медаль № 1 при следующих свидетельствах:

1. «Воспитанник императорского Царскосельского лицея Александр Головнин во время пребывания своего в сем учебном заведении, при поведении отлично хорошо, оказал успехи: в законе Божиим, нравственных и юридических науках, в географии, статистике, политической экономии, в истории, математике, физике, в словесности русской, латинской, немецкой, французской и в английском языке — отлично хорошие. Сверх того обучался рисованию, фехтованию и танцеванию. Ныне с высочайшего его императорского величества утверждения выпущен в гражданскую службу с чином IX класса и с утверждения его императорского высочества главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и дворянского

полка, удостоился получить золотую медаль № 1-й, в чем и дано ему, Головнину, от конференции императорского лицея сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати лицея. Свидетельство сие было подписано 16 марта 1840 г. директором лицея генерал-лейтенантом Гольтгоером и скреплено конференц-секретарем Георгиевским».

2. «Воспитаннику императорского Царскосельского лицея Александру Головнину.

Примерное благонравие, прилежание и отлично хорошие успехи в науках, оказанные вами во время пребывания вашего в императорском лицее, соделали вас достойным получения золотой медали № 1. Сей первый, полученный вами знак отличия да будет для вас знаком, что достоинство всегда признается и награду свою получает; да послужит он вам всегдашним поощрением к ревностному исполнению обязанностей ваших к государю и Отечеству».

Это свидетельство было подписано 16 марта 1840 г. великим князем Михаилом Павловичем и скреплено директором лицея и конференц-секретарем.

Недостатки лицейского воспитания

Сохраняя навсегда благодарные воспоминания о Царскосельском лицее и наставниках своей юности, Головнин, припоминая все устройство этого заведения, не может однако не сказать, что рядом с многими достоинствами оно имело свои недостатки, из коих некоторые сохраняет и поныне и которые желательно бы исправить и не повторять в других заведениях. Поэтому уже следует упомянуть об этих недостатках, которые притом многое объясняют и относительно педагогических идей того времени и относительно некоторых явлений в нашей администрации.

Лицей был закрытым учебным заведением и в нем соединялись воспитанники разных возрастов. Это обстоятельство представляло большие неудобства в педагогическом отношении, ибо приемы и условия воспитания для разных возрастов должны быть различные. Конечно, это зло не было столь чувствительно, как во многих гимназических пансионах, где оно усиливалось от тесноты помещения и недостатка денежных средств, которые не позволяли иметь сколько нибудь порядочных гувернеров.

Полный курс ученья в лицее продолжался 6 лет и в это время назначалось пройти большую часть гимназического курса и несколько предметов разных факультетов университета, что очевидно было невозможно. В этом отношении лицей уступал и гимназиям и университету, ибо ученье в нем не могло быть столь же основательно, но являлась вредная энциклопедичность как следствие многопредметности и поверхностность как следствие очевидного недостатка времени.

Сверх того предметы университета преподавались гимназическим способом; задавались к каждому почти классу уроки, уроки эти спрашивались как у гимназистов и каждый раз ставились баллы. Впрочем, выпуская с окончанным образованием молодых людей 18 лет, а иногда и моложе, лицей должен был видеть в них учеников, а не студентов и сообразно тому действовать. Можно смело сказать, что воспитанники лицея были далеко не приготовлены и не развиты достаточно для слушания университетских предметов в то время, когда им начинали читать науки юридические и политические, а что когда их выпускали из лицея с чинами и притом весьма не малозначащими, и им в то время только следовало бы поступать в университет.

Счастливы были те из них, которые по выходе из лицея продолжали заниматься науками, или по крайней мере дельным и серьезным чтением, продолжали учиться¹⁶, но можно ли было ожидать и требовать этого от молодых людей, которым высшее учебное заведение объявляло, что воспитание их кончено, выдавало блистательный аттестат, патент на чин и многих награждало медалями. Можно ли было ожидать, чтоб эти молодые люди поступали в университет и продолжали учиться и даже чтоб родители их откладывали для науки начало служебной карьеры, которая обещала скорое повышение.

Самая система оценки знаний и достоинств воспитанников была не совсем верная. Выше сего из аттестата, выданного Головнину, видно, что лицейское начальство поименовывало все предметы, которым он учился, и удостоверяло, что во всех он оказал отлично хорошие успехи. Это свидетельство было результатом

баллов, полученных им на выпускном экзамене и в течение последних лет при ответе в классах заданных уроков. Таким образом, он получал, например, одинаковые отметки: в немецком языке с товарищами своими из немцев (Рейтерн, Сиверс, Цез), которые конечно знали немецкий язык несравненно лучше его, хотя менее прилежно им занимались; во французском и английском языке — с бароном Николаи; в латинском языке — с бароном Николаи и Кузнецовым, которые лучше его знали латинский язык. Справедливость требовала бы оценивать особо знание и особо прилежание и усердие, а не смешивать того и другого. При неправильной системе лицейских отметок Головнин был в общем результате первым в классе, а между тем, если бы система была правильная, он был бы отмечен равно прилежным и усердным как и некоторые другие, но знающим некоторые предметы хуже иных из товарищей.

Вообще система выставлять первенство между товарищами, как цель, к которой ученику следует стремиться, есть система ложная и совершенно противная здоровой педагогики. Она только развивает тщеславие, и зависть, желание не то чтоб хорошо сделать, а чтобы быть лучше товарищей. Это совершенно противоестественно. В одном предмете лучше один, а в другом другой. Надобно стремиться к тому, чтоб хорошо знать, и хорошо действовать вовсе независимо от того, как знают и действуют другие. Притом, что значит первенство, какое в нем достоинство? Это — чисто случайность. Если класс случайно составиля из учеников хорошо приготовленных, даровитых, прилежных, конечно быть первым между ними трудно; если же товарищи мало и дурно приготовлены, если между ними нет учеников с блистательными способностями, мало прилежных, какая же трудность быть первым? Между тем эта ложная система первенства была весьма развита в лицее. Головнин, как первый в классе, сидел за обедом возле гувернера по правую сторону и с него начинали подавать кушать. При выходе из лицея он получил золотую медаль № 1-й, и, наконец, имя его было вырезано золотыми буквами на мраморной доске в лицейском зале. Все эти отличия были ему приятны, но все они развивали тщеславие и из тщеславия делали побудительную причину хорошо учиться и хорошо вести себя. Так ли должна, действовать здравая педагогика?

Наконец, в лицее слишком мало обращалось внимания на физическое воспитание, на укрепление тела. Чистый воздух, просторное помещение, хорошая, здоровая пища, конечно, содействовали тому, что воспитанники были большею частью здоровы, но их слишком мало занимали физическими упражнениями, гимнастикой и слишком редко водили в баню. Вообще должно сказать, что физическим воспитанием пренебрегали, о нем не думали. Собственно на классные уроки и на приготовление уроков (репетиции) употреблялось в день девять часов, следовательно воспитанники лицея сидели в день по 9-ти часов. Это слишком много для возраста от 12 до 18-ти лет.

Из вышеизложенного видно, что лицей приготовлял скороспелкой энциклопедически образованных, слишком молодых чиновников, которые получали поверхностные знания в большом числе предметов за счет развития и укрепления физических и, не имея еще никакой служебной опытности, становились по чинам своим выше многолетних тружеников. Помянутые недостатки лицейских воспитанников (энциклопедические поверхностные знания) отражались конечно и на тех канцеляриях и департаментах, куда они потом вступали на службу. Впрочем к чести воспитанников Царскосельского лицея должно сказать, что в лицее сохранилось благородное направление, переходившее еще от первых выпусков, и что воспитанники выходили из лицея оживленные бескорыстным стремлением ко всему высокому и доброму и горячим желанием трудиться на пользу общую.

Лицейские товарищи Головнина после выхода из лицея

Выше сего был представлен именной список лицейских товарищей Головнина. Судьба этих молодых людей была различна. Все они по выходе из лицея вступили в государственную службу, для которой готовились, но не все долго оставались в ней. Некоторые скоро женились¹⁷, вышли в отставку и поселились в деревне (Киов, Коштин), иные весьма скоро после выпуска, а другие понемногу отстали от товарищей и редко являлись на дружеские собрания (Ахтарумов, Петрашевский, Кайданов, Кузнецов, Сиверс, Усов, Филимонов); двое умерли (Кочетов, Кузнецов)¹⁸; иные достигли высших государственных должностей¹⁹; наконец один

(Петрашевский) в сибирских рудниках искупил преступные замыслы против правительства.

Каждый год Головнин и многие из товарищей его, бывших в Петербурге, собирались праздновать 19 октября — день основания лицея. В 1840 г. они обедали в этот день в Морской, в ресторане Дюне. Их было 14. Затем с каждым годом число это уменьшалось и в 1866 г. собралось у П. В. Марченко, считая и хозяина, только 6, а именно: Голицын, Головнин, Марченко, Клингенберг, Рейтерн и Цез.

Вступление в государственную службу и канцелярия статс-секретаря Лонгинова

Вскоре по переезде из Царского Села в Петербург Головнин в 1840 году вступил в службу в небольшую канцелярию, состоящую под начальством почтенного доброго старика статс-секретаря Николая Михайловича Лонгинова, бывшего хорошего знакомого покойного отца Головнина. Лонгинов проводил каждое лето в Царском Селе и сам предложил Авдотье Степановне определить сына ее на службу в помянутую канцелярию. Предложение это было принято с благодарностью и Головнин сохранил признательное воспоминание о добром внимании, с которым он был всегда принят в доме Николая Михайловича.

В канцелярию он ходил каждый день часа на три или на четыре. Служба его не была утомительная, но пустая, ибо состояла сначала в переписке, а потом и в сочинении бумаг по Управлению женскими училищами и богоугодными заведениями, бывшими под покровительством императрицы Александры Федоровны и по которым Николай Михайлович докладывал ее величеству в тех случаях, когда требовалось решение государыни. Вспоминая свои тогдашние занятия, Головнин не может не признать их вовсе бесполезными и полагает, что помянутая канцелярия была учреждением совершенно лишним.

Чувствуя и в то время, что служебные занятия в канцелярии Лонгинова не могут вовсе научить его делам, Головнин искал другой службы и в 1843 году перешел в Министерство внутренних дел, где вскоре был назначен секретарем в особенную канцелярию министра. Далее будет сказано о службе его в этом министерстве.

Во время службы в канцелярии Лонгинова Головнин, имея много свободного времени, много читал, особенно сочинений по наукам политическим. Не чувствуя склонности к светским удовольствиям, он редко бывал на балах и в театре, но старался часто видаться с лицейскими товарищами, общество коих доставляло ему удовольствие.

В эти годы он бывал иногда у начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова, который показывал ему большое внимание, приглашал к себе обедать и давал ему книги из своей библиотеки. Головнин сохранил благодарное воспоминание об этих знаках внимания, оказанных ему в то время, когда он был очень молод, и конечно ничем не мог заслужить их.

Лето 1861 года он провел у себя в деревне в Рязанской губернии, а летом 1862 года ездил в Финляндию. Поездки в тот и другой край повторялись впоследствии и о них следует рассказать отдельно.

Поездки в Рязанское имение с 1841 по 1860 год. Крепостное право. Отмена оного

В рязанское имение Головнин ездил в 1841 году, 1845, 1848, 1850, 1856, 1857 и 1860 годах и проводил там по несколько недель или месяцев. Эти поездки относятся еще ко времени существования крепостного права, а первые из них происходили в то время, когда в Москву еще не было железной дороги, а в Рязань не было шоссе. Головнин ездил тогда медленно, останавливаясь на несколько времени у родных или знакомых в Новгороде, Твери, Москве и Рязани, и из деревни ездил по разным уездам к другим помещикам. Эти поездки познакомили его с положением многих помещичьих имений средней полосы России в последнее 20-летие существования крепостного права и потому воспоминания его по этому предмету могут быть не лишены интереса. Впрочем должно заметить, что Россия так разнообразна, что из сведений о некоторых имениях одной полосы никак нельзя еще делать заключе-

ния о положении всех вообще или даже большей части имений той же местности, но тем не менее данные о положении части служат материалом к познанию целого.

Родовое имение Головнина село Гулынки, где он проводил несколько раз лето, находится в Пронском уезде Рязанской губернии на берегу реки Истья, которая впадает в Проню, впадающую в Оку. На земле Гулынок вливаются в Истью речки Меча и Серебрянка. К этому имению принадлежали также доставшиеся сестрам Головнина деревни: Пирогово — в Спасском уезде, Пущины Озерки — в Сапожковском и Лебяжье — в Раненбургском. Во всех этих селениях считалось около 350 мужского пола душ. Главное из них было село Гулынки, где находилась господская усадьба, где жили дед и бабка Головнина и где родился отец его Василий Михайлович. Имение это, как большая часть других в Рязанской губернии, было частью на оброке, частью на запашке. Владельцы не были в нем в течение 20 лет и оно управлялось старостою под отдаленным и весьма поверхностным наблюдением знакомого и несколько родственного помещика, жившего в другом уезде, а иногда в губернском городе. При этом должно заметить, что земли как господские, так и крестьянские находились в чересполосном владении, т. е. состояли из множества разной величины загонов или квадратов, принадлежавших попеременно разным владельцам, так что план земель представлял совершенную мозаику. Крестьяне Головнина ездили за три версты пахать свои загоны под самые избы деревни Нелинной Слободки, а тамошние крестьяне пахали свои участки под дворами гулынкских крестьян.

Хозяйство было трехпольное. Господские земли были перемешаны с крестьянскими. Луга косились с крестьянами других помещиков и потому между помещиками и у одного помещика между ним и его крестьянами делилось сено копнами. Можно вообразить, какой был порядок в хозяйстве при таком устройстве земель. Очевидно, что первой заботой должно было явиться отмежевание земель к одним местам. хлопоты об этом доставили много труда, расходов и огорчений Авдотье Степановне. Наконец, отмежевание состоялось вследствие того, что она жертвовала везде качеством земли местному положению и принимала от соседей самую плохую землю, лишь бы она была в одной меже, а отдавала свою хорошую, что однако возбуждало неудовольствие крестьян.

Затем надобно было отделить господскую землю и луга от крестьянских. Наконец, через несколько лет и это было сделано и тогда только явилась возможность какого-нибудь порядка и благоустройства в хозяйстве. Устройство большей части имений, виденных Головниным, было следующее:

Крестьяне делились на тяглы, причем тягло составлял женатый крестьянин, получивший в надел от помещика землю, обыкновенно 2 десятины в поле, а всего 6 десятин пашни в лугах и выгоне. Старики крестьяне передавали тягло сыновьям и назывались безтяглыми, а молодые женатые крестьяне, не получившие еще земли, назывались полутяглыми. Все три разряда обязаны были повинностями в пользу помещика: безтяглые бывали караульщиками в рощах; тягловые платили оброк, или ходили на барщину, или, платя оброк, обязаны были помогать барщинским в некоторые только дни, когда бывали особенно спешные работы, например, при уборке хлеба и т. п., полутяглые платили половинный оброк.

Сверх этого существовали особые повинности, например, при женитьбе крестьянин вносил помещику единовременно половину оброка, бабы были обложены определенным количеством холста, талек, яиц. С каждого тягла собирались бараны, куры, и все крестьяне обязывались на своих лошадях и, продовольствуясь на свой счет, возить господский хлеб для продажи на известные пристани или в Москву. В деревне велась притом постоянная очередь подвод, которые посылались помещиком в город, на почту и по разным надобностям. Крестьяне содержали по очереди караул при господском доме.

Оброки были различные: у Головнина крестьяне платили 15 руб. серебром с тягла за 2 десятины в поле (всего 6 десятин), а у некоторых соседей платили 25 руб. и более. Полутяглые платили 7 руб. 50 копеек.

Несмотря на незначительность оброка сравнительно с соседними более достаточными селениями, недоимки составляли сумму оброка за несколько лет — явное доказательство незаботливости и слабости старосты. Круговой поруки не существовало и староста, или вотчинная контора имели дело с каждым крестьянином отдельно, причем староста оказывал снисхождение своим родным или крестья-

нам, умевшим снискать его расположение. Впрочем Головнин знает случаи, когда знакомые ему помещики продавали крестьянский хлеб на корню, чтоб получить оброк вперед и угрожали зажиточным крестьянам отдать сыновей их в солдаты, а дочерей в ученье разным мастерствам в Москву, если не внесут требуемую им сумму.

Соседние помещики говорили Головнину, что малость оброка его гулыньских крестьян не приносила им пользы, а имела только следствием, что они более других пропивали денег, и что в выгоде оставался только местный винный откупщик.

Крестьяне, бывшие на барщине, должны были работать на помещика три дня в неделю, обрабатывая на него количество земли равное тому, которое сами от него получали в надел, т. е. у Головнина 2 десятины на тягло.

У многих помещиков это правило не соблюдалось. Некоторые из них сами говорили, что отвели крестьянам тридцатные (казенные) десятины, имевшие 2400 кв. сажень, а господские поля разбили на сороковые (хозяйственные), в которых считалось 3600 кв. сажень и вследствие того крестьяне обрабатывали на помещика более земли, чем сколько сами получали в надел. Это считалось ценным распоряжением расчетливого хозяина. В своем имении Головнин видел, что староста требовал крестьян на работу более трех дней в неделю, а во время уборки хлеба, когда случалась хорошая погода, держал их на работе целую неделю, предоставляя им убирать свой хлеб по ночам. Этим староста старался доказать усердие к господскому интересу. Вообще вид обработки полей барщиной производил самое грустное впечатление. Обе стороны тут теряли. Крестьяне требовались на работу в хорошую погоду, больше трех дней в неделю, без разбора слабых, болезненных, без внимания к беременности женщин, в явный ущерб их собственному хозяйству и здоровью; но зато они выходили на работу поздно, работали дурно, небрежно и даже непривычный глаз городского жителя мог тотчас отличить господские поля от крестьянских по дурной обработке первых. Много разных злоупотреблений и воровства сопровождали уборку хлеба, молотьбу, продажу и пр. и можно смело сказать, что хотя от крестьян требовалась большая часть их времени на господскую работу, но отсутствующий помещик не получал и половины дохода, который ему следовало бы получить с своего имения.

Нередко случалось, что к Головнину приходили некоторые мужики и бабы с просьбой уволить их от барщины, некоторых временно, а других совсем, причем приводились разные причины: старость, болезни, беременность, особые семейные обстоятельства. У молодого помещика являлась конечно готовность исполнить эти просьбы, но он всегда встречал противодействие старосты, который видел в них ложь, обман, лень и доказывал, что разрешение их будет поощрением ленивых и несправедливостью относительно прочих крестьян. Головнин с грустью видел, что он не в состоянии раскрыть истину.

Из вышесказанного видно, что число и распределение тягол было весьма важно при хозяйственных соображениях и расчетах. Помещики старались вообще иметь как можно более тягол и для этого рано женили крестьян, сами назначая им невест, и неохотно соглашались освобождать от тягла стариков. В больших имениях и в деревнях отсутствующих владельцев этим распоряжались управляющие и старосты, что было для крестьян еще хуже. Случалось, что к Головнину приходил крестьянин с просьбою приказать такой-то девушке выйти замуж за его сына или внука и проситель был очень недоволен, когда Головнин отвечал, что не имеет права принуждать к супружеству и предоставляет это добровольному согласию крестьян.

Кроме крестьян в помещичьих имениях жили многочисленные семьи дворовых людей, которые размещались во флигелях господской усадьбы.

Люди эти получали весьма небольшую месячину (определенное количество муки и соли), плохую одежду, никакого жалованья и почти ничего не делали, но по многочисленности их обходились помещикам весьма дорого. Дети их обыкновенно отдавались по городам в ученье разным мастерствам, теряли часто всякую нравственность, становились пьяницами и потом некоторые из них жили в господских усадьбах, а другие ходили по паспорту и, не пользуясь вовсе землею, платили однако иногда весьма значительный оброк. Здесь опять являлась потеря с обеих сторон: дворовые должны были все свое время отдавать службе на помещика, получали малое вознаграждение, служили крайне дурно, а стоили дорого по причине

многочисленности своей. Затем в случае болезни и при старости содержались уже всю жизнь на счет помещика.

У некоторых помещиков дворовые посылались на работу в поле и были такие, впрочем небольшие имения, где все крестьяне были на положении дворовых, т. е. вовсе не имели отведенной им земли, работали на помещика каждый день и получали месячину.

Головнин застал еще, но уже у немногих помещиков, своих музыкантов из дворовых людей и большие псовые охоты.

В числе особенностей хозяйства при крепостном праве было стремление помещиков противодействовать разделам крестьян на особые хозяйства. Когда несколько женатых братьев жили вместе, имея общее хозяйство под управлением старика отца, то конечно подобный дом богател и отправлял исправно свои повинности, что для помещика было выгодно. Если же женатые братья делились и расходились на несколько особых хозяйств, что обыкновенно бывало вследствие ссор жен их, то все они приходили в бедность и становились неисправны. Поэтому помещики противодействовали дележам и не разрешали их до последней крайности.

В старосты назначался обыкновенно богатый крестьянин, у которого было несколько сыновей, годных в рекруты. Богатство его давало возможность взыскивать за убытки, которые по его вине могли произойти для барского интереса, а опасение, что сына отдадут в рекруты, заставляло служить усердно.

Головнин, приехав в первый раз в свое имение, где в течение 20 лет не были владельцы, нашел, что староста, потакавая своим родным и приятелям, притеснял бедных крестьян; были дома совершенно разоренные. Староста, под предлогом лучшего надзора, обобрал у них землю в свою пользу и заставлял три дня работать на земле его, старосты, а три дня на барщине. Подобные распоряжения его были причиной, что Авдотья Степановна сменила его и назначила другого, умного, толкового и набожного крестьянина Петра Григорьева, который потом, управляя 26 лет имением Головнинных, вполне оправдал ее выбор.

Из всего сказанного видно, как много средств имели помещики и управляющие употреблять крепостное право во вред крестьян, а именно: при наделе их землю, распределении тягол, назначении повинностей, взыскании оброка, отправлении барщины, требовании подвод, дополнительных сборов, вмешательстве в домашний быт, например, в свадьбы, отдаче в ученье мальчиков и девочек, переводе в дворовые, отдаче в рекруты и пр. К этому следует прибавить право ссылать в Сибирь. Во всем этом господствовал полный произвол, и дурные наклонности и страсти находили здесь обширное для себя поприще. С другой стороны, надобно сказать, что и крестьяне старались как можно хуже исполнять требования помещика и конечно менее всего заботились о его выгоде. Но сверх этого, не имея обеспеченной собственности, они не находили побуждения к труду и для себя и для детей своих. Лень их и беззаботность поддерживалась также уверенностью, что в случае неурожая, болезни, увечья, также при старости, помещик обязан кормить их; что при неимении у них средств уплатить повинности в казну, помещик должен будет заплатить за них. наконец, что в случае пожара, падежа скота и т. п. помещик вынужден оказать им пособия. Эти обязанности были крайне тягостны для владельцев и, если Головнину случалось видеть крестьян разоренных злоупотреблением помещичьей власти, то он видел также и помещиков, дела коих были совершенно расстроены вследствие расходов на прокормление крестьян в неурожайные годы.

Таким образом крепостное право оказывало прямой вред и помещикам и крестьянам в материальном отношении, но еще более оно вредило тем и другим в нравственном отношении: крестьян оно приучало к раболепству: лицемерию, лжи, обману, лени, беспечности, а помещиков к произволу в обращении с людьми, пренебрежению к достоинству человека, к привычке пользоваться чужим трудом и к стремлению извлекать доход не из сил природы посредством собственного умственного труда, а из личности другого. Нельзя было видеть без прискорбия умственный застой и лень в обоих сословиях и без отвращения замашки детей помещиков в обращении с крепостными людьми. Часто случалось, что зло переходило меру и тогда являлись случаи зверского самоуправства.

Во время пребывания Головнина в разные годы в своем имении были по соседству случаи убийства помещиков крестьянами и поджога господских усадеб и гумен с хлебом.

Все это не могло не действовать сильно на Головнина и его распоряжения по имению, сделанные понемногу в течение нескольких лет, вовсе не соответствовали наставлениям и советам, которые он получал от некоторых помещиков — его родных и знакомых. Он прекратил отправление господского хлеба для продажи в Москву и посылку в Петербург, так называемого, запаса, т. е. разной провизии на целый год на счет крестьян и на их подводах; отменил все дополнительные сборы: баранов, кур, яиц, холста, талек и пр.; отменил вовсе сбор за свадьбы и оброк с полутяглых, не получивших земли; отпустил на волю бесплатно всех дворовых, в том числе и мастеровых, которые платили ему значительный оброк; отменил требование очередных подвод для господских надобностей; наконец, во всех деревнях вовсе отменил барщину и всех крестьян перевел на оброк. С другой стороны, он покупал лошадей тем из них, у которых лошади пали, а по желанию и поручению Авдотьи Степановны покупал коров бедным семьям, в которых были малолетние; отвел церковному причту несколько десятин господской земли с условием, чтоб он довольствовался умеренной платой за требы, наблюдал за тем, чтоб крестьянские запасные магазины были полны хлеба и чтоб хлеб этот освежался.

Все распоряжения, клонившиеся к уменьшению повинностей крестьян, очень не нравились некоторым владельцам, которые говорили, что Головнин, не будучи женат, не имея детей, живя в Петербурге, получая жалованье от казны, может пренебрегать деревенскими доходами, но что другие помещики не могут этого делать; что его распоряжения в пользу своих крестьян и дворовых делают недовольными своими господами соседних крестьян и дворовых людей и возбуждают их к требованию себе подобных же льгот.

В этих обвинениях есть, конечно, своя доля правды, но нельзя не сказать, что весьма был вреден тот порядок вещей, при котором могли являться подобные обвинения и упреки.

Конечно, были, вероятно, имения, в которых огромные права помещика употреблялись только на пользу крестьян, где власть его употреблялась только на увеличение их благосостояния и где управляющие и старосты не дозволяли себе злоупотреблений, а крестьяне ценили и понимали это и добросовестно исполняли свои обязанности, но Головнину не случилось видеть подобных счастливых случайностей. Он может только сказать, что встречал злоупотребления в большей или меньшей степени и что причины их были различны: отсутствие помещика, слабость его, неспособность, эгоизм, испорченность и пр.

В 1857 году Головнин, приехав в Гулынки, предложил крестьянам своим уволить их вовсе из крепостной зависимости, подарив им в собственность их усадьбы и усадебную землю и отдать на определенное число лет всему мирскому обществу внаймы землю за цену, меньшую сравнительно с оброком, который они платили, но с условием ответственности круговой порукой в исправном платеже. Крестьяне два дня рассуждали об этом предложении и все это время густой толпой ходили по полям, лугам, кричали, спорили, останавливались, опять шли толпой и, наконец, через два дня пришли благодарить помещика и объявить, что не могут принять предложение, ибо при условии круговой поруки богатым и работающим крестьянам придется платить за бедных и ленивых.

Головнин полагает, что кроме этой причины была еще и другая: вообще недоверие к предложению, которое исходило от помещика и в котором крестьяне подозревали какую-нибудь заднюю мысль, какое-нибудь скрытое и для них невыгодное намерение.

Несмотря на крепостное право, в деревнях, которые Головнину случилось видеть, особенно в имениях оброчных, где помещики не жилали, существовало независимо от вотчинных контор владельца крестьянское самоуправление для многих дел. Оно являлось в виде мирских сходок, которые были весьма разнообразны в разных местностях. В некоторых селениях собирались только старики и, составляя круг, опираясь на длинные палки, представляли со своими седыми бородами и загорелыми лицами весьма почтенное зрелище. Молодые крестьяне стояли сзади и не имели права говорить. Женщины вовсе не допускались. В других местах сход состоял из всех тягловых крестьян, а безтяглые не приходили, причем женщины допускались вместо мужей в случае отсутствия сих последних. Эти сходы были особенно шумны. Обыкновенно крикуны и богатые мужики брали верх. Помещики и сами крестьяне говорили Головнину, что решения сходок или мира были всегда

почти строже и суровее решений помещиков. Некоторые крестьяне жаловались, что для получения снисходительного решения нужно задобрить влиятельных крестьян угощением, т. е. вином. На этих сходах обсуждались раскладки повинностей, дележ земли, взыскание недоимок, разные споры между крестьянами, проступки их и т. п. В имении Головнина сходы бывали часто. Обычай передела земли особенно занимал Головнина. Крестьяне разделили всю свою землю на две части: на ближайшую к своим дворам и удобренную и на землю дальнюю, которая не удобрялась и называлась пресною. Первая была разделена по тяглам и не шла в передел до новой ревизии населения. Вторая делилась каждый год по числу населения и из нее отделялись участки для новых тягол. Луга свои гулыньские крестьяне косили всем миром и потом делили сено по тяглам. Подводную повинность исполняли по очереди тягол, а денежные сборы раскладывали не по душам, а по числу взрослых работников в семействе.

Одна из поездок Головнина в его рязанское имение, именно в 1848 году происходила в грустных обстоятельствах. В это время там был неурожай и сильная холера. Он писал из Гулынок 24 июля 1848 г. Ф. С. Лутковскому: «Здесь к холере присоединился совершенный неурожай овса и трав и плохой урожай ржи. Бедствие вдвойне. Притом нет докторов, нет аптек и уныние всеобщее. Смертность в Рязанской губернии невероятна. В г. Раненбурге вымерла 7-я часть населения в течении нескольких недель. Есть многие села, в которых вымерли целые семьи, оставив только малых детей. В Бахметевых-Озерках, в полуверсте от нашей сапожковской деревни на 45 тягол умерло 45 человек, в другом соседнем селе на 500 душ умерло 250 тягольных баб. У Вас все случаи смертные известны, здесь же губернское начальство ничего не знает и я удостоверился в этом на месте, разъезжая по своим деревням в разных уездах, на месте узнавал число умерших. Везде встречал я беспрепятственные похороны, крестные ходы, могильщиков с лопатами и т. п. В наших имениях, благодаря Бога, гораздо менее умирало, чем в других. Больные большею частью оправлялись: их лечили русской баней, растиранием крепким спиртом, настоем перцем, прикладывали горчицу, давали пить мятный чай, теплую соленую воду; некоторых растирали нашатырным спиртом, давали мятные капли. В Гулынках я назначил одного из старых прежних лакеев в фершала, в Озерках произвел в то же звание сына его. Впрочем были больные и не холерою, а просто ленью, другие страдали как и всегда случается во время рабочей поры, которая и называется народом страдой. В Гулынках при самом начале болезни, прежде употребления всех сказанных средств, умерло на мельнице 5 человек, в несколько дней, из 8, в том числе и сам мельник. Я тотчас же послал за доктором, который прописал все сказанные пособия. В Озерках умерло 6 человек, также прежде леченья, а с того времени ни один не умирал. В некоторых селениях крестьяне не позволяют себя лечить, говоря, что их хотят морить и что из Петербурга присылают по 500 руб. за каждого умершего. Священник требовал, чтоб целые селения причащались святых таин. В некоторых местах народ боялся этого и бабы толковали, будто попы хотят морить их и подсыпают зелья в причастие. У нас в Озерках они требовали, чтоб конторщик и староста первые подошли к причастию в доказательство безопасности. В Гулынках на большой дороге они гораздо образованнее, пустяков не выдумывают и им не верят, а еще сами приходят за лекарством. В хозяйственных делах в Гулынках я нашел большой порядок, потому что бурмистр наш — человек умный, рассудительный и, главное, богобоязливый и настоящий христианин, но христианин-философ. У него есть чему поучиться. Надо подивиться его уважению к церкви, преданности к вере и вместе с тем величайшему презрению к попам и дьячкам. Куриозны донесения здешних полиций о холере. Например, сотский одного селения доносит доктору и вместе земскому суду: «В Пронский земский суд. Господину доктору NN имею сообщить, что по назначению Вашему, в селе Осниках умерло Вашего факультета 60 человек, да еще Прасковья Петрова и Дарья Иванова и с ними доктор. А другие по приказу Вашему пошли на работу». Это донесение еще из лучших, ибо в Осниках была больница и фершал. Цель донесения здесь достигнута, ибо видно, что умерло 63 души, но в других и этого не доберешься. Цифры больных и умерших по уездам, печатаемые губернским начальством, крайне неверны и никогда не достигают настоящего числа».

В последний раз до отмены крепостного права Головнин был в своем имении в 1860 году. Он нашел огромную разницу в быте помещиков и крестьян против того

как видел их в 1841 году. Вместо умственного застоя, лени, усыпления явилось всеобщее сильное беспокойство и тревога по случаю слухов о предстоящей реформе. Эти слухи были предметом всех разговоров. Помещики и управляющие обращались с крестьянами гораздо мягче и снисходительнее и значительно уменьшили свои прежние требования. Старики крестьяне радовались этому, но не верили ожидавшей их перемене. Молодые крестьяне, напротив того, с большим и большим нетерпением ожидали оной и тяготились уже самою легкою барщиною.

По возвращении в Петербург осенью 1860 года Головнин рассказал свои наблюдения и государю императору и великому князю Константину Николаевичу и выразил притом мысль, что необходимо торопиться отменой крепостного права, доколе еще существует и имеет перевес на столах поколение старых крестьян, знавших прежнюю тяжелую барщину, ибо только при этих людях можно совершить реформу спокойно распоряжениями правительства; если же дожидаться, когда эти старики исчезнут и нынешние молодые крестьяне заступят их место, то нетерпение их будет иметь следствием взрывы народного негодования и стремление к свободе и тогда могут последовать повсеместно весьма важные беспорядки, которые вынудят правительство употреблять военную силу и затруднят мирный исход великого дела.

Мудрые распоряжения государя в противность усилиям многих лиц, которые старались отдалить решение дела, предохранили Россию от великих бедствий, и 19 февраля 1861 останется в истории ее днем, в который как дворянство, так и крестьяне должны благодарить провидение за великую ниспосланную им милость.

Преобразование крепостных отношений в отношения ближайших друг от друга независимых соседей совершилось в имении Головнина совершенно спокойно и не встретило ни малейшего затруднения на практике. Это произошло отчасти вследствие целого ряда предшествовавших вышешоказанных распоряжений помещика.

Выкуп крестьянского надела совершился без замедления и потеря помещика была бы не слишком значительна, если б выкупные свидетельства не упали в цене и если б кредитный рубль не потерял свою прежнюю ценность. Расстройство наших финансов и всей денежной системы причинили помещикам гораздо большее уменьшение их доходов, чем собственно отмена крепостного права.

Поездки в рязанское имение оставили Головнину различные воспоминания. Особенно приятны были первые поездки, когда он был молод, здоров и жил в деревне с матерью и сестрами. Вставая в 5 часов, он шел купаться и, наслаждаясь утренним воздухом, ездил верхом по полям. Эти прогулки, также переезды из деревни в деревню ночью чрез ароматические рощи, когда липы в цвету, березы освежены дождем, также чрез пахучие поля созревшего хлеба, живо остались у него в памяти, также ночные трели соловьев в кустах на островах Гулыньских прудов. Впоследствии, приезжая в Гулыньки болезненным, слабым, он должен был с приходом лет изменять свою образ жизни и любил греться на солнце, ограничивая большею частью прогулки аллеями сада.

Из знакомых помещиков были особенно интересны некоторые старики и их рассказы действительно содержали много любопытного. Так например, старик князь Кропоткин любил говорить о своей службе в кавалергардах во время Екатерины II, о значении в то время гвардейских офицеров, вообще обычаях того времени, о жизни помещиков в деревнях в первое время по выходе его в отставку, их широком гостеприимстве, домашних театрах, охотах, праздниках и пр. Другой старик Дмитрий Николаевич Маслов говорил с удовольствием о времени, когда будучи губернским предводителем дворянства в Рязани, он принимал там и угощал у себя в доме императора Александра Павловича. Вспоминая вообще знакомых ему стариков, Головнин удивляется, как большею частью дети их оказались многим хуже родителей по уму, познаниям, умению распорядиться своею жизнью, вести дела свои, даже по физической природе, как будто новое молодое поколение было во всех отношениях мельче отцов своих. Достаточно назвать сына помянутого старика князя Кропоткина, многочисленных сыновей Дмитрия Николаевича Маслова, сыновей адмиралов Литке, Сульманева, детей стариков полковника Яковлева, тайного советника Казина, Набокова, бывшего командира Гренадерского корпуса, также сыновья: фельдмаршалов князя Воронцова и князя Паскевича, вице-канцлера графа Нессельроде, вице-канцлера князя Горчакова, адмирала князя Меншикова, московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына и мн. др.— блестящим исключением были братья Милютины и братья бароны Николаи.

Находясь несколько раз в Рязанской губернии молодым человеком с весьма неважным чином, Головнин слышал весьма откровенные рассказы о злоупотреблениях губернских властей, взятках, скрытых преступлениях, а зная близко некоторых председателей казенных палат и их родных, видел все зло, приносимое России откупною системою и удивлялся — как люди по-видимому добрые и честные мирились с ее злоупотреблением и с спокойною совестью брали деньги снизу, посылали часть вверх и оставляя большую часть у себя; жили весело, спокойно пользуясь большим почетом в обществе, которое весьма хорошо знало источники их дохода.

У себя в деревне по-случаю дел размежевания и нескольких процессов по мельнице он несколько раз видел картину безобразных действий земской полиции, приезд временных отделений суда, которые оставались для него несколько дней невидимыми, пьянствуя у местного станового, а между тем в рабочую пору собирались оторванные от спешных работ сотни понятых, затем являлось временное отделение, поняты приводились к присяге, писцы сочиняли и писали показания и конторщики приносили денежные подарки и временное отделение после угощения в доме помещика или в конторе уезжало, решив дело одним способом с тем, чтоб через несколько месяцев снова приехать и, получив большую сумму от другой стороны, решить оное в другом смысле. Какое растлевающее влияние на народную нравственность должно было иметь подобное зрелище, ибо должно сказать, что народ очень ясно все видел и понимал. Подобные случаи утвердили Головнина в невозможности для него поселиться в деревне, где по необходимости пришлось бы часто видеться с представителями правительственной власти и как весьма небогату помещику быть от них в большой зависимости. Таким образом, ему становилось возможным только временно, на несколько недель, приезжать в свое имение, пользуясь летом и отдыхом от службы.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. При публикации текст приложения опущен (*Ред.*).
2. Родилась 2 мая 1822 г. — скончалась 18 сентября 1829 г.; похоронена в Сергиевском монастыре близ Петербурга.
3. Родился 16 декабря 1830 г. — скончался 28 декабря того же года, похоронен там же.
4. О назначении пенсии докладывал императору Николаю Павловичу начальник Главного морского штаба князь Меншиков и Авдотья Степановна рассказывала своим детям, что при этом докладе государь несколько раз спросил князя Меншикова: «Довольно ли этого?». Вообще она сохранила к государю большую признательность, находила несправедливыми упреки, которыми его осыпали и во время его жизни и особенно после смерти, и никогда не позволяла, чтоб в ее присутствии отзывались о нем дурно. В разговорах с сыном она особенно хвалила честность, прямоту и твердость государя Николая Павловича, говорила, что на его слова можно было полагаться и утверждала, что у него было доброе сердце.
5. Ныне Дарзанса у Храповицкого моста.
6. Ныне графини Кушелевой; на месте бывшего дома г. Бландо построена ферма.
7. Сочинения отца своего он потом имел привычку перечитывать через несколько лет.
8. Вообще Головнин не может думать о своей матери без особенного чувства уважения и признательности: она была всегда самым нежным, лучшим его другом, и если в нем были какие-либо хорошие качества, он ей обязан ими, а все, что сохранилось в нем дурного, сохранилось потому именно, что он не всегда следовал ее советам и наставлениям...
9. Письмо к ней вице-директора Инспекторского департамента Морского министерства от 13 июля 1834 г. за № 14533.
10. Авдотья Степановна жила сначала в части Царского Села, называемой Софиею, по Волконской улице, в доме Коха, потом в самом Царском Селе: в Московской улице — дом Новиковых, Грязной улице — дом Галевского и Большой улице — дом Терентьева. В то время еще не было в Царском Селе железной дороги, город был гораздо меньше и жизнь там по многим предметам оказывалась дешевле, чем в Петербурге. Будучи знакома с семействами директора и инспектора лицея, со многими профессорами и гувернерами

и с доктором, она из разговоров с ними весьма хорошо знала заведение, где воспитывался ее сын, и не только на его рассказах основывала свои суждения о лицее. Так же точно она старалась узнать гимназию, когда сын ее там учился.

11. Университеты никогда не были воспитательными заведениями. Училище правоведения в то время еще не существовало; в Пажеском корпусе несравненно менее чем в Лицее занимались науками.
12. Он был открыт государем 19 октября 1811 г. и потом многочисленные поколения лицеистов каждый год собирались праздновать этот день. Этот прекрасный обычай немало содействовал тому, чтоб поддерживать между ними и в зрелых годах дружеские связи молодости.
13. Приемный экзамен начался 5 августа, а 5 сентября было вступление в лицей.
14. Многие из них приходили по воскресеньям и праздникам к его матери.
15. Кроме этих молодых людей, которые кончили полный курс лицейского воспитания с Головинным, с ним перебивали в разных классах, оставшиеся в классе или вышедшие из лицея в разное время до окончания курса следующие: два Барышниковых-Кондоиди, Обухов, Омельяненко, Спешнев, граф Гудович, князь Шаховской, Дунин-Барковский, Маркович, Савельев, Оболенский, Балугьянский, всего 16 лиц.
16. Головин, чувствуя недостаточность приобретенных им в лицее знаний, желал сам продолжать заниматься высшей математикой, к которой чувствовал склонность; он обратился с вопросами, какое занятие было бы для него особенно полезно, к адмиралу Литке и к адмиралу князю Меншикову. Первый советовал ему заняться музыкой; второй — чтением книг, касающихся дипломатии, и на первый раз дал ему из своей библиотеки Flassan «Histoire de la diplomatie française» и Martens «Causes célèbres du droit des gens». (Флассан «История французской дипломатии» и Мартен «Признанные основы международного права» — *Сост.*). Николай Иванович Греч сказал ему: «Помните, что Вас в лицее только выучили как учиться».
17. Женились: Киов — в 1841 г., Коншин — 1845, Сиверс — 1845, Голицын — 1849, Саломон — 1849, Цеэ — 1849, Николаи — 1850, Клингенберг — 1851, Кочетов — 1856, всего 9 лиц.
18. Писано в 1866 году.
19. Рейтерн — министра финансов, барон Николаи — главного начальника гражданского управления на Кавказе, а перед тем товарища министра просвещения, когда Головин был министром просвещения; Цеэ и Саломон были сенаторами, князь Голицын был гофмейстером; Чилев занимал высшие административные должности на Кавказе; Клингенберг был губернатором в двух губерниях и потом членом Комиссии прощений; трое — Головин, барон Николаи и Рейтерн — имели звание статс-секретарей.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1912 год

1.1.

С раннего утра до утра следующего дня — за перепиской сочинения. Предчувствие близкого конца работы, бодрое веселое настроение.

2.1.

Отвез сочинение в Уч[ебный] округ. В 12 ч. вернулся и заснул тяжелым глубоким сном. С усилием и неохотой поехал на урок к Андриановым; после урока был у Кистеневых. Как грубо нетерпимы А. Н. и Н. Д.! В вагоне встретился с Успенским, и всколыхнулись старые воспоминания гимназ[ических] лет.

3.1.

Опять — уроки, уроки, уроки!.. Урок с Леней — так себе, с Лилей (первый раз) — живо и весело, с Шурой — кое-как, неважно. Вечер провел у Кароль; милая М. Ал. была мне очень рада.

4.1.

Уроки... Вечер провел у Леоновых.

5.1.

Вечер — у Ашиновых, долго беседовал по душам с Эрнстом.

6.1.

Урок. Вечером — привед[ение] в порядок своей комнаты и счастливое сознание отдыха.

20.1.

Первая лекция Челпанова по логике произвела на меня глубокое и сильное впечатление; я слушал — и наслаждался, испытывая внутренний подъем, почти восторг. Нервно-возбужденное настроение при встрече и разговоре с Евгенией Павловной и Екатер. Владимировной. Вечером — чтение Л. Толстого и Челпанова.

21.1.

Утром — уроки (чувствую, что нет в моих уроках внутреннего одушевления, шаблон!). После обеда — чтение челпановской книги «Мозг и душа»; думал над проблемой о непротяженности психических явлений. К 6 часам отправился в университетскую библиотечку и там в течение 3 часов напряженно и продуктивно занимался угол[овным] правом по «Р[усской] П[равде]». Это ободрило меня. Затем — в баню; ощущение усталости и приятной чистоты. Вечером читал Толстого. С радостью замечаю, что вновь начинаю мыслить.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, № 9—12.

29. I.

Вчера на просеминирии Богословского вызвался выступить офици[иальным] оппонентом при чтении реферата «Критика учения Ланге об Уг[оловном] праве по «Р[усской] П[равде]»; после этого весь вечер — страшно возбужденное состояние, сердцебиение и головная боль. Это — моя первая попытка войти активным участником в работу, мой «дебют» и вместе с тем проба моих юридических познаний, приобретенных на юридич[еском] факультете. Все остальные занятия — на 2 недели насмарку. Зато я подготовил семинарий и сделал первый активный шаг после полугодового молчания. Работа увлекает, хватило бы времени! Пугает количество пособий.

Никогда я так не волновался, не испытывал такого чувства ответственности и самолюбия... Мое сочинение кандидатское удостоено отметки «весьма», и я получил диплом I степени. У Елистратова еще не был.

19. II.

Никогда я не чувствовал такой отрешенности от людей, такого холодного безразличия, как вчера, на студенческой вечеринке. Страшная толкотня и невообразимый шум; я встречаю знакомых, здороваюсь, говорю с ними, но ощущения жизни нет; натянутые улыбки и деланное веселье не могут изгладить отпечаток глубокой внутренней тоски.

Случайная встреча с т. Ксенией всколыхнула во мне воспоминания о «лучших днях». Тоска по прошлому, жажда деятельной любви к людям, стремление к подвигу — вот чувства, которые пробудились во мне, и отчетливо-резко сознал, какую страшную холодную стену, отделившую меня от живого человеческого страдания, создала моя отчужденность последних лет, односторонность научн[ых] занятий.

Что же впереди? Наука или жизнь? Личное обособление в тишину созерцательной мысли, как раньше?.. Или живое общение, борьба во имя любви и правды, непосредственная близость с массой?.. Лучшее, чего я хотел бы, — примирение науки и жизни, жизни в любви, построенной на науке, на ее выводах и ее распространении в массе. Я чувствую — искренно! — возвращение старых мыслей и ощущений, я рад им и с верой смотрю вперед, за переходные границы безвременья.

22. IV.

Хороший светлый день: юбилей Сергея Григорьевича¹. Чувство любовного сближения с людьми и мысли о будущей работе.

24. IV.

Прочел книгу Русова «Отчий дом». О Русове я думал лучше, думал что он — глубже и оригинальнее. Не нравится мне его самодовольное пережевывание маленьких впечатлений, его поверхностное перелетание с «цветка на цветок» и меньше всего — его житейская философия — венец всех «переживаний». В литературном отношении повесть не оригинальна: чувствуется в ней влияние Ал. Толстого, Зайцева, поэтов-модернистов.

Книжка, журналы — и снова старые образы, влечение к старой интеллигентской традиции... Совсем я истрепался и нравственно выбился из колеи: на мои уроки легла печать ремесленничества, мои отношения к людям приняли сухой — деловой характер, все живые связи оборвались. Хочется страшно освежить себя переменой места и рода работы. В конце концов, в основе моего теперешнего душевного состояния — нервное утомление. Отдохнуть бы — и с свежими силами, с душой, открытой впечатлениям жизни, — на новую работу!

26. IV.

Сегодня я получил урок на лето благодаря любезному содействию Л. Ад. и Татьяны Макс. Еду на 3 месяца в глухой уголок Калужской губернии, в барское имение — развивать двух девочек-гимназисток. На всем готовом — 40 р. в месяц при 2-х часовых занятиях. Я страшно доволен: спокойный отдых и прочная матер[иальная] обеспеченность. Настроение веры и бодрости. Сегодня же получил второе приглашение от Коли Ашинова: в Черниговскую губернию, к его родственникам.

Лето 1912 года

28. V.

Москва позади. Сознание достигнутого успеха (с экзаменами Лели и Шуры) смягчает мою переутомленность. Но в общем — совсем неважное самочувствие.

Какое-то тупое безразличие. День чудесный, солнечный, много зелени, но душа молчит, не отзывается. Опасения будущего урока.

Поезд останавливается на Ферзиково. Выхожу из вагона, мои вещи подхватывают, сажают меня в шарабан, и 12 верст я еду большаком и проселками, среди зеленых полей и лесов, люблюсь знакомыми среднерусскими пейзажами.

Въезжаю в Богородское. Большой белый барский дом с колоннами, липовые аллеи, цветущие яблони, молодые березовые посадки. Весь день на воздухе, см много. Хорошее впечатление полной простоты -- и в людях, и в обстановке. Мои принципалы -- средние помещики, по-видимому, «на ущербе»; отец -- дикий помещик-земец, мать -- интересная женщина, энергичная работница-практик; девочки -- сама простота (босоножки, в сарафанах), страшно меня дичатся. Что-то успокаивающее, миротворящее льется в открытые окна с шумом липовых листьев; на душе становится бодро, и прежние опасения сглаживаются.

29.V.

Весь день на воздухе; несколько прогулок: одна -- за 6 верст, в сосновую рощу. Несколько тяготит непрерывное пребывание на людях и моя деревенская «никчемность»: ничего-то я не умею, ничего не знаю. Первые предварительные беседы с ученицами; перестают меня дичиться, а вечером совсем разговорились -- и посыпались вопросы, чувствуешь, как пытливо работает детская душа, как все в ней неоформлено, но требовательно. «Что такое смерть?». «Что такое слава?» -- в этом много наивного, но чувствуешь, что лужно отвечать определенно.

30.V.

Первый урок -- лекция по истории (введение в ср[едние] века) -- вышла слишком отвлеченной и краткой. Опасения, неуверенность в своих познаниях по языкам и математике сильно меня тревожат. Много времени уходит «без толку»: прогулки в лес, поездка в рощу, но я не слишком волнуюсь: первое время необходимо отдохнуть и познакомиться ближе с своими ученицами. Ал. Влад. откровенно рассказывает мне о своей жизни. Погода хорошая; солнце и зелень.

1.VI.

Удачный урок по истории и арифметике. Кажется, девочки заинтересовываются занятиями. Они мне кажутся все милее, но все яснее для меня, как трудно близко подойти к душе детей, прочесть ее, понять ее...

После долгого перерыва возобновил научные занятия: немного греч[еской] грамматики, немного логики и первоб[ытной] культуры. Получил два письма из Москвы -- от Николая с жалобами на свою жизнь, от В. Доброгурской -- очень лестное и дружеское.

Ал. Влад. слишком со мной откровенна! Люля декламировала стихи ярким и звучным голосом -- в глубине липовой аллеи.

3.VI.

Письмо в Москву. После рассказов Ал. Владимир. Сергей Константинович производит на меня тяжелое впечатление. Вечером напряженно готовился к уроку по-французски.

4.VI.

Кладбище, забытые, разрушающиеся могилы, большие черные кресты... Разговор с Евгенией Алексеевной о трех самоубийствах -- ее отца и двух ее братьев... Женщина-крестьянка, обреченная на смерть... Глухие полуночные удары разбитого колокола... Мысли о смерти, о тлении, о небытии. Милые девочки принесли мне на блюдце розового шиповника.

1.IX.

Первый урок с Лилей Дуглас. Взял свид[етельство] и входн[ой] билет в университет[ской] канцелярии. Взял вещи от Филатьевых. Была Вера Мих. Харева. Вечером -- «Двенадцатый год» Бахметьева в Малом театре (Южин -- Кутузов).

2.IX.

Отвратительное состояние душевной вялости и отчужденности. Утром -- Грачев (со своими рисунками). Составил отчет о летнем уроке. Был у Андриановых и Лесковых -- сговорился относительно уроков.

3.IX.

Уроки с Лилей Дуглас и Верой Степановой (бодро). В Почт[ово]-телегр[афный] отдел и в Почтамт -- относительно недоставленных 20 р.; в 7 гимназии -- относительно учебников; у Л. Алекс. и Там. Моисеевны -- отчет о летнем уроке; у Пол. Алекс. и Марии Алекс.

4.IX.

Отвращение и равнодушие ко всему... Уроки с Лилей и Верой (вяло!). Поездка к Андриановым (список учебников), в Университет (экзамены), к маме (отвез 20 р.). Составлял планы уроков на предстоящий год.

5.IX.

В Университете чувствовал себя чуждым и равнодушным окружающей обстановке. У В. Н. лечил зубы. Первый урок с Шурой — он остается все тем же! Настроение несколько поднялось после работы. Вечером Викт. Ис. Томящее однообразие все тех же впечатлений!

6.IX.

Уроки с Лелей, Шурой и Николаем. Подготовка к урокам.

7.IX.

Записался на экзамены в университете. Был в Т. С. Ш-ой и беседовал о к[ниг]ах. Вечером была Татьяна Моисеевна, и мы долго беседовали с ней о девочках Филатьевых.

8.IX.

Был у Филатьевых, видел Люлю и Галю, я чувствовал, что между нами опять стена... Вечером ко мне пришла Ляля и поверяла мне свои невзгоды.

9.IX.

Утром — приведение в порядок своей комнаты, составление расписаний и планов. После обеда заходил к маме. Была Лиза (крупный разговор о лялиных деньгах), посетили Вера Иос. и Лидия Эрвиновна. Провожал В. И. (ее интерес к моей «биографии» и нежное внимание).

10.IX.

Уроки. Начал подготовку к экзаменам (Саллюстия). Вечером бесплодно ездил к Т. С. Ш-ой (по поводу К.). Возвращался пешком через старую Москву (Сивцев Вражек и др.). Занимался Саллюстием.

11.IX.

Уроки с Верой, Лилей, Шурой (с Ш.— сцена...). Попытка отдаться подготовке к экзаменам разбивается благодаря непрерывным посещениям: Ляля — с алг[ебраическими] задачами, Грачев — с разговорами.

12.IX.

Уроки с Лилей и В.; с Ш.— одно горе. Был у Университете — пустота! В Румянц[евской] чит[альне] штудировал речи Цицерона, дома сидел за Саллюстием. Намеренно не пошел на совещание к Ш.— отказался по телефону. Иначе не выдержу ни одного экзамена! Грустные мысли о своем запоздалом студенчестве, о неисполненных планах, о неумении ограничить себя, отказаться от частных занятий. А временами отвращение даже к науке! Чувствую, что от меня отлетает дух юности.

13.IX.

Утром — урок с Шурой, вечером — с Николаем; в промежутке — подготовка по Саллюстию.

14.IX.

Утром — с Шурой на Выставке 12 года (много интересных исторических реликвий, общее впечатление разнообразия и красоты). Вечером — Саллюстий, Была Ляля. Безденежье, невыполненные планы, мучительные уроки, нерадостные перспективы — тоска, тоска!!

15.IX.

Утром — мучительное чувство унижения (материальные дела мои совсем запутались). В университете — встреча с Ник. Ник., Сергеем Александровичем и Л. (ощущение отчужденности). Достал 20 р. на уроке и был у Надежды Дмитриевны — вернулись бодрость и вера!

16.IX.

Утром — газета, потом — урок с Лялей (читали «Митрошкино жертвоприношение»), пришла мама. Только что собрался читать Саллюстия — пришли Грачев с женой. Составлял сметы. Получил письмо от В. И. с приглашением на именины.

17.IX.

День именин. После урока с Лилей был у Степановых (урок не состоялся). Заказал костюм — в рассрочку (47 р.), внес проценты в ломбард (по лилиным квитанциям), взял книги в библиотеке, (просматривал «Заветы» — старое револю-

ционное нетерпимое сектантство!). После урока с Шурой зашел к Пузановым, к Степановым, проводил маму.

18.IX.

Тяжелая голова, состояние душевной тупости. Уроки с девочками прошли отвратительно. С Шурой — все то же! Был у Веры Иосифовны. Вечером — Саллюстий.

19.IX.

После урока с девочками был в Университете (первая лекция Розанова — элементарно!), в Рум[янцевской] чит[альне] (читал Цицерона).

21-го — экзамен, не успею! Вечером, после урока с Шурой был у Т. С. Ш. по поводу К. Законов[единение] устраняется, остается история. (Предлагаю читать об Алекс[андровской] эпохе). Проклятое смущение!

20.IX.

Решил отсрочить свои экзамены до дек[абрьской] сессии (невеселые мысли). Начал Шильдера (Ал[ександр] I).

21.IX.

После утренних уроков (вяло, скудно) мыкался в Почтамте (о 20 р.) и в унив[ерситетской] канцелярии (за копией своего диплома). После урока с Ш. читал Шильдера и вечером — Богословского. Размышления о трагической судьбе династии.

22.IX.

После утр[енних] уроков — лекции Виппера (тонко, глубоко) и Богословского (шаблонно, общие места).

Беседовал с С. А. о русск[ой] истории. Вечером после урока с Ш. был у Сушкова (по поводу моих уроков истории).

23.IX.

Ощущение свободы и отдыха (воскресенье!). Газета — близость войны, золотая свадьба Толстых. С Лялей — чтение тургеневских стихотворений в прозе (слабое впечатление). Обед у Дуглас (моя неловкость, похвальный обо мне отзыв, возбуждение). Письмо маме и папе. У мамы. В синемаатографе: «Отечественная война» (есть эффектные сцены; много мелодраматизма и отталкивающего натурализма). Беседа с Ал. Никол. Воспоминания о девочках Филатьевых.

24.IX.

Уроки с Лялей, Верой, Шурой (бодрые, содержательные!) Чтение Шильдера захватывает. В вагоне — № 5 «Заветов», вечером — лекции Богословского, красота моск[овских] улиц.

25.IX.

Уроки с девочками, с Шурой. После обеда отправился говорить о предложении урока — к Цамутали; не подходит (матем[атика] и литер[атура] — слишком сложно). Читал Богословского.

26.IX.

Утром — уроки, затем — занятия с Лялей, обед, урок с Шурой, вечером была Вера Осиповна, провожал ее.

27.IX.

Урок с Шурой (отвратительный, горький осадок — от неприятной суеты на уроке); у Веры Николаевны; в Унив[ерситете] — Шильдер; первый семинарий Богословского. (Намечены темы, взял тему о декабристах). Вечером — урок с Николаем. Чувствую себя не на высоте на уроке.

28.IX.

Утром уроки с Лялей и В. В унив[ерситетской] канцел[ярии] разрешают выдать копию диплома с упоминанием о моем студенчестве. Читал Шильдера — до и после урока с Шурой. Встретил В. Яковенко (он — преподаватель Медведницковск[ой] гимназии). Вечером — баня. Состояние духа — ужасное, отвратительное.

29.IX.

Утром — уроки. Лекции Виппера и Богословского — голова в тумане, апатия, нет прежнего увлечения, записываю по инерции. Товарищеская атмосфера (мои сотоварищи — по прошлогоднему просеминарию). Печальный урок с Шурой. На именинах у Дуглас. Шильдер. К вечеру — лучше; яснее сознание, бодрее настроение. Составлял программы на неделю и написал прошение великой княгине (для Лизы).

30.IX.

Утро — газета (война Черногории с Турцией; черные выборы), подготовка к зан[ятиям] с Лялей. Ляля (Г. 4 дня; о причинах войны). После обеда поехал на курсы (от общения с людьми у меня тяжелое состояние апатии и тупости), ничего определенного. Был в Читальне Тургеневых (справлялся о комнате). Был у мамы. Объяснил Тиме. Вечером — программы на неделю.

На очереди: устроить урок Над. Дм. (Вит. Исак., У., программа у Т. Серг.; записаться в Музей; побывать в VII гимназии; посетить Филатьевых, Голубцова; достать 35 р. (Е. П.); забрать вперед на уроках; взять костюм; уплатить 25 р. Пузановым, 20 р. — маме; купить учебники (арифм[метики], геогр[афии]); поискать урока; ежедневно вечером просматривать прогр[амму] урока; с Сушковым — об уроках.

1.X.

Уроки с девочками не состоялись, урок с Шурой — сносно. Весь день (от 9 до 1/2 до 12 1/2 и от 7 до 11) готовился к collquium'у по русской истории. Заходила мама (от папы письмо: едут в Харьков, но левый глаз ничего не видит).

2.X.

Уроки с девочками. У зубного врача. Урок с Шурой (сидит сносно). Заходил к портному. Предложили урок на месяц—два. Говорил по телефону с Ольг. Дм. — о другом уроке. В универ[ситетской] библиотеке читал Шильдера. Был у Серг. Ал. Голубцова (разговор не клеился, чувствовалась неловкость, я говорил мертво и неясно...) Все яснее для меня, что в душе моей совершается кризис, что юность осталась позади, с ее несбывшимися планами и неисполненными задачами... А жизнь течет по-старому... однообразно, одиноко и серо. Хочется непосредственной теплой близости к людям. Пришел домой и нашел письмо Николая с подавляющим известием: его свидетельство потеряло всякое значение...

3.X.

В Университете — первая лекция Виппера по общей истории древности (широкие обобщающие отправные точки зрения); изящная и легкая лекция Розанова (о франц[узском] романтизме). В перерывах — беседы с Умновым, с Нат. Мих., с Голубцовым. Взятая по просьбе специалиста философского цикла поговорить с вольнослушательницами. Шильдера читал полчаса.

Приехал папа; были с Л. у Гиршмана, зрение неозвратно, необходима операция; столкновение с Линой. Вернулся домой в возбужденно-горячем состоянии, забылся тревожным тяжелым сном.

4.X.

После утреннего урока с Шурой был в Университете, просеминария Ясинского еще нет. Наводил справки об операторе у Викт. Исаковича, у Г. (в глазной больнице), в клинике. В перерыве между обедом и уроком была Лина. Вечером — беседа с Николаем (относит[ельно] продолжения занятия, у него решимость отчаяния). Не мог быть на совещ[ании] о К.

5.X.

После уроков с Лилей и Верой — мучительный урок с Шурой, обед, взял у портного костюм, наскоро набросал схему урока по истории (не успел подготовиться, поехал на курсы с отчаянным чувством. К счастью, урок не состоялся — царский день!). Беседовал о программе занятий и времени. Поздно вечером заезжал к нашим сообщить, что записал папу на прием к Авербаху. Вернулся ночью измученный, утомленный.

6.X.

Все смешалось, перепуталось. Мои мысли принимают все более мрачный колорит. Утрами встаю невыспавшийся, с тяжелой головной болью. Чувство неудовлетворенности, горький осадок — все время.

На лекциях (после спешных уроков) реагировал тоньше, с большим интересом. После урока с Шурой — у Авербаха с паной (А. производит симпатичнейшее впечатление). Операция необходима, займет комнату в Алексеевской больнице. После доктора заехал к нашим, потом — домой (была Лина, долго беседовали с ней).

7.X.

Утром — газета (успехи славян!), Ляля — с ней не занимался (почувствовал больное горло), записал папу в лечебницу. Заходил к нашим. После обеда был

у Доброгурских (В. И. — просвирку за папу), у Аминовых (С. И. — сухо). Мучит мысль о невозвращенном долге. Вечером составлял программу.

На очереди: деньги (75 р.) — у Ашиновых, Е. П., Пузановых; пальто; Адольф — о пост[уплении] в гимназию: 8. X. Евг. Павл. — о вольнослушат[ельницах], Сушков, А. Кузьм., Нат. Мих. — о курсовых занятиях; 8. X. О Николае с Викт. Исаковичем; 8. X. С Ольг. Дм.; 9. X. Музей нагл[ядных] пособий; 14. X. VII гимназия — дневники; учебники купить, поискать уроков! Николай. Библиотека — книги по русск[ой] истории.

8. X.

Уроки. Тяжелая голова. Уроки с Лилей и Верой. Коля Ашинов. Урок с Шурой. Унив[ерситетская] библиотека (Шильдер). Викт. Ис. (о группе и пр.). Был у Адольфа.

9. X.

Отвратительное состояние. Уроки с Л. и В., с Шурой. Унив[ерситетская] библиотека (Шильдер). Грачев.

10. X.

Уроки. На лекцию Виппера не попал, но се и не было. Лекция Розанова (равнодушно-холодно слушал, почти механически записывал). После урока с Шурой поехал к папе отвезти его в лечебницу, но он отсрочил свой отъезд. Вернулся поздно, составлял программу курсовых занятий. В. И. принес займы 25 р.

11. X.

Занес Пузановым 25 р. (Над. Як. — об обремененности детей занятиями), урок с Шурой — мое нервное состояние (не приготовил урока). Первый просеминарий Ясинского: впечатление медлительности и сухости. Программа работы интересная: изучение актов раннего средневековья. Совещание у Филиппа Семеновича о программе историч[еских] занятий. Вечером — урок с Николаем. В промежутках — подготовка к завтрашнему уроку на курсах.

12. X.

Утром за уроками — более бодрое настроение. Арифметика с Лилей — лучше; с Верочкой — так себе. Урок с Шурой — планомернее. В музее почти ничего не достал (неприятная пуганица). После обеда наскоро, наспех сел за подготовку к курсовому уроку. Ничего не успел, не сделал. Поехал с отвратительным чувством — неподготовленности. Урок прошел плохо, без увлечения, без живой связи с аудиторией (многие дремали, некоторые разговаривали); я чувствовал себя неловко, без почвы; говорил напряженно, запинаясь и некрасиво. Словом, плохо. Здесь же на курсах были — Нт. Мх., Ал. Кзм., Вера Осип. Их присутствие меня подавляло.

Непрерывная самокритика; внутренняя неудовлетворенность; чувство нужды и слабости.

13. X.

Уроки с девочками — более сносно. Купил пальто и шапку (взял у мамы 35 р.). Лекция Богословского — малосодержательна. Урок с Шурой. Шильдер. Подготовка к colloquium'у.

14. X.

Утром — газета. Чтение гоголевской «Шинели» с Лялей. Встреча с Люб. Ив. и Влад. Ал. Несслер. У папы — в больнице. Подготовка к colloquium'у — быстро вспоминается, настроение бодрое. Отчет о Лене — для Россолимо.

15. X.

Уроки с девочками. С Шурой. После обеда — подготовка к colloquium'у. Заходил за книгой Мих. Мих.

16. X.

Как неприветливы впечатления моей теперешней жизни: задолженность и безденежье, однообразно-утомительные уроки и недостаток времени для подготовки к ним, для их живой постановки, непрерывная внутренняя неудовлетворенность — от сознания их ремесленничества, невозможность плодотворной работы в университете, болезнь отца, неопределенное положение сестры, безнадежные занятия с Николаем, физич[еское] недомогание. Ничего, ничего светлого!..

Сегодня — уроки с Лилей и Верой (вяло), с Ш. (опять опоздание!) Подготовка к colloquium'у.

17. X.

Урока с В. нет, с Лилей — «так себе»... был на Почтамте, вопрос о 20 р. близок к концу. Посетил папу (впечатления больницы, страданий). Взял у В. Я. 25 р. и отнес

20 р. Л. Ал.; бодрящая и ласковая беседа с Тат. Макс. Урок с Ш. -- плохо!... мне — 2 за занятия. Подготовка к colloquium'у (в Тург[еневской] чит[альне], дома). Викт. Исак. Любовь к людям и бодрость...

18.X.

Урок с Шурой (опаздывание, небрежность). Просеминарий почти не состоялся. Colloquium'a не было — Мх. Мх. Богословский заболел. Весь вечер готовился к уроку по русской истории. Нет прежнего увлечения.

19.X.

Уроки. Музей нагл[ядных] пособий занял 2½ часа. Торопился на урок — на курсы, но занятия не состоялись (выборы!). Вечер провел у Ал. Дмитр. Бородулина.

20.X.

Уроки с Лилей, Верой, Шурой, Николаем. Лекции Виппера — я оставался равнодушным. Шильдер и Пылин.

21.X.

У папы в больнице. В Почтамте. В Тург[еневской] читальне (Шильдер). Дома.

22.X.

У мамы. Читал ибсеновского Пер Гюнта. На уроке с Шурой (взял у М. И. 30 р.). Купил подарки Елиз. Петр. и Ливе (цветы и книги). Весь вечер — на именинах. Готовился к урокам.

23.X.

Уроки; после обеда -- в Тург[еневской] чит[альне] (окончил Шильдера III т.) Ел. Петр. вечером сообщила о диагнозе Россоломо. У Лели -- водянка головы.

24.X.

Уроки. Весь вечер -- готовился к colloquium'у Богословского. Состояние апатии и слабости. Уплатил 25 р. в Университет.

25.X.

Урок с Шурой оставил неприятный осадок. Семинарий Ясинского. С 2½ до 7 ч. — на Colloquium'e, мой ответ был удачен, сразу появились бодрость и уверенность в себе. Н. не пришел, и вечер употребил на баню.

26.X.

Уроки с Л., В., Шурой. После обеда -- в Музей наглядн[ых] пособий. По телефону узнал от Викт. Исак., что Ал. Кзм. назначена лаборанткой, и — стыдно признаться — это навело меня на грустные мысли о собственном будущем. После музея заехал на полтора часа в Рум[янцевскую] чит[альню] (читал Пыпина). Затем был на уроке на курсах, первый урок провел с одушевлением и сумел, мне кажется, создать дружескую атмосферу, второй час и я, и мои ученики чувствовали утомление. Были промахи, неприятно-тяжелое впечатление произвело общение с Ч. и Р.

27.X.

Уроки, лекции, холодное общение с товарищами — студентами. В университет[етской] библиотеке (Шильдер). Вечером читал «Войну и мир».

28.X.

Были у Изензе (теплое отношение Коли, изысканно-вежливое --- Екат. Николаевны), у папы (папа вышел из больницы), сообщение о смерти П. Ф., вечером -- у Филатьевых (сколько любви и нежности проявили ко мне Галя и Люля); я ушел очарованный и преображенный их чистотой, непосредственностью и внутренней прелестью.

29.X.

Уроки, после обеда — в Тург[еневской] чит[альне] чтение Шильдера и Соловьева (хочу совместить научное изучение др[евней] русской истории с курсовыми за уроками). Начал подготовку к экзамену по логике штудированием записок. Воспоминания о Люле и Гале обвевают меня радостью.

30.X.

Уроки с Л., В., Ш. Вечером в Турген[евской] чит[альне] -- чтение Шильдера, долго беседовал с Серг. Александровичем Голубцовым на разные темы.

31.X.

Уроки. Лекции Виппера (попал на 2-й час) и Розанова. Вечером — совещание о преподавании истории на курсах. Внимание Нат. Мих.

1.XI.

Урок с Шурой (плохо!). Универс[итетская] библиотека (Шильдер). Подготовка к семинарию Богословского, по Корнилову семинарий не состоялся — болел Мих. Мих. Урок с Ник. не состоялся — он утомился.

2.XI.

Уроки с Лилей и Верой — я все заслушал, свел к шаблону! Дальше итти таким путем нельзя! В музее запасся картинками. Дома пытался готовиться к уроку на курсах — мешали за стеной. Урок на к[урсах] — боюсь, что моя лекция вышла отвлеченной, сухой, мало дружественного тона. Лестный отзыв Ольги Алекс. меня ободрил. Встреча с Ал. Кзм. и Нат. Мих.

3.XI.

Начало моего оживления. Ко мне возвращается бодрость, чувство жизни, способность отзываться на окружающее, уроки с девочками прошли удачно, лекцию Виппера прослушал всю (оvation по поводу заболлотирования В. на курсах). Читал Ш. После урока с Ш. (лучше) был у Сытовых. (Проппер и отношение Ал. Кзм.). Весь вечер составлял программы недельных уроков.

4.XI.

На товарн[ой] станции получил вещи. Впечатления обыденной жизни, «быта». У своих — безденежье. Урок с Николаем. Чтение «Войны и мира» — статья хорошая, очищающая мысли. Лид. Эрв. — Вера Иосиф. — беседы о педагогич[еской] работе и пр. Прогулка зимней ночью. Подготовка к уроку.

(Волнения в Петерб[ургском] университете).

5.XI.

Урок с Лилей и Шурой — бодрее и, главное, систематичнее, обдуманнее, увереннее — по плану. Шура — почти без порицаний в смысле поведения. Урок с В. не состоялся. В Тург[еневской] читальне кончил Шильдера. Дома — подготовка к уроку по русской истории.

6.XI.

Уроки — лучше. Готовился к урокам на курсах — сколько времени уходит!... Какая была ошибка — браться за занятия в моих условиях. Елиз. Петр. пришла от Корсакова, у Лели водянка гол[овного] мозга. Отправился на педагогич[еское] собрание — оно не состоялось.

7.XI.

Не иду в университет — забастовка. Читаю Пыпина в Тург[еневской] читальне. Урок с Шурой — мучительный по своей непродуктивности. Вернулся домой разбитый и был не в силах работать, готовиться к урокам. Читал Гюго.

8.XI.

Безденежье, долги, сознание зависимости. Тяжело. Апатия и усталость. Уроки — холодные и формальные; раздражительность. Еще смерть — у Дуглас. Тяжелое впечатление Веры Яковл. Тусклый семинарий Богословского. Отсрочка урока Николая. Викт. Исакович. Подготовка к уроку на курсах. Был у своих, поздравил папу. Милые, хорошие девочки!

9.XI.

Состояние неуверенности и холода перед курсовым уроком. Урок — одна печаль. Моя речь становится некрасивой, косной. Зачем — прорывающиеся жалобы... Забыться, заснуть!

10.XI.

Первое чувство, когда я проснулся, — желание забыться, не видеть, не чувствовать ничего, умереть!.. С усилием поднялся, пошел на урок, в Университет. С Шурой ласковой, ладнее.

Вечером — у Филатьевых, итти не хотелось, но вид девочек, их любовное отношение, тепло и уют семейной обстановки — увлеченно, оживленно. Хорошие, славные! Сколько любви в галином взоре, и как я холодно отзывался на их теплый порыв. И зачем — червь сомнения и недоверия, зачем скептическое холодное отрезвление?..

11.XI.

Холодно-небрежный урок с Николаем. Лялин откровенный рассказ. На курсах — демонстрация диапозитивов. У своих. Сознание одиночества и жажда непосредственного чувства. Подготовка к урокам, чтение мемуаров Чарторижского.

12.XI.

Уроки. В читальне чтение Пыпина и Волконской. Письмо Мише.

13.XI.

Уроки — в полусне. Трехчасовое сидение у Авербаха (папина операция удалась, необходимо соблюдение осторожности). Вечером — безалаберное, неприятно-воз-

бужденное педаг[огическое] собрание — курс преподавателей. Возвращение домой поздней ночью. Моя разбитость и мрачное настроение.

14.XI.

Провалился до двенадцатого часа, встал измученный и нервно-возбужденный. До урока обдумывал прогр[амму] педаг[агогических] вопросов, записывал вчерашнее собрание — без увлечения. Вечером был Грачев. Полное безразличие ко всему, и объясняю это переутомлением. Какой ошибкой было поступление на курсы! Надо ограничить себя, надо сузить свои задачи, выдвинув на первый план Университет.

15.XI.

Бессоница. Уроки — сносно. После обеда не поехал в университет на семинарий Богословского (из самолюбия — не подготовился!), а отправился в читальню, с увлечением читал записки декабристов (Волконской и Якушкина) и без всякого увлечения — неживую тягучую полемику Пыпина. Вечером готовился к уроку на курсах и, кажется, сумел прорепетировать популярный картинный очерк.

16.XI.

Уроки. Взял диапозитивы в Политехническом музее. С захватывающим интересом читал «Записки» Якушкина. Урок на курсах удался: ясная картинная лекция, живая беседа. Вернулся поздно, долго не мог заснуть.

17.XI.

Уроки, печальные сообщения на уроке Андриановых. Пропустил лекцию Випера. В университетской читальне читал Пыпина. Дома готовился к уроку.

18.XI.

Грачев (по поводу музея). Урок с Н. — безжизненно-вялый. После обеда — у Лидии Эрвиновны (беседа с В. Иос.) и Нат. Мих. Черемухиной (ее тоска — прорывающиеся намеки об утрате молодой непосредственности).

19.XI.

Урок с В. и Ш. Болезнь Лили. У наших. В Тург[еневской] читальне. Тяжелые впечатления — Лиза и Елиз. Петр.

20.XI.

Урок с Верой и Шурой. В читальне — чтение Пыпина. Вечером — письмо Нине, переписка прошения великой княгине (от имени Лизы). Зашла Елиз. Петр. сговориться относительно занятий с Лелей. Я постарался поставить ее с матер[иальной] стороны в более удобные условия. Был момент хорошего любовного порыва.

21.XI.

Уроки с Лилей, Лелей (он рад, отвечает живо и весело), с Шурой. Весь день в уроках несмотря на праздник. Мысли о будущем, неудовлетворенность настоящим, отказ от широких планов.

22.XI.

Уроки. С Лелей идет на лад! Семинарий Богословского не состоялся. Кончил в читальне Пыпина. Встретил Бланка (он мне несимпатичен). Возобновил подготовку к экзамену по логике. Забегал Грачев.

23.XI.

Уроки с детьми. Заложил шубу, получил за урок со Степановых, расплатился с Маринушкой, отдал 15 р. портному, сразу стало легче. Неприятное впечатление в музее (грубое замечание заведующей). Не успел попасть к Шуре на именины, поехал в синемаграф и случайно посмотрел несколько картин. «Отверженных» (мелодраматично, но правдиво и сильно, чужое страдание глубоко потрясает и возвышает, поднимается чувство любви и вера в ее великую силу). Урок на курсах — беседа (я недоволен). Недоверие к Нат. Мих. Вернулся и дома не мог заснуть.

24.XI.

Встал только в 11 ч. — не мог подняться от сильной усталости. Пропустил лекции. Уроки у Дуглас, у Андриановых; остался у них на чай и не успел в музей. Вечером готовился по логике. Тяжелые мысли.

25.XI.

Николай не пришел. Первую половину дня выработывал недельные планы уроков. После обеда пришла мама сообщить о недомогании. Пошел и привел доктора, у папы карбункул, 39° температуры.

26.XI.

Уроки, у папы, его тяжелое состояние, вечерние тревоги. Путаница с уроками. Еле-еле успел внести университетский гонорар. Заем денег.

27. XI.

Утром отвез папу в больницу; тяжелая форма, немедленная операция. Тягостные впечатления, неспособность работать. Вечер у Степановых.

28. XI.

Уроки, лекция Виппера (мое несогласие с его методами и выводами), вечером — подготовка к экзамену. Равнодушие и раздражение.

29. XI.

Уроки, семинарий Богословского (серо и скудно), подготовка к уроку на курсах. Папе лучше.

30. XI.

Уроки. На курсах — дружеская атмосфера с учащимися. Непр. вн. [?] в музее. Написал у Адр.

1. XII.

Уроки, пропуск лекций Виппера и Богословского (не в состоянии встать), вечером — у Андриановых (симпатичная М. Ив.), в театре миниатюр (желание развлечься), чтение О.

7. XII.

Уроки с Лилей, Лелей, Верой, Шурой (Музей нагл[ядных] пос[обий] и Политехнич[еский]). Подготовка к уроку на курсах.

8. XII.

Встал очень поздно (опять пропустил лекции). Уроки с Лилей, Лелей, Шурой. Полтора часа в ун[иверситетской] библиотек[е] (Семевский). Вечером — подготовка к уроку на к[урсах], чтение газеты.

9. XII.

Поздно встал. Утром — беседа с Николаем (о подготовке к экзаменам за Землед[ельческую] школу). Больница. Заседание педагогич[еской] комиссии. Подготовка к урокам. Сильное утомление.

25. XII.

Вопреки всем неблагоприятным условиям моей теперешней жизни — болезни отца, холодным отношениям с матерью (вчера сцены!), безденежью, задолженности и общему утомлению — чувствую себя хорошо и бодро... Ощущение свободы, отдыха, внутреннего подъема сил. Сажу дома, читаю вдоволь, думаю с радостью, чувствую в себе молодые силы, которые не заснули, не погасли. В моей натуре большой запас жизнерадостности, немного отдыха, некоторое движение вперед — и я снова живу и верю в будущее.

1913 год

1. I.

Начинаю год бодрым настроением, хотя настоящее и ближайшее будущее мало мне улыбаются. По-прежнему очередной задачей остаются подготовительные научные занятия в рамках университета; добросовестное выполнение преподавательских обязанностей — еще не цель, а средство (средство обеспечения себя, и, отчасти, родных); по-прежнему манящей целью моей жизни остается идейная общественно-педагогич[еская] работа в рабочих массах под лозунгом: «союз науки и демократии». Неразрывно слить личное с общественным; внутреннее воздвигнуть выше внешнего; соединить научное и художественное созерцание с деятельной идейной борьбой; создать немного, но хорошее, не расплываясь, а сосредоточиваясь, — вот краткая и неполная программа моего будущего.

А пока — университетская наука и размышление над жизнью — вопреки всем внешним и внутренним препятствиям; пусть личная необеспеченность, нужда, задолженность, необходимость поддерживать родных отрывают мои силы и время; я знаю, что непрерывное однообразие труда, отсутствие ярких впечатлений, отрешенность от жизни — утомляют мои нервы и притупляют мой ум; я вижу, как замирает непосредственное чувство вследствие отчужденности от людей и горького одиночества. Подавленные желания молодого сердца — неизбежная жертва, и я сознательно приношу ее во имя самостоятельного строительства жизни. Я иду вперед, я чувствую над собой власть руководящей идеи, и это сознание придает силу моей работе, несмотря на горечь от непрерывных разочарований, от неисполненных планов, от собственных недостатков.

Днем — чтение новогоднего обзора («Русск[ие] Вед[омости]» партийно-либерально и бледно!). Шура Андрианов принес мне свое поздравление и рамочку собственного изделия. Вечер провел у Пузановых, устроили импровизированный «маскарад», я вел себя шумно, повышенно-нервно («Крикун! Оглушили», — сказала Над. Яковлевна) и старался быть комическим, — но в моей натуре нет ни капли комизма, и веселье непринужденное никогда у меня не выходит, в этом — моя беда. Вероятно, это чувствуется и оставляет в окружающих неприятное впечатление... Но, право, я был искренне оживлен; южное свежее девичество Жени и ее подруг поднимало меня; я забывался, но... «выходил из рамок», и своей нервозностью утомлял других.

Сегодня мне стукнуло 27 лет; полжизни прожито; а впереди... что впереди?..

2.1.

Уроки — бодро! Получил письмо от С. А. Голубцова, дружеское по тону и витиеватое по форме, с пожеланиями и предположениями насчет наступающего года. С. А. — настоящий выходец из «святой церковной Руси», отразивший в себе ее консерватизм, смирение, благочестивый идеализм смиренного христианства; вся его теперешняя «тревога духа» — легкий и временный налет молодости, а в общем он очень, очень спокойная созерцательная натура с большим благородством и чувств и мыслей, но с малым запасом активной воли.

Вечером немного занялся «декабристами» (читал Семевского, ощущал огромность и трудную выполнимость поставленной задачи), закончил «Литер.» Котляревского (по-моему, он весьма односторонен в характеристике «сентиментального» умонастроения и судит о нем неглубоко).

Сегодня я шел и с грустью думал: «Прощай, моя юность!» И правда, я чувствую, что во мне произошел внутренний перелом: я стал духовно крепче, но утратил непосредственную свежесть молодого порыва. 27 лет!..

3.1.

Урок с Шурой прошел осмысленно и бодро. На полчаса успел заехать в Рум[янцевскую] чит[альную] и начать «Силуты» Айхенвальда (о Пушкине; несмотря на излишнюю цветистость изложения письмо А. заражает своим одушевлением). Оттуда — в Худ[ожественный] Театр на Пера-Гюнта. Много красивого и глубокого в постановке (тролли, горные пейзажи, смерть Озе, сцена с Сольвейг), но не чувствуется трагизма погибшей жизни; театр не захватывает, не покоряет — остаешься холодным, досадны купюры (особенно в конце), местами чувствуются недостатки драмы (ее «отвлеченность», преобладание идеи над образом).

Несколько встреч — с Дорой, с С. Шиповым и его женой (моя проклятая конфузливость!), с О. А. Целиковой (неприятные воспоминания о последнем общем собрании и о К.).

Пытался в Рум[янцевской] чит[альне] заняться декабристами — и ничего не вышло: одолело сонное состояние! Вернулся домой — за чтение Семевского — и нашел новогоднюю открытку от Люли и Гали с многозначительной картинкой («Мир» — в сентиментально-идиллическом изображении У. Струтта). Вы смеетесь, милые девочки, над моим пасифизмом? Он кажется вашим мужественным душам младенческой утопией? Но я представляю себе мирное будущее не в столь примитивных формах. Мы поговорим с вами об этом.

Наступили серые будни — я это чувствую, и это начинает меня тяготить.

4.1.

Уроки прошли сносно, особенно с Верочкой. С Шурой — лучше прежнего. Занятия не клеются, в читальне ошибкой убрали моих «декабристов», и пришлось все время употребить на чтение по литературе; дома успел прочесть 10 стр. Семевского — пришел Грачев, и мы с ним до второго часа побеседовали на политические и социальные темы. Чувствую, как притупились мои социальные интересы и как устал, далек от психологии общественной борьбы! Встреча с Максом Мих. Заком — в Рум[янцевской] чит[альне].

5.1.

Опоздал на уроки к Дуглас. (Я положительно злоупотребляю благодушием Елиз. Петровны). У Степановых пережил неприятное чувство стыда — при воспоминании о новогоднем вечере (мое поведение кажется теперь пошлым и глупым). Так же неприятна была мимолетная встреча с Нат. Мих. И снова ощутил чувство, когда-то мне незнакомое, — тяжелой холодной отчужденности от людей.

Вечером был Витя, поверял мне свои сомнения по поводу завещания.

6.I.

Урок с Николаем прошел бледно; моя лекция вышла тягучей и расплывчатой (не успел повторить конспекта). Чувство тяжелой горечи, тупого равнодушия — от соприкосновения со своими (в больнице); к матери начинаю чувствовать отращение; вспоминается прошлое... Такое же мрачное настроение навеяла беседа с Ал. Ник., ее откровенное признание безысходности и пикетной своей жизни. Одно за другим наслаиваются тяжелые впечатления... Скоро, вероятно, стану мизантропом, прерву все частные связи с людьми и поставлю себе за правило — сходиться с ними только на почве общественной работы. Это потребность, возникшая во мне еще в годы гимназии (в период бессодержательных сходбищ у Дилевских), поддерживается и неприветностью моей собственной жизни и тяжелыми впечатлениями от жизни других. Но, вероятно, ее основа заложена в моей психике.

7.I.

Уроки сносно. Получил от Адриановых гонорар и могу заткнуть самые крупные дыры — отдать маме и А. Н. за компату. С увлечением занимался биографиями декабристов. Но самым светлым впечатлением дня было неожиданное получение письма от Люли и Гали Филатьевых. Письма прелестны своей задушевностью, чистотой, непосредственностью. На меня повеяло ароматом расцветающей молодости, наивных и смутных порывов, девической нежностью. Это — одно из лучших писем, полученных мною в жизни.

Во мне — два человека: один тянется к людям, ищет их ласки, участия и привета; другой сторонится от них и самолюбиво сжимается в свою скорлупу.

8.I.

Уроки — неважно (тяжелая голова!). Рум[янцевская] чит[альня] — занятия декабристами (кончил биографии, возобновил воспоминания Волконского); просматривал архив Раевских и был разочарован: о Марии Николаевне почти ничего, весь том занят письмами Раевского-отца к сыну Николаю.

Вечер — у Л. Ал.; беседа с ней; сколько в ней старого интеллигентского ригоризма! Но за позой чувствуется мягкая женственность. Начал переписку своего педагогического доклада.

9.I.

Печальная годовщина! Прошлое кажется далеким, далеким... Уроки — бодро. Бодрое, здоровое, уверенное настроение. Не мог пересилить в себе желания не идти к Шиллинг; прямо с урока направился домой.

Декабристы увлекают. Время от времени всплывают личные мысли.

10.I.

Уроки — сносно. В читальне начал чтение «Записки» Завалишина; они увлекают своей жизненностью и богатством материала. Какие блестящие способности, какая неутомимая жажда знания! За них прощаешь автору его самодовольство и самоуверенность.

Вечером была Е. П. и поверяла мне свои планы о поступлении на бух[алтерские] курсы; говорили о детях, о Леле.

11.I.

Уроки — слабо! (не выспался, сонная тяжелая голова). После обеда мыкался по музеям (за диапозитивами). Дома — начал книгу Довн[ар]-Запольского о декабристах (и читается легко и быстро; написана систематично — в противоположность Семевскому — и спокойно). Готовился к уроку с Николаем (читал о Крылове).

В газетах сообщения о предстоящей частичной амнистии и неожиданное известие о новом младотурецком перевороте: Турция занимает воинственную позицию и во имя национальной государственной независимости рискует всем, собирает все силы, ее национальному порыву сочувствую, а хищнические инстинкты «освобождающихся славян» отталкивают меня.

12.I.

Уроки — плохо! Леля — чрезвычайно слаб! Получил предложение нового урока — с мальчиком Быковым (через Степановых). Мое материальное положение так запутанно, долги и безденежье так мучают меня, что я согласен на предложение. Решение вопроса зависит от условия приема, степени познаний и пр. Соглашаюсь с отчаянием — мои занятия сведутся к minimum'у; когда я стану писать свой

реферат?.. готовиться к экзаменам?.. посещать лекции?.. Мысли невеселые бродят в моей голове. Читал мало.

13.I.

День бодрого труда. Утром — беседа и урок с Николаем (я под воздействием на него расхолаживающе настаивал на грезвом, осторожном отношении к его намерению — держать экстерном за землед[ельческую] школу). Был в больнице — папа поправляется. Заболела Лина (осложнения на почве зуба). Присутствие Ахиллеса Григ. Вальтера наводит меня на неприятные подозрения. Вечером готовился к завтрашнему уроку на курсах — кажется, хорошо. Старался навеять бодрость на Ал. Никол.

14.I.

У Ляли и Елиз. Евг. — трагедия настоящая, глубокая. Ляля переживает, вероятно, страшный душевный кризис, который навсегда оставит печать на ее характере. На курсах — похоронное настроение, преподаватели убывают (уходит Ал. Козм.), О. А. оставляет место заведующей; среди учащихся — недовольство. Мое неприятное настроение усилилось досадными мелочами: учебник истории не доставлен, сетка волшебного фонаря оказалась испорченной; беседа была вялой и скудной по содержанию.

Наводил справки относительно Шуриногo экзамена — в VII гимназии, — говорил почти со всеми преподавателями; перспективы очень серьезные.

Занятия стали: успел прочесть всего 15 страниц из книги Д[овнар]-Запольского. Бодрости, больше бодрости!..

15.I.

Беседа с Лялей, с Липой и с Лизой, Ляля ушла от Лизы, ушла окончательно; беспросветная нужда, ожесточение, побои, душевно-больная атмосфера прогнали ее. Где она будет, как сложится ее жизнь — неизвестно...

Успел в читальню — заняться декабристами. Мемуары Завалишина увлекают: сколько энергии, широкой инициативы и цельности в его личности; какое богатство жизненных впечатлений!

Вечером 3 часа экзаменовал Гогу Быкова; его ответы обещают успешную подготовку. Пришел домой, обдумал условия личных занятий и решил отказаться от этого урока.

16.I.

Уроки, беседа. А. Е. Мензбир, чтение книги Довнар-Запольского. Опять безденежье...

17.I.

Уроки с Шурой, с Верой (слабые успехи). Недовольство собой — ремесленничеством уроков, непланомерностью жизни, отсутствием строгого расчета в денежных делах. Сонное чтение Завалишина в Рум[янцевской] чит[альне].

18.I.

Уроки. Нервная сцена с Шурой. Отчаяние. Предложение урока, отказ. Вечер у Пузановых. Милая Женя. Беседа с Викт. И.

19.I.

Уроки (с Ш. — как ни в чем не бывало). Подготовка к уроку с Николаем (о Грибоедове). Елисаветинская гимназия.

20.I.

Урок с Ник. (его отталкивающий практицизм), больница (папа выходит в четверг, надо достать денег). Неудавшаяся подготовка к курсовому уроку (пришел Грачев, и мы болтали — без большого толку).

21.I.

Уроки отняли у меня сегодня 9 часов! Болен, простудился, на курсах еле говорил. Серость моих учеников. Встреча с Ал. Козьм.

22.I.

Неожиданное посещение Большого театра (Садко).

23.I.

Вечер — пропал — у В. И. Доброгурской.

24.I.

Первые лекции Челпанова по введению в философию; интересно, одушевленно, хотя все знакомо. Как далек стал я от Университета. Чтение Завалишина в Унив[ерситетской] библиотек[е]. Корр[еспонденция] Ст. Вольского в «Р[усских] В[е]домостях». Мысли о себе (невеселые).

25.I.

Раздражение на уроках — неспособность учеников и учениц, сознание своей неподготовленности и бессилия.

Ощущение одеревенелости, чувство горечи и растущего скептицизма. Мне кажется, что я хороню мечты и планы своей юности, я вхожу навсегда, окончательно, в узкую колею однообразного серого существования.

Несимпатичные стороны декабризма — в записках Завалишина. Перевоз отца из больницы в квартиру. Отталкивающее впечатление — от матери (мое ожесточение); расходы, расходы...

26.I.

Уроки — одна печаль! (я превратился в небрежного ремесленника, и меня это мучает! Особенно — в занятиях с Шурой!). Лекция Виппера и лекция Челпанова. Чтение записок кн. Волконского и вечером — подготовка к уроку с Николаем.

27.I.

Урок с Николаем — я говорил слишком торопливо, некрасиво. У наших — перевязка папы, чувство примирения к матери (несмотря на ее выходки) и, вообще, повышение любовного чувства. Заходил В. Исакович. Разбирался в своих гимназических тетрадях — повеяло чистой струей юношеского идеализма, обаянием личности Сергея Григорьевича. Готовился к уроку на курсах.

28.I.

Я становлюсь небрежным по отношению к урокам: опоздание, отсутствие всякой подготовки... Мария Ивановна Андрианова дала мне это почувствовать — в раздраженном тоне своего замечания.

Неуверенность в преподавании французского языка, неподготовленность в естествознании, отсутствие программы в занятиях с Лелей, методической основы — в арифметических уроках с Верой, ее неуспехи; неуспехи Лели, слабая работоспособность Шуры; общее тупо-равнодушное отношение и даже раздражительность.

И ко всему этому — задолженность, безденежье, обремененность уроками, недостаток времени и сил для научной работы, духовное одиночество. Тяжело!..

29.I.

Безденежье. Печальный разговор с Ал. Н. (подавленный женский инстинкт).

30.I.

Лекция Виппера. Моя замороженность.

Лето 1913 года

[На Кубани]

29.V.

Сию на террасе Ливановской экономии и заночу свои первые впечатления от благодатного юга. Я — свободен, впереди — 3 месяца спокойного досуга, полное отсутствие обязательных уроков, южная природа и внешнее довольство. Я отдыхаю от Москвы, от ее беспокойной сутолоки, от мучительных забот и лихорадочного труда. Воздух — настоящий крымский воздух — полон весенних звуков; чувствуется пряный аромат цветущей маслины; на дороге слышен скрип проезжающих «дилижансов» (так называются здешние казачьи повозки) и гортанный малороссийский говор. Жарко, но томная лень еще не охватывает тела.

Я приехал вчера, в полдень. 2 суток мчался по железной дороге, заезжал в Ростов-на-Дону. Отправлялся из Москвы с щемящим чувством: сознание, что я свободен, не могло убить тревожных мыслей о безденежье, о долгах, о положении наших, равнодушно смотрел на московскую иллюминацию («Романовские торжества» и царский приезд) и с нетерпением ждал отхода поезда. В голове бродили недавние воспоминания о неудачах Нат. Мх. и Мх. Мх. Лина обрадовала своим приездом на вокзал и любовным вниманием: привезла мне в дорогу 2 апельсина. Поезд тронулся, и я свалился на лавочку, утомленный торопливыми сборами минувшего дня.

Первый день поездки провел свежо и бодро. В вагоне много учащейся молодежи, преимущественно кавказцев. Весенние взгляды красивых девушек, редкие остановки на станциях (поезд — скорый), в окнах вагона — мелькающие леса, которые постепенно сменяются однообразною широкою степью. Ночь наступила быстро

и рано: черная, звездная. В вагонах душно, тесно; в сознании витают эротические образы, утром повеяло настоящим югом. Мы подъезжаем к Новочеркасску; налево тихий Аксай с рыбацкими парусными лодками, направо — невысокие холмистые склоны, поросшие виноградом, цветущей акацией и поспевающими вишнями, проносятся бесконечные фруктовые сады.

Схожу в Ростове. Жарко! Делаешь несколько шагов — и покрываешься потом. У меня новая забота: деньги — все, останется полтинник, хватит ли до конца поездки? Ищу товарища Мих. Павл. Никитина (он местный учитель гимназии), не застаю его дома и отправляюсь осматривать город.

Прямые широкие улицы с красивыми (в шаблонном смысле), прочно построенными зданиями. Масса больших хороших магазинов; бесконечное число банков и сельскохозяйственных складов; около биржи и Филипповского кафе — целая толпа; город оживлен несмотря на полдень, на жару, на заминку в делах (Балканская война). Чувствуется активный тон большого торгово-промышленного центра, который растет гигантскими шагами: это — дитя молодого русского капитализма, овладевшего черноморским югом. Ростов непохож на провинциальные города средней России: мелко-мещанского, спокойного, уютно-домашнего в нем мало (хотя в аллеях Городского сада, под звуки репетирующего симфонического оркестра, я почувствовал и эту нотку); преобладает широкий размах буржуазной инициативы. Отчасти эта черта легла и на психику местных учителей (насколько я мог судить по беглым впечатлениям у Мих. Павл.). Мих. Павл. Никитин, когда-то наивный студент, идеалист, поэт и мистик, заметно переменился: печать казенщины, профессиональной ограниченности сквозит в его фигуре и разговорах. Он принял меня очень гостеприимно, угостил обедом и чаем (очень кстати!), читал свои красивые, образные, искренние стихи, делился педагогическими впечатлениями. Мы расстались очень тепло.

С большим трудом я достал место в жел. дор. вагоне, ночью почти не спал, чувствовал себя утомленным и злым. Пропала радость сменяющихся впечатлений. Наутро я без всякого воодушевления смотрел на широкую ленту Кубани, на красивые казачьи станицы, на волнистую гряду далеких Кавказских гор.

Обрадовался, когда приехал, наконец, в Крымскую и пара красивых лошадей покатила наш легкий и спокойный экипаж по проселку. От станции до имения 11 верст полями и немного — станицей. Кругом — все удивительно сочно и зелено, чувствуется богатство природы и сравнительная обеспеченность казаков. Сенокос — в полном разгаре (в конце мая!); пышный ячмень и пшеница — в полном цвету. Крепкие сытые кони везут длинные «дилижансы»; мелькают загорелые мужественные лица, рослые фигуры — веет здоровьем и силой.

Мы подъезжаем к Ливановской экономии князей Меликовых. Хорошенький беленький домик в один этаж тонет в тени волошских орехов, белых акаций и туй. через садовую решетку виднеются цветущие розы. С Мишей мы встретились очень тепло. Он загорел, несколько погрубел и стал похож на казака (внешностью и обращением). После обеда отправились осматривать экономию: повсюду — порядок, чистота и следы довольства. Мы прошли по дубовой роще, тенистой и густой, по сочным и пышным полям, по лугу и бахче. Смотрели в бинокль на нефтяные вышки (в 5 в. от экономии — промыслы), осматривали домашние службы. Для меня — все ново и интересно.

Одно мне не нравится: перемена в Мише (его хозяйский тон и грубость в разговоре, которые так непохожи на его прежнюю душевную скромность и простоту!) и некоторые черты в его отношении к своим патронам; да еще тревожат отношения с арендатором.

Но в общем здесь удивительно хорошо — спокойно, обеспеченно и, главное, — красивая своеобразная природа. Несколько дней абсолютного отдыха, а там — спокойные неторопливые занятия вперемежку с прогулками и поездками по окрестностям. Какой контраст с зимними месяцами — с нервной взвинченностью и нарастающим чувством отчаяния, которые я испытывал так недавно.

Я хотел бы благословить жизнь во всех ее формах, во всех проявлениях — такое у меня сейчас состояние, но и знаю, сколько в основе этого личного довольства лежит массового человеческого горя, какой скрытой ценой покупаю я свой опыт. И это — всегда и всюду — при современных общественных условиях. *Censeo tandem* ².

После обеда ездили с конторщиком Ник. Дмитриевичем на нефтяные промыслы, в 4 верстах от Левановской экономии. Наш кабриолет вез нас дубовой рошей и полями, засеянными табаком, кукурузой, «маслянкой» (особый вид подсолнечника), хлебными злаками. Местность холмистая. Вдали — гористые склоны, покрытые виноградниками. Вблизи — от промыслов воздух насыщен запахом бензина и нефти, на вершине холмов поднимается 8 буровых вышек. Промыслы возникли совсем недавно — 3 года тому назад; после произведенных изысканий нахлынули иностранцы, образовались крупные акционерные компании, началась спекуляция. В дело вложили миллионы, но до последнего времени добыча нефти была ничтожна. Строятся баки, нефтепровод, электрич. станция, чувствуется движение, жизнь. И все кругом — поля с фигурами мужчин и женщин, занятых посадкою и полкою табаку, луга, на которых ворошат и складывают копны свежего сена, дорога, на которой непрерывно двигаются нагруженные дилижансы, — все обвеяно активной, деятельной силой; все непохоже на нашу ленивую, сонную Русь, и кажется, что находишься не в России, а на культурном Западе, в долине Сены или По.

Вечером мы совершили прогулку по лесу, густому и тенистому, днем чуть-чуть притронулся к Ланглуа-Сеньобосу и Достоевскому, совсем не занят, тянет к книге. С интересом проглядел книжку об открытии казачеством памятника пионерам Кубани — бывшим запорожцам; книга интересна как отражение мыслей и чувств современного кубанского казачества: пагриотический монархизм причудливо сочетается в них с традициями казацкой вольности. Надоедает только наивно-официозный пафос автора (войскового старшины).

30.V.

Утром я, Н. Д. и Миша ездили на промыслы. Осматривали (поверхностно) вышки, процесс «тартанья», перелив нефти. Познакомились с управляющим Дабель, холодным и методичным англичанином. По дороге заехали на виноградники; часть кустов продолжает цвести чуть-чуть заметными беленькими цветами; между кустами встречаются персиковые деревья. С вершины Кудака любовался видом на расстилающееся плато.

После обеда читал Достоевского, весь вечер писал письма (Андреановой, Ел. Петр., Никол., своим).

31.V.

Ненастный день: ветер и дождь. Сидел в комнатах, читал Достоевского («Бесы»). После вечернего чая гулял в лесу, следил за работами на экономич[еском] дворе и огороде (картина постепенного замирания трудового дня; наблюдения над животными), любовался закатом солнца и тихим ясным вечером. Но это не совсем то, что у нас, в ср[едней] России: нет отпечатка грусти в засыпающей природе. Вечером читал газеты и вновь — Достоевского.

Примечания

1. Смирнов Сергей Григорьевич — любимый педагог учащихся 5-й мужской гимназии; преподавал литературу.
2. *Лит.* Однако высказываю свое мнение.

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах

Изучению истории правого движения, правых партий и организаций уделяется пока сравнительно небольшое внимание¹. Особенно не повезло заключительному этапу их существования — периоду первой мировой войны и Февральской революции. В значительной мере это можно объяснить ограниченной источниковой базой. Публикации документов о них единичны².

Что же представляли собой правые в рассматриваемое время? В начале войны действовало несколько правых партий и организаций: Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН), Союз русского народа — обновленческий (Н. Е. Маркова 2-го), Русский народный союз имени Михаила архангела (В. М. Пуришкевича). Кроме того несколько городских или региональных организаций претендовали на более заметную роль: Астраханский народный монархический союз (Н. Н. Тихановича-Савицкого); Одесский Союз русских людей (Н. Н. Родзевича) с отделами в Кривом Роге, Аккермане Херсонской губ., Кагуле Бессарабский губ., селах прилегающих губерний; «Патриотическая организация молодежи» в Киеве «Двуглавый орел» (Д. Е. Куделенко и др.), имевшая отделения в Екатеринославе и некоторых других местах; Русский монархический союз в Москве (С. А. Кельцев). В годы войны добавился еще Отечественный патриотический союз, созданный В. Г. Орловым в Москве летом 1915 г. и через год с небольшим имевший уже отделения в Петрограде, Витебске, Саратове, Харькове, Нижнем Новгороде, Серпухове, Александрове, Астрахани, Самаре, Рязани и создавший отделы на Николаевской и Северных железных дорогах, в Курских железнодорожных мастерских. Публикуемые документы касаются прежде всего деятельности названных организаций и их местных отделений, а также их лидеров.

До войны к правым относился и Национальный союз, представители которого — В. А. Бобринский, В. В. Шульгин — создали в Думе в 1915 г. фракцию Прогрессивных националистов и как бы обособились; подписание ими декларации Прогрессивного блока вызвало резкие нападки со стороны бывших единомышленников.

К своеобразным правым организациям относят Русское собрание и его отделения на местах, действовавшие в 1905—1913 гг. заодно с СРН. Однако в годы войны и статус и деятельность Русского собрания изменились. Еще 26 января 1914 г. общее собрание Русского собрания исключило из своего устава пункт «ж» ст. 3 и тем самым вернулось «на прежний путь спокойной академической работы». Русское собрание «отказалось впредь участвовать в жизни политических партий и возвратилось к своему первоначальному уставу»³.

Сторонников всех этих организаций обычно называли правыми, реже — консерваторами, «союзниками». Сами они в своей среде выделяли «крайне правых» (этим определением пользовался Н. Е. Марков). К числу последних относились дубровинцы, стремившиеся вернуться к государственному устройству, существовавшему до Манифеста 17 октября 1905 года. К числу «крайне правых» (или «неумеренно

правых», по определению начальника Петроградской охраны К. И. Глобачева) относились, кроме Дубровина, К. Н. Пасхалов, Н. А. Маклаков, Н. Н. Тиханович-Савицкий, Н. П. Тихменев, Н. Н. Родзевич, С. А. Кельцев и пр. Другое крыло составляли «умеренно правые», в разной степени, но признававшие новое государственное устройство, в котором определенное место отводилось Государственной думе, ограничившей в какой-то мере самодержавную власть царя.

Иногда «крайне правые» (напр., Пасхалов) называли себя черносотенцами, понимая под этим защитников царя и самодержавных государственных устоев, а не погромщиков, как это делала либеральная и радикальная печать.

На начальном этапе (в 1906—1909 гг.) правые организации, нередко действовавшие самостоятельно и выступавшие под самыми различными названиями, довольно часто и регулярно собирались на «съезды русских людей», принимая общие для всех решения. Однако делать это им удавалось все реже. В годы войны подобные встречи не поощрялись правительством. Исключение последовало лишь в ноябре 1915 г., когда в определенной мере по инициативе правительства (Департамента полиции) были проведены одно за другим всероссийские совещания (съезды) в Петрограде и Нижнем Новгороде. При этом Союз Михаила архангела не направлял на эти совещания своих представителей, а Орлова как представителя Отечественно-патриотического союза, устав которого содержал отклонение от принципов правых организаций, на совещание в Нижнем Новгороде не допустили.

В конце 1916 — начале 1917 г. предпринимались попытки провести очередной съезд, но, несмотря на полученное в конечном счете разрешение, собрать его до февральских событий 1917 г. не успели. В начале же марта правые организации официально были запрещены и юридически прекратили свое существование. Отвечая на вопрос Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о существовании Союза после Февраля 1917 г., Марков говорил: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, — в том числе и я, пока не арестован, — мы скрываемся»; «я беглец, скрывающийся от нападения врагов»⁴.

Учитывая указанные моменты — наличие нескольких центральных и ряда самостоятельных региональных организаций, различие во взглядах по некоторым вопросам, несогласованность действий, определенную позицию правительства, ограничивавшую в годы войны совместные действия правых организаций (в интересах «национального единения»), говорить о правом движении в период войны можно, видимо, лишь в той или иной мере условно. Тем не менее деятельность правых организаций, центральных и местных, а также некоторых правых политиков была заметна. Московский отдел кадетской партии провел в ноябре 1915 г. специальное заседание, посвященное вопросу о борьбе с «правой опасностью» (полицейское донесение об этом заседании ниже публикуется). О деятельности правых можно судить по печати, но прежде всего она была отражена в документах, значительная часть которых до последнего времени находилась на «специальном хранении».

В материалах ЧСК Временного правительства содержится своеобразный перечень важнейших «предосудительных» направлений деятельности правых организаций за все время их существования. Они таковы: боевые дружины, «правая печать и жалобы», погромы, «организация убийств», отношение «к правительству вообще», отношение к Основным законам, взаимоотношения с Департаментом полиции, «разбор Департаментом полиции споров союзников», ходатайства о пособиях и субсидиях. Применительно к рассматриваемому периоду некоторые из перечисленных вопросов не имели уже практического значения (погромы, организация убийств, боевые дружины), другие же оставались и приобрели даже особую остроту. К их числу принадлежат отношение к Основным законам, к правительству, взаимоотношения правых с Департаментом полиции и участие последнего в «разборе» споров между ними, использование субсидий МВД, а также действия, направленные на предотвращение переворота.

Публикуемые документы дают представление о практической работе правых организаций, центральных и местных, их активистов, и об определенном разном и эволюции взглядов по крайней мере среди части правых. Вырисовываются взаимоотношения правых деятелей и правых организаций между собой, а также с царем, правительством и местными властями. В документах отразились их отношение к войне и миру, к монархии Вильгельма II и парламентарной Англии, к попыткам изменения Основных законов в пользу расширения прав Государственной думы и ограничения самодержавной власти царя, к аграрному вопросу, помещичьему

землевладению, к «немецкому засилью» и ликвидации немецкого землевладения в России, к ликвидации черты еврейской оседлости и «польскому вопросу»; к нехватке предметов первой необходимости, дороговизне и спекуляции, к массовым социальным протестам — стачкам, демонстрациям, продовольственным беспорядкам; представления правых о будущем России и способах предотвращения революции.

В числе публикуемых документов донесения начальников ГЖУ за первую половину 1916 г., вызванные циркулярным запросом Департамента полиции⁵. Циркуляр был разослан в 1915 г., после ноябрьских совещаний правых в Петрограде и Нижнем Новгороде, с целью собрать сведения о правых организациях на местах и оценить их реальную способность к отпору (в случае необходимости) революционным выступлениям.

Из имеющейся литературы и публикаций мало что было известно о заседаниях руководящих органов правых партий и тем более о собраниях их местных организаций. Данная публикация делает шаг к преодолению этого пробела. Приводимые ниже документы дают материал для понимания причин кризиса правого движения, приведшего правые организации в Феврале 1917 года в состояние коллапса. Становится очевидным резкое сужение их деятельности уже после начала войны. Численность многих, ранее крупных, губернских организаций не превышала в 1916 г. несколько тысяч человек, а в ряде случаев и того менее, тогда как в 1907 г. их состав определялся по стране в 200—400 тыс. человек.

Сами правые объясняли это свое ослабление многими причинами: мобилизацией активистов в армию, нехваткой интеллигентных сил, отсутствием средств, переключением в новых условиях обычных пожертвований — на военные нужды, курсом власти на «национальное единение», ограничениями, вытекавшими из условий военного положения, разногласиями в их собственных рядах, нарастанием оппозиционности в среде «простого» (прежде всего городского) населения из-за продовольственных, вообще хозяйственных трудностей, уступками правительства либеральному «общественному мнению», давлением союзников, ликвидацией «черты еврейской оседлости» и пр.

В конечном счете правые организации на местах представляли собой в 1916 г. эфемерные, малозначащие объединения и не являлись серьезной политической силой. Некоторые лидеры правых отдавали себе в этом отчет, но полагали, что в случае «революционного взрыва» народ стихийно выступит на защиту царя, самодержавного строя. Однако сколько-нибудь ясного представления о грозившей ему опасности у правых не было. Как признавал Марков, «революции я не мог предвидеть и не предвидел»⁶. Приводимые ниже материалы дают на этот счет немало свидетельств самого различного характера.

Публикуемые документы хранятся в фондах Департамента полиции (ф. 102): «Перлюстрация. 1914 (1915, 1916, 1917 гг.)» (оп. 265), «Особый отдел», «4-е делопроизводство»; в фонде Дворцового коменданта (ф. 97), а также в фондах: «Всероссийский Дубровинский Союз русского народа» (ф. 116), «Русский народный Союз им. Михаила Архангела» (ф. 117), «Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства» (ф. 1467) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Документы являются в большинстве подлинниками (исключения составляют перлюстрированные письма) и воспроизводятся, как правило, полностью. В немногочисленных (отмеченных отточием) случаях сделаны пропуски в тексте, объясняемые отклонением от основной темы. Документы расположены в хронологическом порядке, датируются по старому стилю. Публикация подготовлена Ю. И. КИРЬЯНОВЫМ.

Примечания

1. ОСТРОВЦОВ А. Последние могикане старого строя. М. 1925; СПИРИН Л. М. Россия: 1917 год. М. 1987; АВРЕХ А. Я. Царизм накануне свержения. М. 1989; СТЕПАНОВ С. А. Черная сотня в России: 1905—1914 гг. М. 1992; ГАНЕЛИН Р. Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России. В кн.: Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб. 1992; НАРСКИЙ И. В. «Революционеры справа»: Черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. Екатеринбург. 1994.

Кирьянов Юрий Ильич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН.

---

2. Союз русского народа. М.-Л. 1929; Источник, 1995, № 6.
3. Отчет по Русскому собранию за 1914. Пг. 1915, с. 1.
4. Падение царского режима. Т. 6. М.-Л. 1926, с. 195.
5. Текст циркуляра см.: Отечественные архивы, 1995, № 6, с. 53—54.
6. Падение царского режима. Т. 6, с. 183, 196.

№ 1. Главный совет ВДСРН (Петроград) — Председателю Троицкого отдела ВДСРН Е. Н. Швецову (с. Никольское Воронежской губ.)¹

Август 1914 г.

Согласно Священной Воле Его Величества Государя Императора выход на отруба предоставлен выбору и свободному желанию сельских жителей и в этом деле не должно быть принуждения со стороны земских начальников, жаловаться на которых следует местному губернатору и главноуправляющему земледелием и землеустройством. Вы, как видно, согласились выделиться на отруба, а потому и должны подчиняться установленным на этот предмет правилам; в случае же неудовольствия, следует жаловаться в срок в землеустроительные комиссии и затем в Правительствующий Сенат.

Оказать Вам содействие в данном случае, за неимением официальных доказательств неправильных действий администрации и землеустроительных комиссий, нет никаких оснований.

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 114, л. 25.

1. Ответ на запрос, направленный в ВДСРН в 1913 году.

№ 2. Протоиерей И. И. Восторгов¹ (Москва) — В. М. Пуришкевичу² (Варшава, Красный Крест)

11 октября 1914 г.

Достоуважаемый Владимир Митрофанович. Пересылаю вам письмо о Захарова³. У вас есть связи в Министерстве. Может быть, найдете возможным ему помочь. Я бессилен. Все мои связи с правящими сферами теперь прекратились. Желаю вам успеха.

[Приложение: письмо Захарова]

Глубокоуважаемый о. протоиерей Иоанн Иоаннович.

Пожертвовали нам хорошие люди 2000 руб., главным образом, как говорится в завещании, на сахарную типографию. Приобрести типографию за эти деньги мы, сахарники, т. е. правые, не могли. В это же время «Сусанин» нуждался в деньгах. В ожидании помощи свыше мы эти 2000 израсходовали. Нашлись сахарники, которые об этом ведут толки и, конечно, виновником считают меня. И мне грозит крупная неприятность.

Расход этот необходимо возможно скорее пополнить. На месте нет для этого источников, а идти в арестантские роты неохота. Владимир Митрофанович Пуришкевич писал мне раньше, обещал помощь, и на нее мы рассчитываем. Прошу вас о содействии возможном в благополучной ликвидации этого неприятного дела. Дело идет о спасении протоиерейской шкуры. Умоляю вас, помогите, и чем скорее, тем лучше. Враги мои не дремлют. О недоброжелательности ко мне в этом деле [осведомлен] даже со стороны таких лиц, как еп. Никон и ключарь о. Н. Смиренский, особенно последнего: он много об этом говорит открыто и, видимо, с целью натравить кого-нибудь поднять это дело. На вас, Владимир Митрофанович, надежда. Спасите от беды.

ГАРФ, ф. 102, 9-е д-во, 1914 г., оп. 15, д. 20, ч. 46, лит. Б, ч. 2, л. 20.

1. *И. И. Восторгов (1864—1918) — протоиерей, миссионер, литератор, настоятель Покровского собора в Москве; один из основателей Союза русского народа; в 1907—1911 гг. председатель Русской монархической партии, в 1911—1913 гг. председатель Русского монархического союза, входил в состав руководства Союза Михаила архангела. Вел пропаганду среди рабочих. В 1915 г. избран членом Государственного совета (в епархии), но не был утвержден Синодом. Расстрелян ЧК.*
2. *В. М. Пуришкевич (1870—1920) — бессарабский помещик, литератор, член Государственной*

думы. Член Совета Русского собрания, один из основателей СРН (1905 г.). В 1908 г., выйдя со своими сторонниками из СРН, создал Русский народный союз имени Михаила архангела. По вопросу об отношении к Англии, о проведении съездов правых во время войны и др. занимал среди правых особую позицию. После Октября 1917 г. создал на юге Всероссийскую народно-государственную партию. Умер в Новороссийске от тифа.

3. В. Захаров — протоиерей Благовещенской церкви в Красноярске, председатель местного отдела СРН; издавал газету «Сусанин». В конце 1914 — начале 1915 г. переведен в Алатырь Симбирской губернии (ГАРФ, 9-е д-во, 1914 г. оп. 15, д. 20, ч. 46, лит. Б, ч. 2, л. 76).

№ 3. Председатель совета Донского СРН Л. Елифанов — Главному совету Всероссийского Дубровинского СРН

25 ноября 1914 г.

Совет Донского СРН, заслушав в заседании своем 5 ноября сего 1914 г. воззвание Главного совета, напечатанное в № 241 газеты «Русское знамя» за текущий год, призывающее союзников к пожертвованиям как единовременным, так и постоянным для устройства Всероссийским Союзом русского народа какого-либо учреждения на пользу нашего доблестного храброго и победоносного войска, постановил: а) пожертвовать из союзных сумм 40 рублей и б) предложить союзникам лист для записи посильных пожертвований, как единовременных, так и постоянных — ежемесячных, впредь до окончания военных действий. Пожертвований первого рода — единовременных — оказалось 32 руб., что вместе с 40 руб. составит 72 рубля. Деньги эти одновременно с сим переводятся по почте в Главный совет. Ежемесячных пожертвований обещано на сумму 28 рублей. Деньги эти, по сборе их, будут ежемесячно, именно, в 20-х числах каждого месяца, начиная с декабря сего года, высылаются в Главный совет, что будет продолжаться до тех пор, пока не окончится настоящая война.

При этом членами Совета высказано было пожелание, чтобы пожертвования эти, как сделанные главным образом лицами казачьего происхождения, были употреблены на оказание помощи и пострадавшим на войне казакам, как блестяще оправдавшим давно сложившуюся о них былую славу о неустрашимых, беззаветно храбрых, поразительно находчивых, верных сынов доброго Отечества.

Кстати, следует сказать, что Совет Донского СРН очень скоро после объявления нам немцами войны, нашел нужным предложить войсковому начальству весь верхний этаж своего дома в бесплатное пользование для устройства в нем лазарета для раненых и больных воинов и сверх того единовременно пожертвовал в пользу раненых 100 рублей. С 17 ноября войсковое начальство открыло в Союзном доме врачебный пункт для освидетельствования раненых и больных воинов...

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 122, л. 47 49.

№ 4. Н. И. Еремченко-Полтавец¹ (Петроград) — И. И. Восторгову (Москва)

25 ноября 1914 г.

Верилось и господину Дубровину. И только теперь со стороны видишь, кому, или, вернее, чему, служил эти тяжкие пять лет. Я еще скажу, что не только больно и обидно, что кум мой А. И. Дубровин² перед зимой выпшвырнул без предупреждения, без малейшей вины с моей стороны, а «за сокращением расходов», как он объяснил читателям и сотрудникам, — не это обидно, а то, что лишь теперь видишь, сколько наживали на моей шее и орудием каких «финансовых» афер «доблестного вождя» явилось мое «волшебное перо», по его выражению. «Идейность», «бескорыстие», «принципиальность» и прочие милые слова дали ему имену в триста тысяч, состоящее ныне на иждивении Главного управления землеустройства (6000 р. в год) и выгодную ликвидацию петроградской недвижимости. Теперь я натурально ему не нужен. А я-то, идиот, был глубоко убежден, что служу идее. Да разве я один... «Непримиримость» позиции дубровинской газеты³ совершенно изолировала меня, и, выйдя из редакции с портфелем под мышкой, без гроша в кармане, я очутился будто на необитаемом острове. Помогли не друзья-дубровинцы — стадо паразитов при госпоже Полудубровиной⁴, а «враги». Благодаря этим врагам я кое-как выкрутился, спасибо им. И — удивительная вещь! — благодаря этим «врагам», которых мне, незнакомому с ними и многих в глаза не выдавшему никогда, г. Дубровин аттестовал как зловреднейших врагов веры, царя и родины, благодаря им русское дело, хотя и тихо, да двигалось и двигается, причем сам г. Дубровин и его достойная сподвижница как раз и являются теми якорями, которые парализуют всякую

плодотворную работу на ниве русского дела, не делая ничего сами и не давая делать другим. И это не слова личной обиды, а выводы пятилетней совместной работы, базированные на фактах.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1000, л. 1945.

1. *Н. И. Еремченко (Полтавец) — публицист. В 1912—1914 гг. редактор газеты Дубровина и Е. А. Полубояриновой «Русское знамя».*
2. *А. И. Дубровин (1855—1921) — врач; основатель (1905 г.) и председатель СРН. В конце 1911 г. в связи с избранием председателем Союза Маркова 2-го вышел со своими сторонниками из этого Союза и создал свой СРН — дубровинский. Сторонник неограниченного самодержавия (в форме, существовавшей до 1905 г.). В советское время работал врачом в Лефортовской тюрьме. Дважды приговаривался к расстрелу.*
3. *Речь идет о газете «Русское знамя».*
4. *Имеется в виду сподвижница Дубровина по СРН и по газете Полубояринова, издательница и владелица типографии, материально поддерживавшая Союз и газету.*

№ 5. Проф. С. Груздев (Одесса) — попечителю Петроградского учебного округа Н. К. Кульчицкому¹

12 декабря 1914 г.

Установившиеся у нас в Новороссийском университете режим и дух, говоря откровенно, не очень можно похвалить. Избрание Кишенского в ректоры голосами левых повлекло за собою в виде несомненного результата разложение и распадение правой группы профессоров, наименее стойкая часть которой повернулась, в чаянии великих и богатых милостей от Кишенского, влево, а оставшиеся очутились в меньшинстве. Отсюда ряд следствий очень нежелательных.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1001, л. 2047.

1. *Н. К. Кульчицкий (1856—1925) — доктор медицины, сенатор. В 1912—1914 гг. попечитель Казанского учебного округа, с 1914 г. — Петроградского; с 28 декабря 1916 г. — министр народного просвещения. Умер в эмиграции.*

№ 6. Председатель Екатеринодарского отдела ВДСРН М. Н. Селенкин — Главному совету ВДСРН

24 декабря 1914 г.

Вследствие малого числа членов и неимения сотрудников исполнение одним лицом (председателем) всех обязанностей по отделу, вплоть до рассыльного, сильно отозвалось на состоянии его здоровья. Заменить его нет желающих. А потому постановлениями 16 и 23 ноября за №№ 5 и 6 Екатеринодарский отдел с 1 января 1915 г. прекращает свое существование. Оставшиеся суммы отдела, 73 руб., отправлены Армавирскому отделу на поддержание содержимой им школы. Испрашивается указание Главного совета: как поступить с печатью, денежными книгами и постановлениями отдела.

Лица, желающие оставаться членами Союза, записываются в Армавирский отдел, которому предложено принять на себя обязанности областного отдела, по руководству другими отделами области.

Председатель Селенкин
Секретарь П. Селенкина
Казначей Н. Синчило¹

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 271, л. 34.

1. *М. Н. Селенкин — председатель отдела, отставной полковник; П. Е. Селенкина — его жена; Н. М. Синчило — жена подъесаула.*

№ 7. Телеграмма В. М. Пуришкевича великобританскому послу [Дж. Бьюкенену]

Конец 1914 г.

Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый посол. Находясь на фронте, только сегодня узнал о дерзком и бесконечно антипатриотическом поступке, который позволили себе желтые рептильные газеты¹, считающие себя правыми, в отношении великого и доблестного союзника нашего, вашей родины — Англии.

Позвольте мне, представителю одной из могущественнейших демократическо-монархических организаций империи, Русского народного союза им. Михаила Архангела, имеющего свои отделы во всех углах Европейской и Азиатской России,

выразить в лице вашем глубокое восхваление Англии, нашему доблестному союзнику, жертвы коей на алтарь общего дела будут оценены рядом русских грядущих поколений.

Только слепец, не понимающий государственных задач России, может, облекшись в тогу патриота, выступать сейчас, в дни ниспосланных нам Всевышним испытаний, с дерзновенными речами против того народа, который, давая несравненный пример непреклонного упорства боевой воли в тесном единении с нами, добьется светлых дней общей победы над гуннами 20-го века.

Председатель Русского народного союза имени Михаила Архангела, член Государственной думы Владимир Пуришкевич.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1914 г., д. 244, л. 145.

1. Подразумевается прежде всего публикация П. Ф. Булацелем в «Российском гражданине» статьи, в которой он (один из известных правых деятелей, издатель этого органа) выступил «в защиту» Вильгельма II, который, по его мнению, не нес ответственности за злодеяния немецкой армии. Булацель стремился тем самым оградить «представителя монархического начала» в Западной Европе от нападок «английского общества». Главная палата Союза Михаила архангела исключила Булацеля из Союза.

№ 8. С. Л. Облеухова¹ (Петроград) — В. М. Пуришкевичу (Варшава)

9 января 1915 г.

Здесь немецкая партия работает во всю. Говорят, что принц Гессенский² ведет сильнейшую агитацию в Германии в пользу скорейшего заключения мира. Здесь в сферах его поддерживают. Передают, что Сабуров³ подал Государю докладную записку, где доказывает пользу немедленного мира, ибо, воюя с Германией, единственным в Европе крупным монархическим государством, мы разрушаем идею монархизма. Приходят солдатские письма, где они пишут родным, что со дня на день ждут объявления о мире. Вообще на дух ратнических команд офицеры жалуются. Далеко им до тех кадровых молодцов, которые полегли уже на поле брани.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1042, л. 141.

1. С. Л. Облеухова — редактор «Вестника Русского собрания», член РНС им. Михаила архангела, в годы войны — член Главной палаты Союза; жена Н. Д. Облеухова, товарища председателя Главной палаты.
2. Эрнст-Людвиг Гессен-Дармштадтский — старший брат императрицы Александры Федоровны.
3. Имеется в виду, вероятно, А. А. Сабуров — член Государственного совета, председатель его 1-го департамента.

№ 9. В. С. Глинка-Янчевская (Петроград) — А. С. Шмакову¹ (Москва)

20 января 1915 г.

Муж мой² получил повестку из суда по делу с «Речью» о получении ею 250 000 р. из Финляндии, а посему поручил мне очень просить вас, если возможно, приехать, чтобы лично принять участие в деле. Необходимо возможно помпезнее обставить заседание, назначенное на 16 февраля³. Очень уж заносчивы стали кадеты, вообразив, что правительство заигрывает с ними. По-видимому, в таком именно смысле они поняли и назначение графа Игнатьева⁴, и усиление центра Гос. совета назначением в действительные члены трех товарищей министра финансов, забастовщицки вышедших в отставку в день ухода Коковцова⁵, да и многое другое, откровенно говоря, наводящее на мысль, что в виду созыва Гос. думы начинают ублажать оппозицию. Как бы там ни было, но теперь весьма своевременно отпустить щелчок по носу уже по одному тому, что чересчур наглы стали их наскоки на правых.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1011, л. 164.

1. А. С. Шмаков (ум. 1916 г.) — присяжный поверенный Московской судебной палаты, домовладелец, член городской думы. В 1912 г. издал книгу «Международное тайное правительство», созвучную ранее изданным «Протоколам сионских мудрецов» Г. В. Бутми и С. А. Нилуса. В 1913 г. вместе с Г. Г. Замысловским выступал истцом по делу М. Т. Бейлиса.
2. С. К. Глинка-Янчевский — редактор «Земщины» (1909—1917 гг.), основного органа марковского (обновленческого) СРН. Газета была близка Союзу Михаила архангела Пуришкевича и Совету объединенного дворянства.
3. Дело, продолжавшееся с 1910 г., закончилось оправданием редактора «Земщины».

4. П. Н. Игнатьев (1870—1926) — с 8 января 1915 г. по 27 декабря 1916 г. — министр народного просвещения.
5. В. Н. Коковцов был удален с постов председателя Совета министров и министра финансов царским указом от 30 января 1914 года.

№ 10. В. С. Глинка-Янчевская (Петроград) — А. С. Стеткевичу (Киев)

22 января 1915 г.

Наш правящий класс, исковерканный образованием, воистину стал каким-то интернациональным интеллигентом. Полная атрофия национального чувства, какая-то тупость, словно люди перестали понимать или больше не умеют понимать, и способны только повторять то, на чем их натаскало «Новое время», а дальше ни-ни. Относительно сепаратного мира с Австрией. Ведь надо совсем не усваивать себе политического положения Австрии, связанной по рукам и ногам Германией, чтобы говорить о возможности такой комбинации. Австрия не может сейчас пойти на мирные переговоры с Россией, ибо Россия может ей предложить только унижительный мир, который ей все равно принять невозможно. Этого Германия и держится, а отчасти и сам народ понимает, что сепаратный мир — собственное хакари. Австрийцы будут грызться с немцами, будут подгоняемы револьверами в бой, а на сепаратный мир не пойдут. Но что творится во Франции. Вот уж прогнила-то насквозь. Не лучше и в Англии, где в лорд-канцлеры проводится сейчас жид Аизекс. И вот, во имя ряда политических ошибок, мы ныне уничтожаем немцев, дабы собственной шкурой поддержать существование обветшалых наших союзников. Конечно, раз у нас война, то немцев победить необходимо, но хотя бы догадались ослабить подлую Англию. Но нет, ей расчищают дорогу взобраться на шею России, дабы она верховодила нами, как немцу в голову не приходило. Немец хоть не совался в наши внутренние дела, а Грей¹ уже хвастает, что он принудит Россию дать жидам равноправие во имя культурных начал.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1011, л. 176.

1. Э. Грей (1862—1933) — министр иностранных дел Великобритании в 1908—1916 годах.

№ 11. Из справки Департамента полиции о С. А. Кельцеве¹

17 марта 1915 г.

...Известный в Москве «правый» деятель ст. сов. Кельцев решил использовать идею организации «Армии спасения» как средство борьбы с революцией... к этому делу им составлялась соответствующая «Записка»; в той же редакции газ. «Голос Москвы» циркулировали слухи о якобы получении Кельцевым денежной субсидии на организацию затеянной им «Армии спасения» и что полученные деньги им присвоены себе. Член Совета «Монархической партии» в Москве Евгения Крылова в январе 1915 г. характеризовала Кельцева, избранного в августе 1914 г. председателем этой партии, как и большого и убежденного ратоборца монархизма и человека высокой честности.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 244, т. 2, л. 71об.

1. С. А. Кельцев (1856 — после 1917 г.) — литератор. В 1881 г. член Священной дружины. С 1913 г. — председатель Совета Главного правления Русского монархического союза (в Москве) и Кремлевского отдела СРН. В качестве руководителя РМС сменил В. В. Томили-на — ставленника Восторгова, который до Томили-на возглавлял этот Союз. Кельцев обвинял Восторгова в «сокрытии документов делопроизводства, отчетности и архива Союза», «очевидном присвоении принадлежащих Союзу денежных сумм». Издатель монархического журнала «Кореник» (Москва). На совещании в ноябре 1915 г. в Петрограде монархисты и правые избрали его секретарем Главного совета съездов монархических организаций.

№ 12. Телеграмма В. Ф. Джунковского¹ (Петроград) В. Г. Орлову

26 апреля 1915 г.

Благодарю за добрую память Московскую палату Русского народного союза Михаила архангела.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 819, л. 19.

1. В. Ф. Джунковский (1865—1937) — в 1913—1915 гг. товарищ министра внутренних дел.

№ 13. Тульский губернатор А. Н. Тройницкий — В. А. Тройницкому (Петроград)

26 апреля 1915 г.

После войны несомненно будут внутренние осложнения. Все эти земские и городские союзы, помимо кражи казенных денег, на которые оперируют, сильно сплачивают и поддерживают деньгами (казенными) всяких революционеров. Поживем, увидим, но могут настать времена похуже 1905 года. Тогда мы усмирили революцию, но нас даже не поблагодарили за это, и самых твердых усмирителей держали в черном теле, в том числе и меня. Пожалуй, на этот раз немного найдется охотников помогать усмирению — пример перед глазами и в памяти у всех.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1020, л. 812.

№ 14. К. С. Красильников (Орел) — С. А. Кельцеву (Москва)

21 мая 1915 г.

Вас как председателя правого Союза усердно прошу сообщить мне, к кому бы мог обратиться с целью защиты один из наших местных чиновников, разоблачивший злоупотребления своего непосредственного начальника — губернского сродника — и теперь лишенный куска хлеба. Его же хотят отдать под суд. Быть может, вы бываете в Петрограде и посоветуете сами, к кому бы можно было ему обратиться. Вообще говоря Орловская губ. — гнездо какого-то произвола в большинстве ведомств. Не знакомы ли вы с новым начальником по делам печати, к которому бы надо обратиться с просьбой по делам «Орла»¹.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1006, л. 15.

1. «Орел» — местная газета СРН, закрытая властями.

№ 15. Телеграмма редакции газеты «Волга» (Саратов) Н. А. Маклакову (Петроград)

8 июня 1915 г.

Редакция «Волги»¹ просит Ваше превосходительство принять ее почтительнейшее сожаление по поводу оставления Вами поста министра внутренних дел в момент, когда освободительство вновь поднимает голову, когда канцелярии вновь окутываются мозглым туманом непротивленчества. Оставление важнейшего поста русской государственности твердым и решительным борцом за царское самодержавие глубоко огорчает и волнует редакцию. Редакция «Волги».

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 685, л. 29.

1. Местная газета правых, издававшаяся Н. П. Тихменевым; распространялась не только в Поволжье, но и в других регионах Европейской России.

№ 16. С. Л. Облеухова (Петроград) — В. М. Пуришкевичу (Варшава)

10 июня 1915 г.

Вернулся Злотников¹ из Львова в ультра-паническом настроении. Галичане тысячами на подводах едут в Россию. Несчастный народ. Им немцы теперь жестоко мстят. В Петрограде по случаю очищения Львова так ноют, что тошнехонько слушать. И куда мы только денем всю эту нашу ноющую интеллигенцию, которая заслуживает того, чтобы немцы взяли ее под свою ферулу. Какое подлое настроение создают они. Марков² понемножку «приспосабливается», как ваш Крупенский-Дупенский, к Щербатову³. Нет-нет, а «Земщина» лизнет ему пятку. «Колокол»⁴ — так тот даже на брюхе растянулся от усердия.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1013, л. 74.

1. Л. Т. Злотников — кандидат в члены Главной палаты Союза Михаила архангела.

2. Н. Е. Марков (1866—1945) — курский помещик, инженер, член Государственной думы. В 1905 г. один из основателей в Курске Партии народного порядка, слившейся в 1907 г. с СРН. С 1909 г. председатель Главного совета СРН. После отделения дубровинцев и создания ими своего СРН (1911 г.) марковский СРН считался «обновленческим». В начале 1917 г. занимался подготовкой очередного съезда правых, провести который не успели. С 1920 г. в эмиграции. В 1921—1927 гг. председатель Высшего монархического совета, созданного на съезде в Рейхенгалле.

3. Н. Б. Щербатов (1868—1943) — с 5 июня по 26 сентября 1915 г. управляющий МВД и главноначальствующий отдельного корпуса жандармов.

4. «Колокол» — печатный орган правых; его редактор, В. М. Скворцов летом 1915 г. вместе с В. Г. Орловым основал Отечественно-патриотический союз, допускавший членство инородцев и иноверцев, против чего протестовали деятели других правых организаций.

№ 17. Андреевский отдел РНС им. Михаила архангела (г. Тайга Томской губ.) — министру внутренних дел

14 июня 1915 г.

Присягою, Царю своему принесенной, считаем себя обязанными доложить вашему высокопревосходительству, что досрочный призыв Гос. думы в высшей степени нежелателен и опасен для спокойствия в государстве. Созыв этот нужен только явным и тайным крамольникам, захватывающим под флагом патриотизма все большие права и проникающим под гром войны туда, где им не место. Всякие областные и всероссийские съезды необходимо строжайше запретить, ибо все они [закрепляют?] роли для готовящейся после войны неслыханной смуты. Необходима теперь же железная власть в центре и на местах. Всякие колебания или уступки ничтожной, но дерзкой шайке крамольников, руководящих через жидовские газеты общественным мнением, бесспорно, только подольют и все подливают масла в огонь, вызывают и будут вызывать все новые и все большие дерзкие требования. Стоит только вспомнить 905 год. Самое требование ответственного министерства есть прямая измена, ибо неминуемо должна вызвать даже в разгар войны глубокие волнения в русском народе, для которого одна только неограниченная Самодержавная власть Царя может обеспечить России победу над врагами, величие и славу. Правительственная власть бесконечно сильнее всех крамольных, явных и скрытых, течений, взятых вместе, ибо весь народ за эту власть. Сила шайки крамольников только в нерешительности и слабости законной власти. Верьте, мы знаем, что говорим, знаем русскую жизнь не по газетам, но живя среди всех слоев населения и следя за его переживаниями.

Надеемся, что Его Величество не оставит без внимания верноподданных и преданных людей, желающих величия России, мира внутреннего и торжества народа-хозяина.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 110, л. 4—4об.

№ 18. Н. Д. Тальберг¹ (Петроград) — С. В. Прутченко² (Большое Мурашкино Нижегородской губ.)

15 июня 1915 г.

За эту неделю я убедился, что для Н. А. Маклакова³ большое счастье, что он ушел теперь и не участвует в том государственном развале, который ныне устраивается. Когда грянет гром, ударит молния, то многие прозреют и убедятся, как был нужен устраненный громоотвод. Щербатова очень хвалят, но думаю, что он недолговечен на своем посту. По своему складу он вряд ли подходит лагерю тушинцев и скоро окажется там на крайнем правом фланге. Говорят, что Горемыкина⁴ заменит или Самарин⁵ или Кривошеин⁶. Самарин не подходит к подобной теплой компании, а Кривошеин также предпочтет быть негласным руководителем.

Щегловитова⁷ заменит безличный, но левый Манухин⁸. Самое сенсационное известие, что Гучков Ал. будет назначен помощником военного министра. Но этому верить трудно. Пустить авантюриста-младотурка в армию — значит пойти по пути Турции. О войне здесь говорят меньше всего, ею пользуются лишь для того, чтобы свалить того или другого деятеля. От всей этой грязи жутко делается на душе. Понаблюдаю еще немного и буду искать себе частную службу.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1023, л. 134.

1. Н. Д. Тальберг (1886—1969) — чиновник V класса МВД, историк; с 1920 г. в эмиграции; в начале 20-х гг. — управляющий делами Высшего монархического совета; с 1950 г. преподавал в семинарии при Св. Троицком монастыре в Джорданвилле (США).
2. Вероятно, родственница С. М. Прутченко (род. 1868 г.) — крупного землевладельца, действительного статского советника, камергера, в 1908—1913 гг. попечителя Рижского учебного округа, в 1913—1914 гг. — Петербургского, с 1914 г. члена совета министра народного просвещения.
3. Н. А. Маклаков (1871—1918) — министр внутренних дел с декабря 1912 по 5 июня 1915 года.
4. И. Л. Горемыкин (1839—1917) — председатель Совета министров в 1906 г. и с 30 января 1914 по 20 января 1916 года.
5. А. Д. Самарин (1869—1932) — в 1908 г. избран Московским губернским предводителем дворянства, член Государственного совета (группа правых) с 1912 г., с 5 июля по 26 сентября 1915 г. был обер-прокурором Синода. Причиной отстранения послужило участие Самарина

в составлении письма группы министров царю с просьбой оставить верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича, а также конфликт с епископом Варнавой.

6. А. В. Кривошеин (1858—1923) — с 1908 г. по 26 октября 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием.
7. И. Г. Щегловитов (1861—1918) — министр юстиции с 1906 г. по 6 июля 1915 г., с 1 января 1917 г. председатель Государственного совета. Расстрелян ВЧК.
8. С. С. Манухин (1856—1921) — сенатор, член Государственного совета (группа центра).

№ 19. Черниговский вице-губернатор Д. Н. Матвеев — князю М. Л. Оболенскому¹ (Петроград)

18 июня 1915 г.

Ты сам знаешь, как мне грустен уход Ник. Алексеевича [Маклакова], сопряженный с надвигающеюся опять «весной внутренней». Дай Бог, конечно, чтобы захватившие власть общественные элементы воспользовались бы таковой только теперь, для борьбы с гнусным нашествием на Русскую землю, а после войны сели бы опять по своим местам. Но я этого не думаю и более чем глубоко уверен, что опять придется просить помощи у людей, сумеющих все поставить на место. Думается мне, «что им время цвести, а нам тлеть», продолжится недолго. Все-таки нужно будет что-либо делать, чтобы окончательно не стала бы «весна», результаты которой мы уже видели. Здесь, конечно, запели все «весну» и идет ликование, «праздник Бахуса». Я, как проводник прежней политики, останусь, конечно, таковым, а потому это ликование отражается на моих нервах, потому мне хочется теперь, когда мы отходим, как непригодные по своим взглядам, на задний план, перевестись ближе к имению, которое пришло в окончательное запустение, т. е. в Калужскую или Тульскую губ.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1023, л. 116.

1. М. Л. Оболенский был братом жены Н. А. Маклакова.

№ 20. Н. Д. Гальберг (Петроград) — С. С. Онгирскому¹ (Курск)

20 июня 1915 г.

Об уходе Николая Алексеевича [Маклакова] я узнал за два дня до офиц. сообщения. Конечно, был огорчен очень, но элемент личного играл в этом наименьшую роль. Но мне жалко мою Родину и ее руководителя. Я рассматриваю уход Николая Алексеевича не как смену известного лица, а как серьезный поворот в нашей внутренней политике. Власть, капитулировавшая в 1904—1905 гг., чуть было не потонувшая в потоках крови, являвшихся логическим последствием безвластия, встряхнувшаяся затем и сумевшая восстановить до известной степени порядок, — снова капитулировала. Мы снова вступаем на опасный путь заигрывания с общественным мнением. Путь этот очень даже не нов. В конце 18-го столетия во Франции он привел к эшафотам, а у нас в 80-х обогрился царственной кровью, а десять лет тому назад был озарен заревом пожаров. Конечно, рано или поздно хмарь эта пройдет, но чего это будет стоить! Ник. Ал. никогда не допустил бы до этого, разве был бы убит.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1023, л. 188.

1. С. С. Онгирский — советник Курского губернского правления.

№ 21. Председатель Союза русских людей в Одессе Н. Н. Родзевич¹ (Петроград) — В. К. Юшко (Одесса)

21 июля 1915 г.

Что за времена настали. Государственная дума похуже первой, — и это начало. Надо реагировать, надо поддержать тех, кто поднимает голос в защиту наших устоев. В Гос. думе таких нет; даже Марков врал о контроле. Я думаю, следовало бы послать приветственную телеграмму члену Гос. совета Дурново. Копию телеграммы пошлите в «Русское знамя» и в «Земщину». Необходимо выступить с разоблачениями всероссийских городских и земских союзов, самочинно захвативших власть в руки. Для этого я взял на себя сделать анкету.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1025, л. 383.

1. Н. Н. Родзевич (18...— 12 февраля 1919 г., Одесса) — дворянин, преподаватель истории и географии в гимназии и кадетском училище, зав. гимназией (при правой организации); с

1908 г. председатель одесского Союза русских людей. На Нижегородском совещании правых в ноябре 1915 г. был избран товарищем председателя. Осенью 1916 г. призван в армию, работал в газете Юго-Западного фронта. 12 февраля 1919 г. расстрелян.

№ 22. Н. Д. Тальберг (Петроград) — С. С. Онгирскому (Евпатория)

29 июля 1915 г.

Внешние невзгоды меня не смущают, так как верю в конечный успех, но мне жутко становится за политическое положение страны. Голова кружится, когда заглянешь в ту бездну, над которой мы поставлены.

С новым шефом дела не имею, но знаю, он вполне порядочный человек [...] Хвостова¹ считаю правым, но во что он выльется потом, сказать трудно. Ставленник он Горемыкина. Предстоят большие перемены в составе губернаторов; видимо, уволят кн. Ширинского-Шихматова², Борзенко³, Гильхена⁴, Лопухина⁵, Янушевича⁶; вице-губернаторов — Кошура-Масальского⁷, Горчакова⁸. К вам, в Курск, говорят, попадет Кисель-Загорянский⁹ из Рязани.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1026, л. 486.

1. А. Н. Хвостов (1872—1918) — в 1906—1912 гг. вологодский, затем нижегородский губернатор. В IV Государственной думе председатель бюро фракции правых. С 26 сентября 1915 по 3 марта 1916 г. министр внутренних дел. Расстрелян ВЧК.
2. А. А. Ширинский-Шихматов — и. д. саратовского губернатора; с 1915 г. член совета министра внутренних дел.
3. В. М. Борзенко — нижегородский губернатор.
4. М. Э. Гильхен — бессарабский губернатор.
5. В. А. Лопухин — вологодский губернатор.
6. Б. М. Янушевич — ставропольский губернатор.
7. П. Н. Масальский-Кошуро — харьковский вице-губернатор.
8. С. В. Горчаков — самарский вице-губернатор.
9. Н. Н. Кисель-Загорянский — рязанский губернатор; в Курске губернатором был Н. П. Муратов.

№ 23. Телеграмма А. В. Кривошеина (Петроград) В. Г. Орлову (Москва)

4 августа 1915 г.

Сердечно благодарю участников первого общего собрания Отечественного патриотического союза за присланный привет. Глубоко сочувствую выраженной [в] телеграмме идее объединения всех верных государю и отечеству граждан и отрешения в переживаемые дни от внутренних распрей.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 819, л. 142.

№ 24. Протоиерей П. Н. Скубачевский¹ (Харьков) — протоиерею А. Станиславскому (Петроград)

6 августа 1915 г.

Надо вам в Думе обратить внимание на следующее. Речи правых в либеральных газетах печатаются в сокращенном и извращенном виде; между тем речи эти могут вызвать симпатии в самых широких кругах населения, если бы печатались полностью. Поэтому необходимо речи издать особыми оттисками для широкого распространения.

Раненые солдаты поступают в лазареты в окровавленном и оборванном платье и по выходе из лазарета облачаются в то же платье и до зачисления в армию ходят оборванными, производя угнетающее впечатление на народ.

Среди беженцев чуть ли не половина всякой чиновни, которая получает подъемные, разъездные на лошадей, хотя едет по железной дороге, получает за утраченное имущество, которое кто же проверяет. На этих господ тратятся невероятные суммы. Надо бы этот расход посократить.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1027, л. 584.

1. П. Н. Скубачевский — председатель Совета местного Общества русских людей.

№ 25. Н. А. Маклаков (Петроград) — Николаю II

12 августа 1915 г.

Ваше Императорское Величество. Сегодня вечером мне были переданы деньги, которые Вам благоугодно было повелеть выдать мне для устройства моей новой

жизни в Петрограде. Простите смелость этого письменного обращения к Вам, Государь, но вся душа просится принести Вам мою глубокую, горячую благодарность.

Эта новая милость Вашего Величества бесконечно драгоценна мне и отрадна именно теперь, и не только тем, что освобождает меня от многих жизненных трудностей, но особенно тем, что, потеряв счастье общения с Вами, я почувствовал в ней всю доброту Того, Кому я служил так убежденно и радостно, Кому принадлежит вся моя жизнь и о Ком днями и ночами издалека и безмолвно думаю и тоскую.

Да хранит Вас Господь, Государь. Да дарует Он Вам силы и бодрость. Да пошлет Вам счастье в Вашей России и да направит Он дальнейшую судьбу ее не по руслу временных и преходящих настроений вечно волнующегося, ненадежного общественного моря, а по вековой правде нашей славной, простой и единственной в мире истории.

Что бы ни было, душа моя молитвенно будет всегда у Престола Вашего, Государь, и со всей Вашей Царственной Семьей.

Вашего Императорского Величества верноподданный гофмейстер Маклаков.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 687, л.26.

№ 26. Г. А. Щечков ¹ (Петроград) — Л. А. Тихомирову ² (Москва)

12 августа 1915 г.

Князь Волконский ³ — это нуль. Полиция отныне не обещает оказывать государству ту пользу, какую от нее именно теперь будут требовать обстоятельства. Как член Совета министров Волконский своим голосом не увеличит голосов левых, если бы таковые здесь оказались. В этом Совете сейчас таких левых, какие могут гнуть в сторону Милюкова и Шингарева, кажется, только двое: Барк ⁴ и Харитонов ⁵. Первый глуп, и по глупости откровенен, а второй — не прост, и его не скоро можно разгадать. Все интриги наших противников в Думе так явны, что не видеть их едва ли даже и министры могут. Левым октябристам, кадетам и ослам слева удача представляется при нынешних трудных обстоятельствах до того обеспеченной, что они почти не заботятся о скрывании своих намерений и ближайших задач. В этом есть доля выгоды для нас.

Ганнибал у ворот — тут уж не до реформ, и Гос. дума продолжает свое сиденье не ко времени. Дума говорлива: не нынче-завтра проболтается. Чем дальше ее будет держать в Петрограде, тем разглашение его секретов вероятнее (так в тексте. — *Ред.*). Наступление на русскую государственность и ее начала возникло одновременно с наступлением наших внешних врагов. В Думе приходится отступать перед ними по тем же причинам, по каким армия наша отступает пока перед врагом внешним...

Черта оседлости и еврейские законы, по-моему, крайне недостаточны, но изменять их теперь, и притом не в интересах замены их чем-нибудь более действенным, было бы для России гибелью. Князь Щербатов, Рухлов ⁶ и Кривошеин — противники евреев. Думаю, что убеждения министров военного, морского и иностранных дел находятся в согласии с настроением армии.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1031, л.648—648 об.

1. Г. А. Щечков (1856—1919) — землевладелец, член III и IV Государственной думы.
2. Л. А. Тихомиров (1852—1923) — бывший народоволец, монархист, редактор «Московских ведомостей».
3. В. М. Волконский (1868—1953) — член III и IV Думы (в III — товарищ председателя), товарищ министра внутренних дел в июле 1915 — декабре 1916 года. Считался человеком, связанным с общественными кругами, но правых убеждений; при назначении заявил о формальном выходе из СРН. В декабре 1916 г., не желая работать с министром (А. Д. Протопоповым), ушел в отставку.
4. П. Л. Барк (1869 — 1937) — министр финансов с 30 января 1914 года.
5. П. А. Харитонов (1852—1916) — государственный контролер с 1907 по 25 января 1916 года.
6. С. В. Рухлов (1853—1918) — министр путей сообщения с 1909 по 26 октября 1915 года. Один из учредителей и первый председатель (1908 г.) Всероссийского национального союза.

№ 27 А. И. Соболевский ¹ (Москва) — Н. С. Пальмову (Ессентуки)

26 августа 1915 г.

Увольнение от командования великого князя Николая Николаевича произвело в обществе панику, которая, конечно, даст невыгодные последствия. Это удар хуже поражения. Я здесь, сколько могу, борюсь со здешними немцами и их русскими прислужниками, но что вы сделаете, когда власть сама себя упраздняет и предоставляет немцам быть хозяевами положения. Монархическая идея получила жестокий удар, хотя и идеи парламентаризма также пришлось пострадать.

Переговоры о принятии чехами православия веду я. Но... Митрополит Макарий ничего не знает, ничего не помнит, неохотно принимает (утомляется), а его канцелярия ждет бакшиша. Там целое бюро по продаже мест...

ГАРФ, ф.102, оп. 265, 1915 г., д. 1029, л.1230.

1. *А. И. Соболевский (1857—1929) — филолог, академик, член Государственного совета. Член Главного совета СРН, но в 1910 г. отказался от этого звания, мотивируя уход нежеланием участвовать в дележе «темных денег» (т. е. полученных от МВД). На съезде сторонников Дубровина в Москве 24 ноября — 1 декабря 1911 г. был избран наряду с Полубояриновой товарищем председателя нового, Всероссийского Дубровинского СРН. После 1917 г. занимался научной деятельностью.*

№ 28. О. Морозова (Петроград) — А. И. Дубровину (Петроград)

26 августа 1915 г.

Многоуважаемый Александр Иванович. Насколько верно нижеследующее, не знаю, но что я сейчас услышала, то сообщаю: 28 августа рабочие петроградских заводов и фабрик устроят по Петрограду грандиозное шествие с требованием ответственного министерства. Если их требование удовлетворено не будет, они бросают работу и войне конец. Слышала об этом я от живущего у меня студента Петроградского университета, по убеждению — независимого донского казака, которого очень волнует все это.

Что же это опять будет — по примеру окончания японской войны?! Тогда негодяи вырвали подобие конституции, в Гос. думу посадили хулиганов, теперешних цензовиков, а теперь в министерские кресла их посадят.

ГАРФ, ф.116, оп. 1, д. 808, л.63.

№ 29. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) членам Государственного совета П. Н. Дурново, И. Г. Щегловитову, Ю. Ф. Самарину, членам Государственной Думы П. Н. Балашову, Н. Е. Маркову

28 августа 1915 г.

Просите аудиенцию Государя, чтобы не допустить захвата власти пораженцами кадеками, октябристами. Речи членов Думы и левой печати страшно волнуют население. Левые готовят 1905 год и верную победу немцам. Думу надо распустить [с] указанием населению причины роспуска. Последним действием будет парализовано произведенное возбуждение. Необходима единая, сильная власть.

Председатель Астраханской народной монархической партии Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 773, л.5.

№ 30. Н. Д. Тальберг (Петроград) — М. В. фон Лауниц¹ (Каргашино Тамбовской губ.)

4 сентября 1915 г.

Мое главное пожелание, чтобы вам, вместе с всеми нами, не пришлось переживать еще более худшего, чем видишь теперь кругом. Временами я теряю голову и не понимаю, где, в сущности, я нахожусь: в стане ли разбойников или в сумасшедшем доме? Враг вторгся в пределы нашей земли, стремится к сердцу России. Казалось бы, в такой момент ум и сердце каждого должны быть заняты лишь помыслами об отражении врага. Между тем в настоящее время война почти забыта, победил внимание тыл, где воцарились политические шантажисты и мародеры. Используются некоторые недочеты правительства, в начале июня сделан крупный прорыв, отстранены верные слуги Государя — Маклаков и Щегловитов, и затем пошел открытый штурм власти.

Старый, казалось, опытный комендант², не дрогнувший в 1905—1906 гг., отчего-то растерялся, поверил лживым уверениям осаждающих, подпустил их совсем близко к твердыням и только на днях вдруг прозрел, понял, что он отвечает перед

Государем и историей за целость России, и отогнал внутреннего врага. Последний не ожидал этого, немного растерялся и теперь зовет к себе на помощь уличный сброд. Если власть не дрогнет и сумеет быть твердой и последовательной, то она быстро справится со всеми этими друзьями Мясоедова³.

Возмутительно то, что глубоко порядочные люди, видевшие ужасы минувшего лихолетья, даже правые, — теряют голову и готовы во всем уступать политическим авантюристам, опирающимся на чернь. Настроения переменчивы: то падаешь духом, то, напротив, рвешься бороться с изменниками. Поддерживает лишь вера в милость Божию.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1030, л. 1350.

1. М. В. фон Лауниц — родственница В. Ф. Лауница (1855—1906) — петербургского градоначальника, убитого в декабре 1906 г. эсерами.
2. Вероятно, имеется в виду И. Л. Горемыкин.
3. Т. е. изменниками и шпионами, подобно казненному (по ложному обвинению) С. Н. Мясоедову.

№ 31. И. И. Восторгов (Москва) — Е. Ф. Восторговой (Владикавказ)

7 сентября 1915 г.

В Гос. совет я прошел в 2000 голосов. Мои конкуренты все вместе получили до 500. Теперь все зависит от Синода. Там, думаю, не пропустят. И это меня не огорчит.

В Москве бессмысленная забастовка трамваев — протест против роспуска Гос. думы. Со всех концов монархисты, теперь встрепенувшиеся, зовут меня в вожди. Я, конечно, не пойду. Спасать будущих и настоящих Саблеров¹ у меня теперь нет ни малейшей охоты. Думаю, революция теперь пока бессильна. После войны — дело другое. Назревает сильное движение и предстоит бой правительства с интеллигентской оппозицией. Победит тот, кто будет твердо верить и в свою правду, и в свое право, и в свою силу.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1030, л. 1397.

1. В. К. Саблер (Десятовский) (1845—1929) — обер-прокурор Синода в 1911—1915 годах. 10 сентября 1915 г. Восторгов писал архиепископу Николе, что в факте своего избрания «по епархии» он видит «живое опровержение постоянного утверждения Саблера, будто имя мое одиозно в Москве и Московской епархии» (ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1032, л. 1423).

№ 32. А. И. Соболевский (Москва) — И. А. Иванову (Тверь)

9 сентября 1915 г.

Черт принес в Москву А. Гучкова и К^о. Городской голова Челноков, чтобы порадовать его сердце, расклеил в Москве свою прокламацию о том, что для помощи армии необходимо «создание правительства, которому могла бы верить страна», а кстати устроил забастовку, велел прекратить работы по снабжению трамвайной сети электрической силой.

Они забавляются, думая заставить Царя посадить над Собою А. Гучкова в виде Сверх-Царя, а ко мне лезет народ, человек за человеком, беседовать о страшных событиях и о Гучкове. Я утешаю огорченных и всем заявляю, что не намерен помогать Гучкову. Но они не хотят поверить мне просто, а собираются устраивать совещания, частные и общие, интимные и публичные. И всюду тянут меня, чтобы я свои слова о Гучкове сообщил им при свидетелях.

Но видно, что Гучков [не] сядет над Царем и не будет раздавать своим знакомым сенаторских, губернаторских и т. д. мест. Это немцам чрезвычайно неприятно, так как они должны во что бы то ни стало произвести революцию в России, о которой германские газеты почти каждую неделю помещают телеграммы. Я говорю о немцах московских — о Вогау, Кнопе и др.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1032, л. 1412.

№ 33. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого (Астрахань) И. Г. Щегловитову (Петроград)

11 сентября 1915 г.

Политика уступок, связывание рук губернаторам, уронение престижа их газетами, членами [Государственной] думы и, наконец, самими министрами; [В. М.] Волковский на всю Россию прокричал, что он выгонит штук 20 губернаторов, а также

угрозы левых в Думе улицей окрылили хулиганов, уверенных, что бить нагайками, а тем более стрелять в них — не посмеют. Результаты этой политики в связи с подстрекательством — разбитие в Астрахани мучных лавок, магазинов, возмутительный грабёж¹. Левые представители общества подсмеиваются, открыто высказывая надежды, что благодаря таким беспорядкам, которые поднимутся везде, Дума будет созвана. Следует объявить страну на военном положении, никаких Дум больше не собирать. Просите Ивана Логгиновича², Государя уволить Щербатова, Волконского и других колеблющихся министров, заменив их правыми и решительными людьми.

Председатель Астраханской Народной монархической партии Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, л. 773, л. 12—13.

1. Имеется в виду погром жителями (среди которых были рабочие) магазинов и складов 9 сентября 1915 года. Подробнее см.: *Вопросы истории*, 1994, № 12, с. 142.

2. И. Л. Горемыкин — председатель Совета министров.

№ 34. Председатель Одесского союза русских людей Н. Н. Родзевич — Г. Г. Вилинскому (Кишинев)

15 сентября 1915 г.

Главной целью совещания¹ было оживить деятельность монархических организаций и организовать съезд, который предполагается созвать в Нижнем Новгороде. Далее было решено отправить всеподданнейшую телеграмму о роспуске Гос. думы и о сильной власти. Затем были резолюции об обуздании печати, ограничении притязаний земских и городских деятелей и о жидах.

Наша деятельность по-прежнему встречает много препятствий. Отводим душу только у архиепископа Назария и у попечителя учебного округа Смольянинова. В нашей гор. думе дело окончательно идет к краху; жалованье платить нечем, хотя, конечно, от этого страдают мелкие служащие, а управская коллегия свое получает, даже авансом. Вообще городские финансы напоминают тришкин кафтан, но скоро уже платить будет не из чего.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 569, л. 1443.

1. Речь идет о совещании представителей правых организаций в Саратове 27-29 августа 1915 года.

№ 35. А. И. Соболевский (Москва) — Ю. А. Кулаковскому¹ (Киев)

18 сентября 1915 г.

Обстоятельства наши вообще тяжелые. Теперь, когда определилась позиция Болгарии, мы можем говорить о предстоящем выступлении против нас Румынии. Очищение нами Бессарабии, в частности Кишинева, уже начато. Но главное — наша собственная революция. Наши либералы берут Царя за горло и говорят: «Сдавай власть нам». Но сами по себе они ничтожны и за ними никаких масс не стоит. Те резолюции, которые находятся в обращении, составлены так обще и так темно, что во многих местах их с чистою совестью приняли люди патриотически настроенные. Что до способов добывания резолюций, то они, по принятому у либералов обычаю, более или менее мошеннические. Вот что было у московских октябристов. А. Гучков делает доклад собранию и читает резолюцию Московской гор. думы. Предлагает принять. Тотчас одни из старых и почтенных октябристов встает и говорит, что он не согласен. Тогда Гучков направляет на октябриста свой указательный перст и говорит: «Вы не согласны!! Это вы губите Россию! Это вы предаете Отечество! Это вы...» и т. д. Когда изумленный октябрист скорчил какую-то гримасу, то Гучков закричал: «Вы смеетесь!! Вы еще смеетесь!! Посмотрите, господа, он смеется!!» В результате, конечно, единогласное принятие резолюции...

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1014, л. 768.

1. Ю. А. Кулаковский (1861—1919) — историк античности, профессор Киевского университета. С 1904 г. член Русского собрания. В 1906 г. был выборщиком в Государственную думу от монархических организаций Киева. Участвовал в саратовском совещании правых в августе 1915 года.

№ 36. Н. Д. Гальберг (Петроград) — Д. Н. Матвееву (Чернигов)

19 сентября 1915 г.

Наши внутренние враги опаснее внешних. С немцами наша доблестная армия, водимая самим Царем, справится. Внутренние же враги истощают наши силы, изменнически нападая сзади. Я отнюдь не пессимист, но еще недавно впадал в полное отчаяние, видя, как мы точно повторяем ошибки Людовика XVI. Теперь имеется некоторый просвет — старик Горемыкин решился распустить Думу — этот главный штаб революции. Но сделано это поздно, когда яд разлился по всей стране, докатился даже до армии, которая не разобралась, куда вели нас все эти шантажисты, мародеры тыла. Кроме того, Горемыкин теперь, вероятно, понял, как глупо было удалять Маклакова и Щегловитова, которые теперь были бы особенно на месте. Левые не теряют надежды свалить Горемыкина. Опираются они на некоторых министров, но думаю, что это им не удастся и положение Горемыкина вполне твердое. Очень шатким продолжают считать положение нашего шефа¹, преемниками которого называют Крыжановского², Веревкина (товарища министра юстиции), Ал. Трепова³, даже Муратова⁴. Полагаю, что пока все останется без перемен, и надеюсь, что князь своей русской, чистой и честной душой поймет, что нужно покончить со всем этим революционным завоеванием и прежде всего обуздать обнаглевшую донельзя печать.

Слава Богу, на войне события начинают разворачиваться в нашу пользу; министры привезли известия, что в Ставке очень бодро смотрят на будущее.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., л. 1014, л. 771.

1. Управляющий МВД Щербатов.
2. С. Е. Крыжановский — статс-секретарь, сенатор, бывший товарищ министра внутренних дел.
3. А. Ф. Трепов (1864—1928) — член Государственного совета (группа правых). С 30 октября по 27 декабря 1915 г. министр путей сообщения; с 19 ноября по 27 декабря 1916 г. — председатель Совета министров.
4. Н. П. Муратов (1861 — после 1917 г.) — камергер, тамбовский, затем курский губернатор; член Государственного совета (группа правых). В 1915 г. член совета министра внутренних дел.

№ 37. Почетный председатель Нижегородского губернского Георгия и Минина СРН священник П. Ласточкин — Н. Н. Родзевичу (Одесса)

22 сентября 1915 г.

Союз наш искренне благодарит вас и уполномоченных Саратовского совещания за честь, предложенную нашему Нижнему Новгороду, принять в свои седые стены Всероссийский съезд монархических организаций в эти исторические тревожные дни. Архипастыри нижегородские, преосвященные Иоаким и Макарий благожелательно встретили известие о предполагаемом съезде и обещали всяческое содействие для его устройства. Губернатор тоже весьма сочувственно отнесся к известию о съезде и также обещал свое полное содействие.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., л. 1032, л. 1489.

№ 38. Н. Д. Тальберг (Петроград) — Н. Н. Родзевичу (Одесса)

24 сентября 1915 г.

Приветствую предстоящий съезд¹. Очень хотел бы на нем присутствовать. Быть может, приеду частным образом в Нижний. Нам не следует теперь дремать; опасность слишком велика и мало кто ее понимает. Желательно привлечь к нам иерархов. Архиепископ Антоний² выступил в Харькове с прекрасной проповедью. Эти дни ожидается назначение моего нового главного начальника³. Говорят, что новый будет в нашем духе.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., л. 1033, л. 1503.

1. Имеется в виду съезд представителей правых организаций в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 г., проведенный сторонниками дубровинского направления.
2. Антоний (А. А. Храповицкий) (1863—1936) — один из организаторов СРН в 1905 г. и его отделов в провинции. С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1918 г. при выборах патриарха получил наибольшее число голосов (по жребию был избран, однако, Тихон); был возведен в сан митрополита. В 1921 г. эмигрировал; возглавлял Русскую православную церковь за рубежом.

3. После Щербатова министром внутренних дел стал А. Н. Хвостов.

№ 39. Телеграмма Н. Н. Тихановича-Савицкого министру внутренних дел А. Н. Хвостову

30 сентября 1915 г.

Астраханская народная монархическая партия приветствует вас, Алексей Николаевич, и поздравляет с высоким доверием Государя. Уверены, что, наконец, власть попала в надежные неколеблющиеся руки верного монархиста. При Щербатове левая печать и кадэки прямо обнаглели. Население с разрешения правительства открыто революционизируется по сигналам Гучковых, Львовых, Челноковых и Милюковых думами, земствами и биржевыми комитетами, печатью и лекторами. Идет противопоставление Думы Государю. Внушается народу и армии, что все хорошее идет только от Думы, все дурное — с другой стороны. Гучков, Новиков и другие левые депутаты разъезжают по армии, торжественно встречаемые музыкой, выстроенными войсками, речами генералов; оскорбляют народное чувство, раздавая героям кресты своими изменническими руками. Эти воры готовят переворот почти открыто, пользуясь непротивлением и уступчивостью власти. Это надо прекратить. Оберегите Государя; свяжите левую печать, лекторов, верните местные самоуправления к их хозяйственной деятельности, запретите политическую [деятельность]; для последней существуют партии. А главное, крепко помните, что все эти наглецы, посягающие на Царскую власть, — презренные трусы, а подписывающие их резолюции — стадо баранов и что народ и общество, услышав сильный голос Правительства и призыв не поддаваться смутьянам, этим немецким пособникам, пойдут за ним.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 858, л.49.

№ 40. Архиепископ Никон ¹ (Петроград) — А. И. Дубровину (Петроград)

30 сентября 1915 г.

Милость Божия буди с Вами. Не раз звонил я к Вам, но не мог дозвониться, и не знаю даже, в Петрограде ли Вы? А побеседовать надо бы. И время тревожное, и газета Ваша внушает опасения с православной точки зрения. К тому же я так давно не видел Вас. Ведь мы, кажется, не расходились так, как разошелся с нами, верными монархистами, известный колокольных дел мастер ². Как бы это повидаться? Я живу на Кабинетской, 17, телефон мой 480-15. Бог Вас благословит! Ваш искренний доброхот и слуга.

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 803, л. 13.

1. Никон (Н. И. Рождественский) (1851—1918) — архиепископ (с 1911 г.), епископ Вологодский (1906—1912 гг.), член Синода (1912—1917 гг.) и Государственного совета (группа правых), духовный писатель. После Февраля 1917 г. удалился на покой в Троице-Сергиеву Лавру.
2. Вероятно, подразумевается редактор «Колокола» В. М. Скворцов.

№ 41. Проф. Снегирев (Москва) — К. Н. Пасхалову ¹ (Алексин Тульской губ.)

3 октября 1915 г.

У нас опять трамвайная забастовка, правда, продолжавшаяся немного более суток. Гг. Челноковы и присные — очень зловредные люди: у всех у них рыльце в пушку, а потому рабочие с ними запанибрата. Да, надо издавать газету «Взяточничество и Воровство», и много в ней будет любопытного. Воруяют и кресты ², и администраторы, и врачи, и кто не верует. Надо сделать общественную гласную, всеобщую исповедь.

В Москве столько слухов, что не знаешь, откуда они идут — из немецкой или русской провокации. Волнует всех слух, что 5 октября Царь отречется от царствования в пользу Наследника с Регентшей — матерью Александрой. Разумеется, кричат, что завтра будет революция, о Грише Распутине — слухов без конца, но разноречия ни у кого: Самарин, Джунковский вылетели из-за него, а Щербатов — за земский и городской приговор и за разногласия с Горемыкиным. Духовенство взбешено. Публика успокаивается, что снаряды и оружие есть, а следовательно, и победа. В университете — спокойно. Дороговизна и отсутствие дров, сахара, муки приводят всех в негодование и составляют самую обыденную жалобу. И холодно, и голодно, а театры и трактиры полны. Никогда так жадны посетители не были к водке. Трактиры торгуют превосходно. Где водка, там меньше чем на 1.000 р[ублей] не торгуют в день.

Если что и начнется, то, вероятно, лет через 50, ибо теперь все разорено, и дай Бог в этот срок поправить что-либо. Другое дело — характер поляков. Его не переделаешь, хотя ввиду разорения шляхты и магнатов народ скоро приподнимется, а шляхта и магнаты замрут. Впрочем, раньше всего надо Польшу еще снова взять, а когда это будет и в каком виде? Европа умирает от старчества, а новые нарождаются...

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1034, л. 1009.

1. *К. Н. Пасхалов (1843—1924) — калужский помещик, чиновник Министерства финансов, публицист. Почетный член Русского монархического союза (в Москве), Калужского отдела СРН. Председатель съезда правых в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 года. См. Источник, 1995, № 6.*

2. *Имеются в виду священнослужители.*

№ 42. Управляющий Ярославским отделением Крестьянского Центрального банка (Ярославль) — А. А. Римскому-Корсакову¹ (Петроград)

4 октября 1915 г.

В вопросе о Самарине (которого я очень уважаю) трудно отделить истину от сплетен, но мне дело представляется так: он принял должность с целью возвысить авторитет нашей Церкви и в частности иерархов — членов Синода и вместе с тем умалить свою должность Обер-прокурора до пределов, указываемых законами. При первом же случае умаления прав членов Синода (дело еп[ископа] Варнавы) он решил уйти. Левые, конечно, воспользовались, чтобы сделать из всего этого шумную политическую демонстрацию (газеты и Московская гор. дума), хотя, конечно, не в защиту нашей Церкви.

Во всяком случае приходится нам, правым, очень и очень осмотрительно разбираться в самаринской истории. Главное, я боюсь какого-нибудь раскола среди правых; в настоящее время он был бы прямо ужасен.

С тревогой и нетерпением жду предстоящего съезда объединенного дворянства. Г. В. Калачов мне сказал, что он получил в качестве исполняющего обязанности губернского предводителя письмо от Струкова² с просьбой сообщить, не надо ли объединенному дворянству собраться. Калачов ответил, что надо. По-моему также необходимо, и до открытия Гос. думы.

Теперь, читая травлю газет на Струкова и о выходе полтавского дворянства из состава объединенной организации, я считаю еще более, что съезд необходим. Как вы на это смотрите?

Меня выбрали в депутаты дворянства от Ярославского уезда. Один Куракин положил налево и, должно быть, старается в Петрограде, чтобы меня не соместили. Впрочем, министр финансов согласился на совещание; надеюсь, что и Хвостов ничего не будет иметь против, а также и Танеев (нужно ведь Высочайшее повеление).

Поговорите о самаринской истории с нашим уважаемым крайним правым архиепископом Агафангелом, который до конца октября будет на сессии Синода.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1034, л. 1613.

1. *А. А. Римский-Корсаков (1850—1922, Берлин) — крупный помещик; в 1905—1909 гг. ярославский губернатор; член Государственного совета с 1915 года. Член Русского собрания; в 1909—1910 гг. — товарищ председателя Главного совета СРН. На совещании правых в Петрограде в ноябре 1915 г. избран товарищем председателя, затем — одним из товарищей председателя (наряду с Дубровиным и Марковым) Совета монархических съездов. В 1915—1917 гг. возглавлял кружок правых деятелей, подавший Николаю II несколько записок с рекомендациями усилить борьбу с общественными организациями.*

2. *А. П. Струков — председатель Совета объединенного дворянства, член Государственного совета.*

№ 43. Телеграмма И. И. Восторгова (Москва) министру внутренних дел А. Н. Хвостову

5 октября 1915 г.

Поспешаю доложить, что по наведенным справкам избрание Синодом члена Государственного совета сим не сделано. Оно зависит исключительно от усмотрения Синода, который может не считаться с количеством голосов и прежде не

считался. В Государственном совете теперь действительно будет опасность православию при обсуждении вероисповедного вопроса вследствие прохождения туда еврея¹ и старообрядцев. Прошу вашего содействия у обер-прокурора Синода.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 244, т. 1, л. 116.

1. В 1915 г. в Одессе был избран членом Государственного совета предприниматель-мукомол Вейнштейн. Правые протестовали против его избрания, ссылаясь на то, что по закону членами Государственного совета могли быть только христиане.

№ 44. Из письма без подписи (Москва) Г. Г. Замысловскому¹ (Петроград)

6 октября 1915 г.

В Москве резолюция Московской гор. думы и земских организаций не является отзвуком мнений всех. Находится много критиков. Громадное большинство профессоров Московского университета критикуют резолюцию и не согласны с нею. В городе сильно критикуют дороговизну, ведение хозяйств городского и общегородской организации. Критикуют полную бездеятельность Московского гор. головы² в деле борьбы с дороговизной жизни. Общее мнение, что дороговизна обуславливается спекуляцией купцов, заседающих в Гос. думе, выносящих свои резолюции и вместе с тем не забывающих о наживе. Трудно Московской гор. думе самой себя высечь. Мне думается, что московские правые организации действуют слабо и вяло. Они могли бы дать богатый материал, который обесценил бы разных политических крикунов.

Прекрасным товарищем обер-прокурора был бы Московский попечитель Тихомиров, если бы только согласился на эту должность.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1034, л. 1631.

1. Г. Г. Замысловский (1872—1920) — юрист, депутат III и IV Думы, фракция правых. В 1890—1910 гг. на судебных и прокурорских должностях в прибалтийских и западных губерниях. Член Русского собрания. Член СРН (обновленческого). По некоторым свидетельствам, являлся стратегом и «мозгом» правой фракции в Думе и главным посредником между правительством и думскими и внедумскими представителями правых. Получал деньги из секретного фонда Департамента полиции на партийные нужды и правую печать. В марте 1917 г. избежал ареста, затем перебрался на Юг. Умер во Владикавказе от тифа.
2. Московским городским головой был М. В. Челноков, кадет.

№ 45. Протоиерей М. П. Алабовский¹ (Киев) — Г. Г. Замысловскому (Петроград)

8 октября 1915 г.

18 октября в Киеве будет созвано соединенное собрание всех монархических организаций Киева и правых киевлян с целью подать голос в противовес выступлению левых по уполномочию организаций, усердно прошу вас, не найдете ли возможным прибыть...

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1034, л. 1644.

1. М. П. Алабовский (о. Михаил) — в 1906 г. состоял выборщиком в Думу от монархических партий Лукьяновской части Киева. Председатель Киевского отдела СРН. На совещании в Петрограде в ноябре 1915 г. избран правыми членом Совета монархических организаций.

№ 46. И. И. Дудниченко¹ (Одесса) — Н. Е. Маркову (Петроград)

14 октября 1915 г.

Приехал из Кишинева, куда я ездил на совещание с бессарабскими монархистами. Единогласно просим вас ходатайствовать о немедленном созыве всероссийского монархического съезда, ибо обстоятельства времени не позволяют быть дальше инертными в отношении родины, которую хотят погубить. Революция твердо ведет свою осаду и готовит нам ужасные события. Пока не поздно надо и нам организовать и громко сказать свое слово. Буду ждать с нетерпением ответа, дабы вновь собрать бессарабских монархистов и сообщить им о результатах. Ведите же нашу рать на борьбу, ибо своих позиций сдавать не намерены².

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1034, л. 1700.

1. И. И. Дудниченко (1887 — после 1920 г.) — херсонский мещанин. Накануне войны состоял на службе в Бессарабском губ. земстве, но был уволен из-за своей «партийной» деятельности; перебрался в Одессу. В дальнейшем — уполномоченный в Бессарабской губ. Главной палаты Союза Михаила архангела. В ноябре 1915 г. секретарь президиума нижегородского совещания

правых, где преобладали дубровинцы. В конце 1916 г. переехал в Петроград; в 1920 г. эмигрировал в Румынию.

2. Будучи уполномоченным Главной палаты Союза им. Михаила архангела, Дудниченко в данном случае обращался к руководителю не «своей», а родственной организации — обновленческого Союза русского народа.

№ 47. И. И. Дудниченко (Одесса) — Н. Н. Тихановичу-Савицкому¹ (Астрахань)

15 октября 1915 г.

Необходимо в программу нашего съезда² включить [вопросы] о развале средней и высшей школы, об инородцах вообще, и широко освещать хищническую и революционную деятельность всероссийских земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов. Довольно молчать. Россия идет к гибели.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1035, л. 1719.

1. Н. Н. Тиханович-Савицкий (1866 — после июля 1917 г.) — владелец музыкального магазина в Астрахани, председатель Астраханской народной монархической партии. Рассылал властям, сподвижникам всевозможные рекомендации, просьбы, требования, призывы к борьбе за сохранение самодержавия и единства среди правых. В конце 1916 г. был принят царицей.
2. Имеется в виду съезд в Нижнем Новгороде в ноябре.

№ 48. Херсонский губернатор — министру внутренних дел А. Н. Хвостову

15 октября 1915 г.

Представляю при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства полученные мною от уполномоченных августовского совещания представителей монархических организаций, съехавшихся в г. Саратове, печатные листки с призывом всех монархических организаций к активной борьбе с их политическими противниками. Имею честь доложить, что согласно распоряжению Главного начальника Одесского военного округа и генерал-губернатора М. И. Эбелова мною приняты меры к недопущению распространения такого рода листков и воззваний среди населения губернии, как возбуждающих одну часть населения против другой¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 110, л. 34.

1. Аналогичное отношение было направлено 20 октября 1915 г. Киевским губернатором (там же, л. 39), а 19 октября — иркутским генерал-губернатором на имя товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого (Союз русского народа. М.-Л. 1929, с. 342).

№ 49. Н. Д. Тальберг (Петроград) — М. В. Грингмуту¹ (Чернигов)

17 октября 1915 г.

Скверная сегодня годовщина. В этот день десять лет тому назад предана была старая, историческая Россия и придумано новое устройство, прелестями которого мы особенно насладились в последнее время. Десять лет тому назад казалось, что все рухнет. Великое спасибо вашему дяде и другим правым деятелям, которые в этот момент остались верны своему знамени и повели нас за собой. Теперь верится, что найдутся люди, которые сумеют спасти Россию от внешних и внутренних врагов.

Назначение Хвостова меня очень обрадовало. Ведь Щербатовское время было нечто кошмарное. Никто не работал, и все расшатывалось. Я был настроен самым пессимистическим образом и перечитывал историю французской революции. Кругом наблюдалось полное ошаление, теряли голову люди правые, хорошие. И вдруг этот счастливый просвет — роспуск Думы, отказ принять депутацию Московского конвента и, наконец, назначение правого министра². Товарищ его, Белецкий, также вполне правый. Ведомство сразу начало энергично работать, все подбодрилось.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1035, л. 1729.

1. М. В. Грингмут (Гринева) — секретарь, непременный член губернского по городским и земским делам присутствия. Племянник В. А. Грингмута — редактора-издателя «Московских ведомостей», одного из идеологов и организаторов в Москве правых в 1905 году (см. также документ от 19 марта 1916 г.).
2. Т. е. А. Н. Хвостова.

(Продолжение следует)

Дело А. А. Лопухина

Б. П. Балуев

18 января (1 февраля) 1909 г. в Петербурге произошло событие, буквально ошеломившее общественность не только России, но и других европейских стран: был арестован по обвинению в принадлежности к революционному сообществу Алексей Александрович Лопухин, занимавший с 16 мая 1902 по 4 марта 1905 г. пост директора Департамента полиции¹, а ко времени ареста — адвокат по коммерческим делам. Кадетская «Речь» писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собою precedентов в новейшей русской истории и невольно вызывает ассоциации, связанные с действиями XVIII столетия». Другая газета вторила: «Кажется, не было еще случая ни в России, ни в Европе, чтобы в государственной измене обвинялся начальник полиции... Веет чем-то из времен Бирона, Волынского, Остермана. Тень Малюты встает из грома... Брр!»².

Поводом для ареста Лопухина и предъявления ему обвинения послужило раскрытие им того факта, что руководитель боевой организации эсеров Е. Ф. Азеф давно, как позже оказалось, — с 1893 г., являлся агентом царской охранки. Правая печать посчитала этот поступок Лопухина «предательством», либеральная и буржуазно-демократическая — ценным обличием порочных провокационных методов деятельности полиции, неожиданно смелым для бывшего главного полицейского чиновника.

Предположений по поводу мотивов поступка Лопухина в то время было высказано немало. В отечественной литературе этот факт почти не привлекал к себе внимания. Версия, которая была выдвинута в воспоминаниях двоюродного брата Лопухина — В. Б. Лопухина, бывшего директора департамента министерства иностранных дел, а затем некоторое время — служащего советского МИД, является, по сществу, единственной, используемой историками. В своих мемуарных записках, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в сокращенном виде опубликованных в 1966 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 9—11), В. Б. Лопухин утверждал, что поступок его легкомысленного кузена был продиктован исключительно чувством мести властям за неудавшуюся служебную карьеру³. Такая узко-родственная интерпретация факта мешает понять его подлинное социально-политическое содержание.

А. А. Лопухин принадлежал к древнему дворянскому роду, к которому относилась и первая супруга Петра I — Евдокия Лопухина. Среди именитых санов-

---

Балуев Борис Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ников XIII и XIX вв. было немало предков А. А. Лопухина. Его дед — тоже Алексей Александрович — был в свое время крупным землевладельцем и одновременно достаточно образованным человеком. Отец будущего директора Департамента полиции — Александр Алексеевич сделал стремительную карьеру по судейскому ведомству. Начал он мировым судьей (первого призыва), а потом стал в столице прокурором сперва окружного суда, а затем Петербургской судебной палаты. На последнем посту он впал в немилость, ибо от него требовалось по должности обеспечить обвинение по делу В. И. Засулич, а он с этой ответственной задачей, по мнению властей, явно не справился, и был направлен в Варшаву председателем судебной палаты.

Архивные данные свидетельствуют о том, что происходило постепенное имущественное оскудение рода Лопухиных. В формулярном списке А. А. Лопухина при назначении его на должность директора Департамента полиции значилось, что у его родителей имеется в Вяземском уезде 600 дес. и в Орловском уезде 150 дес. земли, а кроме того, дом в г. Орле стоимостью в 10 тыс. рублей. Если бы он и унаследовал какую-то часть этих земель (в семье, кроме него, было еще четыре сына), то все равно стал бы лишь мелкопоместным дворянином. Женитьбой на княжне Е. Д. Урусовой А. А. Лопухин своего имущественного положения не укрепил. При заполнении формулярного списка чинам первых четырех классов по Министерству внутренних дел в 1903 г. Лопухин в графах о наличии имений — его самого и его жены, родовых или «благоприобретенных» — вынужден был поставить прочерки, никакой недвижимости у нее не было. Доход от государственной службы из поколения в поколение становился для мужской части рода Лопухиных важнейшим источником содержания их семей⁴.

С 1881 по 1886 г. Алексей Лопухин учился на юридическом факультете Московского университета. А затем началось довольно быстрое восхождение его по служебной лестнице — от кандидата на судебные должности при Тульском окружном суде, определенном на эту службу 31 июля 1886 г., до назначения с места прокурора Харьковской судебной палаты на должность директора Департамента полиции в мае 1902 г., от коллежского секретаря — до действительного статского советника.

К моменту своего перемещения на должность директора Департамента полиции Лопухин прослыл среди коллег по службе и друзей как блистательный юрист, прогрессист и либеральный законник. Однако несмотря на эту репутацию Лопухин принимает предложение ярого монархиста правого толка, сторонника крутых мер В. К. Плеве занять пост директора Департамента полиции в его министерстве. Сам Лопухин так объяснял этот свой шаг, уже находясь на скамье подсудимых: «Я принял эту должность потому, что... министр указывал на необходимость целого ряда реформ, вытекающих, по его мнению, из недостатков существующей системы розыска политического, и которые, по его мнению, сводились к упразднению охранного отделения, реформе полиции и к передаче политических дел на рассмотрение суда»⁵. Здесь не все можно принять за чистую монету.

Нельзя игнорировать того обстоятельства, что Лопухин не хотел отягощать своего положения напоминанием суду о своей либеральной программе действий при вступлении в пост директора Департамента полиции. Все свидетельствовали в то время и позже, что именно он предложил эту программу Плеве и тот ее принял, но не всерьез. Лопухин, конечно, произвел на Плеве впечатление хорошим знанием обстановки в стране (сказался опыт судейской и прокурорской работы во многих регионах страны) и настойчивым желанием искоренить провокацию как метод деятельности полиции⁶, ибо сам Плеве решительно отвергал внедрение провокаторов в революционную среду, считая, не без оснований, что от них больше вреда, чем пользы.

И тем не менее на новом поприще Лопухина ждал полный провал. И произвел он не потому, что Плеве ошибся в Лопухине (хотя в какой-то степени и это имело место), не потому, что Лопухин ошибся в Плеве (это действительно так и было), но потому, что «полицейских проблем» оказалось слишком много, и они сами по себе были уже просто неразрешимыми.

В экономическом и социально-политическом развитии России к началу XX в. произошли важные качественные сдвиги. С середины 90-х годов XIX в. все настойчивее стали проявляться признаки того, что страна вступила в новый этап освободительного движения. Начался резкий подъем стачечной борьбы. Непокойно

было в городе — студенческие волнения сочетались с выступлениями рабочих — и в начале 1902 г., то есть непосредственно перед назначением Лопухина директором Департамента полиции. Все более разрастались волнения крестьянства⁷. Весенние выступления крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г. приняли грозный характер. Именно в связи с этими событиями и прибыл в апреле 1902 г. Плеве в Харьков, где он после длительной беседы в Лопухиным как председателем губернской судебной палаты предложил ему высший полицейский пост.

В стране надвигалась первая народная революция. Полицейское ведомство, как и вся бюрократическая машина самодержавия, явно не поспевало за этим поворотом истории. Одно как бы продолжало действовать в том пространстве, которое осталось далеко позади, и практиковало допотопные методы борьбы с крамолой по принципу «тащить и не пущать». Это предопределяло прогрессирующее бессилие полицейского ведомства перед нарастающим революционным движением. С особой наглядностью это проявилось в снижении эффективности «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года. Самодержавие вводило этот закон на три года как «печальную необходимость» — для «водворения полного спокойствия и искоренения крамолы». Однако задача эта оказалась неисполнимой для самодержавия вплоть до его падения.

В течение двух лет, сотрудничая с Плеве, Лопухин волей-неволей участвовал в осуществлении реакционного курса внутренней политики, что сказалось на его репутации в кругах либеральных деятелей. После ареста Лопухина в некоторых газетах говорилось о его прямой или косвенной ответственности за репрессивные акции Плеве. Однако многие газеты в то время, а позже ряд мемуаристов отмечали его попытки заменить методы деятельности Департамента полиции. Редактор «Всемирного вестника» С. С. Сухонин утверждал, что с назначением Лопухина «явилась, наконец, возможность проникнуть в тайные архивы знаменитого III отделения». На его просьбу ознакомиться с делом А. С. Пушкина Лопухин «без всяких разговоров» дал положительный ответ. Некто Бибииков свидетельствовал: «Лопухина я знаю давно. Еще в 1903 году он проводил проект о передаче государственных дел судебным инстанциям. Отчасти проект этот был осуществлен при министре юстиции Манухине. Я лично благодаря новому закону из 200 содержавшихся под стражей охранном отделением в г. Минске освободил 183 человека. По всей России расчистка авгиевых конюшен дала громадный отлив арестованных. Это крупный плюс в деятельности А. А. Лопухина»⁸.

Особая позиция Лопухина не могла не раздражать Плеве. Кадетская «Речь» писала: Плеве был недоволен тем, что Лопухин не мог навести должного порядка в деятельности заграничной агентуры во главе с Рачковским. Но все-таки главная причина — упорное стремление Лопухина провести в различных докладных записках мысль об опасной (с точки зрения верхов) предреволюционной обстановке в стране. Слишком дорога была для Плеве «честь мундира», ибо, как свидетельствует С. Ю. Витте, он «готов был задушить всякого, кого он мог заподозрить в способствовании его уходу с министерского поста»⁹.

Кратковременное пребывание после убийства Плеве на посту министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского ознаменовалось наступлением «правительственной весны». Лопухин посоветовал ему подать царю докладную записку о действительном положении в стране, но Святополк-Мирский уклонился. Тогда Лопухин предложил представить такую записку от своего имени, чтобы министр затем передал ее Николаю II.

Так появилась «Докладная записка» Лопухина, которая 8 декабря 1904 г. была представлена министром царю, в начале 1905 г. рассмотрена на заседании Комитета министров уже при новом министре — А. Г. Булыгине. Целью записки, как пишет Лопухин в своих воспоминаниях, было сказать царю правду о революционной опасности, правду, быть может, «даже грубую», чтобы он «одумался» и чтобы не было «ссылок на то, что он был обманут, что о него все скрывали».

В своей записке Лопухин обратил внимание правительства на плачевные итоги применения «Положения о мерах к охранению...»: ни один из способов обеспечения порядка по этому Положению не дал результатов. Ничего не добились, писал Лопухин, передачей дел о наиболее опасных политических преступлениях военному суду с последующим почти автоматическим приговором к смертной казни, ибо это лишь способствовало дальнейшему росту террористических покушений. Он осудил

систему проверок благонадежности служащих земств. Не допуская кандидатов на должности в земских управах из-за неблагонадежности, правительство не дает возможности «беспокойным элементам» общества заработать на кусок хлеба, заняться делом, которое «отвлекало бы их от подпольной деятельности»; они переходят из губернии в губернию и «разносят за собой недовольство существующими порядками».

Особенно тяжелые последствия видел Лопухин в тех пунктах «Положения о мерах к охранению...», которые дают «властям право стеснения свободы частных лиц в форме обысков, арестов и высылки»¹⁰. Лопухина беспокоит «совершенная произвольность обысков», которая «вошла в полицейский и административный обиход». Он осуждает аресты «без достаточных оснований», сожалеет, что в обществе бытует неправильное представление, будто все аресты санкционируются Департаментом полиции.

Тревожит Лопухина и то, что местная администрация явно злоупотребляет данным ей правом высылки отдельных лиц из мест их жительства, тем, что «оно применяется и к тем, кто действительно для государства опасен, и к тем, кто проявляет лишь самостоятельность мнений и даже более к последним, чем к первым». «Озлобляя население,— заключает Лопухин,— административная ссылка разбрасывала революционное движение по лицу земли русской, и в настоящее время уже известны случаи имевшей успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и в Киргизской степи»¹¹.

Когда Лопухин писал свою «Докладную записку», упомянутое «Положение» действовало в Российской империи уже в течение 23 лет. За это время выросло целое поколение людей, которые не знали фактически ничего об общих законах Российской империи уже в течение 23 лет. За это время выросло целое поколение людей, которые не знали фактически ничего об общих законах Российской империи и для которых «Положение» было ее основным законом. Полиция получила по этому «Положению» огромные, почти неограниченные права по искоренению революционной «крамолы». И вот парадокс: именно это поколение совершило те две буржуазно-демократические революции, которые привели к уничтожению самодержавного строя в стране.

Падение Святополк-Мирского, которому, как, впрочем, и Лопухину, инкриминировалась необеспеченность «порядка» во время кровавых событий 9 января, предопределило и падение Лопухина. Убийство эсерами Плеве и московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича в некоторых придворных сановных кругах также связывали с упущениями директора Департамента полиции. В смещении Лопухина с этого поста явно сыграла свою роль и его докладная. Николай II всего лишь засвидетельствовал на полях записки, что прочитал ее. «Единственным последствием моей записки,— писал позже Лопухин,— было то, что при дворе и в известных кругах петербургской бюрократии я был произведен в революционеры»¹².

Причины неудач Лопухина на поприще директора Департамента полиции объяснялись, видимо, тем, что посягая на безграничные права полиции, Лопухин, сам того не подозревая, посягал на самодержавие, субъективно стараясь в то же время придать ему большую жизнеспособность.

Именно высочайшим указом, данным Правительствующему сенату 4 марта 1905 г., Лопухин был назначен эстляндским губернатором¹³. Это было, конечно, понижением в должности. Д. Ф. Трепов, который до этого был в какой-то степени подчинен Лопухину как московский обер-полицмейстер, теперь стал фактически его начальником, ибо получил при А. Г. Булыгине пост товарища министра внутренних дел, заведующего всеми полицейскими делами в империи, командира корпуса жандармов. Будучи ярым монархистом, Трепов был антагонистом, либеральствующего Лопухина. Это не могло не осложнить деятельности последнего на новом посту, тем более, что накал социальной борьбы в этом регионе с достаточно высоко развитым капитализмом нарастал с каждым днем. Теперь свою энергию Лопухин вынужден был употреблять не на реформистскую деятельность, а на сдерживание мощного напора нарастающих волнений.

С. Д. Урусов, близкий друг Лопухина, брат его жены, пишет, что во время встречи с Лопухиным в Ревеле летом 1905 г., обсуждая положение в стране, они оба пришли к выходу о предстоящем неминуемом столкновении «двух сил:

правительственной — обладавшей властью, и общественной — овладевшей умами»¹⁴. Это свидетельство в данном случае ценно тем, что хорошо объясняет последующие зигзаги в поведении Лопухина на посту эстляндского губернатора, которые были расценены вышестоящей властью как потакание «преступным элементам», а позднее, после ареста Лопухина, названы правой печатью «предательством».

Во время Октябрьской всероссийской политической стачки в Ревеле начальник Эстляндского губернского жандармского управления барон Н. Э. Нольде в своем секретном донесении командиру отдельного корпуса жандармов Трепову сообщал 15 октября: «13 октября губернатор разрешил железнодорожным служащим сходку в помещении клуба «Эстония», которая продолжалась с 6 до 11 час. вечера, где инженеры Софронов, Соловьевич, Худобашев и другие произнесли политического свойства речи, сопровождающиеся критиками «долой самодержавие», в которых настаивали ни под каким видом не приступать к исполнению своих обязанностей, пока правительство не исполнит всех их требований».

Особенное возмущение жандармского корпуса, а в последующем и правой печати, вызвало создание по предложению Лопухина в Ревеле отрядов народной милиции для поддержания порядка. Очевидно, чтобы застраховаться, Лопухин 16 октября ночью послал телеграмму-шифровку Трепову: «Ввиду совершенной недостаточности полиции, гарнизона предложил Городской Управе сегодня экстренное задание думы для организации охраны горда населением». На полях ее Трепов решительно начертал: «Отменить»¹⁵.

В «Отрывках из воспоминаний» Лопухин рассказывал, что рабочие отнеслись с «полным сочувствием» к его предложению организовать охрану города милицией из населения. Но при этом сообщили, что при предшественнике Лопухина, после того, как рабочие подобным образом навели порядок в городе, они были арестованы и до сих пор сидят в тюрьме. «Ввиду этого рабочие без гарантии, что это не повторится, отказывались от участия в осуществлении моего предложения... Тогда я, вполне сознавая, что делаю распоряжение, на юридическом языке именуемое превышением власти, дал письменное предложение начальнику тюрьмы освободить всех тех рабочих, список которых как арестованных при вышеупомянутых условиях я составил со слов рабочей делегации. Они и были немедленно освобождены»¹⁶.

В очередном донесении Трепову барон Нольде сообщил, что одновременно с освобождением политических заключенных из двух тюрем Лопухин предложил «отменить всякое патрулирование по городу воинских частей». Нольде указывал в последующих донесениях, что многие из освобожденных политических заключенных выступили затем как активные агитаторы и организаторы «беспорядков». Нетрудно представить, какова была реакция Трепова на секретное донесение Нольде, в котором сообщалось нечто невероятное: «Губернатор под влиянием наущений городской управы предложил было генерал-лейтенанту Воронову выдать из неприкосновенного запаса 500 ружей с нужным количеством патронов для вооружения городской милиции, но получил отказ». Временно отсутствовавший в городе начальник гарнизона Воронов утром 16 октября прибыл в Ревель и нанес визит губернатору. Нольде уведомляет Трепова, что Воронов, «побывав у губернатора и убедившись, что к защите мирных жителей и их имущества никаких мер не принимается, высказался, что в этом отношении будет действовать самостоятельно, и сделал немедленное распоряжение о наряде войск в разные части города». Результаты не замедлили сказаться в тот же день: войсками была расстреляна демонстрация ревельских трудящихся.

Лопухин публично отмежевался от причастности к кровавой акции генерала Воронова. Более того, он объяснял в своем донесении, что просил генерала «послать конного ординарца отозвать посланные на Русский рынок (место, где произошли кровавые события, — Б. Б.) роты»¹⁷. Но Лопухин вместе с тем сделал заявление для населения, под которым мог подписаться и сам Трепов: «Таковы события последних дней. Сообщая о них во всеобщее сведение, объявляю, что я сделал все от меня зависящее во избежание человеческих жертв, для устранения мирным путем той угрозы спокойствию и порядку, которая была создана разнузданной толпой. Отныне будут применены самые крутые меры, войска будут стрелять при нарушении скопищем порядка... Военной силы в городе достаточно, и в распоряжении ее имеются пулеметы, которые в случае надобности также будут употреблены в дело»¹⁸.

Это заявление было сделано 17 октября — в день обнародования царского манифеста. А после его получения в Ревеле и оглашения в ревельской городской думе 18 октября Лопухин распространяет по городу свое обращение, которое правая печать после его ареста приравнивает к революционной прокламации. Действительно, текст его разительно отличается от предыдущего заявления — здесь уже нет никаких угроз. Лопухин формулирует задачи, вытекающие из царского манифеста, по-своему им понятого. Поскольку, считает он, манифест дарует России новый государственный строй, основанный на широком и активном участии народа в делах правления, свободу слова, совести, собраний, союзов и неприкосновенности личности, то теперь служба всех административных и полицейских чинов должна состоять не в опеке над населением и надзоре за ним, а в бдительной охране его личных, политических и имущественных прав и интересов¹⁹.

Лопухин, очевидно, всерьез воспринял некоторые положения царского манифеста. У него снова появились иллюзии по поводу возможностей «демократизации» самодержавия.

Однако серьезной помехой на этом пути Лопухину, как и всякому иному сановнику-прогрессисту, представлялись народные волнения, насильственные действия низов, посягательства на собственность и иные «беспорядки». Царизму не удалось манифестом 17 октября сбить мощную волну нарастающего в стране революционного движения. 26 октября 1905 г. Лопухин вынужден был обратиться с новым воззванием к населению. В нем говорилось: «Призывая все население к порядку, объявлению, что ни Манифестом 17-го октября, ни каким-либо другим законодательным актом законы, охраняющие безопасность, честь и имущество каждого, не отменены, что власть ныне, как и раньше, обязаны со всей строгостью преследовать похитителей имущества, нарушителей личного спокойствия каждого обывателя и общего порядка и что по моему распоряжению уже посланы в сельские местности войска для содействия полиции самыми решительными мерами к прекращению беспорядков»²⁰.

Поведение Лопухина в конечном итоге породило гневное отношение к нему со стороны как наиболее последовательно революционной части населения Ревеля, так наиболее консервативной сановной столичной верхушки. Лопухина вызывают в Петербург, в Министерство внутренних дел. Он, опасаясь покушения на свою жизнь, вынужден был тайно покинуть город, сев ночью с 13 и 14 ноября в лодку, которая перевезла его на стоящий на рейде крейсер, а оттуда — в г. Гельсингфорс. Так бесславно закончилось либеральничание Лопухина на посту губернатора.

Назначенный на пост министра внутренних дел 23 октября П. Н. Дурново обошелся в Лопухиным крайне неучтиво. Состоявшийся между ними краткий диалог нашел отражение в ряде источников. Вот как передает его В. Б. Лопухин: «Прибывшему в Петербург, еще не знавшему о своем увольнении А. Лопухину министр внутренних дел П. Н. Дурново в кабинете С. Ю. Витте с первых же слов, не здороваясь, заявил: «Вы уволены по прошению». — «Я прошение не подавал...». — «Все-таки, Вы уволены по прошению». Увольнение без указания причин было равносильно выдаче волчьего паспорта». Однако увольнение не было окончательным — до 1 августа 1906 г. Лопухин состоял еще «причисленным» к Министерству внутренних дел и получал денежное содержание по 500 руб. в месяц. С 1 августа выдача денег ему была прекращена.

Лопухин пишет в «Отрывках из воспоминаний», что в это время Витте пытался назначить его товарищем министра внутренних дел (без ведома Лопухина), однако проект этого назначения «встретил столь решительно враждебный отпор» со стороны Николая II, что Витте «даже был им озадачен». «Ушел Лопухин со службы, резко порвав со всей бюрократической машиной, но при том был враждебно встречен и тогдашним оппозиционно настроенным обществом. Его попытки проникнуть в ряды адвокатуры не увенчались успехом. Этот факт произвел тягостное впечатление на Лопухина», — писали «Биржевые ведомости». В печати отмечалось, что именно в эти годы Лопухин сильно бедствовал: пенсии он не получал, а материальные средства его были весьма ограничены. Вероятно, это было только во второй половине 1906 г., потому что в этой же газете читаем: «Последние два года он значительно оправился, завязав солидные связи в торгово-промышленных кругах и добившись в этих кругах большого доверия и ведя порученные ему дела с выдающимся успехом»²¹.

За два с половиной года — от увольнения со службы до ареста — Лопухин совершил ряд поступков, которые не могли не раздражать верховную власть. Поэтому суждения некоторых газет в связи с судом над Лопухиным о том, что правительство по существу мстило ему за все его «преступления», а не только за выдачу революционерам своего тайного агента, вряд ли были безосновательными.

В том же, 1906 г., уже в качестве частного лица Лопухин явился на прием к Витте, чтобы сообщить, что в департаменте полиции еще под руководством Трепова и при участии Рачковского была создана и продолжает действовать секретная группа, которая занимается изготовлением «всяких провокаторских прокламаций». Он попросил Витте пресечь деятельность этой «подпольной» типографии. Витте отнесся к этому сообщению с недоверием и потребовал доказательств, и Лопухин принес ему через несколько дней образцы отпечатанных «прокламаций». Но и после этого Витте, как сам он признается, отнесся к сообщению Лопухина равнодушно, считая некорректным разглашение служебной тайны. Лопухин не отступал. Он снабдил необходимыми сведениями своего шурина депутата I Думы Урусова, и тот произнес разоблачительную речь по поводу издания провокационных прокламаций на открытом заседании Думы 8 июня 1906 года²².

В 1907 г. в московском издательстве В. М. Саблина Лопухин выпустил книгу «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции», в которой подвергает основательной критике жандармско-полицейскую систему в России. Он в частности, отмечает, что в законодательстве о полиции царит настоящий хаос — нередко законоположения противоречат друг другу, некоторые законодательные распоряжения в свод законов не вносились и даже не публиковались, разобраться в них не под силу не только рядовому обывателю, но и высшим должностным лицам полиции. А если иметь в виду, что полиция в России имеет множество разновидностей, что она подразделяется на общую и жандармскую, наружную и политическую, конную и пешую, городскую и уездную, сыскную (для розыска по общеуголовным делам в больших городах), фабричную, железнодорожную, портовую, речную, горную, мызную и т. д., то иногда трудно заранее сказать, какие полицейские власти в той или иной местности действуют.

Совершенно неоправданным Лопухин считает существование отдельной политической полиции. По мнению Лопухина, «охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а в конечном счете приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной». Налицо концепция, довольно типичная для некоторых либеральных сановников, ратующих за определенные уступки общественному движению во имя сохранения существующего государственного устройства. В итоге Лопухин провозглашает либеральную программу «создания так называемой судебной полиции с возложением заведывания ею на прокуратуру»²³.

Кульминационный пункт разоблачительной деятельности Лопухина по Министерству внутренних дел — раскрытие им агентурной работы Азефа. Об этом подробно и с большой степенью достоверности рассказывает в своей книге «В погоне за провокаторами» В. Л. Бурцев, начавший кампанию по разоблачению Азефа.

В органах прессы в то время нередко ставился вопрос, кого же Азеф предавал больше и чаще — охранку эсеровской партии или террористов и функционеров этой партии — охранку. У Лопухина, очевидно, сложилось твердое убеждение, что гораздо больше урона Азеф принес тому ведомству, в котором когда-то служил и сам Лопухин.

Казалось бы, при отрицательном «балансе» агентурной деятельности Азефа правительство должно было немедленно его арестовать и наказать столь же сурово, как оно наказывало всех, кто покушался на жизнь высокопоставленных служащих самодержавия. Но ничего подобного не произошло. Правительство, которое возглавлял в то время П. А. Столыпин, твердо решило защищать «честь мундира», категорически отстаивать версию о выдающихся заслугах Азефа в деле охраны — никто и не собирался привлечь его к ответственности. Не спешили это делать и эсеры, даже после того, как объявили его провокатором. Азефу довольно легко

удалось скрыться. Можно лишь с уверенностью предположить, что эсеры его не особенно старательно искали, а охранка, возможно, даже помогала ему укрыться.

Вряд ли Лопухин мог предполагать, что по инициативе Столыпина — бывшего его товарища по Орловской гимназии и даже дальнего родственника (через Оболенских) — он скоро будет привлечен к суду Особого присутствия Правительствующего сената как государственный преступник, как человек, якобы вступивший в сговор с тайной революционной организацией. Впрочем, есть основания предполагать, что инициативе Столыпина был дан толчок Николаем II. Самое главное из деятельности, а точнее, из проступков, Лопухина в то время, когда он занимал посты директора Департамента полиции и эстляндского губернатора, несомненно, докладывалось царю. Урусов вспоминает: «На письменном докладе об аресте Лопухина, поданном министром Столыпиным царю, он, конечно, начертил: «Надеюсь, будет каторга».

Арест Лопухина был похож на тщательно разработанную военную операцию. Рань утром 18 января 1909 г. полицейские общей численность до 40 человек, разделившись на две группы, оцепили парадный и черный входы в квартиру Лопухина. В половине восьмого в квартиру постучали и вошли с ордером на арест и санкцией на обыск прокурор Петербургской судебной палаты, его помощники, чины полиции и понятые-дворники. Обыск в квартире Лопухина продолжался семь часов. Затем в течение часа Лопухина допрашивали, а потом он был отвезен в знаменитые «Кресты» и помещен в одиночную камеру. Просьба родных Лопухина отпустить его под залог была категорически отвергнута. Газеты сообщали, что в связи с арестом Лопухина в Петербурге и в Москве полиция произвела обыски у ряда лиц, находящихся в постоянных деловых отношениях с Лопухиным²⁴.

«Преступление» Лопухина вытекало из той позиции, которую власти заняли по отношению к разоблачению Азефа. Правительство твердо и последовательно отстаивало лживую версию о честном служении Азефа охранному отделению, о полезности его усилий по предотвращению преступных действий революционеров, то есть эсеров. В официальном сообщении в связи с арестом Лопухина было заявлено, что он «доставил названной революционной партии доказательства против Азефа, известные Лопухину исключительно по прежней службе его в означенной должности, причем упомянутое деяние имело прямым последствием исключение Азефа из партии и прекращение для него возможности предупреждать полицию о преступных планах сообщества, ставящих целью совершение террористических актов первостепенной важности»²⁵.

Задача следствия заключалась в том, чтобы доказать, что Лопухин примкнул к партии социалистов-революционеров и поэтому разоблачил Азефа. Стараясь во что бы то ни стало добыть сведения о связях Лопухина с эсерами, следователи по особо важным делам подвергали допросу его жену и дочь Варвару²⁶. В газетах правильно указывалось, что судьбой Лопухина фактически ведает высшая инстанция. Материалами дела постоянно интересовались Столыпин и министр юстиции И. Г. Щегловитов.

До конца следствия Лопухин надеялся, что в действиях его не будет обнаружено состава преступления. «Я был уверен, — писал он, — что дело обо мне будет прекращено, если не по заключению Прокурорского надзора, то Судебной палатой... Я ошибся, думая, что по моему делу обвинительный акт подлежит утверждению Судебной палатой»²⁷. Действительно, минуя Петербургскую судебную палату, Сенат 2 апреля 1909 г. принял решение о предании Лопухина суду Особого присутствия на основе повеления императора от 23 февраля по ст. 102, п.п. 1 и 3 Уголовного уложения. Слушание дела было назначено на 28 апреля.

3 апреля, ознакомившись с этим решением и обвинительным актом, Лопухин пишет в Особое присутствие еще одно прошение о вызове в суд дополнительно восьми свидетелей. Из мотивировки вызова каждого из названных им лиц видно: с их помощью Лопухин хотел доказать суду, что в своих мыслях и поступках он был далек от всякой революционности, а не только от причастности к революционным партиям. Однако вся процедура суда показала, что участь Лопухина была заранее предрешена.

Председательствующим на этом сенсационном судебном процессе был назначен сенатор В. Н. Варварин. Суд был скорый и крутой. Адвокат Лопухина А. А. Пасовер позднее в гротескной форме так изображал процедуру этого суда: «Адвокаты

обеих сторон говорят одновременно, а Сенат в то время удаляется на совещание»²⁸. Своим внезапным запрещением оглашать в суде документы предварительного следствия Варварин привел в замешательство даже прокурора, который вынужден был в середине заседания переделать заново всю свою речь, выбросить из нее все, что основывалось на этих документах и во все время произнесения речи думать лишь о том, чтобы случайно не проговориться. Варварин решительно пресек все попытки Лопухина коснуться фактов, изобличающих Азефа в двойной игре.

На третий день заседания суда Лопухину был объявлен приговор — пять лет каторги, с лишением прав. Через 20 дней по кассационной жалобе Сенат несколько смягчил наказание — каторга была заменена ссылкой на тот же срок с лишением прав.

После четырех лет ссылки, которую он отбывал сначала в Минусинске, а с 1911 г. — в Красноярске, Лопухин 21 февраля 1913 г. был помилован царем по прошению его брата полковника Д. А. Лопухина. Вернувшись после высочайшего помилования из Сибири, Лопухин поселился в Москве, одно время занимался адвокатурой, а потом посвятил себя банковской деятельности. Переехав в Петербург, он стал членом правления Международного банка. Похоже, что именно как поверенный в финансово-предпринимательской сфере Лопухин и нашел себя. Его способности на этом поприще еще до его ареста засвидетельствовала такая авторитетная газета, как «Биржевые ведомости»: «У А. А. Лопухина имеются прекрасные связи в Лондоне, среди местных финансистов он славится умом, практической сметкой, безукоризненной деловой корректностью».

После Октябрьского переворота в течение по крайней мере пяти лет Лопухин жил в Москве: в конце книги «Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте)», предисловие к которой написал М. Н. Покровский, стоит отметка: «26 июля 1922 года, Москва». Затем по разрешению советского правительства он выехал во Францию. Почему он не был репрессирован? Очевидно, учитывались его разоблачения царской полиции, самых темных ее представителей, а также лояльность по отношению к новой власти. Одна эмигрантская газета позже отмечала: «При захвате большевиками в Петербурге банков значительная доля забот и переговоров с новыми господами выпала на долю Лопухина, обнаружившего при этом обычную смелость и присутствие духа»²⁹.

В некрологах по поводу его смерти отмечалось, что монархическими кругами эмиграции он был встречен враждебно: продолжали вспоминать о его связях с врагами престола, о его «предательском поведении» в связи с разоблачением Азефа. Неприязненно был оценен и тот факт, что ему была предоставлена возможность свободно покинуть страну. В эмиграции Лопухин держался в стороне от ее политических центров, занимаясь исключительно деловой деятельностью.

Умер Лопухин 1 марта 1928 г. в Париже от сердечного приступа. В иностранной и русской эмигрантской печати вспоминали, что его имя одно время не сходило со страниц газет в связи со скандальным разоблачением Азефа. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением газеты «Руль», что судьба Лопухина «была одним из ярких симптомов неминуемой гибели самодержавного режима»³⁰.

Находясь в весьма умеренной оппозиции к царскому правительству, Лопухин довольно последовательно проявлял ее по самому запретному, с точки зрения правительства, вопросу. Его разоблачения волей или неволей показывали, что разложение царизма проникло в его святая святых, в ряды его когда-то самых надежных слуг — в полицейский аппарат, что даже в условиях чрезвычайной и усиленной охраны этот аппарат все еще демонстрировал свое бессилие в борьбе с нарастающим массовым революционным движением в стране, что в своем бессилии он все чаще стал практиковать официально осуждавшийся прием — провокацию. А людей, подобных Лопухину, которые вполне искренне указывали на приближающийся революционный взрыв, по сути дела, наиболее мыслящих своих доброжелателей, самодержавие зачисляло в разряд «предателей».

Примечания

1. Точные даты в данном случае воспроизводятся по формулярному списку о службе Лопухина — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, 1-е делопр., д. 295, л. 4, 14.

2. Речь, 20.I.1909; Вечер, 29.I.1909.
3. См. ЛОПУХИН В. Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. 1894—1917. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). ф. 1000, оп. 2, д. 767, л. 116.
4. См. КОВАЛЕНСКИЙ М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 2. Дело Веры Засулич. М. 1923, с. 5; ГАРФ, ф. 102, 1-е делопр., д. 295, л. 10, 70.
5. Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего сената. Стеногр. отч. СПб. 1910, с. 113.
6. Возрождение, Париж, 4.III.1928.
7. См. АНФИМОВ А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904. М. 1984, с. 213.
8. Биржевые ведомости, 22.I.1909, веч. вып.; Утро, Харьков, 23.I.1909.
9. См.: ЛОПУХИН В. Б. Люди и политика (конец XIX — начало XX в.) — Вопросы истории, 1966, № 9, с. 125—126; Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях. Сб. док. Харьков. 1961, с. 242; АНФИМОВ А. М. Ук. соч, с. 221; ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. II. М. 1961, с. 215.
10. ЛОПУХИН А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.-Птгр. 1923, с. 54—55; *его же*. Докладная записка директора департамента полиции Лопухина, рассмотренная в Комитете министров... января 1905 г. Женева. 1905, с. 5—6, 10.
11. ЛОПУХИН А. А. Докладная записка, с. 12—13.
12. См. КУРЛОВ П. Г. Гибель императорской России. Берлин. 1923, с. 36—37; ЛОПУХИН А. А. Отрывки из воспоминаний, с. 55.
13. ГАРФ, ф. 102, 1-е делопр., д. 295, л. 134.
14. ОР РНБ, ф. 550, к. 2, д. 3, л. 45.
15. ГАРФ, ф. 102, оп. 233, д. 1350, ч. 50, л. 11, 13, 65, 29.
16. ЛОПУХИН А. А. Отрывки из воспоминаний, с. 78—79.
17. ГАРФ, ф. 102, оп. 233, ед. хр. 1350, ч. 50, л. 20, 21—22, 42—43, 62.
18. Там же. л. 44, 65.
19. Там же, л. 6а.
20. Там же, л. 70.
21. Вопросы истории, 1966, № 9, с. 115; ГАРФ, ф. 102, 1-е делопр., д. 295, л. 148; ЛОПУХИН А. А. Отрывки из воспоминаний, с. 93—94; Биржевые ведомости, 20.I.1909.
22. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. III. М. 1960, с. 85; Государственная дума. Стеногр. отчеты. Т. II. СПб. 1906, с. 1130—1132.
23. ЛОПУХИН А. А. Отрывки из воспоминаний, с. 33—34, 60.
24. ОР РНБ, ф. 550, к. 2, д. 3, л. 43; Новая Русь, 19.I.1909; Вечер, 21.I. 1909.
25. Русские ведомости, 20.I.1909.
26. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 774, л. 35, 37; Биржевые ведомости, 30.I.1909, утр. вып.
27. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, 774, л. 42.
28. ГЕССЕН И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин. 1937, с. 149.
29. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1. д. 409, л. 23—24; Возрождение. 3.III.1928; Биржевые ведомости, 20.I.1909, веч. вып.
30. Рувль, Берлин, 6.III.1928.

Так начиналась партия эсеров

А. И. Еремин

В конце XIX — начале XX в. в России происходила трансформация политических течений в политические партии. В отличие от стран Западной Европы, где образование партий социалистического направления вызывалось переменами в политической системе, в России сторонники социалистических целей и революционных методов их достижения объявили о создании своих партий еще при прежнем режиме. Характерной особенностью этого процесса была острейшая межпартийная борьба. Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) стала тогда одним из заметных субъектов отечественной истории. Она прошла путь от разрозненных групп до массовой партии, а в 1917 г. оказалась крупнейшей в России, хотя и не смогла противостоять потом напору большевизма.

В размежевание революционного крыла освободительного движения на партии активно вмешались органы политического сыска, придав делу остросюжетный характер. Касается это и ПСР, образование которой было неоднократным событием и осуществилось в несколько этапов, преломляясь сквозь взаимоотношения революционных организаций и охранных органов. После упадка народничества в 90-е годы XIX в. для части интеллигенции нравственный долг служения народу вновь обрел формы хождения в народ, но гораздо более практического свойства — через развитие кружкового движения в городах. Сторонники быстрых и радикальных мер борьбы с царизмом, не принявшие взглядов нарождавшейся социал-демократии, видели возможность успешной борьбы на пути сужения задач, но одновременно расширения базы такой борьбы за счет объединения всех антиправительственных сил на общей политической платформе.

Эта тенденция проявилась в деятельности кружка В. П. Барыбина (1892 г., Тверь). В его изданиях предлагалось от имени «соединенных групп социалистов-революционеров» организовать одну общую партию на основе идеи политического переворота. Сходная попытка объединения была предпринята саратовским кружком М. А. Натансона, реорганизовавшимся в 1893 г. в Социально-революционную партию «Народное право». Ее члены установили связи с единомышленниками в Москве через Н. М. Астырьева, в Орле через А. В. Геденовского, с кружком В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненского в Нижнем Новгороде. Ко времени арестов в апреле 1894 г. народоправцы действовали уже в 28 городах (социал-демократические группы существовали тогда в 15 городах) ¹.

Параллельно развернулась борьба за политическое лидерство. Марксисты нанесли ряд теоретических ударов по идеологическим и организационным основам народничества как «тупикового направления» революционного движения, претендуя на роль единственного законного правопреемника революционно-демократического наследия шестидесятников. Вокруг органов печати формировались ядра будущих политических партий, в чьих спорах

Еремин Александр Иванович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Орловского коммерческого института.

вырисовывались контуры их программ. В частности, журнал «Русское богатство» попытался отстоять народническую идеологию, и на его страницах были высказаны краугольные мысли неонародничества.

А за рубежом активизировала деятельность «старые народовольцы», издавая материалы, пропагандирующие идеи бывшей «Народной воли». В центре внимания находился вопрос о партии. П. Л. Лавров с соратниками доказывали необходимость создания строго конспиративной партии, преимущественно из интеллигенции, которая должна была объединить различные фракции народовольцев².

Так же думали члены разрозненных народовольческих групп в России. Суммируя эти взгляды, Н. С. Русанов писал: «Повсюду есть революционеры, богатые, как и прежде, энергией и самоотвержением: нет лишь центрального органа, чтобы связать в один узел эту массу разрозненных сил и способностей. Но все заставляет думать, что скоро возникнет этот центр, и против правительственной организации поведет борьбу организация революционеров». Чтобы это получилось, «старые народовольцы» призывали революционеров проявлять лояльность в отношении теории. «Пусть опыт минувшей четверти века, — писал Лавров, — научит нас быть более терпимыми к «своим», поддерживая в то же время в нас самую упорную неуступчивость в нашем общем деле»³. В 1890-е годы в городах Центрально-промышленного района (ЦПР) имелось уже много «горючего материала» в лице селившихся там и возвращавшихся из ссылки революционеров, а также высланных из столиц, промышленных и учебных центров участников студенческих и фабричных беспорядков. В 1893 г. лишь в Орле под наблюдением полиции находилось 93 человека. В конторе Орловско-Грязевской железной дороги, где главным бухгалтером служил Натансон, подбиравший штат сотрудников, работало до 20 бывших ссыльных. Статистиком в орловском земстве был А. В. Пещехонов. В Нижнем Новгороде тогда проживало около 300 ссыльных. Из них организовались несколько местных кружков, куда вошли студенты, учителя и лица иных профессий. Как сообщало Нижегородское губернское жандармское управление (ГЖУ) в Департамент полиции, поселенцы регулярно общались и вводили в свой круг новых людей, «еще не вкусивших сладких речей»⁴.

Фактором, частично способствовавшим активизации революционеров в российской провинции, был, между прочим, довольно низкий уровень профессиональной подготовки местных жандармских властей. К рубежу XX в. почти на всей территории Центральной России возникли кружки народнического направления. В рамках самообразования велась ориентированная пропаганда, которая вызвала появление «преступных сообществ», чьи члены поначалу знакомились с нелегальной литературой. Характерным для этих групп был достаточно высокий уровень выпускавшихся ими прокламаций и хорошая конспирация. Обычно прежде всего в конкретной местности нелегально селились революционеры, которые от имени руководящей организации налаживали подпольную работу. Именно рост их активности и едва ли не бессилие ГЖУ побудили известного охранника С. В. Зубатова образовать Летучий отряд филеров Департамента полиции для деятельности против «нелегалов»⁵.

Между несколькими центрами социалистов-революционеров существовали серьезные разногласия. Самой крупной организацией в ЦПР был Союз социалистов-революционеров (ССР), возникший в 1896 г. в Саратове и перебравшийся затем в Москву. По 1898 г. ССР укреплял связи с другими городами, но результаты получились не блестящие. Затем основное внимание переключили на выработку программы как основы объединения эсеровских сил. Ее составил А. А. Аргунов (Воронович), сделавший упор на политическую борьбу и террор. Налаживалось печатное дело⁶.

Роковую роль в судьбе ССР, как потом и всей партии эсеров, сыграл Зубатов. Он держал ССР в поле своего зрения с рубежа 1899 года. С приездом в июле 1899 г. из Германии в Москву провокатора Е. Ф. Азефа Зубатов получил дополнительные возможности осуществления своих замыслов. Именно под контролем Зубатова ССР наращивал свою деятельность, а Азеф доставил Аргунову печатную технику.

В сентябре 1901 г. под Томском, при печатании № 3 «Революционной России», была арестована типография ССР. Но ликвидация ее не сопровождалась арестами уже известных жандармам членов ССР. Один из видных охранников А. И. Спиридович прямо считал, что с арестами «запоздали», а в это время «одного работали и Аргунов, и Селюк, и поддерживавший связь с ними Гершуни», чему Департамент полиции «не воспрепятствовал», и в результате «народилась партия» эсеров. Существует мнение, что Зубатов «хотел продвинуть Азефа к самому центру всероссийской организации», как бы санкционировав объединение социалистов-революционеров и тут же постаравшись расколоть их на две фракции⁷.

А удар по ним был нанесен в масштабе всей России весной 1903 года. Тогда же был

схвачен один из основателей новой партии Г. А. Гершуни, и «партия, едва народившаяся, содрогнулась». Затем последовал «страшный провал» в Петербурге и связанные с ним провалы по всей стране. Охранка уже могла предъявить арестованным крупный счет: в 1902 г. эсерами был убит министр внутренних дел Д. С. Сипягин, в 1903 г. — уфимский губернатор Н. М. Богданович. «Казалось что все погибло. Многие так думали», — вспоминали потом на 1-й эсеровской конференции⁸.

Вскоре, однако, партия возродилась. Это случилось потому, что уже довольно прочное положение в подполье обрели и центральные, и местные эсеровские органы: к 1902 г. существовали слившиеся из ряда местных групп и кружков Южная партия социалистов-революционеров, Северный союз социалистов-революционеров, Аграрно-социалистическая лига. Вне России функционировал Заграничный союз социалистов-революционеров. Во главе партии стояли такие прошедшие через многие испытания теоретики и практики, как Натансон, Е. К. Брешко-Брешковская, Русанов, В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Гершуни. Выходили и подпольно распространялись эсеровские газеты и журналы. Укреплялась связь эсеров со всем левым крылом революционной демократии⁹. И в целом этот «пирог» оказался репрессивным органам не по зубам.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893, д. 217, л. 164, 89 об.; ШИРОКОВА В. В. Партия «Народного права». Саратов. 1972, с. 106, 176.
2. ЛЕОНОВ М. И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения. Куйбышев. 1987; его же. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара. 1992; Политическая история России в партиях и лицах. М. 1993; История политических партий России. М. 1994.
3. СПИРИДОВИЧ А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886-1916. Вып. II. Пг. 1918, с. 44-52; КИРИЧЕНКО Т. М. Русская демократическая зарубежная печать как исторический источник (конец 80-х — первая половина 90-х гг. XIX в.). Ч. 1. М. 1972, с. 67-84; ХОРОС В. Г. Народническая идеология и марксизм. М. 1972; ВАНДАЛКОВСКАЯ М. Г. История изучения русского революционного движения середины XIX века (1890-1917 гг.). М. 1982, с. 10; ЛОГУНОВ А. П. Революция 1905-1907 гг. и российская социал-демократия. Ростов н. Д. 1992, с. 21-31; С родины на родину, 1895, № 5, с. 142, 400.
4. Государственный архив Орловской области, ф. 883, оп. 1, д. 46, л. 17; Очерки истории Горьковской организации КПСС. Т.1. Горький. 1961, с. 26; ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898, д. 9, ч. 2, лит. Б, л. 50.
5. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1902, д. 1791 (записка Л. О. Ратаева).
6. АРГУНОВ А. Из прошлого партии социалистов-революционеров. Пг. 1917, с. 17, 24; НЕЧЕТНЫЙ Ст. (Слетов С. Н.) Очерки по истории возникновения партии социалистов-революционеров. — Социалист-революционер, 1912, № 4, с. 61-65.
7. МЕНЬЩИКОВ Л. П. Охрана и революция. Ч. III. М.-Л. 1930, с. 34-35; ч. 2, вып. II. М. 1929, с. 118; ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898, д. 80, лит. А, л. 23; лит. В, л. 62; Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Париж. 1911, с. 17-18; Вопросы истории, 1993, № 5, с. 110; СПИРИДОВИЧ А. И. Записки жандарма. М. 1991, с. 80-81; НИКОЛАЕВСКИЙ Б. История одного предателя. М. 1991, с. 51.
8. Протоколы первой общепартийной конференции ПСР. Париж. 1908, с. 16.
9. СЛЕТОВ С. Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг. 1917.

Отец геополитики о России как великой державе

Г. Озелиус, М. Ю. Чуканов

Ни один шведский исследователь в области политической науки, вероятно, не пользовался большей международной известностью, чем Рудольф Челлен (1864—1922). Будучи сыном сельского священника с острова Торсё на озере Вэнерн в Южной Швеции, он стал студентом Упсальского университета в 16 лет и представил докторскую диссертацию там же в 26 лет. После получения ученой степени Челлен переехал в Гётеборг, где стал преподавателем географии в университете. В 1901 г. он получил звание профессора статистики и политической науки. Через 15 лет он возвратился в свой старый университет в Упсале в качестве профессора политической науки и риторики и оставался там вплоть до своей смерти.

Международная известность Челлена связана с тем, что он первым дал определение «геополитики» как науки, учения о соотношении между географией и международными отношениями¹. Его наиболее известная работа в этой области — «Великие державы: очертения современной большой политики» — была впервые опубликована в 1905 г., а позднее вышла в свет в пересмотренном и расширенном издании в 1911—1913 годах². Во время первой мировой войны немецкий перевод этого труда увидел не менее 19 изданий!

Несмотря на международную известность Челлена в прошлом, его сочинения больше не относятся к живому интеллектуальному наследию политической науки. Причиной этого является то, что в его текстах тесно связаны научное исследование и политическая агитация. Челлен был дважды избран в риксдаг, во Вторую (нижнюю) палату на 1905—1908 гг. и в Первую (верхнюю) палату — на 1911—1917 годы. Он принадлежал к националистическому правому крылу консервативной партии, и политические ценности, которые он отстаивал, находились в очевидном конфликте с теми, что господствовали в современном западном обществе. Челлен считал, что такие понятия, как «отечество», «долг», «самопожертвование» и «честь», должны быть основными ценностями любой процветающей цивилизации, в то время как такие понятия, как «свобода», «равенство» и «права человека», были источником беспорядка и нивелировки людей. Согласно Челлену, «идеалы 1914 г.» — националистические идеалы, осуществленные тем, что разразилась первая мировая война, — были выше демократических, либеральных «идеалов 1789 года».

Подобно большей части консервативной шведской интеллигенции, Челлен также неуклонно поддерживал Германию в течение первой мировой войны, видя в этой стране единственного подлинного защитника от «разрушительных, либерально-космополитических сил», представленных Францией и Великобританией. Ему большевистская диктатура, установленная в России в 1917 г., лишь доказала, что в итоге либеральная демократия была обречена закончиться анархией, а затем привести к тотальному правлению. В последние месяцы жизни Челлена приход к власти Муссолини в Италии, казалось, еще раз подтвердил это его убеждение.

Озелиус Гуннар — доктор исторических наук, Стокгольм, Швеция. *Чуканов Михаил Юрьевич* — кандидат исторических наук, Калуга.

Хотя Челлену были чужды расистские и антиинтеллектуальные элементы фашистской идеологии, он в некоторой степени разделял ее авторитарные идеалы. Он также считал, что война является инструментом прогресса человечества, так как она «удалила бы» состарившиеся и больные нации и воспитала бы «жизнеспособность и силу» внутри воюющих стран.

Но несмотря на эти крайние политические взгляды Челлен был также блестящим интеллектуалом и был очень популярен среди студентов. Его рисуют добрым, имеющим чувство юмора и воодушевляющим преподавателем, который всегда побуждал своих учеников спрашивать и критиковать, и человеком, который никогда не позволял, чтобы политические разногласия затрагивали личную дружбу. Он был также человеком с широкими художественными и культурными интересами, много лет выступал музыкальным обозревателем в печати. В студенческие годы он отличался как талантливый певец и пел в хоре студентов Упсалы «Слуги Орфея». В этом качестве он участвовал в поездке хора в России в 1894 г. и выступал при русском дворе перед царем Александром III.

Основы политических убеждений Челлена, как и его теорий геополитики, были заложены в первые годы его пребывания в Гётеборге в последнее десятилетие XIX века. В этот период он вступил в пропагандистский спор между Швецией и Норвегией о подлинном характере шведско-норвежской унии. Была ли эта политическая связь, которая выковалась в заключительной фазе наполеоновских войн и сохранялась вплоть до 1905 г., соглашением между равными или же Норвегия должна была быть подчинена Швеции? Шведские специалисты в области политической науки в это время были чрезмерными конституционалистами в своем видении проблемы, и, доказывая превосходство Швеции над Норвегией, они преимущественно пользовались юридическими аргументами. Челлен же находил этот подход слишком узким и неудовлетворительным, и так как на него повлияла его работа преподавателем географии, он начал поиск «естественных законов» международной политики, ожидая, что очевидность их могла бы подтвердить довод, что Швеция, будучи более сильной страной, «в силу природы» имела право господствовать над Норвегией.

Вдохновляемый германской философией, Челлен в следующие годы разработал философскую систему для изучения международных отношений. Он рассматривал государства и нации как своего рода биологические организмы, которые рождались, старели и умирали. Согласно ему, открытие и описание «естественных законов», которые регулировали политическую жизнь, должно было бы быть главной задачей политической науки.

Представляя результаты своих трудов в книге о великих державах, Челлен анализировал эти державы под пятью различными углами зрения: их географического положения и характера их границ (геополитика), их природных ресурсов и экономики (экополитика), их этнических, демографических и культурных условий (демополитика), их социальных условий (социополитика) и их правительственных учреждений (кратополитика).

В силу природы, намекал Челлен, великие державы должны были проводить экспансионистский курс в своей внешней политике. Именно природа побуждала их стараться достигнуть как можно больше свободы действия по отношению к окружающему миру, и это желание побуждало их распространяться к своим «естественным» границам — часто в виде гор и морей. Великие державы были также запрограммированы стремиться к сосредоточению своих территорий в более широких комплексах, а также к достаточному жизненному пространству, чтобы поддерживать численность своего населения. Окончательной целью в этом стремлении к жизненному пространству, указывал Челлен, было достижение автаркии, состояния самообеспечения в отношении продовольствия и природных ресурсов.

Как мы увидим из произведенного Челленом анализа геополитического положения России, он постоянно сравнивал Россию с Соединенными Штатами Америки. Для Челлена такая параллель была самоочевидной, так как Россия и США были единственными двумя великими державами с достаточными, внутри своих границ, ресурсами, которые принимались в расчет для осуществления автаркии. Он также упоминал Китай среди этих государств. Следовательно, доказывал Челлен, эти три державы в свое время будут доминирующими над другими. В этом отношении история, пожалуй, в некоторой степени доказала его правоту. Он также предсказывал, что вследствие такого развития остальные страны Европы попытаются интегрировать свои экономику и политическую систему в качестве пути преодоления жесткого соперничества со стороны автаркических держав (s. 253—254).

В других отношениях можем найти многое из написанного Челленом о геополитике устаревшим и обветшавшим. Например, его заявления относительно характера различных народов часто основывались на слабых эмпирических доказательствах. Его сравнение между русскими и американцами, приведенное ниже, является наглядной иллюстрацией этого. Однако следует помнить, что этот способ рассуждений не был целиком чужд общественным

наукам в его время. Современная политическая теория не разделяет также взгляд Челлена на государства и нации как «биологические организмы». Государства и нации не обладают, к примеру, какими-либо репродуктивными органами!³ Однако, как указывает Гуннар Фалькемарк, современная политическая наука использует другие теории, например, функционализм, которые первоначально вдохновлялись биологической наукой. Каждое государство имеет функции, нацеленные на сохранение собственного существования, и описание и анализ этих функций должны считаться закономерным научным занятием. Наконец, понимание государств как биологических организмов не является предпосылкой для геополитического подхода к изучению международных отношений⁴.

Благодаря своему смелому синтезу, своему таланту писателя, так же как своей большой учености Рудольф Челлен остается, таким образом, широко читаемым и интересным.

Одна из глав его книги «Великие державы» была посвящена России. При рассмотрении генезиса России как великой державы он упоминал о поселении викингов на русской земле в IX в., принятии христианства по византийскому обряду в X в. и монголо-татарском нашествии в XIII веке. Далее он отмечал: «Первая национальная задача России, — писал Челлен, — была завершена к концу XV века, когда Московский великий князь осуществил освобождение от чужеземного ига. Сотней лет позже начался ренессанс в Азии... Еще ко времени Петра Великого... царство было отрезано от своих естественных ворот на Балтийском и Черном море. XVIII век сломал эти преграды и дал России в руки ключи к ее собственному дому... Однако это были внутренние моря; далее перед ней лежали проливы Эресунда и Дарданелл, чьи ключи были еще во владении скандинавских народов и Турции. Поэтому Россия не могла останавливаться; XIX век обнаруживает постоянное давление в обоих направлениях...» (s. 145—146).

Челлен подчеркивал, что российская великая держава относится к тому же территориальному типу, что и американская, причем в лице России этот тип имеет своего наиболее чистого и в то же время наиболее крупного представителя. Показывая географическую детерминированность развития в направлении к большой империи в случае с Россией, он писал: «Единство и солидарность природы мотивируют единство и солидарность политической карты... Только Уральские горы образуют нарушение, но препятствуют сообщению не больше, чем Аппалачи Америки; на обеих сторонах простирается однообразная земля в бесконечной равнине. Где бы казак не спешивался со спины своего коня, нигде он не находил горизонт закрытым» (s. 110—111).

После Австро-Венгрии, писал основоположник геополитики, Россия является наиболее континентальной среди великих держав. «Нюмимо пустынных берегов Ледовитого океана, Россия владеет все еще только отдельными выходами в полузакрытые моря — в Балтийское море, Черное море, Японское море. Только через «бутылочное горлышко» выглядывает она в океан» (s. 116). Этим, по мнению Челлена, в значительной мере объясняется ее отставание в экономическом отношении от США.

Что касается сухопутных границ Российской империи по состоянию на 1913 г., то Челлен отмечал их уязвимость с военно-стратегической точки зрения на отдельных участках. Так, он писал, что искусственной является северная часть границы с Норвегией (в отличие от границы со Швецией, от которой Россию отделяла река Торнео). Против Германии лежали открытые равнины и обособленные речные системы длиной в 1200 км, против Австро-Венгрии — также геополитически немотивированная линия границы перед Карпатским хребтом длиной в 1100 километров. В соответствии со своей концепцией, Челлен считал «неестественной» и границу в Персии по ту сторону Кавказа (s. 115). Он признавал преимущественно оборонительный характер военных усилий России, ибо, например, в Европе она должна была защищать свои естественные границы, и тот самый географический контур, который нейтрализовал наступление Карла XII и Наполеона I, препятствовал собственной концентрации при атаках на запад (s. 118).

Сопоставляя Россию с другими великими державами начала XX в., основоположник геополитики ставил ей самую высокую оценку: несмотря на отмеченные слабости, указывал он, Россия является все же «действительной центральной фигурой планетарной выставки», так как она «затрагивает в непосредственной территориальной связи оба больших культурных мира, Западную Европу и Восточную Азию», и в силу этого «более подходит для посреднической роли, чем даже Соединенные Штаты, которые изолированы океанами и, впрочем, сами, целиком стоят на стороне Западной Европы» (s. 118).

Челлен отмечал сходство между Россией и США также с демополитической точки зрения. «Единообразие большой империи, — писал он, — само по себе благоприятно для возникновения господствующего народа, который на широких равнинах имел возможность распространиться в большом масштабе» (s. 125). Вместе с тем в духе своего времени он подчеркивал

психологические различия между русскими и американцами. В русском мужике он видел человека, который полностью пассивно противостоял своим обстоятельствам. Его «ничево» (это одно и то же) — полная противоположность «go ahead» американца. Каково различие между верой в авторитет у первого и потребностью в свободе у второго, между жизнью первого в деревенской общине и самостоятельностью второго на частной ферме! (s. 120-121).

Челлен указывал на аграрный характер экономики России: по меньшей мере три четверти ее населения, отмечал он, получают свои средства к жизни непосредственно с поля и луга. Энергичные попытки создать крупную промышленность на основе железа Урала, угля Донецкого бассейна и хлопка Ферганы смогли только в незначительной мере изменить картину чисто аграрной страны (s. 112—113). Активный внешнеторговый баланс России основывался главным образом на экспорте продуктов питания, ибо она располагает на своем черноземе возможностями развития, «которые могут быть сопоставлены с возможностями развития в долине Миссисипи» (s. 112).

Эти возможности, отмечал Челлен, использовались крайне незначительно: «Старинная культура обработки земли, находящейся в общем владении деревни... лишает производство гибкости, отчего всякий недород имеет следствием голод. В действительности этот огромный экспорт зерна является ослепительным светом, приобретаемым путем недоедания значительных частей населения» (s. 139). В этой связи Челлен высоко оценивал аграрную реформу Столыпина: «...Она имеет более глубокие намерения, чем только оживление приобретательства, она сажает росток индивидуализма в «чернозем», она создает предпосылку для самостоятельного и экономически мыслящего крестьянского сословия в европейском смысле» (s. 175).

Первоначальная форма государства в России характеризовалась Челленом как цезаризм. «Его первым признаком является сердечная совместная жизнь его с церковью; государство и церковь едино суть, более чем где-либо в европейском мире» (s. 132). Сделав церковь государственным департаментом, Петр I одновременно окружил трон прочной организацией светской администрации; «однако тем самым также было положено начало промежуточной власти между императором и народом в лице бюрократии... Если конституцией в теории было абсолютное «самодержавие», то в действительности ею было господство чиновников...» (s. 133). Поэтому, продолжал Челлен, когда дух Западной Европы пронесся, наконец, также над областью конституции, расстановка сил в России была иной, чем во Франции 1789 г.: «не низшие классы против верхних, не «народ» против дворянства, а «интеллигенция» против «бюрократии». Внутри этой интеллигенции мы видим столь разнородные элементы, как студенты, промышленные рабочие и обедневшие дворяне. Оттуда пришел призыв к конституции как единственному избавлению от всякого политического бедствия» (s. 135).

Русскую революцию 1905—1907 гг. Челлен рассматривал как часть всемирно-исторического процесса: «Политическая сейсмическая волна, которая исходила от Французской революции 1789 г., которая около середины XIX века потрясла абсолютные монархии Центральной Европы, а в шестидесятые годы того же века — габсбургскую автократию... на своем пути на восток, наконец, всерьез добралась также до святой Руси и поколебала трон ее самодержца» (s. 170). Октроирование сначала манифеста от 17 октября 1905 г., а затем основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. было обусловлено и поражением царской бюрократии в русско-японской войне. «С избранными вначале Думами всякое сотрудничество оказалось невозможным» (s. 170).

Октроирование нового избирательного закона после государственного переворота 3 июня 1907 г. Челлен сравнил с июльскими ордонансами во Франции 1830 г. с той, однако, разницей, что за ним не последовало Июльской революции (s. 170—172). Относительно последующего развития политической жизни в России он высказал мнение, что Государственная дума постепенно и фактически стала нижней палатой парламента при конституционном монархе (s. 117).

Представляется актуальным замечание Челлена относительно путей развития российской государственности. Существует, писал он, только две прочных формы для политической организации этой огромной империи — цезаризм, принцип древнего Рима, и федерализм, принцип Нового Света. Так как Россия остановилась посередине между этими принципами, а именно на конституционной монархии на унитарной основе, некоторые наблюдатели склонны видеть в этом только переходную ступень, от которой развитие продолжится к федерации автономных областей и частей страны, в которой, следовательно, национальность будет учитываться наряду с политическим самоуправлением в общем смысле (s. 178).

Наибольшее место в главе книги Челлена о великих державах, посвященной России, занимает раздел о ее внешних проблемах. Исходной точкой при их рассмотрении является понимание того, что Россия представляет собой большой территориальный комплекс, находя-

щийся в замкнутом положении. Для Челлена не являлось неестественным ни стремление великой державы к преодолению такого положения, ее тяготение к морским просторам, ни (особенно с учетом приведенного им в заключительных выводах к своей книге определениях великих держав как «государств, осуществляющих экспансию» — s. 244) стремление ее к территориальному расширению.

Как же виделась основоположнику геополитики в этой связи внешняя политика России? Ответ на этот вопрос по меньшей мере неоднозначен. С одной стороны, Челлен чуть ли не с сожалением писал, что Россия выглядывает в океан лишь через «бутылочное горлышко» (s. 116). С другой — образ России вызывал в его сознании ассоциации с картиной, «изображающей материковый лед, который четырьмя языками стремится достигнуть моря» (s. 181). Ледяные языки символизировали средиземноморское, атлантическое, индийское и тихоокеанское направления российской внешней политики. Оценка Челленом деятельности России на этих направлениях заслуживает специального рассмотрения.

Стремление России к черноморским проливам, по мнению Челлена, соединялось со стремлением к Айя-Софии в Константинополе (Царьграде) — религиозном центре православия. Восемь войн с Турцией в XVIII и XIX вв. демонстрировали серьезность на этом фронте. Однако с 1878 г. здесь не было предпринято ни одной непосредственной акции, и доступ в Средиземное море в 1913 г. был для России все еще закрыт (s. 147).

Что касается атлантического направления, то оно было актуальным в XVIII в., но с середины XIX в. «здесь ослабло давление после того, как на Россию было возложено обязательство не присоединять Аландские острова (1856 г.)» (s. 146). Однако особое беспокойство Челлена вызвали транспортные и военные мероприятия России в 1913 г., которые, писал он, «недвусмысленно исходят из того, чтобы сделать Финляндию оперативным плацдармом, причем не только для противодействия германской атаке на Санкт-Петербург, но также для «стратегического наступления на запад»» (s. 185). В этой связи уместно отметить, что представление внешнеполитического наблюдателя о действительных или предполагаемых противниках своей страны в некоторой степени отражают самопредставление его социально-политической среды.

Об индийском направлении внешней политики, или «индийской программе», Челлен писал, что Россия завоевала на Кавказе сильный плацдарм против Персии, а в Закаспии и на Памире — двоянный фронт непосредственно против Индии (s. 152). Однако путем согласия с Англией в 1907 г. «индийская программа, в том числе на своем персидском направлении, по всем правилам была сдана в архив» (s. 182). В 1895 г. на тихоокеанском направлении российской внешней политики начался конфликт с Японией из-за Порт-Артура, закончившийся через 10 лет поражением России. Симпатии Челлена были на стороне Японии.

Основоположник геополитики критиковал российскую бюрократию за то, что она «ничему не научилась и ничего не забыла... Прямо и открыто весь мир испытал это уже на старой индийской и тихоокеанской линии, которые обе теперь, после того, как они отрезаны от морей, оказались чисто персидской и чисто китайской программой с непосредственной целью завоевания» (s. 182).

Не были чужды Челлену исторические параллели между Россией, с одной стороны, и древними Македонией, Римом и Персией с их завоевательными устремлениями — с другой. В то же время глава о России в книге «Великие державы: очертания» заканчивались выражением определенной симпатии Челлена к этой крупнейшей великой державе: чем больше освещаются темные пути истории, тем больше верим мы поэтому в то, что увидим, как выявляется новая перспектива со все более определенными очертаниями перед Россией — «политически посредничающий и смягчающий буфер между обоими культурными мирами, которые она географически связывает, — Европой и Азией» (s. 190).

Примечания

1. О жизни Челлена и его политических идеях см.: ELVANDER N. Rudolf Kjellén. Svenskt Biografiskt Lexikon; i b i d. Harald Hjärne och konservatismen: Konservativ idédebatt i Sverige 1865-1922. Uppsala. 1961; портрет Челлена как академического преподавателя дан в: TINGSTEN H. Mitt liv I. Stockholm. 1961, s. 137—142; наиболее современный и совершенный анализ геополитических взглядов Челлена дан в: FALKEMARK G. Rudolf Kjellén — den svenska geopolitikens fader. Geopolitik: En antologi. Red. Alvstam G., ovh Falkemark G. Goteborg. 1991.
2. KJELLÉN R. Stormakterna: konturer kring samtidens storpolitik IV. Stockholm. 1913. Ссылки на страницы этого издания делаются в тексте статьи.
3. TINGSTEN H. Op. cit., s. 242.
4. FALKEMARK G. Op. cit., s. 42.

Самарская ученая экспедиция 1879 года

М. И. Салоникёс

В 60—70-х годах XIX в. завоевательные походы русских войск в Среднюю Азию привели к тому, что этот огромный край стал составной частью Российской империи. Русское общество отнеслось к этому событию неоднозначно, но без равнодушия. В политических, экономических, культурных кругах живо обсуждались возможные последствия присоединения новых земель. Молодых русских офицеров, ученых, путешественников далекий Туркестан манил своей загадочностью и неизведанными перспективами.

Однако между благодатными оазисами Средней Азии и центральной частью Российской империи на многие сотни километров простирались безводные степи и пустыни. Единственными средствами сообщения оставались телеграфная линия да почтовая тройка. Между тем быстрая переброска грузов и войск являлась необходимым условием для поддержания прочности царской власти в Туркестане и для успешного освоения нового края. Поэтому важнейшей задачей для российских властей было установление дешевой и эффективной транспортной артерии между центром и вновь присоединенными территориями. Для оценки возможных путей решения этой проблемы в 1879 г. снаряжается Самарская ученая экспедиция, известная также как экспедиция великого князя Николая Константиновича в Среднюю Азию.

Внук Николая I, племянник Александра II, великий князь Николай Константинович родился в 1850 г., вскоре после возвращения своего отца великого князя Константина Николаевича из военного похода против революционной Венгрии¹. Мать Николая Константиновича, урожденная герцогиня Саксен-Альтенбургская, выйдя замуж за русского великого князя, перешла в православие и приняла имя Александры Иосифовны.

Великий князь Константин Николаевич, один из крупнейших деятелей реформ 1860—1870-х годов, занимал в то время высший чиновничий пост — председателя Государственного совета. Одновременно он руководил российским военно-морским ведомством. В русском обществе Константин Николаевич пользовался репутацией либерального деятеля. Позднее, после прихода к власти Александра III, вставшего на путь контрреформ, Константин Николаевич вместе с другими прогрессивными министрами демонстративно подал в отставку. Младший брат Николая Константиновича — великий князь Константин Константинович под своим псевдонимом «К. Р.» получил известность своими стихотворными произведениями. Младшей сестре Ольге Константиновне суждено было стать греческой королевой.

Сам Николай Константинович, по свидетельству современников, был наиболее примечательным среди молодых великих князей. Высокого роста, статный, обаятельный в общении, энергичный, жизнелюбивый, он привлекал к себе внимание всего светского общества, но особенно своих сослуживцев — молодых офицеров гвардии. В гвардейской среде Николай Константинович прославился как беспашаный кутила. Слухи об его грандиозных загулах

Салоникёс Михаил Иванович — научный сотрудник Московского педагогического государственного университета.

потрясали обе столицы. Следует, однако, заметить, что, помимо склонностей характера, размаху увеселительных мероприятий в решающей степени способствовали и незаурядные финансовые возможности члена императорской фамилии. Подобный образ жизни, тем не менее, не помешал Николаю Константиновичу успешно закончить Академию Генерального штаба. Он был первым из семьи Романовых, кто не посчитал ниже своего достоинства получить в Академии систематическое военное образование ².

В 1873 г. Николай Константинович, капитан Генерального штаба и флигель-адъютант, принимал участие в военном походе русских войск на Хиву, который закончился аннексией значительной части хивинской территории и установлением российского протектората над Хивинским ханством. Тысячелетние стены хорезмских крепостей, дворцов и минаретов взбудоражили впечатлительного великого князя. Он всерьез заинтересовался ориенталистикой и по возвращении в Петербург начинает принимать участие в работе Русского географического общества. Однако из-за семейного скандала Николай Константинович был вынужден удалиться из столиц на окраину империи — в Оренбург.

Но и там он продолжал следить за развитием событий на Востоке. В значительной степени благодаря его настойчивости, энергии и связям и была сформирована Самарская ученая экспедиция.

Бурное железнодорожное строительство, характерное для России второй половины XIX в., естественно, подавало мысль о необходимости решить проблему надежной транспортной связи между Туркестаном и центром с помощью стального пути. Созданная в 1876 г. комиссия Министерства путей сообщения специально изучала этот вопрос ³.

В летний и осенний периоды 1877 и 1878 гг. Николай Константинович в качестве офицера для обзора трассы будущей железной дороги совершает неоднократные поездки вглубь казахских степей. Неизменным спутником великого князя был полковник Генерального штаба граф Н. Я. Ростовцев (1831—1897), сын крупного деятеля крестьянской реформы 1861 г. генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева. Младший Ростовцев в свое время с отличием окончил Академию Генерального штаба, участвовал в Крымской войне, затем дослужился до генерал-лейтенантского чина, с 1891 г. был начальником Самаркандской области ⁴.

Николай Константинович и Ростовцев на почтовых и верхом проделывают путь от Оренбурга до Перовска (ныне г. Кызыл-Орда, Казахстан) ⁵. Собранный в ходе этих поездок материал позволял наметить оптимальный маршрут для будущей трассы. Но дороговизна железнодорожного строительства, умноженная на дальность расстояния, превращала осуществление проекта магистрали в весьма разорительное предприятие. Следует учесть, что до того времени железные дороги и в России и за границей строились в густонаселенных, хорошо обжитых местностях. В таких условиях каждый новый участок пути, вводимый в эксплуатацию, мог быстро давать коммерческую прибыль, которая шла на финансирование дальнейшего строительства магистрали.

Это было невозможным на трассе Оренбург — Ташкент, которая проходила по малонаселенной местности с тяжелыми климатическими условиями. Поэтому все — от стройматериалов до рабочих-строителей и продовольствия для них — пришлось бы завозить издалека, что еще более удорожало стоимость строительства, тогда как действительный экономический эффект мог быть достигнут только после окончания сооружения всей магистрали (а сроки строительства грозили растянуться на многие годы). Эти соображения несмотря на очевидную перспективность железнодорожного пути заставляли правительственные круги не торопиться и продолжать изучение других вариантов.

В частности, выдвигался проект поворота р. Амударьи в Каспийское море. В случае успеха появилась бы возможность обеспечения транспортных перевозок дешевым водным путем через Волгу и Каспийское море вглубь Туркестана по Амударье до афганской границы. Таким образом отпала бы и настоятельная потребность в железнодорожном строительстве. Николай Константинович был в числе тех, кто увлекся такой возможностью. В марте 1879 г. в Самаре выходит в свет его брошюра «Аму и Узбой», в которой он обосновывал возможность и необходимость поворота Амударьи на запад, через пустыню Каракумы к Каспийскому морю. Несмотря на некоторую фантастичность проекта имелись основания надеяться на его реальное осуществление. Средневековые восточные авторы указывали на то, что в древности Амударья впадала в Каспий, а многочисленного населения на ее берегах успешно занималось поливным земледелием. С течением времени наступление пустыни оставило древнее русло Амударьи (Узбой) без воды, река стала впадать в Аральское море, а в середине XIX в. хивинцы возвели плотины и ликвидировали тем самым всякую возможность движения амударьинской воды на запад.

В конце 1878 г. в Россию пришли сообщения о наводнении в Хивинском ханстве

и о прорыве части вод Амударьи в Узбой. Эти вести не остались незамеченными, в научных и политических кругах с интересом обсуждались возможные последствия сего природного катаклизма. Члены Русского географического общества посвятили хивинскому наводнению свое заседание 13 декабря 1878 года. Полковник А. Н. Куропаткин, будущий военный министр, а в то время заведующий азиатскими делами Главного штаба, представил начальству по этому случаю специальную докладную.

В сложившейся обстановке в начале 1879 г. Николаю Константиновичу удалось получить соизволение Александра II на проведение экспедиции на Амударью⁶. Общей целью экспедиции ставилось изучение вопроса о транспортной связи между Туркестаном и Россией как железнодорожным, так и водным путем. Поэтому, помимо предварительных железнодорожных исследований, собирания сведений о строительных материалах, ценах на них, способах постройки железнодорожных сооружений, в программу экспедиции вошло «исследование реки Амударьи, ее полноводности, глубины, скорости течения, наличие порогов, обзор берегов, судоходность, а также разыскание и обзор сухих русел в Хорезме и Каракумах, обзор порогов и плотин по Узбою, развалин и следов оросительных каналов вблизи его берегов».

Во время следования экспедиции предполагалось производить барометрические, гипсометрические и астрономические наблюдения, глазомерные съемки Амударьи и ее русел, составление чертежей плотин, художественного альбома видов Туркестана, гербария, зоологической, археологической и минералогической коллекций, ведение подробных журналов по всем объектам исследований. На конечном этапе экспедиции, по прибытии в район нижнего течения Амударьи, намечалось пригласить на совещание «опытных и сведущих туземцев, имевших дело с орошением в Хивинском ханстве и кочевавших по Узбою, с целью узнать их взгляд на причины совершившегося поворота Аму от Каспия к Аралу, и на способ снова направить воды Амударьи по древнему руслу (Узбою) к Каспийскому морю без ущерба для Хорезмского оазиса»⁷.

Первоначально предполагалось, что стартовым пунктом экспедиции будет порт Красноводск на восточном побережье Каспийского моря. Однако подготовка путешествия несколько затянулась, и в начале лета 1879 г. Николай Константинович с сопровождающими лицами отправился из Оренбурга прямо на Ташкент. Частично подготовка экспедиции осуществлялась в Самаре, отчего и получила название Самарской.

В состав экспедиции вошли люди различных профессий. Среди них — известный путешественник и исследователь Средней Азии И. В. Мушкетов, инженер-строитель В. Н. Соколовский, морской офицер капитан-лейтенант Н. Зубов, Н. Я. Ростовцев, художник и писатель, будущий академик живописи Н. Н. Каразин. Николай Константинович пригласил в путешествие выпускника Берлинского университета, молодого ученого-ориенталиста Рамчандра Баладжи, индийца по происхождению. Сопровождала великого князя и его молодая жена Надежда Александровна, дочь оренбургского полицмейстера А. Дрейрера. Предполагалось, что численный состав экспедиции достигнет 13 человек⁸. Из Ташкента путешественники намеревались добраться до верховьев Амударьи и затем спуститься вниз по течению реки к ее устью на Аральском море.

В последних числах мая 1879 г. Зубов, в сопровождении шести матросов Аральской военной флотилии, с небольшим караваном верблюдов отбыл из г. Казалинска. Двигаясь восточным берегом Аральского моря, через десять дней моряки достигли центра русских владений на нижнем течении Амударьи — Петро-Александровска (ныне г. Турткуль в Каракалпакии). Зубов должен был дожидаться прибытия в Петро-Александровск парохода и на нем отправиться вверх по Амударье навстречу основному отряду экспедиции.

Но с пароходом случилась задержка и, получив от начальника Амударьинского отдела полковника А. А. Гротенгельма взвод солдат 13-го линейного туркестанского батальона, необходимые припасы и снаряжение, Зубов решил подняться вверх по реке на местном речном судне — каюке. Восемь хивинцев взялись помочь русским в управлении каюком. Благодаря их сноровке, как писал позднее в своем отчете Зубов, удавалось в день проделывать по 14 верст труднейшего пути.

Николай Константинович в июле 1879 г. приехал в Ташкент, где заканчивались последние экспедиционные приготовления. 17 июля он отбыл из Ташкента в Ферганскую долину, посетил города Коканд и Маргилан. Это были земли бывшего Кокандского ханства, незадолго до того упраздненного и присоединенного к Российской империи. Затем великий князь через Ходжент и Джизак отправился в Самарканд, по дороге собирая сведения о состоянии и способах ведения ирригационных работ в Туркестанском крае.

Самарканд в то время входил в состав русских владений и являлся административным центром Зеравшанского округа. Вместе с начальником округа генерал-майором Н. А. Ивано-

вым Николай Константинович совершил поездку в г. Каттакурган и посетил окрестные кишлаки. Для сопровождения предстоящей экспедиции Иванов выделил в распоряжение великого князя 25 казаков из 2-го конного Уральского казачьего полка.

В начале августа 1879 г. экспедиция была, наконец, готова к трудному пути через территорию Бухарского эмирата к верховьям Амударьи. Присутствие в ее составе племянника «белого царя» вызывало к путешественникам особое внимание не только колониальной администрации, но и местных феодальных владетелей. Движение экспедиции грозило превратиться в неторопливое шествие каравана, тяжело груженного немалыми дарами и чуть ли не в каждом кишлаке останавливаемого гостеприимными хозяевами на двух-трехдневные празднества — тои. По восточным обычаям требовалось отдаривать и хозяев, то есть брать с собой дополнительный груз, а это, конечно, снизило бы мобильность экспедиции.

Николай Константинович заранее попросил исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Г. А. Колпаковского, чтобы тот ходатайствовал перед бухарским эмиром Сейдмузаффаром о запрещении местным бекам подносить великому князю подарки и устраивать на пути экспедиции пышные многодневные тои. Эмир выполнил просьбу русской администрации.

6 августа 1879 г. экспедиция отправилась из Самарканда на юг. Пройдя через отроги Зерафшанского хребта, путешественники пересекли русско-бухарскую границу и оказались в пределах Каршинской степи. Местность, по которой проходил маршрут, была с древнейших времен обжита человеком, но для европейцев середины XIX в. она во многом еще оставалась «терра инкогнита». Неудивительно, что исследователи чувствовали себя первооткрывателями. Именно Каршинская степь дала Средней Азии одного из самых грозных и удачливых ее воителей — Тамерлана.

Местные феодалы — каршинские беки — полагали себя в значительной степени независимыми от власти бухарского эмира. В период русско-бухарской войны 1868 г. они даже поднимали восстание против Бухары. С появлением Николая Константиновича у местных владетелей мог возникнуть соблазн заполучить царского родственника в стан сторонников каршинской независимости. Чтобы пресечь возможность подобного развития событий, эмир Сеидмузаффар лично выехал в г. Карши. Однако великий князь уклонился от встречи. Приветствовать эмира отправился Ростовцев, а Николай Константинович, минуя Карши стороной, с экспедицией продолжал путь на юг. Вскоре дорогу путешественникам преградили отроги Гиссарского хребта — Байсунтау и Кугитангтау. Начался горный этап экспедиции. Преодолев Гиссарский хребет через перевал Железные ворота, исследователи вышли в бассейн Амударьи. Здесь, в кишлаке Дербент, экспедицию нагнал Ростовцев.

Из Дербента экспедиция начала движение на восток, исследуя встречающиеся на пути правые притоки Амударьи. Это была наиболее трудная часть путешествия: пришлось преодолевать горные кручи, пересекаемые стремительными речными потоками. Наконец исследователи вышли к верховьям Сурхандарьи, самому крупному из правых притоков Амударьи. В конце августа 1879 г. экспедиция, спустившись по Сурхандарье, достигла Термеза — центра бухарских владений на границе с Афганистаном.

В Термезе уже был Зубов со своей партией. За 66 дней он преодолел 999 верст пути вверх по Амударье, от Петро-Александровска до селения Аксарай на территории нынешнего Таджикистана, и теперь собирался в обратный путь. С ним отправились Мушкетов, Каразин, Соколовский и еще несколько членов экспедиции в сопровождении части казаков и бухарских джигитов, а также переводчика из Самарканда Д. Камалетдинова.

Николай Константинович с оставшейся частью экспедиции дерзнул проникнуть в малоизведанные верховья Амударьи на Памире. Выйдя на территорию современного Таджикистана, великий князь со спутниками достиг р. Вахш и спустился по ней к месту слияния Вахша с р. Пяндж, где собственно и рождается Амударья. Это произошло 1 сентября 1879 года. По свидетельству Ростовцева, несмотря на трудности плавания по Вахшу путешественники находились в полном здравии и хорошем настроении. Были установлены точные координаты места слияния Вахша и Пянджа, проведены гидрометрические исследования. Предполагалось, что отсюда экспедиция, погрузившись в заранее заготовленные бухарцами каюки, поднимется вверх по Пянджу, насколько это будет возможно. Осуществить этот план не удалось, и Николай Константинович распорядился начать сплав вниз по Амударье⁹.

Путешественники разместились в пяти каюках. Лошади с частью казаков шли берегом. Каюки преодолевали в день 40—50 верст. Однако ниже Термеза сильные встречные ветры стали задерживать путешественников. От афганской границы Амударья поворачивает на северо-запад. Горная местность сменяется полупустыней, но речная вода дает жизнь: берега Амударьи тонут в непроходимых зарослях камыша и кустарника — тугаях. По левому берегу — Каракумы,

обитель независимых, воинственных туркменских племен — иомудов, теке и др. Бухарский эмир Сеидмузаффар заранее предупреждал путешественников о возросшей активности туркменских разбойничьих шаек. И в местности под названием «Текинская переправа» туркмены-текинцы напали на каюки экспедиции, но были встречены огнем из берданок.

11 сентября 1879 г. передовая часть экспедиции добралась до Петро-Александровска. Здесь их встретил прибывший в первых числах сентября на низовья Амударьи пароход «Перовский», специально купленный Николаем Константиновичем. На пароходе с помощью казаков и солдат петро-александровского гарнизона были проведены наблюдения за уровнем Амударьи у Нукуса и в дельте¹⁰.

Узнав о нападении текинцев, начальник Амударьинского отдела срочно выслал навстречу каюкам великого князя сотню казаков и дивизион ракет. Этому отряду была дана инструкция следовать правым берегом Амударьи и при встрече с текинцами нанести им поражение. По указанию эмира Сеидмузаффара начиная от Керков до конца сплава по Амударье с левого берега реки безопасность экспедиции обеспечивал конвой из полутора сотен бухарских джигитов.

20 сентября 1879 г. каюки Николая Константиновича были в Чарджуе (ныне г. Чарджуу, Туркмения). Город находился на пересечении древнейших торговых путей из Хорезма до Афганистана и Индии, из Ирана к Средней Азии и далее в Китай. В этом интересном месте путешественники задержались. Как сообщал переводчик экспедиции, отсюда Николай Константинович отправил Рамчандра на поиски древнего русла Амударьи, начинающегося будто бы от Чарджуя и идущего песками до оз. Саракамыш в Южном Приаралье.

22 сентября 1879 г. путешественники отбыли из Чарджуя, а 29 достигли Петро-Александровска. Здесь, в низовьях Амударьи, прошел заключительный этап экспедиции. Великий князь энергично взялся за изучение возможности поворота Амударьи на запад. Он обследует берега реки, оросительные каналы, плотины, сухие русла, беседует с местными жителями. В начале октября Николай Константинович встретился в г. Новый Ургенч с хивинским ханом Мухамедрахимом и вступил с ним в энергичные переговоры с целью убедить хивинцев открыть амударьинской воде путь на запад. Хан и его сановники решили извлечь из предложения великого князя максимум выгоды для себя. Согласие на ирригационные работы они обуславливали рядом требований, в частности сложения долгов Хивы России, передачей под юрисдикцию Хивы всех земель, куда бы не дошла амударьинская вода. Надевшийся на скорое осуществление своих замыслов, Николай Константинович легко соглашался на условия хивинцев.

Глубокой осенью 1879 г. по приказанию хана были сломаны плотины Бент на истоке арыка Лаузан и Шахмурат на Дарьялыке. Однако старые русла реки и заброшенные каналы нуждались в очистке и углублении. Кроме того, зимой в Амударье был слишком низкий уровень воды. Поэтому слом плотин желательного результата не дал. Тем не менее, весной 1880 г. хан Мухамедрахим обещал провести углубление каналов и сломать еще несколько плотин, естественно, при выполнении русскими его условий.

Николай Константинович обратился с письмом к туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон Кауфману, стараясь убедить царского наместника в Средней Азии в выгодности соглашения с хивинским ханом. Вскоре великий князь покинул Хорезм. Ранее он предполагал вернуться в Россию по западному берегу Аральского моря, через безводное и безлюдное плато Устюрт, местность, мало изведанную и самими жителями Средней Азии. Но после решительных возражений спутников великому князю пришлось оставить столь заманчивую для него идею. Николай Константинович отбыл через Казалинск обратно в Самару, уверенный в том, что следующей весной ему удастся вернуться на берега Амударьи.

Однако в лице Кауфмана великий князь встретил решительного противника своим планам. Прежде всего туркестанский генерал-губернатор полагал, что условия Мухамедрахима неприемлемы, что хан вообще не может ставить русским властям каких-либо условий, так как при необходимости работы на Амударье могут быть выполнены без всякого согласия Хивы. Что же касается Николая Константиновича, то тот не имел полномочий для того, чтобы вступать в переговоры с местными властями. Это было прерогативой туркестанского генерал-губернатора. Кауфман даже просил военного министра Д. А. Милютину обратиться к Александру II с требованием удалить царского племянника от туркестанских дел¹¹.

Идея поворота Амударьи в Каспий не увлекла Кауфмана. Он полагал, что осуществление подобного проекта не принесет реальной пользы ни Российской империи, ни народам, населяющим Туркестанский край. С высоты опыта сегодняшнего дня, когда все подобного рода проекты отвергаются современной наукой и обществом, следует признать справедливость мнения туркестанского генерал-губернатора.

Военный министр также весьма скептически отнесся к деятельности великого князя. В дневниковой записи от 1 марта 1880 г. Милютин так описывал события осени 1879 г. в Хорезме: «Ростовцев рассказывал мне проделки Николая Константиновича с ханом хивинским, который в угоду племяннику русского падишаха пустил воду из Аму в старое русло, но, к счастью, воды этой было так мало, что никаких дурных последствий от того не произошло; эта комедия только потешила Николая Константиновича и удовлетворила его сумасбродную жажду славы»¹².

Подобные мнения высших царских чиновников похоронили амбициозные планы великого князя. Тем более, что после убийства Александра II и отставки с государственных постов своего отца, Николай Константинович уже не мог рассчитывать на прежнюю поддержку в высших эшелонах власти.

Но неудачная попытка великого князя записать свое имя на скрижалях отечественной истории в качестве первого «поворотчика рек» не может иметь отношения к научным результатам его экспедиции. В ее ходе было собрано большое количество экономических, географических, естественно-научных, этнографических и иных сведений о регионе, по которому пролегал более чем тысячекilометровый путь исследователей.

Впервые европейским путешественникам удалось с научной целью осуществить сплав по великой среднеазиатской реке. Отчет о судоходности Амударьи, составленный капитан-лейтенантом Зубовым, ныне хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве, поражает тщательностью и подробнейшими характеристиками каждого участка реки. По признанию начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н. Н. Обручева, записки Зубова представляли очень ценный гидрографический и гидрометрический материал¹³. К сожалению, жизнь капитан-лейтенанту была уготована недолгая. Несколько лет спустя он был убит во время военных походов генерала М. Д. Скобелева против туркмен.

А видный русский географ и геолог И. В. Мушкетов, основываясь на данных, полученных в ходе экспедиции, опроверг бытовавшую в научной среде того времени теорию о поднятии Туранской низменности¹⁴.

В дальнейшем судьба Николая Константиновича неразрывно была связана с Туркестаном. После воцарения императора Александра III Николай Константинович был отправлен на жительство в Ташкент. Здесь он прожил долгие годы, будоража своим обликом и поступками умы ташкентских обывателей. С именем великого князя связаны многие стороны экономической и культурной жизни колониального Туркестана: От первоначальных опытов орошения Голодной степи до открытия первых кинематографов в Ташкенте — все это своим появлением обязано неумной натуре Николая Константиновича. Февральскую революцию великий князь приветствовал, как, впрочем, и иные представители царской фамилии. Скончался Николай Константинович уже при Советской власти, в январе 1918 года.

Примечания

1. Дневник великого князя Константина Николаевича. — Вопросы истории, 1990, № 5, с. 124; № 12, с. 177.
2. Дневник Д. А. Милютина. Т. 2. М. 1949, с. 33.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 12, д. 20588, л. 58.
4. Там же, л. 53.
5. Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Уз.), ф. И-1, оп. 20, д. 10495, л. 2.
6. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 570, л. 1—9, 45; Голос, 16.XII.1878; ЦГА Уз., ф. И-1, оп. 20, д. 3315, л. 1.
7. «Программа экспедиции, предпринимаемой великим князем Николаем Константиновичем в Среднюю Азию летом 1879 года». — ЦГА Уз., ф. И-276, оп. 1, д. 582, л. 3—4.
8. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 3; ЦГА Уз., ф. И-1, оп. 29, д. 374, л. 10, 18.
9. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 735, л. 3, 4, 8об.; ЦГА Уз., ф. И-1, оп. 29, д. 374, л. 25, 23, 39, 30, 35, 41—41об.
10. ЦГА Уз., ф. И-1, оп. 29, д. 374, л. 46.
11. Там же, л. 44.90.
12. Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. М. 1950, с. 227.
13. РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 735, л. 46.
14. См. МУШКЕТОВ И. В. Физическая география. СПб. 1887.

История Европы. От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). Т. 3. М. Наука. 1993. 653 с.

Третий том «Истории Европы с древнейших времен до наших дней» охватывает сложный и противоречивый период мировой истории — преддверие новой истории, начало нового времени.

Поставив перед собой задачу раскрыть самые существенные черты истории европейских стран в период перехода от феодализма к капитализму, авторы избрали проблемный подход к освещению сложных исторических процессов, происходивших в отдельных странах, столь непохожих зачастую друг на друга. Такой подход позволил им представить Европу как «особый исторический мир, а не как простую сумму совершенно независимых государств», не как некое «географическое понятие, а как единое целое», как «единство в многообразии».

Хронологические рамки III тома «Истории Европы», его структура, сам принцип его построения заставляют вспомнить о капитальном труде выдающегося русского историка Н. И. Кареева «История Западной Европы в новое время» (т. 1—7. СПб. 1892—1917). Как бы воплощая идею Вольтера — «Европа — это одна семья, единое культурно-историческое целое», Кареев рассматривает Западную Европу в начале изучаемого периода как «мир, объединенный на почве религии». Считая началом новой истории Реформацию, Кареев ставил своей целью дать в своем исследовании «цельное и стройное представление о том, как развивалась социальная организация и духовная культура у народов Западной Европы в новое время». Рецензируемый том следует лучшим традициям отечественной медиевистики. В то же время перед его авторами стояла более сложная задача, ибо в нем рассматривается история не только Западной, но и Восточной Европы, т. е. стран, разделенных не только религией, но и своим прошлым, стоявших

зачастую на разных этапах исторического развития.

На огромном историческом материале освещены различные стороны жизни народов Европы: глубокие изменения в производительных силах, процесс первоначального накопления капитала, завершившегося в ряде стран становлением раннего капитализма; драматические события политической истории, связанные со становлением абсолютной монархии, непримиримой борьбой политических сил.

Особое место занимает раздел о Реформации и Контрреформации — эпохах окончательного распада религиозного единства Западной Европы, секуляризации общественного сознания, возникновение понятий о свободе совести, естественном праве. Все это подготовило европейское общество к новому восприятию Ренессанса, обогащенного идеями Реформации, и способствовало созданию основ для будущего Просвещения.

Вопреки сложившейся традиции начинать исторические исследования с проблем развития производительных сил и производственных отношений и характеристики общих черт феодальной формации в каждой стране, третий том открывается интересной по замыслу и материалу главой: «Материальная культура и образ жизни на исходе средневековья». Эта глава несколько перегружена, особенно в первой части, материалом об изменениях в производственной сфере в связи с развитием техники. Ярко и интересно воссоздана картина повседневной жизни людей той эпохи, разных социальных слоев и сословий. Авторы стремились выдвинуть на первый план человека, общество, нацию, этнос, больше внимания обратить на ментальность, традиции, своеобразие исторических судеб различных народов.

В целом III том «Истории Европы» как бы подводит итог важному этапу в развитии отечественной медиевистики — периоду, характеризующемуся преобладанием формационного подхода к изучению общества, повышенным вниманием к истории классовой борьбы, в ущерб другим сторонам политической и духовной жизни общества. Отечественные медиевисты внесли важный вклад в мировую историографию средневековья. Авторский коллектив третьего тома достаточно бережно отнесся к трудам своих непосредственных предшественников и в то же время сделал определенный шаг вперед.

Это серьезное многоплановое исследование, охватывающее столь большой и сложный по своему содержанию исторический период, не свободно от ряда пробелов и противоречий. По-видимому, ограниченный объем книги не позволил авторам выделить наиболее важные и спорные проблемы и обозначить основные линии полемики, ведущейся в современной историографии. Изложение имеет, в основном констатирующий характер, из-за чего создается впечатление, что в изучении истории эпохи позднего средневековья нет нерешенных проблем.

Слабой стороной является полное отсутствие характеристик исторических деятелей, хотя бы тех, чей образ символизировал, олицетворял эпоху. Как можно говорить об истории Франции XVI—XVII вв. без раскрытия личности Генриха IV и Ришелье, без характеристики Генриха VIII, Марии Тюдор, Елизаветы I и их роли в истории Англии, или Филиппа II в истории Испании? Особенно это чувствуется в разделах по истории Польши и других стран Восточной Европы. Повезло, пожалуй, только одному персонажу изучаемой эпохи — Максиму Греку, характеристике которого посвящено немало ярких страниц (с. 557—564; 567—569 и др.).

В некоторых разделах бросается в глаза несоответствие отдельных глав и частей. Примером может служить часть четвертая — «Народные движения и ранние буржуазные революции». Из 60 страниц текста в этом разделе 35 отведено народным движениям в Западной и Северной Европе и Нидерландской революции. В то же время на Россию приходится всего 6 стр., а на описание народных движений в Венгрии, Польше, Чехии — всего 3 стр., и еще 3 стр. посвящены Юго-Восточной Европе. Авторам не удалось на столь ограниченном пространстве дать достаточно глубокое освещение сути и глубины социальных противоречий, лежавших в основе народных движений в указанных регионах, исследовать идеологию движений и их программы, сочетание в действиях восставших элементов стихийности и организованности и т. д.

Раздел о народных движениях наименее удачен, и в первую очередь это относится к главе о России. Содержащийся в главе материал проблемно не обобщен, не выявлена типология крестьянских выступлений и городских восстаний. Следо-

вало бы отделить стихийные городские восстания, спровоцированные боярством (1547, 1568 гг.) или духовенством (1504 г.) от многочисленных стихийных городских движений конца XVI — первой половины XVII вв., являвшихся выражением протеста против налоговой политики и прежде всего против косвенных налогов. К сожалению, больше внимания уделяется поводам к восстаниям, чем анализу сути тех социальных противоречий, которые лежали в основе народных движений. Следовало бы, очевидно, больше внимания уделить социальной психологии крестьянства, городских низов, проанализировать традиционные и нетрадиционные требования (вера в «доброе» царя и ненависть к дурным советникам, враждебное отношение к несправедливо нажитому богатству и т. д.). Именно в главе о России было бы уместно обратить внимание на сходство социальной базы крестьянских движений в России и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Нужно было бы особо остановиться на социальном составе участников крестьянской войны под руководством И. Болотникова (казаки, беглые крестьяне, помещицы и государственные крестьяне), показать, в чем проявился «царистский» характер движения Болотникова, почему в 1605—1606 гг. крестьянство поддерживало Лжедмитрия.

Необходимость более полного и конкретного освещения этих вопросов диктуется еще и тем, что авторы некоторых учебных пособий и научных статей, а также материалов в средствах массовой информации пытаются изобразить все народные движения и крестьянские войны как действия разбойничьих шаек, сплошные грабежи и насилия.

Для достижения целей, поставленных авторами тома, исключительно важное значение имеет сравнительно-исторический анализ. Применение сравнительно-исторического метода исследования следовало бы расширить. Примером могут служить главы по истории Франции. В разделе «Политические структуры и абсолютизм» в главе, посвященной Франции, в центре внимания находится проблема складывания абсолютизма, которая рассматривается в связи с основными событиями гражданской истории. Автор характеризует складывавшуюся в конце XV — первой половине XVI вв. политическую систему как «ранний абсолютизм» (с. 174). Этот термин, как сказано во введении к разделу (с. 160), не может быть отнесен к политической системе Англии XVI в., т. к. к XVI в. абсолютизм в Англии уже прошел стадию зрелости. Применительно к Франции «ранний абсолютизм» характеризуется как «относительное равновесие политических традиций, характерных для сословно-представительной монархии, с развивающимися элементами административной или бюрократической государственности, которая утвердилась в эпоху классического абсолютизма» (с. 174). Хотя большая часть главы посвящена описанию изменений в государственном аппарате вплоть до середины XVII в., читателю остается непонятным, каков был

итог политического развития Франции к концу изучаемого периода, — можно ли говорить о том, что к этому времени Франция уже стала страной «классического абсолютизма»? Сам термин «ранний абсолютизм» постепенно исчезает. Применительно к другим странам он не употребляется. Между тем было бы интересно провести сравнение с Англией и, возможно, немного расширить теоретическое рассмотрение этой проблемы. Описание мощной бюрократической машины и процесса ее формирования превалирует в данной главе и вольно или невольно у читателя создается впечатление, что именно это и есть наиболее существенная черта абсолютизма.

Говоря об особенностях абсолютизма в различных странах, стоило бы, очевидно, больше внимания обратить на различия в его социальной базе в отдельных странах и на подвижность этой последней, ее способности к изменению. В Испании XVI в. в результате подъема торговли и зарождения мануфактур наметился процесс зарождения буржуазии. Королевская власть, лавируя между буржуазией и дворянством, постепенно приобретала черты, присущие «раннему абсолютизму». Однако в начале XVIII в. в связи с общим упадком страны и распадом капиталистических форм хозяйства исчезла буржуазия и королевская власть могла опираться только на дворянство, что привело к ее превращению в «деспотию азиатского типа».

Не совсем понятно, почему вопрос о великих географических открытиях включен в раздел «Международные отношения». В результате это величайшее событие мировой истории рассматривается прежде всего в плане изменений, происшедших в системе международных отношений в Европе, возникновения соперничества в борьбе за колонии. Думается, однако, что такой подход упрощает исторический процесс, даже с учетом того, что вопрос о влиянии «революции цен» на отдельные страны и на Европу в целом рассматривается в нескольких разделах.

Влияние открытия Америки на европейские страны было многосторонним, не только экономическим, но и политическим и социальным, оно оказало воздействие на менталитет и духовную жизнь, культуру и быт многих стран. Европа стала «оазисом разума и цивилизации» во многом благодаря усилиям и изнурительному труду народов Африки, Азии и Америки. Драгоценные металлы, добытые трудом поработанного населения испанских колоний в Америке, стали не только источником так называемого первоначального накопления. Они дали католической церкви средства на осуществ-

ление Контрреформации, Испании — на длительную борьбу против Нидерландской революции. Без этого войны во Франции не были бы такими кровопролитными, а в Англии не была бы возможна реставрация католичества в период правления Марии Тюдор.

Завоевание Америки и хищническая эксплуатация коренного населения вновь и вновь побуждала европейских гуманистов обращаться к проблемам «естественного права», равенства народов различных рас, осуждению «несправедливых» войн против поработанных народов. Европейская культура оказала огромное влияние на испанские и португальские владения. Результатом колонизации стало взаимообогащение культур Старого и Нового Света. Становление европейского капитализма оплачено миллионами жизней народов колоний, и нельзя оставлять без внимания вопрос о «цене» экономического и культурного прогресса Европы. Скучные страницы, посвященные завоеванию колоний и становлению колониальных систем, местами напоминают популярные очерки, порою имеют справочный характер (например, с. 389—392). Небезупречны они и с точки зрения точности фактического материала. Автор пишет: «в 1519—1521 гг. небольшой отряд Кортеса покорил богатую мексиканскую империю ацтеков ... в 1532—1533 гг. другой конкистадор — Писарро легко разгромил столь же богатую перуанскую державу инков» (с. 390). На самом же деле взятие Кортесом столицы государства ацтеков Теноттитлана после длительной борьбы вовсе не означало покорения всей территории Мексики, завоевание ее растянулось на длительный период до 60-х гг. XVI века.

Завоевание Тауантисуйо — государства инков в Перу длилось не два года, а почти 40 лет, последний оплот независимости инкского государства пал в 1572 году. Современной наукой уже давно отвергнут тезис о том, что в результате конкисты якобы все индейские цивилизации мгновенно рассыпались. Кстати, окончательное завоевание Перу совершилось через 30 лет после гибели Писарро в 1541 году. Далее: «на перуанской земле были найдены богатейшие серебряные рудники. С начала 50-х годов в Европу хлынуло перуанское серебро», — говорится на с. 391. На самом же деле раньше, чем в Перу (в 1535 г.) серебряные рудники были открыты в Мексике и мексиканское серебро потекло в Европу раньше, чем перуанское по крайней мере на 10—15 лет. В дальнейшем обе страны стали поставщиками драгоценных металлов в Европу, преимущественно серебра.

Э. Э. ЛИТАВРИНА

Рецензируемое издание — детище Ассоциации «Мюльхаймская инициатива», в которой видные общественные деятели России и Германии объединились, чтобы содействовать сближению обеих стран. Среди мероприятий, проводимых этой организацией, существенное место отводится совместным научным исследованиям по истории российско-германских взаимоотношений. Они, как известно, в XX в. прошли через суровые испытания двумя мировыми войнами и «холодной войной», но знали и периоды плодотворного партнерства. Авторы публикуемых в книге работ — немецкие и российские ученые — стремились выяснить глубинные причины конфронтаций двух стран, раскрыть существенные выгоды, которые приносили им добрососедские отношения в годы, когда между ними царил мир.

Редакторы книги, которая вышла почти одновременно в Германии и России, — Д. Проэктор, О. Прудков, С. Случ, Й. Лезер, Г.-А. Якобсен — ставили своей целью дать по ряду важных аспектов рассматриваемой темы параллельные очерки историков двух стран. Этот замысел в целом реализован, хотя и не полностью; отдельные главы находятся в одиночестве — взгляд «с другой стороны» отсутствует. Но и в этом виде рассматриваемый труд позволяет увидеть особенности подхода к тому или иному сюжету представителей национальных историографий, нюансы в трактовке одних и тех же событий и исторических персонажей. Эти различия не ведут, как это было в недавнем прошлом, к ожесточенным столкновениям, а лишь фиксируют особенности изучения данной проблематики соответственно в Германии и России.

В кратком вступлении, озаглавленном «Книга примирения», О. Прудков (Россия) и Д. Бах (Германия) отмечают такие черты представляемого труда, как ориентация на современный взгляд на исторические события и процессы, а с этой целью — привлечение источников из архивов Германии и, особенно, — России, где многие документы были ранее недоступны. Редакторы книги в своем введении подчеркивают, что публикуемые тексты не подвергались редактированию, а это исключает их нивелировку.

Первый раздел книги посвящен предыстории советско-германской войны и состоит из двух глав. Хотя он выходит за хронологические рамки тома, этот раздел вполне правомерно занимает большое место — примерно 1/5 текста. Немецкий автор — К.-Х. Руффманн дает представление о кардинальном значении прихода Гитлера к власти для отношений с Россией, об его антисоветских замыслах и действиях, анализирует их влияние на внешнеполитический курс Кремля. Общий подход автора к теме вытекает из тезиса, что в оценке событий 1933 г. и последующих лет нельзя упускать из виду

войну на уничтожение и истребление, которую третий рейх вел против СССР с 1941 года. Руффманн подчеркивает неправомерность любых попыток игнорировать подобные представления и оценки (с. 23). Такой честный подход к оценке войны между гитлеровской Германией и СССР (в прошлом достаточно редкий для историков ФРГ) характерен и для других немецких участников рецензируемого издания.

Статья С. Случа «Германия и СССР в 1918—1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений» основана в значительной мере на архивных источниках из хранилищ России и Германии. Автор исследует подлинные мотивы, которыми руководствовались лидеры обеих стран в своих действиях в отношении друг друга, уделяя особое внимание политике СССР в отношении Германии. Здесь много нового; автор приоткрывает плотную, многолетнюю завесу над мотивами тех или иных шагов, которые делали кремлевские властители. Особенно это касается предыстории советско-германских договоров 1939 г., подлинная сущность которых раскрыта чрезвычайно убедительно. Впервые в комплексном виде рассмотрен ряд аспектов советско-германских отношений, которые в отечественной историографии не фигурировали вообще или трактовались в ложном свете, — Брестский мир, кризис в отношениях двух стран в конце 20-х — начале 30-х годов, тактика Сталина в отношении Германии после 1933 г. и т. п.

Наибольший раздел книги — тот, где рассматриваются проблемы войны 1941—1945 гг. Он открывается содержательной работой Б. Вегнера «Основные черты стратегии Германии в войне с Советским Союзом»; статья лишена научного аппарата, но тем не менее дает верное представление об авантюризме стратегических замыслов Гитлера, просчетах в планировании и реализации военных операций 1941—1942 гг. — результате плохой осведомленности о состоянии СССР и потенциальных возможностях отпора со стороны советского народа.

Параллельная этой работе глава российского военного историка В. Ларионова озаглавлена «Политика и стратегия в войне». Автор сопоставляет соотношение этих двух факторов в руководстве военными действиями лидерами Германии и СССР — с учетом тоталитарного характера политических режимов в обеих странах. Перу В. Ларионова принадлежит и другая глава — о Сталинградской битве — единственном (благодаря ее историческому значению) исключении из принятого для рецензируемого издания решения не касаться хода отдельных военных операций.

Как определенное исключение из общего замысла воспринимается и следующий материал — «Из воспоминаний командира пехотного

батальона» Й. Лезера. Автор не претендует на научные обобщения; он передает обстановку в Сталинградском котле, ничего не приукрашивая. Это человеческий документ, который придает научным исследованиям живой дух времени.

Две главы посвящены экономическим проблемам войны. Первая из них — Г. Кириленко — представляет собой очерк развития советской экономики в 1941—1945 годах. Характеризуя успехи в обеспечении фронта всем необходимым, автор не замалчивает, как это нередко имело место в прошлом, огромные трудности — результат колоссальных потерь вооружения в первый период войны и оккупации наиболее развитых областей в европейской части страны, эвакуации сотен предприятий. Отмечая, что поставки по ленд-лизу составляли небольшую долю в общем балансе вооружений, Кириленко вместе с тем констатирует, что, например, по грузовым автомашинам, пороху и взрывчатке, кабелям, эта доля была значительна.

Экономические вопросы исследуются и в работе немецкого автора Р.-Д. Мюллера «Торговый партнер или объект эксплуатации?», но под иным углом зрения. Автор исследует экономическое ограбление оккупированных гитлеровцами территорий СССР, в том числе роль промышленных магнатов Германии в планировании экономической агрессии против СССР и ее осуществлении. Работа опирается на многочисленные и разнообразные источники, в том числе литературу СССР и ГДР (непонятно лишь, почему ссылки на немецкие издания переведены на русский язык, что затруднит для читателя их поиск).

Немецкий ученый В. Ветте в статье «Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза» анализирует документы о расистской пропаганде, направленной и против евреев, и против славян и среднеазиатских народов СССР, показывая, что она велась не только органами нацистской партии и СС, но и командирами вермахта всех уровней. Статья Ветте — одна из тех работ в историографии ФРГ, которые продиктованы искренним стремлением до конца раскрыть вину организаций и лиц, осуществлявших на оккупированных территориях геноцид, прикрываемый расистскими «идеями».

К этому исследованию примыкает статья К. Штрайта «Советские военнопленные в Германии», ибо массовое умерщвление советских солдат и офицеров, оказавшихся в гитлеровском плену, было существенной частью этого геноцида. В работе Штрайта нет и намека на приукрашивание, наоборот, он даже ставит под сомнение данные о численности погибших в плену, фигурирующие в некоторых советских изданиях, считая их значительно заниженными. Жаль, что в книге отсутствует аналогичное исследование о немецких военнопленных в СССР.

Своеобразна статья А. Орлова «Армия и партизаны в борьбе против вермахта». Первая ее

часть — сжатый, весьма реалистичский очерк того, как советские вооруженные силы преодолевали тяжкий груз поражений первого периода войны и, накапливая боевой опыт, вступили на путь, ведущий к победе. Во второй части рассматривается роль партизан в сокрушении гитлеровской военной машины.

Особняком стоит работа А. Судоплатова «Советская политическая и военная разведка». Аналога среди глав, написанных немецкими авторами, в книге нет, хотя такая статья у российского читателя вызвала бы большой интерес. Источник материала А. Судоплатова — воспоминания его отца, П. А. Судоплатова — одного из руководящих деятелей сталинско-бериевского НКВД, а позднее — КГБ. Достоверность приводимых фактов проверить невозможно из-за закрытости соответствующих архивов, но некоторые из них можно опровергнуть и не прибегая к архивам. Не выдерживает критики утверждение, будто руководители антифашистской организации «Красная капелла» Х. Шупьце-Бойзен и А. Харнак были арестованы на улице и уничтожены без суда (с. 279). На деле эта организация была выслежена после расшифровки спецслужбами радиogramм, посланных из Москвы резиденту советской разведки в Брюссель; ее участники предстали перед военным судом и были казнены по его приговору. Довольно давно опубликованы различные документы, связанные с этим процессом, в том числе письма Шульце-Бойзена, Харнака и других, обращенные к родным после вынесения приговора.

Говоря о разведывательных данных, касавшихся предстоявшего нападения Германии на СССР, которые представлялись Сталину, Судоплатов повторяет (лишь с некоторыми оговорками) обанкротившуюся версию о «внезапности» этого события, мотивируя тем, что первоначальный срок нападения (весна 1941 г.) не был соблюден из-за германского вторжения в Грецию и Югославию, а потому-де последующим сообщениям о сосредоточении войск на границах СССР уже нельзя было верить (с. 270). Этот довод так же неубедителен, как все прежние, ибо имелись десятки фактов, даже помимо невиданной концентрации соединений вермахта, свидетельствовавших о том, что непосредственная опасность нападения сохранялась в полной мере; и лишь Сталин и его окружение игнорировали их. Советская разведка имела множество донесений на сей счет от осведомителей из разных стран, в один голос твердивших о неминуемом начале войны в ближайшем будущем; но зная настроение Сталина, руководство разведки, забыв свой патриотический долг, не стремилось переубедить его, а, наоборот, само уверовало в недостоверность «алармистских» сообщений. Такова историческая правда.

Раздел завершается статьей немецкого историка Г. Шрайбера «Некоторые размышления об итогах войны». Здесь речь идет прежде всего

об огромных людских потерях, которые принесла война, о колоссальном материальном ущербе. Автор рассматривает также территориальные и политические изменения в Европе, обращая главное внимание на раскол Германии и установление контроля СССР над восточной частью континента. Глава является своего рода мостиком к следующему разделу книги, посвященному годам «холодной войны», периоду, когда отношения СССР с Германией (а точнее — с двумя Германиями) играли центральную роль.

В этом разделе большой интерес представляет работа М. Семиряги «Советская оккупационная политика в Германии»; изложение во многом основано на новом подходе к проблеме, которая советской исторической литературой освещалась только апологетически. Автор, опираясь на архивные материалы, на собственные впечатления послевоенных лет, характеризует такие явления, как диктат военной администрации по отношению к формально самостоятельным политическим партиям, недвусмысленное предпочтение, которое оказывалось компартии, а после ее слияния с частью социал-демократии (отнюдь не добровольном со стороны последней) — СЕПГ, «прочесывания» советской зоны, в ходе которых задерживались тысячи человек. Как отмечает Семиряга, лишь членов СДПГ было арестовано 25 тыс. (с. 380). Характеризуя реформы, проводившиеся во второй половине 40-х годов, в первую очередь земельную, автор показывает, что одновременно с ними происходило утверждение сталинского тоталитарного режима с монопольным положением одной партии (другие служили лишь декорацией), одной идеологии, с командно-административными методами управления.

Одна из узловых глав книги, носящая заголовок «Размышления о холодной войне», принадлежит Д. Прозктору. Это развернутый очерк данного исторического феномена, чье влияние ощущали на себе все страны и континенты; главное внимание, естественно, уделяется Германии, ставшей первопричиной резкого противостояния двух лагерей и во многом определявшей развитие глобальной конфронтации. Автор прослеживает ее генезис, анализирует кризисы, сопутствовавшие «холодной войне», особо отмечая события 1948—1949 гг. вокруг Берлина и другой вариант достижения тех же целей — возведение берлинской стены в 1961 г., карибский кризис и т. д. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в социалистическом лагере в начале 80-х годов, в частности, в связи с событиями в Польше, автор опирается на важные документы политбюро ЦК КПСС (некоторые из них приводятся текстуально).

Другой характер имеет работа В. Лота «От холодной войны к преодолению раскола Европы»; сам автор полагает, что это эссе, не нуждающееся в подкреплении ссылками на источники. Рассуждения Лота, автора нескольких исследований по проблемам «холодной войны» (первый импульс к ко-

торой, по его мнению, дали США), посвящены преимущественно генезису и действию концепции безопасности; на ней зиждилось существование противостоящих друг другу военных блоков, а ее преодоление привело к прекращению противостояния.

Важное место в книге занимает глава, написанная председателем «Мюльхаймской инициативы», известным немецким историком Г.-А. Якобсеном. Ее тема — ключевая для проблематики рецензируемого тома — «Некоторые аспекты германо-советских отношений. Конфликты и сотрудничество»; речь идет о послевоенном периоде, причем уже первый, вводный тезис — о том, что разделение континента, и прежде всего Германии, явилось следствием не ялтинских соглашений, а безумной нацистской войны на уничтожение (с. 464), — дает четкое представление о подходе автора к проблеме. Этот подход особенно ясен там, где Якобсен анализирует противостояние двух лагерей в годы «холодной войны»; не становясь на чью-либо сторону, он стремится полностью раскрыть причины столь длительной и столь опасной для человечества конфронтации. В то же время он напоминает, что была и разрядка напряженности, а едва ли не важнейшим ее элементом являлась новая восточная политика В. Брандта — пример честного партнерства ФРГ и России. Якобсен подчеркивает, что у немцев и русских — общий долг: извлечь все необходимые уроки из бойни народов 1939—1945 гг. и сделать нечто подобное в будущем абсолютно невозможным. Параллельна этой работе статья В. Дашичева «От тоталитарной к демократической политике в германском вопросе», в которой рассматриваются взаимоотношения в треугольнике Москва — Бонн — Берлин в период после отставки Аденауэра, как элемент внешнеполитического курса СССР. Для последнего «зеленый свет» воссоединению Германии означал переход к демократическим принципам во взаимоотношениях с ней.

Четвертый раздел книги — «Путь к партнерству (1990—1995)» — состоит из трех статей и касается самых последних событий во взаимоотношениях двух стран. Авторы — немецкие ученые Х. Линке и Э. Шульц, российский исследователь Б. Орлов — анализируют отношения партнерства между Германией и Россией, высказывают суждения по поводу перспектив развития их сотрудничества. Здесь безусловно выделяется работа Линке, базирующаяся на большом количестве источников, в том числе на русском языке (здесь немецкие книги и статьи почему-то даны и на немецком и на русском языках).

Сравнение немецкого и русского изданий, — к сожалению, не в пользу последнего. В нем опущен ряд работ, которые могли бы представить интерес для нашего читателя. Такова, в частности, статья Б. Соколова о численности людских потерь СССР в войне. В целом же опыт совместного

исследования отношений СССР — России и Германии за последние 75 лет, вместивших в себя и кровопролитнейшую из войн, и более или менее длительные периоды сотрудничества, взаимопонимания, можно считать удавшимися. Надо надеяться,

что этот плодотворный опыт, который продемонстрировал лояльность друг к другу недавних идеологических противников, будет продолжен.

Л. И. ГИНЦБЕРГ

Ю. П. ШАРАПОВ. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (1931—1941 гг.). М. АИРО-XX. 1995. 205 с.

Историография России пополнилась серьезным исследованием одного из интереснейших этапов истории ее культуры. В книге доктора исторических наук Ю. П. Шарапова перед читателем предстают яркие картины деятельности ИФЛИ — весьма своеобразного высшего учебного заведения, одного из ведущих центров подготовки гуманитариев, заметно повлиявшего на интеллектуальную жизнь страны.

Значимость этой книги может во многом быть оценена с учетом статуса русской интеллигенции, ее особого места и роли в истории отечества. В начале описываемого в книге периода противостояние интеллигенции, получившей образование еще до 1917 года, и быстро крепнущего сталинского режима еще не перешло в открытую, когда главным оружием власти стало поголовное устранение из активной гражданской жизни всех ее идеологических противников. К концу этого десятилетия конфликт как будто бы уже близок к завершению; тоталитарное государство практически полностью подавило не только политическую оппозицию, но и ее интеллектуальную базу — инакомыслие. Однако, на самом деле конфликтная ситуация имела гораздо более глубокие основания, чем полагало политическое руководство страны, считавшее возможным выйти из нее посредством физического уничтожения носителей свободомыслия — наиболее активных представителей дореволюционной русской интеллигенции. Предполагалось, что оторванные от исторических социокультурных корней молодые специалисты советского поколения, будучи воспитанными уже в совершенно иных условиях, станут верными апологетами режима, надежными проводниками сконструированной сталинистами идеологии. Этот преступный и по сути своей примитивный замысел, как казалось многим, был близок к воплощению в жизнь. Но на деле он был обречен на провал с самого начала.

Ключевое противоречие заложено, как известно, в самой природе государственной, политической власти и интеллигенции, в различии концептуальных оснований их целей и деятельности. Если власть стремится сконцентрировать усилия подчиненного ей социального слоя на обслуживании государственного аппарата, на решении задач государственного строя и тем самым существенно ог-

раничить сферу интеллектуальной активности, то сам интеллектуальный социум, следуя собственным идеалам и представлениям о духовных ценностях и общественных функциях, пытается выйти за пределы устанавливаемых ему рамок. Таким образом, воспроизводя — по необходимости — интеллигенцию и пытаясь сформировать ее новую, покорную власти генерацию, государство поневоле воспроизводит и конфликт. О том, какие конкретные формы и интенсивность приобрел этот процесс в 30-е годы и рассказывает на материале истории ИФЛИ автор рецензируемой книги бывший ифлиец Шарапов.

Не отрываясь от конкретного материала, он умело, точными мазками, реконструирует общий облик эпохи. С этой точки зрения к лучшим страницам книги можно отнести повествующие о страхе, — чувстве столь характерном для социальной реальности и самоощущения интеллигентов времен расцвета сталинизма. Но автор сумел уйти от искушения сосредоточить все внимание на ужасах социальной истории СССР 30-х годов. Читателю предложено нечто существенно большее, чем важное, но, все же, субъективное свидетельство очевидца: труд Шарапова прежде всего — научная монография, результат многолетних исследований профессионального историка. Все это делает книгу Шарапова заслуживающей самого пристального внимания со стороны историков, специалистов в области проблем развития науки, образования и культуры России.

Как убедительно показывает автор, одной из особенностей ИФЛИ был редкий, — может быть, даже уникальный для СССР 30-х годов — подбор профессорско-преподавательского состава, в котором оказались широко представленными специалисты высшей квалификации, получившие образование и сложившиеся как ученые еще при «старом режиме», до 1917 года. На протяжении ряда лет до этого, немногочисленные профессионалы в области гуманитарных знаний в советской России были нацелены преимущественно на непосредственное обеспечение массовой партийной пропаганды и, отчасти, на подготовку — в тех же традициях — национальных кадров (последняя была организована, например, в Коммунистическом университете трудящихся Востока — КУТВ).

Гуманитарное образование в эти годы стало,

в основном, привилегией партийных кадров, подготовка которых шла через институты красной профессуры (ИКП). ИКП формировались исключительно членами партии обязательно пролетарского происхождения с восьмилетним (!) партийным стажем, активно проявившими себя на общественной работе и прошедшими, к тому же, жесткий персональный отбор в ЦК ВКП(б). Такая политика принесла соответствующие результаты. Шарапов приводит фамилии из справки одного из ведущих обществоведов-философов сталинской эпохи М. Б. Митина о выпускниках ИКП: М. А. Суслов, А. Я. Пельше, Б. Н. Пономарев, П. Н. Поспелов, П. Ф. Юдин, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов, М. Б. Храпченко и др. — Знакомые все лица! Идеологический камертон был вручен Коммунистической академии, деятельность которой, однако, не могла охватить широкие слои населения.

В условиях нарастающего противостояния на мировой арене и политического напряжения внутри страны, перед властными структурами режима встала проблема подготовки остро необходимых промышленности и армии инженеров и техников, высококвалифицированных рабочих кадров, развертывания всеохватывающей идеологической обработки всего населения. Вытекающие из этого организационные задачи решались крупномасштабно и системно. Применительно к ним существенно усилил работу Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Предпринятый пересмотр традиционной, исторически сложившейся общей картины прошлого России, острая критика концепции исторического процесса, разрабатывавшейся школой Покровского с позиций «более правильного марксизма», создание серии новых учебников по истории для высшей и средней школы, завершились главным событием «переворота в исторической науке» — изданием сталинского Краткого курса истории ВКП(б).

На этой новой базе и предлагалось готовить советские кадры в области общественных наук. ИФЛИ, организованный в 1931 году на руинах гуманитарных факультетов Московского университета, в этих условиях оказался чрезвычайно заманчивым для желающих получить гуманитарное образование. Большой наплыв абитуриентов, высокий конкурс, естественно ловысили уровень подготовки, необходимой для поступления в новый ВУЗ. Будущие студенты попадали в хорошие руки: в числе преподавателей ИФЛИ были такие выдающиеся ученые, как Б. Д. Греков, Р. Ю. Виппер, С. Д. Сказкин, В. К. Никольский, Е. А. Косьминский, М. Н. Тихомиров, Ю. В. Готье, А. И. Неусыхин, Н. М. Луппол, Ф. В. Потемкин, многие другие, избежавшие к тому времени высылки за рубеж и заключения в концлагерь, — цвет русской гуманитарной науки. Для них самих преподавание в ИФЛИ сделало возможным возвращение к любимому делу жизни: многие из гуманитариев к 1931 году буквально бедствовали без работы, или тянули лямку чиновничьей службы в той или иной конторе.

Высокий уровень преподавания могли обеспечить и более молодые специалисты, воспитанные уже в советское время: И. М. Разгон, Э. Б. Генкина, Е. Н. Городецкий, А. С. Ерусалимский и другие. На филологическом факультете романо-германское языковедение и литературу преподавали С. И. Соколовский, С. И. Радциг, М. М. Покровский и другие. Курс по истории культуры эпохи Возрождения вел А. А. Губер, историю античности читал В. Д. Блаватский. Высочайший профессионализм, приверженность ценностям культуры, нравственные и моральные нормы, исповедовавшиеся этими людьми, оказывали сильное влияние на обучаемых, — возможно, даже более сильное, чем могли бы оказать их политические взгляды, осмелюсь они высказать их прилюдно.

Наверное, сегодня нам труднее понять не то, какой уровень знаний способны были задать учащимся эти специалисты, а то, как вообще стала возможным в те годы созданная и поддерживавшаяся в ИФЛИ на протяжении десяти лет обстановка, благодаря которой большинство окончивших его специалистов оказались включенными в интеллектуальную элиту СССР и оказали заметное влияние на последующее развитие в ней гуманитарных знаний. Читатель узнает о том, что в ИФЛИ в разные годы учились Аникст А., Безыменский Л., Галанов Б., Геллер М., Гудзенко С., Гулыга А., Келпе В., Ковальзон М., Коган П., Кондратович А., Колелев Л., Копнин Н., Левитанский Ю., Микулинский С., Наровчатов С., Озеров Л., Панкратова М., Паперный З., Поляков Ю., Разгон А., Ржевская Е., Самойлов Д., Солженицын А., Твардовский А., Трояновский О., Чайковская О., Черноуцан И., и многие другие известные поэты и философы, дипломаты и государственные деятели, публицисты и писатели — упомянуть здесь всех, или даже только заслуживающих особого внимания персонажей книги, совершенно невозможно: в ее именном указателе более 1000 фамилий!

За десять лет в ИФЛИ было обучено ни много ни мало — 1062 студента и 180 аспирантов. Последний выпуск (1941 г.) добавил к этому числу еще около ста специалистов. В год закрытия ИФЛИ на его четырех факультетах числилось 1757 студентов и 277 аспирантов.

Автор с большой любовью к *alma mater* и олируясь, как и подобает ученому, на хорошо выверенные факты раскрывает обстоятельства, при которых ИФЛИ стал таким, каким он навсегда остался в истории высшей школы и культуры России. Интересны и содержат немало нового сообщаемые автором сведения о преподавателях и преподавании в институте. Но очень многое и в этой, наиболее полной и первой обобщающей книге об истории ИФЛИ остается за текстом. Так, мы узнаем о том, что самый либеральный из ректоров этого «оазиса свободы», «московской Сорбонны», А. С. Карпова — член РСДРП с 1902 г., бывшая заведующая консульским отделом посольства в Фин-

ляндии, руководитель отдела пропаганды Краснопресненского РК партии, сестра Розалии Землячки (Залкинд), начальника политотдела двух армий в годы гражданской войны и одной из главных участниц кровавой Крымской трагедии 1920 г., председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1939—1943 гг. Следующий ректор ИФЛИ А. П. Асеев — бывший зав. культсектором Фрунзенского РК партии, в 1932—1938 гг. — оперативный сотрудник НКВД в Москве. Был ли очевидный либерализм этих руководителей института, менторов новой, советской интеллигенции, «военной хитростью», сознательной или вынужденной поблажкой со стороны властей предрержащих, или же он — свидетельство попытки перехода отдельных «твердокаменных большевиков» в оппозицию крепнущему режиму личной диктатуры Сталина, на иные моральные нравственные, наконец, политические позиции? Интересна и другая, только слегка затронутая автором проблема: анализ политических взглядов бывших студентов ИФЛИ, эволюция их гражданской позиции на протяжении последующей карьеры. В любом случае, рецензируемая книга дает материал не только для размышлений по этим поводам, но и для углубленного исследования возникающих здесь вопросов. Надо полагать, что будучи раз поставленными, они, как и другие, аналогичные им вопросы, не останутся без ответа.

Не следует, конечно, думать, что доброжелательная творческая «ифлийская» атмосфера в институте, товарищество и взаимное уважительное отношение между студентами и преподавателями, отмечаемая во всех воспоминаниях об ИФЛИ обстановка свободы, не омрачались известными трагическими событиями в стране. Да и сам коллектив ИФЛИ не был оставлен в стороне от этих событий. Шарапов достаточно подробно и, как и во всем остальном, аргументированно, рассказывает и об этих сторонах истории ИФЛИ. Отметим в этой связи раздел, названный не без иронии «Что есть истина?» и посвященный истории философского факультета, тесно связанной с кратко, но точно охарактеризованным в книге общим положением философии в СССР тех лет. Правда, и на этом факультете проявились «ифлийские» черты: в числе его преподавателей были не только такие как Г. Ф. Александров — «типичный представитель

партийно-руководящей научно-идеологической элиты времен сталинизма» (цитируемая в книге характеристика принадлежит З. А. Каменской), но и А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, М. А. Дынник и другие университетские профессора. Знаменитым Литературным кружком ИФЛИ руководил философ (ныне — академик) Т. И. Ойзерман.

Самым юным и скоротечным факультетом ИФЛИ был экономический, — пишет Ю. П. Шарапов, — уделивший рассказу о двух учебных годах этого факультета всего четыре, но зато насыщенные информацией страницы.

История четырех факультетов ИФЛИ в книге служит своего рода канвой, основой для аналитического освещения ряда коренных проблем истории. Так, например, монография Шарапова вносит определенный вклад в историю национального вопроса в советской России. По крайней мере, читатель имеет возможность ознакомиться не только с принципиально интернационалистской позицией автора, но и со статистическими данными, реальной ситуацией, сложившейся и развивавшейся в многонациональном коллективе ИФЛИ на протяжении десяти лет — одного из самых политически напряженных периодов истории высшей школы СССР. В наше время, когда национальный вопрос сплошь и рядом используется в популистских целях и так часты основанные на искажении исторических фактов политические спекуляции, сообщаемые автором сведения вызывают дополнительный интерес и приобретают особую актуальность.

Структура книги хорошо продумана и выстроена. Исключение, пожалуй, (кстати говоря, не столь уж приметное) составляют последняя (седьмая) глава и заключение, текст которых написан не с тем блеском и мастерством, какие присущи другим разделам монографии. Может быть, следовало бы упрекнуть автора в некотором излишнем любовании особостью, «самостью» ИФЛИ (так ли уж оправдано безусловно натянутое уподобление ИФЛИ знаменитой, существующей многие века Сорбонне? И, тем более, уместна ли здесь историческая справка о ней?) Но все это, конечно, не влияет на общую оценку книги как заметного явления в современной исторической литературе.

Б. В. ЛЕВШИН

М. В. БАГЛАЙ. *Дорога к свободе*. М. Международные отношения. 1994. 320 с.

Что составляет основу бытия общества и государства: свободный человек, разумное существо, наделенное от природы неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, или человек, превращенный в простой винтик всемогущей государственной ма-

шины, подчиняющей себе и общество и индивида? Член Конституционного суда РФ профессор М. В. Баглай стремится в рецензируемой монографии дать максимально обстоятельный ответ на эти вопросы.

Одно из достоинств монографии Баглая в том, что он прослеживает генезис важнейших правовых актов, убедительно показывает, каковы те воззрения и доктрины, которые легли в их основу, какова правовая судьба этих актов. Учения и взгляды выдающихся мыслителей XVII—XVIII веков легли в основу новых правовых институтов, которые формируются в ходе антифеодальных освободительных революций. Отражением этих новых подходов стали два замечательных исторических документа, правовая значимость которых не померкла и по сегодняшний день. Это Декларация независимости США 1776 года и французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Этот последний документ, торжественно провозглашает, что все люди рождаются свободными и равными в правах и что страна, не обеспечивающая соблюдение прав человека и разделение властей, не обладает конституцией. Это и в ныне действующей конституции России — важнейший источник ее конституционного права.

XIX век стал свидетелем не только прогрессивной углубленной разработки идей свободы и демократии, но и появления доктринальных построений, полностью отвергающих либерально-демократический подход к их пониманию и утверждению. По Гегелю, при всей противоречивости его философских концепций, все большее постижение свободы составляет суть исторического процесса; по Марксу приход к свободе возможен лишь через насилие над людьми, а классовая борьба составляет смысл и содержание исторического процесса, который приводит к торжеству одного из общественных классов как самого передового и революционного.

XX век оказался свидетелем невиданного по масштабам социального эксперимента. Столкнулись две диаметрально противоположные политико-правовые системы, основанные на разных системах ценностей. Их конфликт привел к почти пятидесятилетней холодной войне, результаты которой самым непосредственным образом связаны с различным пониманием и утверждением свободы. Противоборство либерально-демократической и тоталитарной концепций всесторонне и подробно рассмотрены на страницах монографии и, пожалуй, составляют ее центральную, наиболее интересную и оригинальную часть.

Неотъемлемость и неотчуждаемость свободы, ее примат по отношению к любым иным правам и интересам легли в основу правовых систем либерально-демократических государств. Ограничение свободы с точки зрения правовой возможно лишь на основе закона и при условии, что такого рода закон призван воспрепятствовать покушению на свободу третьих лиц. Одним из наиболее распространенных постулатов в сфере прав и свобод становится принцип, согласно которому дозволено все, что не запрещено законом. Не государство дарует человеку свободу. Оно существует лишь для того, чтобы оградить, обеспечить и защитить его свободу. Соответственно личная свобода первична. Она лежит в основе всего института прав

и свобод, само существование которых возможно лишь при обеспечении свободы личности. Наряду с личной неприкосновенностью, свободой мысли и слова, свободой передвижения и др. к их числу отнесены также свобода предпринимательской деятельности и право собственности.

Тоталитаризм номинально не отвергает свободу. Больше того, в его доктринальных построениях ей отводится почетное место. Вспомним хотя бы известное положение марксизма о том, что свобода каждого это условие свободы всех. Но само истолкование свободы, ее сути и содержания, условий и способов достижения таковы, что на практике превращают ее в фикцию. Практически свободой провозглашается несвобода. Достигается это, впрочем, при помощи весьма несложной конструкции. Ее отправной посылкой служит утверждение о том, что свобода не может быть абстрактной, она всегда конкретна и носит классовый характер. Сам же передовой класс (как в других случаях высшая раса) должен обладать монополией на власть. А политическая власть есть ничем не связанное и неограниченное насилие одного класса над другим. Правовые ограничения меркнут перед всемогуществом и вседозволенностью революционной власти. В результате самый настоящий произвол возводится в ранг законных и правомерных действий. Произвол и бесправие становится нормой бытия. Именно такова и оказалась ситуация в СССР в эпоху сталинской диктатуры. Результатом стали застой и неуклонное экономическое и научно-техническое отставание, поставившее страну на грань катастрофы и предопределившее поражение в холодной войне.

Весьма обстоятельно разбираются в монографии изменения, происходящие в России на современном этапе. Автор убедительно показывает сложность и противоречивость процесса утверждения свободы в ней, влияние различных факторов материального и духовного порядка, препятствующих демократическому развитию. Специальный параграф посвящен рассмотрению негативных последствий современной российской действительности, порождающих тенденцию к авторитаризму. И все же автор не склонен предаваться пессимизму. Проведенный им анализ позволяет прийти к выводу, что «вектор развития все же определился: он направлен на углубление демократических начал во всех сферах жизни, а это рождает исторический оптимизм за судьбу свободы в России» (с. 314).

Пожалуй, главное, в чем его можно упрекнуть, учитывая, что автор юрист, это в недостаточном правовом анализе. Сравнительно мало и бегло сказано о правовых гарантиях свободы. Можно было подробней сказать о роли и месте правосудия и о судебной практике, как российской, так и зарубежной. Тем не менее, все это никак не колеблет общей оценки книги. Создано ценное научное исследование по одной из самых актуальных проблем современного развития.

Л. М. ЭНТИН

А. А. УЛУНЯН. *Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига 1877—1878 гг.* М. 1994. 214 с.

Автор книги, изданной Институтом славяноведения и балканистики РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник этого Института А. А. Улуныан не впервые обращается к сюжету об освобождении Болгарии от турецкого ига.

В рецензируемом труде, как и в своих предыдущих работах, Улуныан убедительно раскрывает решающую роль России в освобождении Болгарии от турецкого ига и существеннейшее участие в этом процессе болгарского народа. Улуныан показывает, что Россия на протяжении нескольких столетий оказывала моральную и материальную поддержку болгарскому народу в его великой борьбе. Основания для своих выводов автор, известный знаток материалов по истории восточного кризиса 70-х годов XIX в., черпает из самых различных источников — официальных документов (опубликованных и архивных), записок современников, воспоминаний и мемуаров, русской и зарубежной прессы, публицистики и многих других.

В книге имеется экскурс в древнюю историю болгар, коротко излагается их история до турецкого завоевания, описывается положение болгар под турецким игом и непрерывающиеся связи с Россией, участие в русско-турецких войнах XVIII и XIX веков. Тем самым подчеркивается органическая преемственность всех этапов процесса становления и развития, истоки и корни русско-болгарских дружественных контактов. Интересный материал содержится и в разделе, посвященном этапам национального возрождения болгар, начало которого автор относит к XVIII веку.

Много места отведено культурному влиянию России, участию русской общественности в формировании болгарской интеллигенции, материальной помощи в развитии болгарской школы (с. 26), возможностям для деятельности болгарских просветителей и патриотов, которые предоставляла Россия на своей территории. В университетах и других учебных заведениях России получали образование многочисленные болгарские студенты (с. 27). С первой четверти XIX в. и до окончания войны 1877—1878 г. в России обучалось — по разным сведениям — от 500 до 680 болгарских воспитанников. Материальную заботу об учащейся болгарской молодежи несло государственное казначейство России.

Отмечено, что большую роль в воспитании национального самосознания болгарской интеллигенции сыграли труды выпускника Московского университета, учено-слависта первой половины XIX в. Ю. И. Венелина (с. 19). Однако автор ни словом не обмолвился о том, что сочинения Венелина были в основе своей фантастичными, не отвечали уровню знаний о болгарском языке и народе. Получается, что национальное самосознание и патриотизм болгарских просветителей формировались на

ложной основе. Творчество Венелина следовало бы оценить всесторонне.

Вопрос о дипломатии великих держав в период восточного кризиса достаточно подробно освещен в литературе. Улуныан показывает, что в 1875 г., когда восстали доведенные до отчаяния производом турецких властей жители Герцеговины и Боснии, европейская дипломатия пыталась найти путь к мирному урегулированию конфликта. Однако предложенные Россией меры встретили противодействие западной дипломатии, хотя у последней не было единой позиции в этом вопросе. Германский канцлер Отто фон Бисмарк стремился вызвать русско-турецкий конфликт, чтобы впоследствии воспользоваться его результатами. Австрийский министр иностранных дел Д. Андраши не желал нарушения статус-кво Османской империи и был против образования самостоятельных славянских государств на Балканах, опасаясь распространения на них российского влияния.

Открытую поддержку Порте оказывала Англия, при участии которой в Турции был совершен государственный переворот, изменивший соотношение сил не в пользу России. Улуныан достаточно подробно описывает влияние на султана английских советников, использование в вооруженных силах Турции английских офицеров и инженеров. Данные об иностранных военных на турецкой службе представляются весьма красноречивыми и любопытными. Западно-европейские государства снабдили турецкую армию большими запасами оружия и боеприпасов. Основанные на надежных источниках факты показывают, что Англия вовсе не желала разгрома Турции и с равнодушием взирала на кровавый террор, который сопутствовал подавлению освободительного движения славянских народов. В целом великие державы Запада выступали за сохранение османского владычества над балканскими народами и негативно относились к предложениям России предоставить балканским славянам хотя бы автономию.

Характеризуя позицию России в восточном кризисе 70-х годов XIX в., Улуныан далек от ее упрощенной и апологетической оценки, которая иногда имела место в советской литературе. Автор книги справедливо считает, что, выступая в защиту балканских народов, царское правительство стремилось упрочить свое влияние на Балканах, а победоносная война была необходима для укрепления внутреннего положения и подъема международного авторитета России (с. 82). Но, каковы бы ни были субъективные намерения царизма, подчеркивает автор, цели русско-турецкой войны объективно отвечали национальным интересам народов Балканского полуострова, способствуя их освобождению от многовекового турецкого ига (с. 83).

Автор показывает активное участие всех слоев

болгарского народа в борьбе против турок на стороне русской армии, которой болгары оказывали щедрую и зачастую безвозмездную материальную помощь (с. 142). Материалы книги, среди которых есть и новые, еще никогда не вводившиеся в научный оборот, снова убедительно доказывают неправоту недружелюбных России и болгарам западных историков, утверждавших, что болгарский народ якобы пассивно относился к русско-турецкой войне и не принимал в ней участия.

Освещается в книге и реакция русской общественности на события в Болгарии во время Апрельского восстания и войны 1877—1878 годов. Беспрецедентен феномен всеобщего сочувствия со стороны всех слоев общества к истекающим кровью единоверным и единокровным братьям-болгарам. Хорошо известны факты материальной помощи болгарам не только состоятельных кругов русского населения, но и бедняков, не скупившимся на последний грош в помощь болгарам. Повествование о героической борьбе русской армии, оставившей на болгарской земле 200 тысяч солдатских могил, о самоотверженной помощи болгарского народа армии-освободительнице читаются с захватывающим интересом.

Улунян дает новую оценку позиции народников, которая отличалась разнородностью и противоречивостью. Он констатирует неспособность народников понять, что национально-освободительная борьба на Балканах была явлением прогрессивным (с. 85).

Россия сыграла главную роль в становлении независимого Болгарского государства. Русское гражданское управление в Болгарии комплектовало государственный аппарат зарождающегося государства из лиц болгарской национальности, помогало болгарскому крестьянству в решении аграрного вопроса, заботилось о создании государственно-правовых институтов в Болгарии и организации армии молодого государства, решало и многочисленные другие крупные и малые задачи.

Завершающим этапом деятельности Русского гражданского управления являлась подготовка Тырновской конституции Болгарского княжества и Восточной Румелии, которая при всех ее недостатках имела прогрессивное значение: она заложила юридические основы Болгарского государства. Так, при помощи России произошло возрождение болгарской государственности, утраченной за несколько столетий до описываемой эпохи.

Не все моменты достаточно подробно рассмотрены в содержательной книге Улуняна. Можно было бы полнее осветить позицию западных держав в восточном кризисе 70-х годов XIX века: двурушничества политику Бисмарка, поддержку Порты Англанд, присоединения Австрии на славянские территории. Более подробного освещения заслужили и причины неудач и слабости русской дипломатии, допустившей изоляцию России накануне русско-турецкой войны, не сумевшей в полной мере использовать результаты победоносной войны. Ведь не случайно Берлинский конгресс 1878 г. вызвал чувство горечи и разочарования у русских и славянских современников как акт вопиющей несправедливости. Об этих просчетах русской политики следовало бы, видимо, сказать подробнее. Книга бы только выиграла, если бы была освобождена от ряда неуместных цитат из работ «классиков марксизма-ленинизма» и высказываний деятелей коммунистической партии Болгарии.

В целом же рецензируемая монография представляет собой труд весьма полезный, актуальный, своевременный, читающийся к тому же с большим интересом.

Л. П. ЛАПТЕВА

Примечания

1. УЛУНЯН А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 годов. М. 1971; его же. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М. 1978.

Г. А. НИКОЛАЕВ. *Англо-русский исторический словарь*. М. Изд. группа «Прогресс». «Лексикон». 1995. 464 с.

Это издание пополняет ряд отраслевых словарей, потребность в которых всегда была очень большой, а сейчас особенно обострилась и как раз в области общественных наук. В частности, и потому, что за последние годы заметно расширилась лексика, используемая в социальных науках, во многом по причине развития междисциплинарных связей.

Автор поставил перед собой весьма обширную и ответственную задачу. Он стремился включить в свой словарь, «помимо чисто исторических терминов и названий исторических событий», слова,

имеющие отношение к археологии, этнографии, архитектуре, мифологии, истории религии, а также «названия древних и современных народов, государств и организаций, исторические названия современных городов и т. д.» (с. 5), подборку «имен виднейших деятелей мировой истории» (с. 5—6), особенно таких, передача которых на современный язык вызывает определенные трудности.

Заслугой автора является то, что многие термины и названия сопровождаются краткими и одновременно по большей части достаточно содержательными аннотациями. При этом автор

подчеркивает, что он стремился дать «не просто буквальный перевод термина или названия, а принятый в отечественной исторической литературе термин, проверенный по отечественным источникам» (там же). Это позволяет читателю пользоваться данным словарем и как историческим справочником. Этот опыт заслуживает положительной оценки, хотя и вызывает естественное стремление высказать многочисленные пожелания, в расчете на то, что они могли бы быть учтены в последующих изданиях словаря.

Отметим отсутствие в словаре такого необходимого приложения как подробный перечень принятых в современной социологической литературе сокращений, ставших неотъемлемой частью современного научного языка, в том числе и в исторической литературе.

Думается, автору следовало бы больше внимания уделить истории основных англоязычных стран — Великобритании, США, Канады. В этом плане шире можно было бы использовать всевозможные отечественные и зарубежные страноведческие справочники, например, такие, как «Великобритания. Лингвострановедческий словарь», вышедший вторым изданием в 1980 году.

Можно пожалеть, что в словаре отсутствуют многие термины, имеющие важное теоретическое значение для исторической науки — *historical*, *historicity*, *historism* (*historicism*) (историчность, историзм, историцизм), а также «формация» в том числе — социально-экономическая (*formation*), «процветание» (*prosperity*), «изоляция» (*isolationism*) и ряд других терминов, имеющих как общетеоретическое значение, так и конкретно-историческое приложение.

Многие соображения возникают и по содержанию аннотаций. Так, термин *county* (графство, административная единица) употребляется не только в Великобритании, но и в американских штатах.

В словаре присутствует целое гнездо терминов, связанных со словом *Act*. Стоило бы специально упомянуть, однако, и о термине «*Act of parliament*». Это не просто «парламентский акт», но закон, принятый обеими палатами и получивший королевскую санкцию. Попутно можно было привести и термин «*royal assent*» (королевская санкция). Применительно к термину «*Act of Supremacy*» (1534) можно было бы указать, что данный акт провозглашал монарха главой англиканской церкви и узаконил разрыв с римско-католической церковью, подтвердив при этом сохранение католических обрядов и догматов. В этом же гнезде заслуживал упоминания и термин «*Act of union*» (англо-валлийской, англо-шотландской уний). Недостаточна аннотация к термину «*Act of Uniformity*», подразумевающему единообразию англиканского богослужения.

Более подробной аннотации заслуживали термины, связанные со словом *baron* (барон). Термин «*department*» в современной литературе переводится и как управление, министерство, кафедра.

В словаре приведены даты жизни трех английских монархов: Виктории, Эдуарда VII и Эдуарда VIII, но не указаны даты их пребывания на британском троне.

Автор упоминает о римском оборонительном сооружении «Адрианове вале», но не указывает, что это наименование происходит от имени римского императора Адриана, известного своим эдиктом о применении юридических норм римской общины к племенам и народам, вошедшим в состав Римской империи.

Мы привели лишь некоторые примеры, свидетельствующие о том, что при переиздании словаря автору и издательству следует строже подойти к выработке и соблюдению единых требований в отборе терминов и их аннотировании.

К. Е. РОГОВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Дилетантизм в исторической хронологии

10 февраля 1996 г. исполняется год с момента издания закона «О днях воинской славы (победных днях) России». В его преамбуле сообщается, что данный закон устанавливает «дни славных побед, которые сыграли решающую роль в истории России и в которых российские войска снискали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков»¹. В перечне дней воинской славы — Ледовое побоище Александра Невского, Полтавское сражение и другие военные события², которые всегда были и будут памятными и яркими страницами нашей истории. Однако, к сожалению, при подготовке закона не были учтены особенности отечественной календарной системы.

Не вдаваясь в подробности истории календаря в России³, напомним, что в нашей стране ныне действующий григорианский календарь был введен лишь в 1918 г., позже других государств. До этого времени в течение столетий, точнее — с принятия христианства в конце X в., в обиходе был юлианский календарь, появление которого в 46 г. до н. э. связано с именем Юлия Цезаря. На церковном соборе в Никее (325 г.) юлианский календарь был принят к употреблению в христианском мире. Однако при всех своих достоинствах он обладал и существенным недостатком, заключавшимся в систематическом отставании его от тропического года. Неудивительно, что вопрос о совершенствовании юлианского календаря поднимался не раз в течение X—XV вв. в политических, религиозных и научных кругах Европы.

В 1582 г. специальная комиссия, возглавлявшаяся римским папой Григорием XIII, реформировала юлианский календарь. Суть изменений состояла в следующем. Накопившаяся к тому времени разница между тропическим годом и юлианским календарем в 10 суток была устранена: папским декретом католикам было предписано 5 октября

1582 г. считать 15 октября. В целях большего приближения календарного года к тропическому было также решено уменьшить количество високосных лет. Отныне в каждые четыре столетия високосных лет становилось на три меньше, чем раньше. Эта новая календарная система, названная григорианской, отстает от тропического года на 1 сутки только за 3500 лет, в то время как при юлианской системе — каждые 128 лет.

Григорианский календарь сразу же был принят в римско-католических странах — Италии, Испании, Португалии. Во Франции он введен в декабре 1582 г., в протестантских же странах позже: в германских государствах — в феврале — марте 1700, в Англии — в августе — сентябре 1752 г., Швеции — в феврале — марте 1759 г.⁴ Что же касается народов, исповедовавших православие, то они приняли новый календарь еще позже. России решение о переходе на григорианскую календарную систему далось нелегко. Достаточно напомнить, что даже Д. И. Менделеев, участвовавший в 1899 г. в специальной комиссии при Русском астрономическом обществе, не смог убедить правительственных чиновников и Николая II в необходимости такого перехода⁵. Григорианский календарь в России был введен декретом Совета Народных Комиссаров от 24 января 1918 г., согласно которому после 31 января было решено считать сразу 14 февраля. (К этому времени разница между юлианским календарем и тропическим годом составила уже 13 суток.)

Одновременное существование в различных странах разных календарей заставляло людей освоить перевод дат с одной календарной системы на другую. В России уже с XVII в. хорошо знали, что разница между юлианским и григорианским стилями — число непостоянное, и она с 2 марта 1700 г. составила 11 дней, с 1 марта 1800 г. — 12 дней

и с 1 марта 1900 г. — 13 дней. Русские дворяне, по указу Петра I отправлявшиеся в западные страны учиться или на службу, сталкивались с григорианским счетом на практике. Князь Б. И. Куракин, бывший в начале XVIII в. в Голландии, записал в своем дневнике: «В Галандии алреля на нашем календарю 20, а по их — первых чисел мая начинается весенняя теплота и погода добрая», «1706, мая 1 число. А сегодня по их календарю 12 майя»⁶. И в дальнейшем российские политики хорошо ориентировались в соотношении дат. Э. И. Бирон писал русскому посланнику в Варшаве Кейзерлингу 6 января 1736 г.: «Я имел удовольствие... получать ваше приятное письмо от 5-го января нового стиля»⁷. В другом письме Кейзерлингу от 5 апреля 1736 г., сообщая о событиях в России, он употребляет при датировке «ст. ст.»⁸. Василий Рубан издал в Петербурге «любопытный месяцеслов на 1775 год, изъясляющий и на все простые лета, кроме высокосных, числа или дни месяцев, по старому и новому стилю, то есть грекороссийского и грегорианского, немцами и всею почти Евролою употребляемого». Издатель пояснял в «предуведомлении», что «для пользы общества вздумалось мне выдать любопытный месяцеслов... Для получающих из чужестранных мест книги и газеты, где по большей части ставят дни месяцев по новому стилю, то есть грегорианскому календарю, упреждающему старый или наш месяцеслов 11 днями»⁹. Это же отмечал в 1787 г. и издатель «Нового детского месяцеслова» Федор Туманский: «По нововведенному в Европе календарю новый год в прочих государствах предупреждает нас одиннадцатью днями»¹⁰.

Екатерина II в своей переписке с Вольтером всегда указывала, по какому календарю она сообщает ему о том или ином событии. Так, 6(17) октября 1771 г. она писала о «печальном приключении» (чумной эпидемии), «случившемся в Москве с 15 на 16 число октября месяца по старому стилю»¹¹. В свою очередь Вольтер 12 августа 1773 г. писал: «Всемиловитвейшая государыня! Прежде всего позвольте... облобызать мне письмо Ваше, писанное из Петербурга от 30 июля по греческой Вашей хронологии, которая однако же не лучше нашей. Впрочем, каким бы образом времена мы не изчисляли, но Вы свои дни считаете по победам»¹². В отличие от Екатерины II, легко пользовавшейся в своих письмах за границу старым и новым стилями, Павел I предпочитал держаться юлианского календаря. Из академического календаря на 1800 г. он повелел изъять статью С. Я. Румовского «О календаре или месяцеслове вообще», в которой разъяснялось, почему разница между новым и старым стилями составляла до 1800 г. 11 дней, а с 1800 г. — 12 дней¹³.

То, что в XX в. (точнее с 1 марта 1900 г.) разница между этими стилями составила 13 дней, теперь общеизвестно, хотя бы уже потому, что в течение нескольких десятилетий советской истории ежегодно 7—8 ноября отмечались револю-

ционные события, происшедшие в ночь на 26 октября 1917 г. по старому стилю.

Тем большее недоумение вызывают некоторые установленные Федеральным законом дни воинской славы. В самом деле, 18 апреля объявлено днем «победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 год)». Разработчики закона исходили, как видно, из того расчета, что к хорошо известной дате этого исторического события, указанной в источниках (например, в летописях) по юлианскому календарю (старому стилю) 5 апреля, следует добавлять 13 дней, чтобы перевести ее на григорианский календарь (новый стиль). Между тем разница в 13 дней наступила только с 1 марта 1900 г., тогда как в XIII в., о котором идет речь, отставание счета составляло 7 дней, и, стало быть, переводя юлианскую дату 5 апреля на григорианский стиль, получим 12 апреля.

Подобный просчет допущен и в отношении других исторических дат: день победы над татаро-монгольскими войсками в Куликовской битве предписывается отмечать 21 сентября, тогда как следовало бы 16-го, т. к. битва произошла 8 сентября 1380 г., а в XIV в. разница стилей составляла 8 дней. Точно так же неверно намечено на 7 ноября празднование дня «освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (1612 год)» (правильно — 5 ноября, поскольку событие произошло 26 октября 1612 г., причем в XVII в. юлианский календарь отставал от григорианского на 10 дней).

Ошибочная установка законодателей, полагающих, что григорианский стиль всегда опережал юлианский на 13 дней, сказалась и на установленной ими дате празднования «победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 год)» — 10 июля. Правильно было бы 8 июля, так как по старому (юлианскому) стилю Полтавское сражение произошло 27 июня 1709 г., а разница стилей для XVIII в. — 11 дней. Соответственно следует исправить и другие памятные даты: морское сражение при мысе Гангут — не 9, а 7 августа (27 июля по старому стилю 1714 г. плюс 11 дней); взятие Измаила — не 24, а 22 декабря (11 декабря по старому стилю 1790 г. плюс 11 дней); победы русской эскадры над турками у мысв Тендра — не 11, а 8 сентября (сражение началось 28 августа 1790 г. и закончилось на следующие сутки, плюс 11 дней); Бородинское сражение — не 8, а 7 сентября, или 26 августа по старому стилю 1812 г. при разнице между стилями для XIX в. в 12 дней; победа при Синопе — не 1 декабря, а 30 ноября (18 ноября по старому стилю 1853 г. плюс 12 дней).

Та же ошибка свойственна книге Ю. К. Безелянского «От Рюрика до Ельцина. Календарь российской империи» (М. 1993. 352 с.). «Почти во всех прежних календарях, изданных в советское вре-

мя,— сообщает автор в предисловии,— все даты приведены по новому стилю, то есть все исторические события пересчитаны на новые числа (и соответственно нарушена магия чисел). На этот раз мы восстановили(!?) историческую справедливость и то, что было до введения нового календаря, дали по старому стилю, имея в виду, что Бородинское сражение 1812 года было все же 26 августа, а не 7 сентября, как мы отмечаем ныне. Восстание декабристов произошло 14, а не 26 декабря» (с. 3—4). «Магия чисел» привела Безелянского к полному забвению правил пересчета, и под одним числом им приводятся события, реально совершившиеся в разные эпохи вовсе не в один день. По Безелянскому, 19 февраля ознаменовалось и рождением в 1800 г. поэта Е. А. Баратынского (по новому стилю 2 марта), вступлением на престол Александра II, его манифестом об освобождении крестьян (1861 г.), и указом Президиума Верховного Совета СССР «о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» (1954 г.), и отменой Союзом писателей своего решения об исключении Бориса Пастернака из членов Союза (с. 45). Если первые три события по григорианскому (новому) стилю произошли 2 марта, то последние два действительно 19 февраля и, следовательно, отмечать их в один день, с точки зрения исторической хронологии, никак нельзя.

Произвол в пересчете дат дополняется и другими ошибками и неточностями (не говоря уже при этом о своеобразии авторских оценок и субъективизме в отборе памятных дат). На с. 5 под рубрикой «1 января» сообщается, что в 1700 г. «Петр I повелел встречать Новый год и летосчисление вести не от сотворения мира, а на западный образец — от Рождества Христова». На самом же деле этот указ был издан 19 декабря 1699 г.¹⁴ На с. 9 под рубрикой «5 января» Безелянский утверждает, что в это день Иван IV объявил о введении опричнины. На самом же деле это произошло 3 января 1565 г.¹⁵ О 8 января говорится, в частности, что в этот день в 1570 г. «в Новгород прибыл Иван Грозный. Началось „Новгородское дело“» (с. 11). В действительности опричный погром в Новгороде начался еще 2 января, а царь въехал в город 6 января¹⁶. Под 24 января Безелянский помещает сообщение о том, что в этот день в 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил Декрет о введении в Российской Республике «западноевропейского (?) календаря». Между тем в действительности речь идет о переходе 1 февраля 1918 г. с юлианского на новый, григорианский календарь, а что касается «западноевропейского» счета времени, то он был введен еще упомянутым выше указом Петра I.

Старый и новый стили используются автором при указании на дни рождения А. С. Пушкина, А. П. Чехова, И. А. Крылова, Н. С. Лескова и др. (с. 30, 34, 45 и др.). Например, на с. 21 в рубрике «17

января» указано: «1860. — 17(29) родился Антон Чехов. Наш неуязвимый классик», а через несколько страниц под рубрикой «29 января»: «1860 — по новому стилю в этот день мы отмечаем день рождения Антона Павловича Чехова» (с. 30). Неплохо в тексте книги авторских ремарок о событиях, отнести которые к определенному стилю затруднительно. В частности в рубрике «1 июля» помещено известие о рождении в этот день в 1798 г. прусской принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I (с. 155). Так как все последующие события в этом разделе даются им по старому стилю (сочинение Пушкиным сонета «Позлу» в 1830 г., рождение Н. А. Рубакина в 1862 г. — будущего издателя, рождение в 1869 г. М. О. Гершензона — историка литературы и др. факты), то логика требует отнести и дату рождения принцессы Шарлотты к юлианскому календарю, в то время как она, конечно, дается по григорианскому стилю, принятому в протестантских германских государствах в самом начале XVIII века.

Некоторые авторские сообщения создают ничем не объяснимую неразбериху: на с. 51 под 28 февраля говорится, что в этот день в 1712 г. состоялось «основание Тульского оружейного завода», а на с. 102 под 28 апреля снова утверждается, что именно в этот день 1712 г. «основан Тульский оружейный завод». Одним словом, с автором можно согласиться в том, что несмотря на введение в России с 13 февраля 1918 г. нового (григорианского) календарного стиля, «путаница, чересполосица в датах старого и нового стиля в книгах, в журналах, в газетах сохраняется и по сей день. В России все трудно, даже с календарями» (с. 41). Это верно и в отношении сочинения самого Безелянского.

Провозглашенный автором принцип — указывать старый стиль до 1918 г. не выдерживается во многих случаях. На с. 196 Безелянский пишет, что 18 августа 1697 г. «ранним утром Петр I под именем Петра Михайлова прибыл в Зандам (Голландия), чтобы обучиться мастерству и перенять зарубежный опыт». Действительно, Петр I впервые посетил Заандам (так следует указывать название этого города, а не Зандам или Свардам, как нередко делается в исторических работах) 18 августа 1697 г., но это по григорианскому календарю, по юлианскому же (по старому стилю) это произошло 8 августа: день прибытия царя записан в церковной метрической книге пастором лютеранского прихода в Заандаме, в которой сообщается, что «минувшего 18 августа (8 по старому стилю) в 8 часов утра царь и великий князь московский Петр Алексеевич на кельнской шкуте с 6 москвитянами прибыл сюда... инкогнито и жил 8 дней в Кримпенбурге у кузнеца»¹⁷.

Число таких хронологических несуразностей, встречающихся в книге, велико и исправление их всех заняло бы много места. Приведенные примеры лишь свидетельствуют о допущенных

отступлениях от научно обоснованных правил определения дат. Но здесь есть еще и другая сторона. Историей у нас нередко спешат заниматься люди, дилетантизм которых в познании прошлого прямо пропорционален их самоуверенности. Отсюда и результаты, о которых говорить приходится только с горечью.

*А. Е. Чекунова, доцент
А. И. Комиссаренко, профессор*

Примечания

1. Российская газета, 15.III.1995.
2. Данью старой мифологии выглядит, однако, в ряду военных побед упоминание боевых событий под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 г., не имевших места в действительности. См.: Военно-исторический журнал, 1964, № 5; КАРДИН В. Легенды и факты.— Новый мир, 1966, № 2; НИКОЛАЕВ П. А. На защиту Петрограда! Л. 1986.
3. СЕЛЕШНИКОВ С. И. История календаря и хронология. М. 1972, с. 153—164.

4. Там же, с. 69—70; ЕРМОЛАЕВ И. П. Историческая хронология. Казань. 1980, с. 98—99.
5. СЕЛЕШНИКОВ С. И. Ук. соч., с. 160.
6. Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705—1710. В кн.: Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб. 1890, с. 162.
7. Сб. Русского исторического общества. Т. 33. СПб. 1899, стб. 1881, с. 455.
8. Там же, с. 464.
9. Любопытный месяцеслов на 1775 год. СПб. 1775, с. 2.
10. Новый детский месяцеслов. СПб. 1787, с. 2.
11. Переписка российской императрицы Екатерины Вторья с г. Волтером с 1763 по 1778 год. Ч. 1. СПб. 1802, с. 51.
12. Там же, с. 163.
13. Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 4. М. 1966, с. 244.
14. Полное собрание законов Российской империи (1-е). Т. 3. №№ 1735, 1736.
15. ЗИМИН А. А., ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М. 1982, с. 105.
16. Там же, с. 120.
17. БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Петр I. Т. 1. М. 1941, с. 130.

Не подлежит забвению

Несколько лет тому назад мне в руки попал номер журнала «На штурм трассы» со следующими выходными данными: «Ежемесячный литературно-художественный журнал Дмитлага НКВД СССР», № 4 (21), апрель 1936 года. На его титульном листе сверху имепась надпечатка: «Не подлежит распространению за пределы лагеря», а справа от нее — популярный в те годы лозунг: «Труд в СССР стал делом чести, делом доблести и геройства». Уже первое знакомство с этим, между прочим, неплохо иллюстрированным, изданием, с одной стороны, приоткрыло одну из завес над тщательно замалчиваемой долгие годы историей Дмитлага ОГПУ (с 1934 г. — НКВД), с другой — оставило ряд вопросов, разгадка которых пришла позднее. Кто такой, например, Роман Мирон — автор помещенного на страницах журнала небезытересного очерка «Два Дмитрова» и какова его дальнейшая судьба? Те же вопросы вызывали имена художника Глеба Куна (ему принадлежали графические иллюстрации) и других авторов журнала.

Тогда же в научном архиве нашего музея я обнаружил документы, отражающие перипетии борьбы сотрудников Музея Дмитровского края с всеильным начальником управления МВС Л. Коганом, претендовавшим на территорию Борисоглебского монастыря, где в те годы размещался музей и архив, завершившейся арестом почти всего научного коллектива музея во главе с его заве-

дующим — К. А. Соловьевым в январе 1933 года. Ознакомился я и с документами и редкими изданиями, в том числе с «техничко-экономическим» журналом «Москва — Волгострой», менее «секретными», нежели упомянутый выше, и прошло немало времени, прежде чем удалось впервые в открытой печати опубликовать некоторые материалы о закулисной стороне «великой сталинской стройки» первых пятилеток.

Канал Москва — Волга (с 1947 г. — канал им. Москвы) уже для нескольких поколений жителей столицы и севера столичной области стал привычным элементом пейзажа и популярным местом отдыха. В различных изданиях 50—80-х годов приводятся сведения о времени строительства канала, протяженности его трассы, гидросооружениях и т. п., в буклетах и путеводителях воспроизводятся виды канала и шлюзов, среди которых, пожалуй, наиболее часто — шлюз № 3, интереснейший по своему архитектурному облику. В целом канал им. Москвы был и остается одним из самых крупных и уникальных, и не только в масштабе нашей страны, гидротехнических сооружений, в том числе и благодаря их архитектуре. Сохраняется и роль канала, предусмотренная, кстати, уже в самом замысле, в снабжении Москвы и частично Подмосквья водой, в том числе путем обводнения Моквы-реки и создания системы водохранилищ, и в меньшей мере (особенно в последнее время) как судо-

ходной артерии, связавшей самым близким путем Москву с Волгой.

Однако за всеми этими «техническими» подробностями оставался до последнего времени в тени труд сотен тысяч строителей канала и их судьбы. Лишь недавно стали появляться в открытой печати публикации о Дмитлаге и его узниках. Активные разыскания в этом направлении ведет, в частности, редактор газеты «Дмитровский вестник» Н. А. Федоров, который и ознакомил меня несколько лет назад с архивной выпиской из дела работников культурно-воспитательного отдела печати Дмитлага, осужденных по печально знаменитой 58-ой статье и расстрелянных летом 1937 года.

Среди 200 с лишним фамилий осужденных по этому делу я увидел фамилию журналиста Романа Тихомирова (вот он, искомый «Роман Миров»), а также других уже «знакомых» мне авторов журнала «На штурм трассы» — Л. Могилянскую, Н. Жигульского, Г. Куна. А затем перед нами раскрывались трагические судьбы талантливого художника Константина Соболевского (расстрелянного в 1937 г. в возрасте 25 лет!), Игоря Терентьева — одного из знаменитых режиссеров авангардного «левого» театра 20-х годов, до повторного ареста и расстрела (в 1937 г.) — руководителя централь-

ной агитбригады Дмитлага. Пожалуй, наиболее сложной и неординарной оказалась судьба Н. В. Некрасова, известного государственного деятеля и ученого, депутата Госдумы, а затем министра в трех составах Временного правительства, работавшего инженером (что в какой-то мере близко к его прежней специальности мостостроителя) на Белбалтлаге, а с 1933 г. — на строительстве канала Москва — Волга, награжденного по окончании стройки орденом, а затем снова арестованного и расстрелянного в 1940 году. А впереди — воссоздание десятков, может быть, сотен судеб, если иметь в виду только представителей интеллигенции, осужденных по 58-ой статье. Как мы знаем из документов и воспоминаний, не менее трагичными зачастую оказывались судьбы осужденных по «обыкновенным», уголовным статьям. Все они вызывают к нашей памяти.

По инициативе общественности в Дмитрове создан оргкомитет по подготовке к 60-летию канала им. Москвы. Среди других мероприятий, намеченных оргкомитетом, — проведение научной конференции, посвященной истории строительства канала и Дмитлага. Адрес музея: 141800, Дмитров, Московской обл., Историческая пл., 12.

Р. Ф. Хохлов, Дмитров

Contents

The Political Archives of the XXth Century. The Crisis of Supply in 1939—1941 in the Letters of Soviet People. (An Introduction of E. A. Osokina). Articles: A. Ju. Davydov. Free Cooperation in Russia (till October 1917); I. V. Pozdeeva. The first Romanovs and an Idee of Tsarism (in the XVIIIth Century). Historical Profiles: V. S. Parsadanova. Juzef Pilsudski. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. History and Fates: The Report for Elected by A. V. Golovnin. (An Introduction by B. D. Galperina). Publications: The Correspondence of the Right and other Materials about their Activity in 1914—1917. (An Introduction by Ju. I. Kirjanov). Communication. B. P. Baluev. The Case of A. A. Lopukhin. People. Facts. Events. A. I. Eremin. So Was the Beginning of the Socialist Revolutionaries' Party; G. Ozelius, M. Ju. Chukanov. The Father of Geopolitics about Russia as the Great Power; M. I. Salonikys. Samara Scientific Expedition of 1879. Historiography: Reviews on Books. History of Europe. From the Middle Ages to Modern Times (in the late XVth—the first half of XVIIth Century). Volume 3; Russia and Germany in the Years of War and Peace (1941—1995); Ju. P. Sharapov. The Lyceum in Sokolniki. An Essay of History of Moscow Institute of History, Philosophy and Literature after N. G. Chernyshevskij (1931—1941); M. V. Baglaj. The Road to Freedom; A. A. Ulunjan. Russia and Liberation of Bulgaria from the turkish Yoke in 1877—1878; G. A. Nikolaev. An English-Russian Historical Dictionary. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 1, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 01.12.95. Подписано в печать 25.1.96. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18.38. Тираж 11000. Заказ № 1281. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**